
1
В. Осеева

В. Осеева
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1

В. Осеева

МОСКВА
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

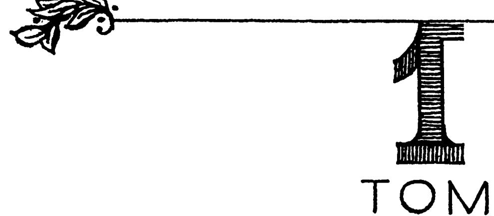

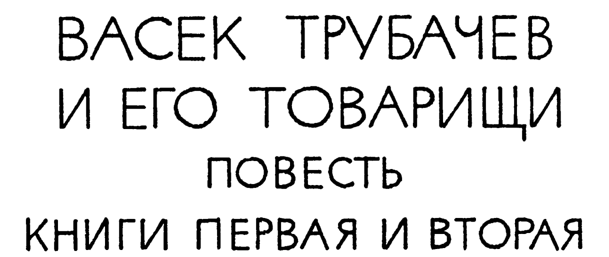

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

1 ТОМ

ВАСЕК ТРУБАЧЕВ И ЕГО ТОВАРИЩИ

ПОВЕСТЬ

КНИГИ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ

Р2
О-72

Оформление А. Ганнушкина

Рисунки Г. Фитингофа

О $\frac{4803010102-460}{М101(03)84}$ Подп. изд.

ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО

Я дружил с Валентиной Александровной Осеевой... И сохранил память об этой дружбе, как о большом счастье, выпавшем на мою долю. Она жила так, как учила жить других: была доброй и честной, смелой и рыцарски благородной.

Валентина Осеева... А рядом с ней — Лев Кассиль, Николай Носов, Алексей Мусатов, Любовь Воронкова. Мои дорогие и незабвенные старшие друзья! Они обращались к уму и сердцу подростков, наших пионеров и комсомольцев. Их, как и выдающихся мастеров, творчество которых обращено главным образом к самым юным читателям,— Самуила Маршака, Корнея Чуковского, Сергея Михалкова, Агнии Барто, Виталия Бианки — мы давно уже именуем создателями и самоотверженными, талантливыми строителями советской детской и юношеской литературы. Той литературы, которую Алексей Максимович Горький называл «великой державой».

Уход из жизни для большого писателя вовсе не означает, что путь его кончился. Нет, этот путь продолжается его творчеством, его книгами.

Вот уже много лет мы не слышим голоса Валентины Александровны Осеевой, но голос ее книг звучит все так же проникновенно, волнующе, по-боевому. Да, по-боевому, потому что эти произведения — всегда в борьбе. Обращаясь к делегатам IX комсомольского съезда, Николай Островский писал, что все время слышится ему команда: «Приготовьсь к бою!» Ту же команду постоянно ощущала и Валентина Осеева. Приготовьсь к бою... За нашу родную Советскую власть, за ее идеалы гуманизма и справедливости! Этой готовностью к сражениям за правду и счастье народное одухотворены и главные герои всех книг Валентины Осеевой.

Хочу напомнить, что именно в нашей детской литературе произошло событие, какого не знала ни одна другая литература: герой, созданный талантом писателя,— гайдаровский Тимур — шагнул с книжных страниц в жизнь, создал патриотическое движение миллионов юных патриотов, своих последователей — рыцарей добра и отваги с алыми галстуками на груди.

Нечто подобное произошло и с юным героем В. Осеевой Васьком Трубачевым. «Васек Трубачев и его товарищи» — это не просто персонажи повести, они — друзья, единомышленники,

а в чем-то и наставники, благородные советчики наших ребят, юных читателей. Ваську Трубачеву тоже пишут письма как реально существующему человеку, его смелым и благородным поступкам стремятся следовать. И нет для детского писателя большего счастья! Нет для него большей гордости, чем осознавать, что его герой, оставшись в книге, в то же время вступил в большую жизнь. Происходит такое чудо, когда герой книги не только принят юными читателями в свою дружную семью, но и признается боевым пионерским вожаком!..

А разве Динка, романтически устремленная, правдивая, смелая в каждом своем поступке, не стала родной, близкой в семье наших юных граждан! Она подает пример, достойный восхищения и подражания. Подает его и словом и отважными своими деяниями.

Писательница Валентина Осеева придавала слову, разумеется, очень большое значение. Во-первых, потому, что оно — слово! — было главным и столь надежным строительным материалом ее произведений. А во-вторых, она понимала, как важна роль слова в человеческих взаимоотношениях: им можно окрылить, вдохновить, а можно и тяжко ранить. Цикл рассказов Валентины Осеевой «Волшебное слово» стал своеобразным сводом моральных законов, которые должны быть в основе отношений между людьми и нарушение которых недопустимо. Но изложены эти святые законы не назидательно, а языком увлекательных историй, сюжетов, пришедших в рассказы, были и притчи из самой жизни. Вот какие сложные задачи поставила перед собой писательница, создавая эти произведения. Поставила и блестяще решила... А ведь адресован-то цикл читателям младшего возраста. И это закономерно: с малолетства надо постигать высокую науку человеческого общения!

Многие издания, которые преподносят сейчас юному читателю на буржуазном Западе, отравлены безнравственностью, расовым высокомерием, человеконенавистничеством. Зачем бизнесу вечное? Ему нужно модное: купил, поносил или полистал — покупай другое! Так и идет оголтелое наступление на «разумное, доброе, вечное».

Этой агрессии жестокости и невежества мы противопоставляем нашу социалистическую культуру и, в том числе, советскую детскую и юношескую литературу, рожденную Октябрем. Противопоставляем волшебное слово, исполненное гуманизма, страстно проповедующее мир, взаимопонимание и братство между людьми. Этим прекрасным целям служат и талантливые произведения Валентины Осеевой.

Анатолий Алексин

Книга
Первая

Глава 1

НОВОГОДНИЙ ПРАЗДНИК

В школе шли последние приготовления к празднику. В пионерской комнате, разложив на полу лист бумаги, мальчик в синей куртке с белым воротником, лежа на животе, выводил красной тушью громадные цифры: «1941 год».

В большой зал дверь была закрыта. У двери толпились школьники и школьницы, пытаясь заглянуть в щелку или незаметно прошмыгнуть в зал. На страже, прислонившись спиной к двери, стоял белобрысый мальчуган. Он молча и решительно отталкивал любопытных, показывая всем своим видом, что скорее умрет, чем пропустит кого-нибудь без разрешения вожатого.

В зале вожатый отряда, ученик девятого класса Митя Бурцев, вместе с ребятами натягивал провода с разноцветными лампочками. Складная лестница шаталась под его ногами.

— Ребята, не зевайте там! Держите лестницу! Так можно лампочки побить.

Поднявшись еще выше, Митя укрепил провода и весело крикнул.

— Включай!

Цветные огоньки вспыхнули, теряясь в густых ветвях новогодней елки.

Елку украшали девочки с учительницей второго класса.

Учительница стояла на табурете, а девочки подавали ей шары и бусы, осторожно выбирая их из картонок.

— Ой, Марья Николаевна! Этот шар как фонарик!

— А вот с серебром! Девочки, с серебром!

— Давайте, давайте скорее! — торопила их Марья Николаевна, поглядывая на часы.— Гости ждут.

— А выставка еще не готова!

В глубине зала ребята заканчивали выставку. Полочки и лесенки с широкими ступеньками были задрапированы темной материей. Небрежно раскинутые коврики и вышитые платочки ярко выделялись на темном фоне. Внизу стояли модели самолетов, моторных лодок. Ледокол, выкрашенный в голубую краску, разрезая острым носом волны, искусно сделанные из материи, как бы плыл навстречу школьникам.

У каждого класса здесь было отдельное место, и к каждой вещи была приколота бумажка с фамилией того, кто ее сделал.

Несколько ребят из четвертого класса «Б» озабоченно советовались между собой.

Саша Булгаков, староста класса, в сотый раз переставлял на полках вещи и, одергивая свою сатиновую рубашку, с досадой говорил:

— Мало, эх, мало!

— Малютин уже пошел. Картину принесет,— успокаивал Сашу Коля Одинцов, вытирая тряпкой запачканные тушью пальцы.

— Эх, а табличку-то не прибили! — Леня Белкин сбросил

ботинки и проворно вскарабкался на лесенку, держа над головой молоток. Между вещами замелькали его синие носки.

— Тише ты! Наступишь на что-нибудь!

К выставке подбежала девочка. Короткие тугие косички прыгали по ее плечам. Она кого-то искала.

— Зорина, ты чего?

— Как — чего? — Лида Зорина посмотрела на ребят быстрыми черными глазами.— Вы тут стоите, а внизу уже гости собрались. Где Трубачев? — Она поднялась на цыпочки.— Васек! Трубачев!

От группы ребят из другого конца зала отделился мальчик и подошел к товарищам. Его мигом окружили:

— Ну как, Трубачев?

— У них тоже здóрово! Я все посмотрел!

— Лучше, чем у нас?

Трубачев тряхнул золотистым чубом. Синие глаза его лукаво блеснули.

— Нет, не лучше,— сказал он, широко улыбаясь.— Честное слово, ребята, не лучше! Да еще если Севка Малютин картину принесет, да Мазин и Русаков какие-то штучки — тогда и вовсе живем! — Трубачев притопнул каблуками, шлепнул по спине Белкина.— Живем!

Девочки запрыгали:

— У нас лучше! У нас лучше!

— Мазин и Русаков идут! — запыхавшись, сообщил Медведев.— Я их на лестнице видел.

Впереди, крепко ступая, шагал плотный, коренастый Мазин. Рядом, стараясь попасть с ним в ногу, торопился маленький, подвижной Петя Русаков.

— Вот они — закадычные друзья!— объявил Белкин.

— Мало вещей? — коротко спросил Мазин, засунул руку за пазуху и вытащил гладкий черный пугач. Он был начищен до блеска, на рукоятке стояли буквы: «Р. М. З. С.».

Мазин снова засунул руку за пазуху. Ребята глядели на него выжидающе. Он вытащил складной лук. Петя Русаков расстегнул куртку и снял с пояса пучок стрел с блестящими наконечниками.

— Ух ты! Здо́рово! Вот здорово! — одобрительно зашумели вокруг.

Трубачев, забыв про выставку, разглядывал пугач.

— Р. М. З. С.! — громко прочитал он.— Мазин, что за буквы?

— Трубачев, покажи! Дай подержать, Трубачев! — кричали ребята.

— Подождите!

Трубачев нетерпеливо дергал Мазина за рукав:

— Р. М. З. С.— что это?

Русаков лукаво усмехнулся:

— Это буквы!

— Это фабрика! — догадался кто-то.

— Какая фабрика! Это они сами делали!.. Мазин, говори! Ну чего ты ломаешься!

Мазин взял из рук Трубачева пугач, повертел его, надул толстые щеки и равнодушно сказал:

— Много будете знать — скоро состаритесь.

— Ого! Тайна! — фыркнул Леня Белкин, поднимая белесые брови и поглаживая свой колючий затылок.— Ребята, тайна!

Лида Зорина и несколько девочек бросились к Мазину:

— Мазин, скажи, скажи!

Мазин отстранил их рукой и сгреб в кучу все вещи.

— Берете или не берете на выставку?

— Степанова,— крикнул Трубачев,— возьми вещи!

Валя Степанова собрала все вещи в передник, потом взяла в руки пугач, близко поднесла его к близоруким глазам, внимательно рассмотрела буквы, погладила полированную рукоятку. Так же, не спеша, разглядела лук и стрелы и тихонько сказала:

— Сейчас развешу.

В зал поспешно вошел мальчик. Он держал в руках кусок фанеры, закрытый материей. Глаза его сияли, на бледном лице выступили капельки пота.

— Вот, принес! — задыхаясь, сказал он, снял материю и поставил картину к стене.

Ребята присели на корточки.

На картине Севы Малютина высились горы, густо покрытые

белым снегом. У подножия гор поднимались прямые коричневые сосны. Под соснами стояла группа бойцов. Молодой командир поднимал вверх красное знамя. На виске у него было пятно крови, кровь стекала по щеке. Из глубокой воронки разлетались во все стороны грязно-серые брызги.

На картине стояла надпись, сделанная рукой художника: «Разрыв гранаты».

— Война! — шепотом сказал Саша.

Кто-то нашел сходство командира с Трубачевым.

— Ты настоящий художник, Сева! — растроганно сказал Трубачев.

Мазин с видом знатока прищурил один глаз и ткнул пальцем в картину:

— Пририсуй танки!

Все засмеялись.

В зале вспыхнул свет.

Темно-зеленая елка засверкала бусами. Все заторопились, заспешили.

Мальчик в коротких штанишках пробежал через весь зал, забрался в уголок дивана и, потирая пухлую коленку, стал разучивать по бумажке приветствие гостям:

— «Дорогие наши гости! Мы, самые младшие ученики этой школы, вместе с нашими учителями и старшими товарищами приветствуем вас от лица всей школы... от лица всей школы...»

Песни, смех и беготня отвлекали внимание мальчика, он то и дело путал слова, громко повторяя:

— «Дорогие наши гости! Вы, самые младшие ученики этой школы, вместе с нашими школьными учениками...»

Учительница, пробегая мимо с красками в руках, прислушалась, подсела к малышу и взяла у него из рук бумажку:

— Давай вместе!

— Трубачев! Булгаков! У вас все готово? — крикнул издали Митя.

— Все готово! — ответил Трубачев, устанавливая картину.

— Ну, так расходитесь. Сейчас начинать будем. Тащите стулья!

Ребята бросились расставлять стулья. Через минуту двери

широко раскрылись. Шумной, нарядной толпой вошли родители. Их сопровождал сам директор Леонид Тимофеевич. На лице его была особая, праздничная улыбка, стекла очков блестели, отражая сразу и разноцветные огоньки елки и веселые лица родителей.

— Милости просим! Милости просим! — говорил он, широко разводя руками и кланяясь.

Васек увидел в толпе своего отца. Павел Васильевич принарядился: голубая сатиновая рубашка его была тщательно разглажена, и только галстук, по своему обыкновению, чуть-чуть съехал в сторону. Голубые глаза и рыжеватые усы придавали его лицу веселое, озорное выражение. Увидев сына, он обрадовался и ни с того ни с сего удивился:

— Ба! Рыжик! Ну, давай, давай, хлопочи, усаживай!

— Сюда, сюда, папа!

Васек потащил отца ближе к маленькой сцене, на заранее приготовленное местечко. По пути отец попробовал пригладить на лбу сына золотисто-рыжий завиток, но он, как вопросительный знак, торчал вверх.

Павел Васильевич махнул рукой, вынул из кармана сложенный вчетверо носовой платок и сунул его мальчику:

— Нá, запасной.

Васек громко на всякий случай высморкался и быстро сказал:

— Героев видал, пап? Это ученики нашей школы. Сейчас!.. Вот идут! Смотри, смотри!

Он сорвался с места и исчез в толпе.

В проходе между стульями пробирались трое военных. Их встречали радостными криками. Они смущенно улыбались, с трудом продвигаясь к сцене. Там недавних участников боев с белофиннами приветствовали учителя и директор.

Старенькая учительница торопливо протирала платком очки.

— Алеша... Бориска... Толя...— припоминала она своих бывших воспитанников.

— Переросли! На целую голову переросли своего директора! — шумно радовался Леонид Тимофеевич.

К сцене подошел старик — школьный сторож. Черные с

проседью волосы его были расчесаны на прямой пробор. Он опирался на суковатую палку.

— Иван Васильевич! Грозный!

Три пары рук подхватили старика и поставили на сцену.

— Есть Грозный! Есть! Никуда не делся! — Старик вытер усы.— Ну-ну, выросли... вылетели птенцы... орлами воротились,— бормотал он, присаживаясь к столу.

В зале снова зашумели, захлопали в ладоши. Наконец все стихло.

Мальчик в коротких штанишках, путаясь, сказал приветствие и, закончив его торопливой скороговоркой, спрятался за спину своей учительницы.

Потом долго и прочувствованно говорил директор.

Перед глазами у всех вставал суровый северный край. Высокие сосны, скованные морозом озера... Вот мчатся лыжники... наши лыжники... Тишина... Слышно только, как скрипит снег. И вдруг слева, с опушки леса, ударил пулемет.

Пули вспарывают легкое снежное покрывало. Огонь косит наших бойцов, прижимает их к земле. По снегу, глубоко зарываясь в сугробы, ползет снайпер. Все его внимание сосредоточено на опушке леса, где засел противник.

Меткий выстрел... другой... И, внезапно захлебнувшись, смолкает вражеский пулемет... Лыжники летят дальше.

— Этот снайпер...— Директор поворачивает голову.

— Который? Который? — налегая друг на друга и вытягивая шеи, ребята смотрят на сцену.

Краска заливает обветренные щеки снайпера — он низко склоняется над столом и взволнованно чертит что-то на бумажке.

Директор называет его фамилию.

Потом следует другая фамилия и третья...

Второй, обмороженный, полз к лагерю, вынося с поля боя раненого командира. Третий взорвал дзот — это едва не стоило ему жизни. И вот все они, эти герои, здесь, в своей большой школьной семье, воспитавшей и вырастившей их.

Сева Малютин стоит около своей матери. Он крепко сжимает ее руку.

Васек и Саша с горящими щеками жмутся к рампе.

А за их спиной ученик старшего класса возбужденно рассказывает товарищу:

— Они здесь, во дворе, всегда в футбол играли. И один раз окно в классе разбили... И Грозный кричал на них, как на нас. Я помню.— Он радостно смеется.— Я помню их... в десятом классе.

Глава 2

ОГОНЬКИ В ОКНАХ

На железной дороге сонно покрикивала электричка.

В маленьком городке уже все спали. Только в некоторых окнах за матовыми, морозными стеклами светились огоньки.

Забравшись на широкую отцовскую постель и уткнувшись подбородком в плечо отца, Васек, взволнованный событиями вечера, не мог уснуть.

— Пап! Вот этот снайпер Алеша просто богатырь. Да, папа? А другой, что командира спасал, маленький, худенький совсем, как это он, а?

— Дело, сынок, не в том, кто какой. Тут физическая сила — одно, а сила воли — другое... Силу тут мерить нечего. Это не зависит, сынок...— Павел Васильевич не мастак объяснять, но Васек понимает его.

— Ясно,— говорит он, — главное — спасти, хоть через силу... Сколько километров он его пронес, пап? Под огнем, а?

— Сколько потребовалось, столько и пронес,— строго сказал Павел Васильевич.— У нас так... вообще... русский человек после боя раны считает...

Васек молчал. Ему вдруг захотелось внезапно вырасти и вместе со своими товарищами свершать какие-то большие, героические дела.

Он потянулся и глубоко вздохнул:

— А нам еще расти да расти!

* * *

И в другом окне горел огонек.

Бабушка, подперев рукой морщинистую щеку, слушала внука. Коля Одинцов рассказывал о выставке, о героях, о елке.

— Раздевайся, раздевайся, Коленька,— торопила старушка.

— Сейчас, бабушка!.. А Малютин Сева какую картину нарисовал! Про войну! Командир там раненый, со знаменем! У него кровь на щеке и вот тут кровь...

— Что ты, что ты! Сохрани бог, Коленька, что это он какие картины рисует! — испугалась старушка.— Можно ли эдакое воображение ребенку иметь! Срисовал бы курочек, а то бабочек каких-нибудь — и все. Самое подходящее дело для ребят.

— Ну, бабочек! — усмехнулся Коля.— Что мы, дошкольники, что ли? Посмотрела бы, какие серьезные вещи у нас на выставке были, разные виды оружия были — Р. М. З. С.! — Коля поднял указательный палец.— Понимаешь?

— Да понимаю я, понимаю! — рассердилась старушка.— Только не детское это дело — такие страсти изображать.

— А у нас зато больше всех вещей было... Все нас хвалили...

— «Хвалили, хвалили»!.. Вот от наших полярников поздравление тебе,— неожиданно сказала бабушка, присаживаясь на кровать внука и разворачивая пакетик из папиросной бумаги.

— Дай, дай, я сам!

Коля осторожно вынул фотографическую карточку. На него смотрели улыбающиеся лица его родителей. На обороте карточки было написано:

«С Новым годом, дорогой сынок! Работа наша идет к концу. 1942 год мы встретим уже вместе!»

Коля счастливо улыбнулся.

— Я тогда уже пятиклассником буду,— сказал он, завертываясь в теплое, пушистое одеяло.

* * *

И еще в одном доме горел огонек в этот поздний праздничный вечер. Саша Булгаков, осторожно пробираясь между кроватками сестер и братьев, спросил:

— Нюта с Вовкой давно пришли?

— Давно,— шепотом ответила мать.

— А мал мала спят? — тихо спросил Саша.

У Саши было шестеро братьев и сестер. Все они были младше его, и всех, кроме восьмилетней Нютки, он называл одним общим именем: мал мала.

— Спят давно. Набегались, наплясались сегодня...

— А я вот гостинцев им принес,— сказал Саша и полез в карман.— Измялись чего-то,— огорчился он, вытаскивая сбитый в комок цветной пакетик.— Это, верно, когда мы в снегу фигуры делали с ребятами.

— То-то, я смотрю, у тебя пальто все снегом извожено,— спокойно сказала мать.

— Я сейчас почищу.

— Я уже почистила... Садись вот.

Мать поставила на стол компот и холодную телятину.

— Отец выпил нынче,— шепотом сказала она,— тихий пришел... Все сидел, объяснял мне: я, говорит, токарь... потомственный и почетный... никогда своему делу не изменял, а жена у меня — женщина уважаемая, и детей семеро, как птенцов в гнезде... Смех с ним! — Она покачала головой и засмеялась.

— Он уж всегда так, когда выпьет,— снисходительно сказал Саша, выцарапывая из кружки вареную грушу.

— А вот, Сашенька, помощь от государства мы получили! — торжественно сказала мать, вынимая из-под подушки пачку денег.— Как ты ушел, так и принесли мне.

— Ого! Сколько денег нам дали! — радостно сказал Саша.— Теперь всего накупим.

— На всех, на всех хватит,— сказала мать и, отобрав несколько бумажек, протянула Саше: — Вот и тебе подарок от государства — купи себе лыжи, сынок!

— Что ты, что ты! — отмахнулся Саша.— Мне не надо. Я и в школе возьму лыжи, когда захочу.

— Бери, бери! Мне в радость это,— мягко сказала мать, протягивая ему три бумажки.— Ты у меня большак...

Саша поглядел на ее круглое, доброе лицо с глубокими, запавшими глазами. Ему показалось, что около знакомых ему с детства ямочек на ее щеках протянулись, как ниточки, новые морщинки.

— Нет, не возьму! — решительно сказал он, засовывая в карманы руки.— Лыжи — это баловство. Захочу — и так достану.— Он встал из-за стола и погладил мать по плечу: — Ложись спать, мама!

* * *

Но дольше всего горел огонек над широким крыльцом школы. Ребята давно разошлись по домам, а за освещенными окнами второго этажа, уютно сдвинув кресла, тихо, по-семейному, беседовали учителя со своими бывшими питомцами.

— Воображаю, как вы там мерзли! — с тревогой говорила старая учительница, которой все еще помнились эти мальчики такими, какими они пришли к ней в первый класс, держась за руки своих матерей.

— Да там не до мороза. Разотрешь снегом уши, и опять ничего,— застенчиво поглядывая друг на друга, рассказывали молодые бойцы:

В одном из классов за партой сидел Алеша-снайпер. Его ноги не помещались под скамейкой, длинная фигура возвышалась над полированной крышкой.

Он любовно и тщательно оглядывал парту и с сожалением говорил:

— Тут у меня и буквы были вырезаны: А. М. Эх, другая парта, верно! Или краской затерли...

Перед Алешей стоял вожатый Митя.

— А ты, кажется, здесь вожатый теперь? — спросил Алеша.— Я ведь помню тебя. Когда мы уходили на фронт, ты был в седьмом, кажется?

— В седьмом. А теперь в девятом. Учусь! С ребятами воюю! — засмеялся Митя, присаживаясь на край Алешиной парты.

— А что, трудный состав? — деловито осведомился тот. И, не дожидаясь ответа, серьезно сказал: — Главное — дисциплина. Ты их, знаешь, сразу приучай. Дисциплина, брат, великое дело!

Он вскочил, прошелся по классу и, остановившись перед Митей, щелкнул пальцами:

— Сразу приучай! А то потом ох и трудно будет! Вот где я это понял — на фронте! Там, знаешь, с нами нянчиться некому.

Алеша присел рядом с Митей, указал глазами на дверь и понизил голос:

— Это здесь ведь учителя уговаривают, объясняют, прощают... а там фронт... война... приказ... Дисциплина — это все!

— Точно! — решительно подтвердил Митя.— Ребят распускать никак нельзя!

Алеша посмотрел на него и вдруг расхохотался.

— По себе знаем, верно? Мы один раз тут такую штуку устроили!..— с увлечением сказал он.

Перебивая друг друга, они стали вспоминать первые годы учебы, свои проделки и шалости, учителей и строгого директора.

— Ух ты! Я его и сейчас побаиваюсь. А ведь чего, кажется,— добрейший человек!

— Алеша! Митя! — донеслось из коридора.

Глава 3

СЕМЬЯ ТРУБАЧЕВА

Отец Васька́, Павел Васильевич, работал мастером в паровозном депо. Павел Васильевич любил свое дело. К паровозу у него было особое отношение. Большое ворчливое чудовище, выдувающее пар из своих ноздрей, казалось ему живым. В разговорах с Васьком он любил употреблять выражения: «здоровый паровоз», «больной паровоз».

Васек запомнил рассказы отца:

«Стоит пыхтит, хрипит, тяжело ворочается. Ну, думаю, захворал дружище. Надеваю свой докторский халат, беру инструмент и давай его выстукивать со всех сторон...»

Васек слушал, и в нем росло дружелюбное отношение к этой железной голове поезда.

Павел Васильевич мечтал, что из Васька выйдет инженер-строитель или архитектор. Он будет строить легкие и прочные железнодорожные мосты или дома с особыми, тщательно обдуманными удобствами для людей.

Сам Павел Васильевич — выдумщик и мастер на все руки.

Квартира Трубачевых была обставлена красивой и замысловатой мебелью его работы. Круглый шкафчик вертелся вокруг своей оси. Посреди комнаты стоял обеденный стол с откидными стульями.

«Всякое дело любит, чтобы человек в него душу вкладывал»,— говорил Павел Васильевич.

Жена его была женщина слабая, болезненная, но о болезнях своих говорить не любила. Она сама справлялась со своим маленьким хозяйством и всегда знала, что кому нужно. Отец и сын обожали мать; тихая просьба ее была законом и исполнялась обоими беспрекословно.

Павел Васильевич сам занимался с сыном. Васек учился на «отлично». Всякая другая отметка была неприятной новостью.

В таких случаях Павел Васильевич, собрав на своем лбу целую лесенку морщин, останавливался перед сыном и спрашивал:

«Как же это ты? Язык заплелся или голова не варила? Ведь ты же этот предмет как свои пять пальцев знаешь!»

В прошлом году мать Васька слегла и больше уже не вставала.

У Павла Васильевича стало много домашних забот, но к занятиям сына он по-прежнему относился внимательно.

Каждый вечер оба подсаживались к кровати матери, и она, опираясь локтем на подушку, слушала, как Васек отвечает отцу заданный урок.

Смерть жены была тяжелым ударом для Павла Васильевича.

Он не находил себе места в осиротевшем доме, растерянно

бродил из комнаты в кухню и молча сидел за столом, опустив на ладонь свою большую рыжеватую голову. И только при виде сына вскакивал, суетился, перекладывал что-то с места на место, приговаривая:

— Сейчас, сейчас! Умойся, сынок! Или, может, покушаешь сначала, а? И потом погулять пойдем, а?

Васек молча смотрел на него, потом утыкался лицом в подушку и плакал. Отец присаживался рядом, гладил его по спине и повторял:

— Что ж поделаешь, сынок... Пережить надо...

Или, крепко прижимая к себе мальчика, шептал ему, смахивая с усов слезы:

— Папка с тобой, Рыжик. Папка от тебя никуда...

И действительно, все свое время Павел Васильевич отдавал сыну.

Кроме Трубачевых, в квартире жила еще шестнадцатилетняя соседка Таня. Еще при жизни матери Васька Таня приехала из деревни со своей бабушкой, потом бабушка умерла, и Таня привязалась к семье Трубачевых.

Павел Васильевич устроил девушку на работу в изолятор при детском доме. Вечерами Таня училась в школе для взрослых.

Павла Васильевича она побаивалась и слушалась его, а Васька жалела и после смерти матери утешала как могла.

Васек любил забегать в маленькую светлую комнатку Тани с широкой бабушкиной кроватью и горой подушек. Пестро раскрашенный глиняный петух с иголками и нитками напоминал ему раннее детство, когда, бывало, услышав его капризы, бабушка Тани сердито говорила:

— Это что еще такое? Пойду за петухом... Он у меня этого страсть не любит!

Васек затихал, а когда вырос, часто смеялся над собой и просил:

— Расскажи, мама, как я Таниного петуха боялся...

Павел Васильевич, оставшись без жены, думал про Васька: «Я теперь ему отец и мать».

Он недосыпал ночей, стараясь поддерживать тот порядок,

который был при жене, боялся в чем-нибудь отказать сыну и, когда кто-нибудь замечал ему, что он похудел и осунулся, озабоченно отвечал:

— Это пустяки. Вот с хозяйством я путаюсь — это верно... Надо бы сестру выписать, да не знаю, приедет ли.

А Васек, не понимая трудной жизни отца, говорил:

— Не надо... Нам и вдвоем хорошо!

Глава 4

ТОВАРИЩИ

С вызовом сестры Павел Васильевич медлил, боясь причинить сыну неприятность появлением в доме чужой, незнакомой Ваську женщины.

Но один случай заставил его принять окончательное решение.

Павел Васильевич строго-настрого запрещал сыну приходить к нему в депо. Он сам изредка брал его с собой, показывал ему ремонтную мастерскую, с увлечением объяснял назначение всех инструментов, зорко следя за тем, чтобы сын не убежал на железнодорожный путь.

Когда мать была жива, Васек после школы торопился домой. Теперь опустевший дом пугал мальчика. Часто до возвращения отца с работы он бесцельно бродил по городу один или предлагал своим друзьям Коле Одинцову и Саше Булгакову:

— Пойдемте, ребята, куда-нибудь, пошатаемся...

Однажды, чтобы увлечь товарищей на прогулку, Васек, несмотря на запрещение отца, пообещал им показать ремонтную мастерскую.

Выйдя из школы, мальчики прошли тихими улицами и выбрались на окраину. Стоял сентябрь. Осеннее солнце и ветер высушили на деревьях листья и окрасили их в желтые и коричневые цвета. В палисадниках, на клумбах, чахли желтые кустики осенних цветов.

— Вон, вон депо виднеется! Каменное, серое,— указывал товарищам Васек.— Там сейчас папка работает. И знакомых там много... Еще увидит кто-нибудь. Нам напрямик нельзя. Надо

через пути перебежать, с той стороны в окно посмотрим. Айда, ребята!

Скрываясь за дощатым забором, мальчики прошмыгнули в калитку и, пригнувшись к земле, побежали через рельсы. На путях стояли длинные составы товарных вагонов, гудели паровозы. По земле стелился белый пар.

— Ребята, вот стрелка... Осторожно, а то как зажмет ногу...— шепотом предупреждал Васек.

Между вагонами в закопченных, промасленных передниках, с молотками и другими инструментами сновали рабочие; слышался лязг железа, стук сцепляемых вагонов.

— Чу-чу-чу! — подражая паровозу, пыхтел Васек, прижав к бокам локти.

— Тра-та-та! Тра-та-та! — вторили ему Одинцов и Саша.

Обдирая на коленках чулки, они пролезали под вагонами и прятались за колесами, чтобы не попасться на глаза рабочим.

— Скажут папе — тогда несдобровать нам,— шептал Васек.

Пробраться незамеченными к мастерским было трудно.

— Подождем, пока рабочие на ужин пойдут,— предложил Трубачев.— Посидим в товарном вагоне.

Мальчики залезли в первый попавшийся вагон. Там валялась свежая солома, в открытую дверь широкой струей вливалось солнце.

Одинцов схватил Васька за рыжий чуб:

— Горишь, горишь!.. Саша, туши его, туши!

Мальчики с двух сторон напали на Васька. Бросали ему на голову свои куртки, барахтались в соломе и хохотали.

Снаружи послышались громкие голоса, заскрипели под ногами мелкие камешки. Кто-то стукнул по стенке вагона молотком.

Мальчики забились в угол и притихли.

Кто-то просунул в вагон голову и громко сказал:

— Десятый!

Потом тяжелая, обитая железом дверь с грохотом задвинулась, голоса замолкли.

— Вагоны считают,— неуверенно пояснил Васек, на ощупь пробираясь к двери.

Вагон вдруг с силой дернулся, затих. Потом стронулся с места и медленно пошел. Колеса заскрипели...

— Поехали! Трубачев, поехали!

Ребята бросились к двери.

— Открывай, открывай! — налегая худеньким плечом на щеколду, кричал Одинцов.

Саша и Васек, пыхтя, помогали ему. Дверь подалась. Васек выглянул:

— Стой! Ложись! Мимо депо едем! Отец увидит... Это ничего — это на другой путь вагон перегоняют. От вокзала никуда не уйдет! — успокаивал он товарищей.

— Вот здóрово!

— Покатаемся бесплатно!

Но вагон, покачиваясь, ускорял ход. В дверь было видно, как скрылось серое здание депо, остались позади железнодорожные строения.

— Ничего, сейчас назад повернем! — храбрился Васек.

— А вдруг не повернем? — поблескивая круглыми черными глазами, тревожился Саша.

— Трубачев, будку проехали! Тут уж поле, один путь. Разве задний ход дадут, а?

— Не-ет...

Ребята испуганно посмотрели друг на друга.

— Вот так номер! Поехали!

— Открывай дверь шире! Прыгать будем! — скомандовал Васек.

— Прыгать?!

Вагон шел над песчаным откосом.

Мальчики, прижавшись друг к другу, смотрели вниз.

— Тут башку сломаешь...— махнул рукой Саша.

— Ничего, песок — мягко! — соображал вслух Одинцов.

Трубачев, высунув голову, смотрел вперед. Ветер трепал его рыжий чуб.

— Сейчас поле будет. Я первый прыгну. А вы за мной. Вперед прыгайте. И, главное, от вагона подальше...— Он с беспокойством оглядел товарищей.— Сашка, слышишь? Изо всей силы прыгай, понятно?.. И ты изо всей силы... Держите книжки...

Не бойтесь... Я сколько раз прыгал,— соврал Васек, чтобы подбодрить товарищей.

Поезд шел все быстрее. Показались скошенные луга. На них, как покинутые дома, стояли стога сена. За ними пряталось заходящее солнце. Около железнодорожного полотна торчали редкие кусты с облетевшими листьями. За лугами синел лес.

Земля убегала, плыли стога, лес приближался.

Васек еще раз оглянулся на товарищей. Сердце у него замерло.

— Три, четыре! — чуть слышно скомандовал он себе и, отступив, прыгнул.

Саша и Одинцов увидели, как он упал, потом вскочил, споткнулся и, прихрамывая, побежал догонять поезд.

— Прыгай! Прыгай! — кричал он.— Бросай книги!

«Кни-ги!» — долетело до мальчиков. Одинцов догадался, схватил свои и Сашины книги и бросил их.

Саша неловко затоптался на месте, держа за руку товарища.

— Давай вместе!

— Нельзя, хуже! — крикнул ему в ухо Одинцов.

Задыхаясь от бега, Васек размахивал руками и что-то кричал, но голоса его не было слышно.

Одинцов отодвинулся от Саши и прыгнул. Он упал неловко и долго не поднимался. Саша побелел и закрыл глаза:

— Убился...

Когда он снова выглянул из вагона, он увидел, как оба товарища, спотыкаясь, бежали по тропинке за поездом.

Саша зажмурился и прыгнул.

Оглушенный падением, он сидел на траве и потирал ушибленный локоть.

Подбежавший Васек обнял его за плечи:

— Ты что?

— Сижу! — радостно ответил Саша.

Через минуту три товарища шли вдоль железнодорожного полотна. Глядя на Колю и Сашу темными от волнения глазами, Васек повторял:

— Обошлось, обошлось, ребята!

Книги нашли в кустах целыми и невредимыми.

— Они тоже прыгали! — сострил Одинцов, похлопав по своей сумке.

Вечернее небо быстро темнело. Где-то далеко слышались гудки паровозов. Свежий ветер трепал курточки мальчиков.

— Если пустить паровоз на полную мощность...— говорил Саша.

— Подожди... смотря какой паровоз!

Васек поднял голову и прислушался:

— Самолет! Ребята! Самолет!

Из-за леса, почти касаясь верхушек деревьев, вылетел самолет.

— Ура, летчик! Ура!

Ребята прыгали, подбрасывали вверх книги и толкали друг дружку.

— Летчик! Возьмите раненого! — кричал Одинцов.— Сашку Булгакова!

— Нет, Одинцова, Одинцова! У него нос разбился!

— Трубачева возьмите! Дядя летчик! Вот он! Вот! Хромает!

Самолет скрылся в облаках.

Скоро совсем стемнело. Стал накрапывать дождик. Серое здание депо все еще не показывалось.

— Эх, не туда заехали! — с досадой сказал Васек.— Завезли нас к черту на кулички!

— А ты куда билет брал? — натягивая на голову куртку, осведомился Одинцов.

— Он думал — его прямо с доставкой на дом! — рассмеялся Саша.

Наконец показались первые строения.

Прощаясь на Вокзальной улице, мальчики советовались.

— Может, нам к твоему отцу всем вместе идти? — спрашивали Васька товарищи.

— Нет, чего там! Влетит, так за дело.

Павел Васильевич уже давно был дома. Выслушав рассказ сына, он молча вынул из портфеля конверт и сел писать письмо сестре.

Глава 5
ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ГРОЗНЫЙ

Иван Васильевич прихлебнул с блюдечка чай и выглянул в окно.

— Так и есть,— сказал он, нахлобучивая на голову меховую шапку и снимая с гвоздя ключ.— Хоть бы одни каникулы отдохнуть дали! И все этот Митя всех мутит! — ворчал он, открывая тяжелую школьную дверь.

У крыльца действительно стоял Митя в синем лыжном костюме, за ним — Саша Булгаков и Коля Одинцов. Все трое тащили на плечах лыжи.

— Опять ноги разрабатывать! Вчера на коньках, сегодня на лыжах,— пропуская их, ворчал сторож.

— У нас в плане лыжная экскурсия сегодня,— стряхивая с шапки снег, сказал Митя.— Не все, понимаете, освоили это дело. За каникулы надо подтянуться,— объяснил он, подбирая парные лыжи.— Да вы идите отдыхайте, Иван Васильевич. Мы только соберемся — и айда!

— «Отдыхайте»! — усмехнулся Иван Васильевич.— С вами отдохнешь, пожалуй...

На крыльце затопали, и в дверь вбежали школьники.

— Здравствуйте, Иван Васильевич! — с опаской поглядывая на сторожа, здоровались они.

Иван Васильевич недаром получил от ребят прозвище «Грозный».

Опираясь на толстую, суковатую палку, во всякую погоду стоял он на крыльце, встречая и провожая школьников. На прозвище «Грозный» старик нисколько не обижался.

— Я для вашего брата и есть грозный, потому что безобразия в школе допускать не могу,— сурово говорил он.

Увидев перелезавшего через забор школьника, старик звонко стучал об асфальт палкой:

— Куда лезешь? Где тебе ходить приказано?

— Дорогу потерял! — кричал озорник.

— У меня живо найдешь! Носом калитку откроешь!

Школьник с хохотом скатывался с забора и осторожно проходил мимо сторожа:

— Здравствуйте, Иван Васильевич!

— То-то «здравствуйте»! Дурная твоя голова вихрастая! На плечах ходуном ходит, всякое соображение растеряла! — ворчал Грозный, закрывая за мальчиком дверь.

И вдруг лицо его расплывалось в улыбке, около губ собирались добрые морщинки, и он, похлопывая по плечу какого-нибудь отличника, говорил:

— Инженер! Одно удовольствие от твоего житья-бытья получается. Матери поклон от Ивана Васильевича передай!

Или, грозно сдвинув брови и выпятив грудь, приглашал группу школьников:

— Проходите! Проходите!

Школьники замедляли шаг.

— Артисты! Одно слово — артисты! На собраниях про вас высказываются. Вам в школу, как в театр, на своей машине выезжать надо, а вы пешочком, а?

— Да ладно... уже ругали нас,— подходя ближе, нерешительно мямлил кто-нибудь из ребят.

— Сам! Самолично присутствовал! — ударяя себя в грудь, торжествующе говорил Грозный.— Все собрание тебя обсуждало. А кто ты есть, ежели на тебя посмотреть? — Грозный прищуривался и, оглядев с ног до головы ученика, презрительно говорил: — Сучок! Голый сучок, ничего не значащий! А тобой люди занимаются, выдолбить человека из тебя хотят.

— Да чего вы еще! — пробираясь к двери, бормотали оробевшие школьники.— Не будем мы больше, обещали ведь...

— И не будешь! Ни в каком разе не будешь! Мне и обещаниев твоих не нужно. Я сам к тебе подход подберу.

— Вот леший! И зачем только его на собрания пускают! Ведь он потом прохода не дает,— возмущались злополучные ребята.— На всех собраниях сидит! Отвернет ладонью ухо и слушает,— смеялись они.

Но сегодня Грозный ворчал для виду. У него было то особое,

праздничное настроение, которое не хочется омрачать ни себе, ни другим. Открыв Мите пионерскую комнату, он вышел на крыльцо.

На дворе лежали горы снега. С улицы шли и бежали школьники. Лыжные костюмы ярко выделялись на белизне снега, поднятые лыжи торчали вверх, как молодые сосенки. Грозный улыбался, ласково кивал головой, то и дело приподнимая свою мохнатую шапку.

— С праздником, Иван Васильевич!

— И вас также!

Крепкий морозец стягивал шнурочком брови, красил щеки ребят и белил ресницы.

— Стой, стой! Где же это ты мелом испачкался? И щеки клюквой вымазал,— шутил Грозный с каким-нибудь мальчуганом.

Васек Трубачев торопился — во дворе уже никого не было.

— Иван Васильевич, прошли наши ребята?

— Прошли, прошли! А ты что же эдаким мотоциклетом пролетаешь? И «здравствуйте» тебе сказать некогда.

Васек поспешно сорвал с головы вязаную шапку:

— Здравствуйте!

— Ишь ты, Мухомор! — любовно сказал сторож.

Васек был одним из его любимцев. Еще в первом классе Грозный прозвал его Мухомором за темно-рыжий оттенок волос и веснушки на носу.

— Прошли, прошли твои товарищи!

Васек, прыгая через три ступеньки и волоча за собой лыжи, помчался на второй этаж.

В пионерской комнате толпились ребята. Митя, поминутно откидывая со лба непослушную прядь льняных волос, оживленно объяснял:

— Все зависит от правильности хода...

— Трубачев! — крикнул Саша Булгаков.— Сюда! Сейчас строиться будем. Мое звено в полном порядке.

— У меня Малютина нет,— сказал Коля Одинцов.

— А Зорина где? — спросил Васек.

Лида Зорина, запыхавшись, вбежала в комнату. Она была

в красном пушистом костюме, черные косички выбивались из-под шапки.

— Я здесь! Девочки все пришли!

— Звеньевая, а опаздываешь! — строго сказал Васек.

— Я не опаздываю, я за Нюрой Синицыной заходила,— оправдывалась Лида.

Школьники выстроились в две шеренги перед крыльцом. На перекличке не оказалось Севы Малютина.

— Ему нельзя,— сказал Саша, староста класса.— Он больной.

— Больной-притворнóй,— пошутил кто-то из ребят.

— У Малютина порок сердца,— строго сказал Митя.— Смеяться тут нечему... Ну, пошли! — крикнул он, взмахнув лыжной палкой.— За мной!

* * *

Грозный стоит на крыльце, прикрыв ладонью глаза. За воротами, на снежной улице, одна за другой исчезают синие, зеленые фигурки лыжников, красным флажком мелькает между ними Лида Зорина...

Скрип лыж, голоса и смех затихают...

— Ну вот, значит...— говорит Грозный, направляясь к своей каморке.

Но несколько пар крепких кулачков барабанят в дверь:

— Откройте! Откройте!

— А, первачки! Промерзли?.. Ну, грейтесь, грейтесь! — ласково говорит сторож.

Закутанные в теплые платки, толстые и смешные, неуклюжие, как медвежата, размахивая лопатками, вваливаются первачки. За ними, смеясь, поднимается их учительница.

— Мы, Иван Васильевич, только погреться. А вы идите отдыхайте,— говорит она.— Мы во дворе будем.

Клубится снежная пыль. Красные от натуги малыши носят лопатками снег, лезут в сугробы.

Позвякивая ключами, сторож проходит в пионерскую комнату.

На стене возле праздничной стенгазеты висят плакаты и объявления.

Грозный надевает на нос очки:

— Где тут у них планы? На каникулы... Ага... Первые классы... так... Четвертые — экскурсия... так... Шестые — кружок фото... так... Восьмые — международный доклад... так... Шахматисты...— Он машет рукой и прячет очки.— Свято место пусто не бывает.

Глава 6
НА ПРУДУ

К вечеру мороз утих. Небо было чистое, с редкими звездами. Васек Трубачев, Саша Булгаков и Коля Одинцов возвращались с лыжной прогулки втроем.

Они нарочно отстали от ребят, чтобы зайти на пруд.

— Пойдем? — предложил товарищам Васек.— Не хочется домой еще.

— Пойдем! На пруду, наверно, красиво сейчас. Я тоже не хочу домой...— согласился Одинцов.— Саша, пойдешь?

— Куда вы — туда и я!

Мальчики прошли парк и начали спускаться к пруду. Пушистые берега с занесенными снегом деревьями возвышались, как непроходимые горы.

Старые ели, глубоко зарывшись в сугробы, распластали на снегу свои густые, мохнатые ветви. Метель намела на пруду высокие снежные холмы. Вокруг было так тихо и пустынно, что мальчики говорили шепотом.

— Не пройдем, пожалуй,— провалимся,— пробуя наст, сказал Саша.

— Идите по моему следу. Айда... лесенкой.— Васек поднялся на горку и, пригнувшись, съехал вниз. Потом снял лыжи и бросил в сугроб.— Сюда! Одинцов! Саша! Мягко, как в кресле!

Мальчики уселись рядом. Все трое, запрокинув головы, смотрели в темное, глубокое небо.

— Смотрите, смотрите! Луна!

Из-за парка показалась огромная желтая луна.

— Ни на чем держится! — удивленно сказал Саша.— Вот-вот упадет.

— Вот если б упала!

— Хорошо бы! Мы бы ее сейчас в школу притащили, прямо в пионерскую комнату.

Саша обвел глазами белые застывшие холмы.

— А что, ребята, тут, наверно, зимой ни одна человеческая нога не ступала? — таинственным шепотом сказал он.

Васек посмотрел на чистый, ровный снег:

— Следов нет.

— Тут один Дед Мороз живет...— пошутил Одинцов и осекся.

В лесу раздался треск сучьев. Тихий шум, похожий на завывание ветра, пронесся по берегам. И в тот же миг неподалеку от мальчиков что-то белое вдруг отделилось от сугроба и медленно съехало вниз.

— Трубачев! — прошептал Саша.

— Видали? — испуганно спросил Одинцов.

— Это снежный обвал,— равнодушно сказал Васек, на всякий случай подвигая к себе лыжные палки.

Саша засмеялся.

— А меня мороз по коже пробрал,— откровенно сознался он.

— И меня... Идем лучше отсюда,— сказал Одинцов.— Не люблю я, когда снег... ползет.

— Ну, бояться еще! Мы, в случае чего, прямо голову оторвем! — Васек лихо сдвинул на затылок шапку.

— А кому отрывать? — усмехнулся Одинцов.

— Кто нападет! — сказал Васек, приглядываясь к белому холмику, который как-то странно покачивался в неровном свете луны.— Да никто не нападет. Я думаю, это показалось,— прибавил он.

Одинцов зажмурился:

— Ну да, бывает... привидится что-нибудь от снега.

— А вот на севере...— пугливо оглядываясь, добавил Саша.— Мне рассказывали...

Сзади снова раздался треск сучьев и тонкий протяжный вой. Мальчики переглянулись. Васек молча показал на белый холмик. Медленно покачиваясь на гладкой поверхности пруда, холмик полз к берегу.

— Стойте здесь... я проверю,— вдруг решился Васек.

Саша схватил его за руку:

— Я с тобой.

— Вместе пойдем,— прошептал Одинцов.

— На лыжи! Становись! — громко скомандовал Васек.

Ребята вскочили. Тихий вой, разрастаясь в грозное рычание, пронесся над прудом. В ответ ему из сугробов вырвались звуки, похожие не то на кошачье мяуканье, не то на собачий лай.

— Волки! — с ужасом прошептал Саша.

— Держите палки наготове,— стиснув зубы, сказал Васек.— Мы их сейчас...

— Нет! — испуганно остановил его Одинцов.— Куда ты? Надо домой!

— Домой, домой,— заторопился Саша.— Слышишь?

Вой разрастался. Теперь уже казалось, что со всех сторон подкрадываются к мальчикам какие-то непонятные и страшные звери.

— Ничего, как-нибудь дорогу пробьем! — задыхаясь от волнения, сказал Васек.— За мной, ребята!

Зорко вглядываясь в каждый бугорок, мальчики благополучно миновали сугробы и вышли в парк.

— Стойте! — Васек поднял руку.

На пруду снова было таинственно и тихо.

— Тьфу! Что за чертовщина такая! Ребята, сознайтесь: кто испугался?

— Я,— улыбнулся Саша, зябко поводя плечами.

— И я,— сказал Одинцов.

— Ну и я,— сознался Васек,— потому что не волк, не человек...

— А может, просто кошки? — предположил Одинцов.

Все трое засмеялись.

А на пруду, когда затихли голоса, под ветвями ели тихо

сдвинулась туго накрахмаленная морозом простыня, блеснул огонек, освещая глубину темной землянки, и высунулась голова Мазина. Белый холмик быстро-быстро пополз к старой ели.

— Ушли? — шепотом спросил Мазин.

— Ушли,— ответил Петя Русаков, сбрасывая с себя белый халат.

Глава 7

НОВОСТИ

Встряхивая золотистым чубом, Васек, разгоряченный впечатлениями дня, рассказывал отцу:

— Мы с Митей в лес ездили, далеко-далеко... А потом еще с ребятами на пруд ходили.

— То-то я тебя еле дождался. Хотел разыскивать.

— А на пруду, папа, такая луна, громадная, и свет от нее... Нам даже показалось, что снег движется. Да еще как завоет кто-то,— засмеялся Васек,— мы даже испугались немножко.

— Вот и хорошо, что испугались. Не будете лазить где не надо,— хмуро сказал отец. Он был чем-то озабочен.

— Да ты что, папа, чудной какой-то сегодня? — удивился Васек.

— Чудной не чудной, а...— Павел Васильевич замялся, постучал пальцами по столу и строго сказал: — К нам тетя Дуня едет.

— Едет? — переспросил Васек, не зная, радоваться ему или печалиться.

Тетю Дуню — сестру отца — он никогда не видел. Она жила под Москвой на какой-то маленькой станции.

Павел Васильевич ожидал, что сын будет протестовать против приезда тетки, и приготовился к серьезному отпору, но Васек только спросил:

— А веселая она?

— Да как тебе сказать... особенного веселья я что-то у нее не замечал. Женщина старая, одинокая, хозяйка. А мы с тобой, можно сказать, холостяки. Где зашить, где пришить требуется, а то и сготовить чего.

— Каша у тебя пригорелая получается,— задумчиво сказал Васек.

— Вот-вот,— обрадовался отец,— самое теткино дело — кашу варить.

— Не хочу я тетки. Нам и вдвоем хорошо,— вдруг решительно заявил Васек.

— Хорошо-то хорошо, а с хозяйством мне все равно не сладить... Да, еще вот какая новость у меня, сынок...

Павел Васильевич почувствовал себя совершенно несчастным: ему предстояло еще раз огорчить Васька.

— Я, Рыжик, недельки на три в Харьков уеду. В тамошнее депо командируют меня.— Он тяжело вздохнул.— Значит, тут без тетки никак не обойтись, сынок.

Васек молчал. Ему было уже не до тетки.

— А когда ты уедешь? — тихо спросил он.

— Когда уеду? Ну, это еще не так скоро. Ты об этом не думай сейчас.

Васек тряхнул головой.

— Не скоро? Ну и ладно! А тетка пускай живет. Мне до нее никакого дела нет,— решил он.

Утром к Ваську забежал Одинцов. Павел Васильевич ушел на работу. Васек завтракал, густо намазывая маслом белый хлеб.

— Новость! — закричал с порога Одинцов.— У нас новый учитель будет после каникул. Мария Михайловна совсем ушла.

Мария Михайловна, прежняя учительница, давно уже не посещала класс, и четвертый «Б» около двух месяцев находился на попечении учителей других классов.

— Собственный учитель? — обрадовался Васек.— А Мария Михайловна что же?

Одинцов махнул рукой:

— Да она с нами состарилась совсем... Не с нами, а вообще... Ей шестьдесят лет скоро будет, а потом, после болезни еще...

— Жалко ее,— сказал Васек,— привыкли мы к ней.

— Жалко, конечно,— согласился Одинцов,— а все-таки учителю я рад. Бежим к Булгакову, расскажем ему!

— Да погоди. Я еще не позавтракал. Вот ешь лучше.— Васек пододвинул товарищу хлеб и масло.

Оба с аппетитом принялись за еду.

— Все новости да новости,— сказал Васек.— А откуда ты узнал про учителя?

— Мне Грозный сказал. Я у него для Саши лыжи брал. Приношу сегодня, а он говорит: «После каникул держись, брат! Отменного учителя вам директор нашел».

— Так и сказал — отменного?

— Так и сказал. Уж он не соврет. Говорит, будто учитель на выставке был вчера. Все вещи смотрел. Хорошо, что Мазин свой пугач унес!

— Унес? — с живостью спросил Васек и досадливо сдвинул брови.— Так и не сказал, что за буквы... Ну, пошли к Саше.

На улице было людно. В сквере играли дети, на скамейках отдыхали взрослые. С деревьев, покрытых белым инеем, осыпáлась снежная пыль.

Саша Булгаков жил недалеко. Пройдя широкий двор, мальчики постучали в низенькую дверь первого этажа длинного серого флигеля.

Им открыла женщина с приветливым лицом:

— Сашенька, к тебе!

В светлой кухоньке было много ребят. Они, видимо, гуляли и только что пришли со двора. Саша и его сестренка Нюта раздевали их. Маленькая девочка в одних чулках бегала из комнаты в кухню с мокрым ботинком в руках. Толстый малыш, с такими же, как у Саши, круглыми черными глазами, хныкал, упираясь головой в Сашин живот,— он потерял варежку.

— Куда ты ее дел? — сердился на него Саша.— Найди сейчас же!

Увидев товарищей, он кивнул им головой:

— Раздевайтесь, ребята!

Коля Одинцов пробрался к Сашиной кровати и осторожно присел на краешек, с интересом наблюдая, как Саша справляется с детворой.

— Васек,— крикнул он,— иди сюда! Смотри, сколько детей

у них.— Он притянул к себе товарища и зашептал ему в ухо: — У них чуть ли не двенадцать детей.

— Семь,— спокойно поправил его Саша, поднимаясь с колен и отряхивая пыль.— Вон седьмой. На кровати сидит.

Одинцов подпрыгнул и с испугом оглянулся: сзади него, обложенное со всех сторон подушками, копошилось маленькое существо с тремя светлыми волосками на макушке.

— Витюшка, грудной,— пояснил Саша.

— Да они, наверно, орут целый день! — засмеялся Васек.

— Бывает...— Саша поймал за штанишки толстого черноглазого малыша и крикнул: — Нютка, пришей ему пуговицу! Мне некогда.

Он отвернул борт курточки — там торчала иголка с туго накрученной ниткой.

— Я пришью,— сказала мать.— Иди. Товарищи небось заждались тебя. С малышами никогда дела не переделаешь,— улыбнулась она.

— Ну, зашей.— Саша быстро закрутил свою нитку обратно.

— Что это ты иголку с собой носишь? — спросил Васек.

— Ношу. Все время пригождается,— деловито ответил Саша.

Васек пожал плечами.

— Брось! Девчачье это дело,— презрительно сказал он.

Саша не расслышал.

— Пойдем в комнату,— сказал он товарищам.

В соседней комнате было тихо и просторно. Как только Саша закрыл за собой дверь, Одинцов сообщил:

— У нас новость!.. Трубачев, расскажи.

Васек с жаром начал рассказывать:

— После каникул у нас будет новый учитель. Отменный учитель! Сам Грозный сказал.

— Да что ты! — обрадовался Саша.— Вот хорошо! А то мы...

За дверью вдруг что-то с грохотом упало и началась невероятная возня. Саша тревожно прислушался:

— Кажется, мать ушла.— Он бросился к двери: — Я сейчас!

Через секунду он вернулся.

— Ничего. Это они в колхоз играют. Перевернули стулья и везут сдавать зерно,— с улыбкой пояснил он, закрывая за собой дверь.— Ну, Трубачев, рассказывай про учителя.

— Да ну тебя! — с досадой сказал Васек.— Что тебе рассказывать, если ты все время бегаешь!

— Да нет, это я так... думал — мама ушла. Ну, рассказывай,— умоляюще сказал Саша.

— Ну ладно! Так вот, этот учитель только для нашего класса, понимаешь? Это во-первых. А во-вторых...

Саша вдруг рванулся и снова исчез за дверью. На этот раз из соседней комнаты послышался отчаянный визг и плач.

Васек и Одинцов, толкая друг друга, выскочили вслед за Сашей. Оказалось, что толстый карапуз Валерка просунул голову между прутьями кровати и никак не мог вытащить ее обратно.

— Стой! Стой! — кричал ему Саша.— Поверни голову набок...

С помощью Коли и Васька он наконец вытащил братишку. Но товарищи уже собрались уходить.

— Куда же вы? Расскажите хоть про учителя.

— В школе расскажем! — крикнул Одинцов.

Васек только махнул рукой...

Вечером, забравшись к отцу на кровать, он с удовольствием делился с ним своей новостью:

— После каникул у нас будет новый учитель. Мария Михайловна совсем ушла. Ей восемьдесят лет уже.

— Восемьдесят лет! — удивился отец.— Ого-го! Совсем, верно, старушка с вами замучилась! Ты у меня один, и то я с тобой голову себе скрутил.

— Ну тебя! — недовольно сказал Васек, приподнимаясь на локте и заглядывая в лицо отцу.— Я небось председатель совета отряда... а ты говоришь!

— Вот-вот, мне и нужно, чтобы мой сын первый сорт был!

— «Первый сорт»...— протянул Васек.— Я еще не выучился,— он навертел на палец отцовский ус,— а ты нападаешь.

— Я не нападаю,— засмеялся Павел Васильевич.— Не

трожь усы, всю красоту испортишь... Да спи уже, а то завтра тебя пушками не поднимешь.— Он обхватил сына за шею.— Спи.

Васек, лежа с открытыми глазами, думал о Саше, об Одинцове и о Севе Малютине.

— Хорошая, папа, картина у Малютина, но сам Севка какой-то тщедушный,— с сожалением сказал он.

Отец не ответил.

— Слышишь, папа?

— Слышу.

— А что ты слышишь?

— Тще-душный,— промычал, всхрапывая, Павел Васильевич.

Глава 8

МАЗИН И РУСАКОВ

Мазин скучал. В землянке под старой елью было темно и тихо. У входа, завешенного белой простыней, валялась убитая из рогатки ворона. Снаружи крупными хлопьями валил снег. Иногда, отодвинув край простыни, Мазин зорко и настороженно оглядывал берег. Он ждал Русакова. Они не виделись с того памятного вечера, когда в их владениях побывал Трубачев со своими товарищами.

«Отец дома. Держит Петьку при себе»,— соображал Мазин.

Мазин и Русаков жили на одной улице, в одном доме. Дружба их началась с первого класса и навсегда укрепилась после одного случая. А случай, который сделал их закадычными друзьями, был такой. Однажды, стреляя в цель из рогатки, Русаков разбил цветное стекло в угловой даче. Испуганный, он прибежал к Мазину.

— Пропал я, Колька! Отец узнает — за ремень схватится!

Отец Пети рано овдовел и, сдав сына на попечение соседок, с головой ушел в работу. Весь день проводил он на обувной фабрике, где считался одним из лучших работников. Возвращаясь домой, он бегло интересовался здоровьем сына и, найдя в дневнике плохую отметку, сразу закипал гневом:

— Я с восьми лет сам на себя зарабатывал и дорогу пробивал себе тяжелым трудом, а тебе все даром дается! Отец для таких, как ты, целый день работает. Да разве один я? Вся страна не покладая рук трудится, чтоб из вас люди вышли! А вы что делаете? Безобразие! Распущенность! На тебя все соседи жалуются! Вот подожди, я когда-нибудь возьму ремень да поучу тебя так, как меня в свое время учили!

Петька со страхом смотрел на отца. Этот большой, сильный человек с черной густой шевелюрой и сросшимися бровями, под которыми трудно было угадать цвет его глаз, был чужим и непонятным мальчику.

Иногда отец вдруг останавливался посреди комнаты и, глядя на сына усталыми, хмурыми глазами, говорил:

— Ты пойми... Человек должен понимать слова, а не палку! Что у тебя, самолюбия нет, что ли?

Петька съеживался и молчал.

Разбитое стекло в угловой даче беспокоило Петю. Он сидел у товарища, с тревогой поглядывая на дверь.

— Да, может, отец не узнает,— утешал его Мазин.

Петя безнадежно махал рукой:

— Хозяева видели, как я побежал.

Мазину было жалко товарища. Он что-то соображал про себя, пыхтел, надувая толстые щеки, и, когда Петя Русаков, просидев у него целый час, собрался уходить, сказал:

— Пойдем вместе. Я скажу на себя, а ты будто в канавке сидел.

— В какой канавке?

— Ну за домом... Кораблики пускал.

Случай этот происходил весной.

— Кораблики...— протянул Русаков.— А чего же я побежал тогда?

— Мало ли чего! Побежал, чтобы на тебя не подумали,— вот и все. Понятно?

Русаков просветлел:

— И правда, может, обойдется?

— Обязательно обойдется. Верти кораблики. Сейчас намочим их во дворе — и айда к твоему отцу!

Петя сделал из газеты два кораблика, во дворе товарищи прополоскали их в грязной луже и храбро направились к дому Русакова.

— Постой, а вдруг твоя мать узнает? — тревожно спросил Петя.— И голова у нее заболит от этого. Жалко ее.

Он остановился.

— Не ной,— мрачно сказал Мазин.— Пойдем лучше!

Отец Русакова уже все знал. Он встретил сына на пороге, красный от гнева.

— Опять мне на тебя люди жалуются!

— Я, пап...— дрожащим голосом начал Петя.

Мазин толстым грибком вырос перед разгневанным родителем и вытащил из кармана рогатку:

— Петя ни при чем. Он кораблики пускал.

— Я, папа, кораблики...

— Какие еще кораблики? — загремел Русаков-отец.— Ко мне взрослые люди приходят, на моего сына жалуются!

— Это из угловой дачи к вам приходят? — осведомился Мазин.— Так я у них стекло разбил. Я нечаянно... в воробья метил, а попал в стекло. А Петя испугался и побежал. Вот они на него и сказали. Не разобрались как следует и напали... А еще взрослые! — объяснял Коля Мазин, глядя прямо в глаза Русакову и закрывая Петю своей крепкой, приземистой фигурой.

— Не разобрались,— мямлил Петя, выглядывая из-за плеча товарища.

— «Не разобрались»! — передразнил его отец, уже смягченный признанием Мазина.— Лазите черт знает где!.. А ты тоже хорош! У тебя мать труженица, больная женщина, а ты ей сюрпризы устраиваешь,— напал он на Колю.

— Я не сюрпризы, я нечаянно.

— «Нечаянно»! И Петьку моего сбиваешь на всякие дурацкие шалости... Ты где был, когда твой приятель в стекло камнем запустил? — обратился он к сыну.

— Я в канавке кораблики пускал,— шмыгнул носом Петя и вытащил из кармана размокшие бумажные кораблики.

— Чтобы я больше не видел всей этой гадости! — закри-

чал отец.— Выбрось эту дрянь в помойное ведро сейчас же! А рогатку я сам...— Он обеими руками сдавил рогатку. Она не поддавалась.— В печку!

— Лучше в помойную яму или в пруд. Давай, папа, мы выбросим! — с готовностью предложил свои услуги Петя.

— Молчи! И ступай сам с этими людьми объясняться. Скажи... приятеля хорошего имеешь, вот что!

Когда мальчики вышли, Мазин сказал:

— Сбегай в аптеку за порошком от мигрени, а я пойду в угловую дачу сознаваться.

Вечером Мазин ходил за своей матерью и говорил:

— Ты, мама, приляг... И не волнуйся. Ни один человек не проживет так, чтобы стекла не разбить.

Мать Коли Мазина работала в швейной мастерской. Коля никогда не видел свою мать здоровой. Она постоянно жаловалась, что от шума швейных машинок у нее болит голова. Малейшая неприятность также вызывала у нее мигрень, и тогда она тихо стонала, уткнувшись в подушку головой, обвязанной мокрым полотенцем, а Коля готовил ей чай, размешивал ложечкой сахар и бегал по аптекам, спрашивая везде, не изобретено ли какое-нибудь новое средство от мигрени. Дома, пока мать была на работе, Коля успевал приготовить обед, наколоть дров, сбегать за хлебом. Поэтому, когда мать жаловалась соседкам: «Не знаю, хватит ли моих сил воспитать сына»,— соседки украдкой переглядывались. «Хватит ли у него-то сил ухаживать за такой больной матерью?» — думали они про себя, жалея мальчика.

После случая со стеклом ребята выработали особую систему самозащиты.

Теперь, что бы ни случилось, перед отцом Русакова виновным всегда выступал Мазин, а перед матерью Мазина — Петя.

— Вы, гражданка Мазина, обратите внимание на своего сына. Он и моего вконец испортить может,— внушительно говорил Русаков-отец матери Мазина.

— Подумайте! — возмущалась та.— Да как он может мне такие вещи говорить! Ведь чего только его Петя не выде-

лывает! Он добьется того, что я не позволю своему сыну играть с Петей.

В конце концов родители, к большому огорчению мальчиков, категорически запретили им встречаться.

Мать Мазина пообещала Коле, что она окончательно потеряет голову, если он будет продолжать дружбу с Петей, а Русаков-отец посулил своему сыну спустить с него три шкуры, если еще раз увидит его вместе с Мазиным.

Петя, который вечно дрожал за одну свою шкуру, не мог даже представить себе, что значит спустить три. Мазин тоже забеспокоился:

— Конечно, в школе нас никто не проверит.

— А после школы я один буду? — шмыгнул носом Петя.

— Не хнычь! — сердито сказал Мазин.— И заруби себе на носу, Петька: нет такой беды, из которой нельзя вылезти. Я это проверил.

Выход действительно нашелся.

Через два дня после этого разговора на берегу заросшего, затянутого зеленой ряской пруда, где тучами кружились комары и мошки, а по вечерам, надуваясь, кричали лягушки, Мазин и Русаков уже рыли себе землянку под разлапистыми ветвями старой ели. Они приходили сюда поодиночке, работали изо всех сил и, уходя, оставляли друг другу короткие записки:

Двинулся на полметра в ширину. МЗС.
Углубился вход. РЗС.

К началу занятий в школе землянка была готова. На пруду редко бывали люди: в густом кустарнике, заросшем крапивой, не было тропинок. Землянка, тщательно замаскированная дерном, была почти незаметна.

Мазин и Русаков ликовали:

— Поди ищи нас теперь!

— А в случае нападения можно и отстреляться,— говорил Мазин.

Недостатка в стрелах, пугачах и рогатках не было. Мальчики усердно тренировались в стрельбе. Около землянки на дереве висели белые кружочки, пробитые стрелами.

— Петька, целься в правый кружок, а я в левый! Следопыту надо бить без промаха! — поучал Мазин.

С наступлением осенних дождей Мазин притащил из дома клеенку, а Русаков — дождевой плащ. В землянке и в проливной дождь было тепло и сухо.

Мазин достал где-то азбуку следопыта и требовал от Петьки, чтобы он срисовал ее и выучил наизусть. Зимой товарищи ходили на лыжах в лес. Ставили силки, но зайцев в этих местах не было.

Сегодня Мазину посчастливилось — он убил ворону.

Прождав товарища до позднего вечера, Мазин взял клочок бумаги и написал: «Убил дичь. Придешь — освежуй».

На другой день товарищи встретились.

— Отец был дома,— пояснил Петя.— Он премию получил, гостей назвал. Много. И одна тетенька там была. Он ей говорит: «Вот мой Петр» — это про меня. А она ему: «Ну, какой же это Петр — это просто Петя!»

— Ладно! — прервал его Мазин, вынимая перочинный нож и вытаскивая из угла убитую ворону.— Ná, свежуй дичь, а я огонь разведу.

Он поставил у входа жаровню, бросил на угли спичечные коробки и стал разжигать огонь.

Петя поднял ворону, оглядел ее со всех сторон и удивленно сказал:

— Какая же это дичь! Это обыкновенная ворона.

— Так убей утку! — огрызнулся Мазин, протирая красные от дыма глаза.— А не убьешь утку — будешь есть ворону!

Через несколько минут из котелка уже торчал черный вороний клюв.

Мазин взял лопату, вышел из землянки и скоро вернулся с мороженой рыбой.

У Пети сделалось грустное лицо.

— Довольно одной вороны, Мазин, а то мы сразу все запасы съедим,— осторожно сказал он.

Мазин молча отхватил ножом кусок рыбы, нарезал ее тонкими ломтиками, посолил и подвинул товарищу.

— Ешь. Вор́он на нашу долю хватит,— сказал он, храбро отправляя в рот ломтик рыбы.

Петя, зажмурившись, последовал его примеру.

Оба молча жевали, украдкой наблюдая друг за другом.

— Все охотники едят мороженую рыбу, а собаки на севере преимущественно питаются этим,— со вздохом сказал Петя.

В котелке забулькала вода. Мазин вытащил ворону, потыкал ее ножом и снова бросил в котел:

— Жестковата.

Петя повеселел.

— Конечно, пусть упревает,— с живостью сказал он, похлопывая себя по животу.— И вообще я здорово сыт. Возьми мою половину, если хочешь,— добавил он, подвигая Мазину оставшийся ломтик рыбы.

Мазин сделал вид, что не слышит, сложил нарезанные куски и вышел из землянки.

Через минуту, сидя на мешке с сеном и лениво постреливая из рогаток в стенку, они вспомнили трех товарищей, так неожиданно появившихся на пруду.

— И чего их занесло сюда? — забеспокоился Мазин.— Еще повадятся ходить.

— Не повадятся,— усмехнулся Русаков.— Я их здорово напугал.

— Трубачева не запугаешь — этот к черту на рога полезет. Смелый парень! Вот такого бы товарища нам с тобой! — сказал Мазин.

— Да... хорошо. Только он отличник, а мы...— Петя легонько свистнул и засмеялся.

— А ты принес учебники? — живо спросил Мазин.

— Забыл.

— Смотри, Петька, не пройдет нам это даром.

Он опустил рогатку и задумался.

— А чего же мы плохого делаем? — искренне удивился Петя.— Мы ничего плохого не делаем.

Мазин прищурился и уничтожающе посмотрел на него.

— Если человек делает плохо и знает, что это плохо, то

это еще ничего,— медленно сказал он,— а если он делает плохо и думает, что это хорошо, то это уж дело дрянь!

— Я не думаю,— быстро сказал Петя,— насчет учебы и вообще...

— То-то,— сказал Мазин.— Себя обманывать нечего.

Он достал азбуку следопыта, прикрыл рукой подпись под рисунком и строго спросил:

— Чей след?

— Утки,— поспешно ответил Петя.

— Сам ты утка! — рассердился Мазин.— Кому я говорил — выучи наизусть!

Глава 9

ТЕТЯ ДУНЯ

Васек был дома один. Он принарядился, начистил ботинки и, не зная, что с собой делать, ходил по комнате.

Каникулы ему уже надоели. Скорей бы в школу!

«Интересно, какой-то новый учитель?» — думал он, поджидая отца.

В дверь кто-то тихонько постучал.

— Мне к Трубачеву Павлу Васильевичу,— сказала женщина, осторожно прикрывая дверь и с трудом втаскивая за собой корзинку.

— Папы нет.— Васек внимательно разглядывал гостью.

Она была в синем пальто, туго застегнутом на все пуговицы. Из-под черного полушалка глядели на Васька рыже-голубые, чем-то знакомые глаза. Мальчика охватила тревога.

— Папы нет! — повторил он.

— Папы нет, а тетка — вот она! — вдруг сказала женщина, любезно поджимая губы.— А ты небось Васек? Тащи-ка корзинку. Запарилась я с ней!

Она вошла в кухню, села на табурет, расстегнула пуговицы своего пальто и, обмахиваясь концами полушалка, огляделась вокруг.

— Ничего живете. Кухня просторная.— Она заглянула в

комнату.— В чистоте содержите. А это чья же дверь-то? — потрогав замок Таниной двери, спросила она.

Васек втащил корзинку и, не зная, что отвечать, во все глаза смотрел на тетку.

«Смешная какая-то»,— думал он.

А тетка между тем уже расхаживала по комнате, оглядывая обстановку. Васек с удивлением увидел теперь, что глаза у нее точь-в-точь как у отца, с такими же короткими рыжими ресницами, что нос и все лицо тетки тоже напоминают отца, только рот и выражение лица какое-то другое. Тетка как бы угадала его мысли.

— Ишь,— сказала она, с видимым удовольствием бросив взгляд на мальчика,— рыжий. В нашу породу пошел!

Васек нахмурился и отошел к окну. «Какой я рыжий!» — думал он, приглаживая свой чуб.

Между тем тетка уже обошла все углы и орудовала в кухне.

— Ваше мыло-то? Подай полотенчико! Это что ж кастрюли-то у вас как завожены? Аль плита дымит? А соседка-то молодая или старая? Как ее звать-то?

— Таня.

— Таня...— Тетка опять поджала губы и многозначительно покачала головой.— Неаккуратная девка, по всему видать.

— Да ты, тетя, еще не видела ее, а уже ругаешь,— не стерпел Васек.

— Ее не видала, а приборку ее вижу: в печке зола, в углу сор. Слава богу, можно о человеке судить,— решительно отрезала тетка.

— Все равно, она хорошая, добрая. Ее все любят! — сердито сказал Васек.

У него росло недовольство против тетки и ее бесцеремонного хозяйничанья в их квартире.

К обеду пришел отец. Васек открыл ему дверь и тихонько шепнул:

— Тетка приехала!

— А, приехала! — обрадовался отец, отодвинул Васька, вытер платком усы и крикнул: — Дуняша!

Тетка всплеснула руками, заторопилась:

— Паша... голубчик...

— Ну-ну... вот и свиделись... вот и свиделись! — повторял Павел Васильевич, любовно оглядывая ее и прижимая к груди.— А что бы раньше приехать-то? Ведь не за горами живешь... а, Дунюшка?

Тетка оторвала от его груди заплаканное лицо.

Васек снова заметил сходство между ней и отцом. У обоих были растроганные, умиленные лица, радостные и чем-то смущенные.

— Постарели, постарели мы с тобой, сестреночка,— говорил Павел Васильевич.

— Да ведь всех схоронили... Одни на свете мы с тобой, Пашенька,— вздыхала тетка.

— Как это — одни? Полон свет хороших людей... А вот сын у меня растет, племяш твой! — весело сказал Павел Васильевич.— Вот он! Небось познакомились уже?

— Познакомились,— ласково сказала тетка.

Ваську вдруг стало жалко, что он неприветливо встретил тетку. Ее встреча с отцом растрогала его. Он сбоку подошел к обоим и с чувством сказал:

— Здравствуйте, тетя!

Тетка поцеловала его в щеку:

— Да что ж я! У меня тут для вас кой-чего...

Она внесла в комнату корзинку и стала развязывать ее.

— Не хлопочи, не хлопочи... Хлопотунья! — кричал из кухни отец, разжигая примус.— У нас все есть! Сейчас чай будем пить.

Васек с любопытством смотрел, как тетка вынимала какие-то банки, завернутые в полотенце, положила на стол румяный пирог, охая и приговаривая:

— Ай-яй-яй! Измялось все! Хорошо хоть варенье довезла. А уж толкали меня, тискали... Людей, людей едет — пропасть! А в Москву — еще больше... Пашенька! — крикнула она, развертывая сколотую булавками бумагу.— Вот тебе подарочек. А это Ваську.

— Ба, ба! — удивился Павел Васильевич, разглядывая

расшитый ворот рубашки.— Ну искусница! Ну, спасибо, Дуняша!

Васек тоже с удовольствием примерял пушистые синие варежки и такие же носки.

— Как раз! Мне как раз, папа... Спасибо, тетя! — догадался он после того, как отец еще раз обнял тетку.

— А мы-то с тобой опростоволосились! — смущенно сказал Павел Васильевич, глядя на Васька.— Не приготовили тетке подарочка.

— Что ты, что ты, какой подарочек! Ты меня и так не обижал, Паша.

Чай пили втроем. Васек слушал, как без конца рассказывает тетка о каких-то соседях, как переспрашивает ее отец, живо интересуясь всеми новостями.

— А этого-то... как его, с которым мы на огороде-то попались? — подмигивал отец.

— А,— оживленно подхватывала тетка,— Бирюковы, что ли? Живут, живут! Коля-то на инженера вышел, Маруська за летчиком в Москве. А этот, конопатенький-то, на доктора учится.

— Скажи пожалуйста! — удивился отец и скромно сказал: — А я вот мастер... стахановец!

— Слышала я, как же! — с гордостью сказала тетка.— А ведь сиротами мы росли. Вот уж истинно спасибо Советской власти! Всегда скажу, хотя сама как-то на отшибе живу. Связалась со своим домишком, с курами да с козами, и никакой пользы от меня нету... А и бросить не бросишь и уйти не уйдешь...

— А как же теперь-то? На кого хозяйство оставила?

— Да кой-что попродала. А кой-что у соседей оставила. Соседи — люди хорошие, поберегут,— прихлебывая с блюдечка чай, говорила тетка.

— М-да... Это тоже не жизнь. На старости к своим прибиваться надо. Ты уж так обдумай: может, приживешься и с нами останешься?

— Как ты, Паша... А я вся тут... Родней вас у меня никого нет.

Васек вылез из-за стола и пошел к Тане.

— У нас новость,— сказал он, — тетя Дуня приехала!

— Я уж слышу. Вот и хорошо, а то Павлу Васильевичу не управиться одному.

— А ты что же не идешь к нам? Пойдем?

— Ну, что ты! Небось они о своих делах говорят. Зачем мешать!

— Таня,— крикнул Павел Васильевич,— иди познакомься, соседи ведь!

Таня, оправляя на ходу толстую косу, смущаясь, вошла в комнату.

— Не бойся, не бойся,— подталкивал ее Васек.

Тетка быстро оглядела девушку с головы до ног. На лице ее появилось натянутое, неприятное выражение.

— Евдокия Васильевна,— сказала она, протягивая Тане руку.— Садитесь, гостьей будете.

— Да она не гостья, она наша,— громко сказал Васек.— Она живет здесь!

— Знаю, знаю,— сухо сказала тетка.— Уж я все рассмотрела... Подай стульчик, Васек!

В последний день каникул Васек вместе с отцом и теткой пошли в цирк. Перед этим тетка устроила большие и торжественные сборы. Она с утра грела утюги, чистила и гладила через мокрую тряпку костюмчик Васька, заглаживала складки на брюках Павла Васильевича.

Таня боялась высунуть нос из своей комнатки. Тетка в первые же дни завладела всем домом. Она во всем навела свои порядки, распределила в кухне все кастрюльки на «ваше» и «наше». «Ваше» — это было Танино. Таня, видимо, побаивалась Евдокии Васильевны и даже на собственные вещи не решалась заявить свои права.

— Да берите, берите,— смущенно говорила она.— У нас до сих пор все вместе было.

— Вот это-то и нехорошо, что вместе. Нам чужого не нужно, у нас своего хватит,— обрывала ее тетка.

На Павла Васильевича тетка смотрела с обожанием. Без отца Васек не садился за стол.

— Как это так? Мужчина в доме, самостоятельный, хозяин, а мы без него обедать сядем?

Павла Васильевича это стесняло, а Васек, придя со двора, нетерпеливо слонялся по комнате:

— Тетя Дуня, я есть хочу!

— Это хорошо. Значит, аппетит нагулял,— спокойно отвечала тетка, сдвигая на кончик носа очки и растягивая на коленях свое шитье.

Стол в ожидании отца был уже накрыт. Услышав знакомые шаги, тетка спешила на кухню:

— Васек, подай отцу полотенце! Повесь куртку в коридоре — запах от нее паровозный!.. Садись, Паша. Устал небось?

Павел Васильевич, видя во всем порядок и чистоту, радовался. За столом Васек запихивал в рот все, что подавала тетка, и просил добавки.

— Вот это так, это хорошо! А то, бывало, того не хочу, этого не могу...

— Да, тебя ждать-то — с голоду помрешь!

— Не помрешь,— говорила тетка.— Желудок тоже аккуратность любит.

В этот день в цирк приехали московские артисты. Васек все боялся опоздать, но тетка не вышла из дому, пока не привела брата и племянника в полный порядок. Особенно ее беспокоили съезжавший на сторону галстук Паши и рыжий чуб Васька. Галстук она в конце концов пришила к рубашке, а к рыжему украшению на лбу племянника подступила с ножницами. Но Васек загородился от нее обеими руками:

— Папа, мне этот чуб нужен! Я его вот так кручу на уроке!

— Оставь, оставь, Дуня,— поспешно вступился отец.— А то, пожалуй, я своего родного сына не узнаю. Да и мать, бывало, любила...

Он решительно взял у тетки ножницы.

В цирке они сидели рядом. На арене плясали под музыку медведи, смешил клоун. Васек подпрыгивал, хлопал в ладоши, хохотал. Отец тоже смеялся. Тетка, в шелковой зеленой кофте, сидела прямо, она изо всех сил старалась соблюсти приличие, смеялась в платочек и останавливала Васька. В антракте ели мороженое. Павел Васильевич и Васек, перебивая друг друга, делились впечатлениями. Тетка с тревогой поглядывала вокруг.

— Паша, кланяется тебе кто-то.

— А, товарищ мой с сынишкой... Здоро́во! Здоро́во! — басил Павел Васильевич, пожимая руку приятелю.— Вот, знакомьтесь: моя сестра.

— Евдокия Васильевна,— церемонно знакомилась тетка, протягивая сухую, несгибающуюся ладонь. При этом голова ее упиралась в плечи, на губах появлялась напряженная любезная улыбка.

«Смешная какая-то!» — удивлялся Васек.

Вечером, когда, веселые и довольные, Трубачевы вернулись домой, Васек разделся и, по своему обыкновению, юркнул в отцовскую кровать. Но тетка решительно воспротивилась этому:

— Ты что это, Паша, позволяешь? Что у него, своей кровати нету? Теперь и в деревнях вместе не спят... Какой это сон для рабочего человека!

— Да нам поговорить нужно еще. Мы с папой всегда на ночь разговариваем! — сердился Васек.

— Пускай, пускай полежит немного,— защищал его Павел Васильевич.

Но тетка до тех пор не погасила огня, пока Васек не перебрался на свою кровать.

Уткнувшись головой в подушку, он чувствовал себя неуютно и думал, что многое ему нужно было сказать отцу. Он вспомнил, что завтра в класс придет новый учитель, вспомнил Сашу и Колю на пруду, белый холмик и огромную желтую луну. Перед глазами все стало путаться. Холмик вдруг вырос в огромную снежную гору. И Васек заснул.

Глава 10

НОВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Каникулы кончились.

В дверях четвертого «Б» стояли два ученика. Каждого входившего они сопровождали звонким шлепком по спине.

— Честь имею! Сам Трубачев!

— Здоро́во! — кивнул головой Васек.

В классе было шумно. Ребята наперебой рассказывали друг другу свои новости.

— Мы в цирке были, там медведь на велосипеде ездил! Ой, девочки, так смешно! — рассказывала подругам Надя.

— А я всегда боюсь в цирке — вдруг кто-нибудь упадет! — серьезно сказала Степанова.

— Лида, Лида Зорина! — теребила Нюра Синицына свою подружку.— У тебя легкая рука! С кем бы мне партой поменяться? Где мне сесть? А то новый учитель придет, а я ничего не знаю.

— Лягушка-путешественница! Прочного местечка ищет! — сострил Коля Одинцов, пробираясь к Саше Булгакову.

Саша, окруженный со всех сторон ребятами, рассказывал:

— Я сзади него шел. Думал, может, родитель чей-нибудь. А тут директор Леонид Тимофеевич. «Ну, говорит, сегодня у вас, Сергей Николаевич, первое знакомство с классом?» Я тогда оглянулся и побежал... Трубачев! — крикнул Саша.— Иди сюда!

Но Трубачева атаковали девочки.

— Мы с лыжной экскурсии все вместе шли, а вы отделились. А Митя зато нас всех конфетами угощал! — хвалились девочки.

— Ну, что нам конфеты! Зато мы в таком месте были, где ни одна человеческая нога не ступала,— хвастнул Трубачев,— где снежные обвалы каждый день...

— Снежные обвалы, говоришь? — насмешливо переспросил Мазин.— И не задавило вас там?

— Прищемило немножко,— усмехнулся Петя Русаков.

— Мы удрали! — весело крикнул Саша.

— Ну, удрали! Просто ушли, потому что уже поздно было. Надо будет когда-нибудь днем туда сходить,— сказал Васек.

— Не советую. Я слышал от одного охотника-следопыта, что туда нередко забегают волки,— равнодушно процедил Мазин.

— Ребята, слышите? Волки! — ахнул Саша.

— Волки? Я так и думал,— сказал Васек.— Вот если б ружье!

— Да их нельзя стрелять. Теперь на пруду заповедник, разве вы не знали? Там вообще всякие звери водятся,— придумывал Мазин.

— Да еще голодные, верно. Такой подняли вой...— поежился Одинцов.— А мы-то было разлеглись в сугробе...

— Вот так история! — сказал озадаченно Трубачев.— Значит, мы в заповедник залезли... Булгаков, слышишь?

— Слышу. Хорошо, что вовремя выбрались оттуда, а то не собрали бы там наших косточек.

— Угу,— сказал Мазин и отошел, удовлетворенный этим разговором.

В дверях показался Сева Малютин.

— Сегодня новый учитель! — сообщил ему Трубачев.

По коридору прокатился гулкий звонок.

Ребята уселись за парты. Все взгляды устремились на дверь.

* * *

В класс вошел учитель. Он поздоровался, оглядел ребят и сказал:

— Ну, будем знакомиться. Меня зовут Сергей Николаевич.

— Сергей Николаевич...— повторил кто-то из ребят.

Учитель улыбнулся и развел руками:

— Но я один, а вас много! Давайте попробуем такой способ: я буду знакомиться сразу с целым звеном. Согласны?

— Согласны.

Ребята подтянулись, ждали. Учитель подошел ближе к передним партам:

— Ну, начнем с председателя совета отряда.

Васек вскочил:

— Есть! Председатель совета отряда Трубачев!

Сергей Николаевич быстрым взглядом скользнул по крепкой фигуре Трубачева, приметил непокорный рыжий чуб, темные глаза и приветливо кивнул головой:

— Запомню... Вожатые звеньев!

Лида Зорина, Саша Булгаков и Коля Одинцов встали.

— Давайте по очереди! — Учитель остановил глаза на Лиде.

— Звеньевая Зорина. В звене десять человек. Звено, встать! — краснея, скомандовала девочка.

Крышки парт с тихим шумом поднялись. Лида назвала всех по фамилии. За ней были вызваны Одинцов и Булгаков.

— А Булгаков у нас еще староста!

— А Одинцов — ответственный редактор! — осмелев, зашумели ребята.

— Ну, значит, я приобрел замечательных знакомых. Все такие ответственные лица...— пошутил Сергей Николаевич.

Ребята улыбались, переглядывались, кивали друг другу. Леня Белкин показывал за спиной большой палец, выражая этим свое удовольствие.

Сергей Николаевич сказал:

— А я видел ваши работы на выставке. Некоторые очень интересны. Например, ледокол... потом подводная лодка... Очень, очень неплохо сделано.

Новый учитель понравился. Он двигался по классу уверенно и легко, не делая лишних движений, говорил звучным голосом, отчетливо выговаривая слова. Спрашивал ребят, как они провели каникулы, где были, что видели. Потом рассказал, как он в детстве любил собирать всякие коллекции и однажды, зацепившись за водоросли, полчаса просидел в реке.

— Не утонули? — испуганно спросила Надя Глушкова.

— Как видишь,— улыбнулся учитель. Улыбка у него была очень светлая и запоминалась.

Ребята разговорились. Каждому хотелось рассказать что-то о себе. Коля Одинцов летом был на Урале. Он привез оттуда разные камни.

— Ты принеси в следующий раз, мы их тут рассмотрим,— сказал учитель.

Саша Булгаков собирал марки, многие ребята — коллекции насекомых.

Васек вспомнил, что летом он занимался выжиганием по дереву, и спросил:

— Можно принести?

— Принеси.

На следующем уроке Сергей Николаевич вызывал к доске. Спрашивая, он терпеливо ждал ответа, а одному мальчику заметил:

— Ты сначала подумай, о чем хочешь сказать, а потом говори. Надо, чтобы мысль была совершенно ясная, тогда ее легко выразить словами.

Уходя, учитель обратил внимание, что в одном месте парты слишком выдвинуты вперед, и без всякого усилия один передвинул весь ряд.

Ребята ахнули.

После уроков не хотелось расходиться по домам. Ребята шумно обсуждали каждую шутку учителя, каждый жест, улыбку, слово.

— Нет, какой силач! Силач-то какой! — с восторгом кричал Леня Белкин.

— Из всех учителей наш самый лучший! — говорили девочки.

— Он, наверно, военным был. Крепкий такой, ловкий! — предположил Одинцов.

— У него, пожалуй, не побалуешься на уроке,— опасливо сказал Русаков.

Ребята засмеялись.

— Посмотрим,— равнодушно сказал Мазин.— А что он сделает?

— Вышвырнет из класса, вот что! Видал, как парты одним махом передвинул? — смеялись ребята.

— А мне так интересно было — я все боялась, что звонок скоро,— улыбнулась Степанова.

— А Синицына-то, Синицына! — фыркнул Одинцов.— Как

воды в рот набрала! А потом у доски каким-то тоненьким, не своим голосом пищала.

— Врешь! Врешь! Ничего подобного! Я ничуть не испугалась. И учитель мне ваш не понравился. Ни капельки не понравил-ся! — прищурившись, протянула Синицына.

— Да не мо-жет быть! — растягивая слова и так же прищурившись, передразнил ее Одинцов.

— Дразнись не дразнись, а не понравился! — обернулась к нему Синицына.

— А почему не понравился? Говори почему? — подступили к ней ребята.

— Она и сама не знает,— улыбнулась Валя Степанова.

— Нет, знаю! — упрямо сказала Синицына.— Во-первых, у него к детям никакого подхода нет. А просто он с нами обращается как со взрослыми.

— Фью! — свистнул Одинцов.— Что же он, в детский сад пришел? В ладоши хлопать должен?

В класс заглянул директор.

— Леонид Тимофеевич, а у нас новый учитель! — крикнула Лида.

— Да что ты говоришь? — развел руками директор.— Как же это так? А я ничего не знаю!

Ребята дружно расхохотались.

— Я знаю, что вы знаете...— смутилась Лида, прячась за спины подруг.

Директор посмотрел на часы:

— Учитель новый, а расписание старое. Или вы решили на вторую смену остаться?

Ребята с шумом выбежали из класса.

* * *

Васек ходил за теткой, с жаром рассказывая ей про нового учителя.

— Он знаешь, тетя Дуня, сильный какой! Он взял и прямо с одного маху все парты передвинул. Силач!

— Боксер, наверно,— предположила тетка.

— Нет. Почему боксер? — растерялся Васек.— Боксер — это, знаешь, в таких перчатках борется. А он нет. Он же учитель.

— А... учитель? — складывая в корзинку вымытые ножи и вилки, рассеянно переспросила тетка.— Ну-ну... А где же это у меня ножик один? Обронила, что ли?

Она полезла под стол.

Васек присел на корточки и, приподняв скатерть, с жаром продолжал:

— У нас все ребята любят его! И не то чтобы он очень добрый, он даже улыбается редко...

— Нашла,— вылезая из-под стола, сказала тетка и вдруг озабоченно спросила: — С чего же это он все улыбается да улыбается?

— Кто?

— Да учитель ваш. Эдак и с ученья твоего мало толку будет.

— Да ну тебя! — рассердился Васек.— Я совсем наоборот говорил.

— Это что же такое «наоборот»? — сдвинув на нос очки, строго допытывалась тетка.

Васек посмотрел на нее и прыснул со смеху:

— Ой, не могу!

— Ишь, смеяться-то ты горазд,— добродушно сказала тетка.— А вот посмотрю я, как в учебе поспеваешь. Очень уж вас балуют теперь. А про учителя ты лучше отцу расскажи: он человек самостоятельный, пускай сам разбирается, кто плох, кто хорош.

Васек с хохотом выкатился в кухню:

— Таня! Я тете Дуне про учителя рассказываю, а она... она... сначала... боксером его...

Васек беззвучно затрясся от смеха. Таня взглянула на его лицо и тоже залилась смехом. Тетка вышла в кухню и, поглядев на Таню, ехидно сказала:

— Не знаю, кто из вас старше да умнее!

Но слова эти только подбавили жару в огонь. Васек и Таня смеялись уже без всякой причины, неудержимо и весело.

Павел Васильевич пришел поздно. Он был взволнован предстоящей длительной поездкой.

— Недельки на три укачу,— говорил он, глядя на Васька теплыми, озабоченными глазами.— Ты тут не скучай, Рыжик...

В этот вечер они долго разговаривали. Васек торопливо рассказывал отцу все свои новости.

Учитель по рассказам сына понравился Павлу Васильевичу.

— Вот и гляди, чтобы не ударить перед ним лицом в грязь,— поучал он.

Тетка долго не гасила свет, но вмешиваться в разговор не решалась.

Утром в доме была суматоха. Тетка собирала отца в дорогу: пекла ему пирожки, складывала в чемодан белье и метила его, чтобы оно, чего доброго, не перемешалось с чьим-нибудь чужим.

Васек ходил за отцом по пятам и ежеминутно спрашивал:

— Ты целые три недели будешь?

— Три недели.

Васек вздохнул:

— Ну ладно. Сегодня все ребята принесут в школу свои работы или коллекции. Я тоже хотел выжженную коробочку взять и мамину рамку.

Отец и сын начали разглядывать выжженные Васьком вещицы. Васек осторожно держал в руках рамку. Из рамки смотрела на него мать со своей всегдашней спокойной, милой улыбкой.

— В бумажку заверни. Не потеряй там,— сказал отец.

— Ну, что ты!

Они поглядели друг на друга. Сердце у Васька сжалось.

— Приезжай скорей, что ли,— пряча рамку, сказал он.

— Паша, Паша,— закричала тетка, появляясь на пороге,— собирайся! Что ты с ним, как маленький, связался! С коробочками да рамочками...

— Ну-ну,— сдвинул брови отец,— не командуй. Это наши дела.

Он крепко обнял Васька. Васек благодарно и горячо сдавил руками его шею.

Тетка покачала головой и скрылась в кухне.

* * *

На кустах, обросших мохнатым инеем, наросли высокие шапки снега.

Сергей Николаевич шел из школы. Он не торопился. В глазах у него пестрел класс. Несколько фамилий и лиц уже запомнились, другие еще терялись в общей массе.

«Живые, хорошие ребята! И директор приятный...»

Сергей Николаевич вспомнил, как Леонид Тимофеевич, проводив его в класс, весь первый урок похаживал по коридору, как будто в классе сидели его собственные дети и держали экзамен перед новым учителем.

— Ну как? — вытирая платком круглую лысину, спрашивал он в учительской.— Как вам мои ребята?

Сергей Николаевич пожал ему руку.

Директор закивал головой.

— Там есть... Там есть пики-козыри! — сказал он, щуря смеющиеся карие глаза.— Но работать можно! Работать можно!

Учителя приняли Сергея Николаевича в свою среду просто и сердечно. Вожатый отряда Митя тоже понравился учителю.

Сергей Николаевич спрашивал Митю про пионерскую работу, сборы, экскурсии. Они вдвоем уселись на диван, а потом, стоя в дверях учительской, никак не могли расстаться, и Митя, силясь перекричать дребезжащий звонок, говорил:

— Мы на лыжах недавно через весь лес прошли... А девочки ребятам не уступают...

Сергей Николаевич взбежал на крыльцо маленького домика и крепко застучал ногами, отряхивая с калош снег.

Из комнаты его окликнул отец:

— Ну-ну, долго ты нынче! Как там дела?

Сидя в кресле, Николай Григорьевич приоткрыл одну поло-

винку двери и, откинув голову, смотрел на сына из-под густых бровей светлыми голубыми глазами.

— Ну как? Познакомился? Подружился?

— Познакомился! — Сергей Николаевич повесил пальто, бросил на полку шапку.— И, кажется, подружусь!

— Ну и хорошо! Первое впечатление самое верное, говорят. За обедом подробно расскажешь. А у меня радость. Письмо получил. Матвеич мой объявился! На пасеке живет. Приглашает в гости.— Старик протянул сыну письмо: — Вот, читай!

— Да ну? Матвеич?! А про Оксану пишет? — пробегая глазами неровные строчки, спрашивал Сергей Николаевич.

— Пишет, пишет! Соскучилась твоя сестренка,— вздохнул отец.

Матвеич был старый товарищ Николая Григорьевича. В гражданскую войну оба они партизанили на Украине, потом расстались, изредка обмениваясь письмами и сохраняя старую дружбу. Теперь Матвеич звал старика на Украину: «Приезжай, старина! Полечим твои больные ноги».

От партизанских лет, проведенных в лесах и болотах, у Николая Григорьевича к старости разболелись ноги. Он редко куда-нибудь выходил и в отсутствие сына скучал, с нетерпением глядя в окно. Особенно мучило его безделье.

— Я ведь еще работать могу. Ноги мне не мешают,— грустно говорил он сыну.— Ты вот всю ночь там что-то пишешь. Давай я хоть помогать тебе буду.

Как-то Сергей Николаевич попросил отца переписать свой доклад, с которым он должен был выступать на совещании учителей. Старик оживился, захлопотал и принялся за работу. Он тщательно переписал доклад разборчивым, крупным, немного детским почерком, без единой помарки.

— Ого! Да тебе мог бы позавидовать любой ученик четвертого класса! — смеясь, сказал Сергей Николаевич.

Вечером, выметая комнату, он обнаружил в углу скомканную бумагу — это были испорченные листы с кляксами. Но старик уже зарекомендовал себя как переписчик. И теперь

Сергей Николаевич сам часто обращался к нему с просьбой переписать что-нибудь.

Прочитав письмо, они вдвоем стали сочинять ответ Матвеичу.

— А что, Сережа, может, и катнем с тобой в гости, а?

— Катнем, катнем,— отвечал Сергей Николаевич.— Как-нибудь летом...

Глава 11

В КЛАССЕ

Ребята из четвертого «Б» прибежали в школу раньше всех. Почти каждый из них тащил что-то под мышкой или осторожно нес свою раздутую сумку.

— Стой, стой! Показывай, что за багаж у тебя? — останавливал на крыльце Грозный.

Иван Васильевич не переносил двух вещей: пугачей и рогаток.

Нюх у него на эти вещи был безошибочный:

— Стоп! Что-то ты такой бодрый нынче?

И, нащупав оттопыренный карман, Грозный вытаскивал оттуда предательски торчавшую рогатку.

— Так... до зубов вооружился. Давай пугач!

— Да нету у меня, Иван Васильевич!

— Нету? Кому-нибудь другому рассказывай!

Васька он пропустил беспрепятственно — из сумки у него торчал только выжженный пенал.

В классе ребята показывали друг другу свои сокровища. Девочки принесли вязанье, платочки, вышивки. Мальчики высмеивали их:

— Станет он это смотреть, очень ему нужно! В куклы с вами играть!

— Мы Марии Михайловне всегда показывали. Ей даже нравилось очень! — кричали девочки.

— Марии Михайловне! Да она сама вышивала, она учительница, а он учитель! — доказывали им мальчики.

— Девочки, не слушайте их! Вот назло я первая свою вышивку покажу! Я не боюсь! — кричала Синицына.

— Ну и что хорошего? Только осрамитесь! — возмущался Одинцов.

— А какое вам дело? Мы сами за себя отвечаем.

— Девочки, не обращайте на них внимания! — уговаривала подруг Зорина.

Степанова медленно развязывала какую-то коробочку.

— Мы просто покажем все, что у нас есть. А ты, Одинцов, умнее, когда молчишь, честное пионерское.

Надя Глушкова запрыгала:

— Получил? Получил?

На Одинцова со всех сторон посыпались шутки.

— Ну, напали!..— крикнул Леня Белкин.— Одинцов, удирай, а то засмеют!

— Да ну их!

Навстречу Ваську бросился Саша:

— Трубачев, я тебя давно жду! Вот марки принес.

— И я принес пенал и рамку.— Васек похлопал по сумке.

— Трубачев,— крикнула Синицына,— мы первые будем свои работы показывать.

— Трубачев, они хотят со своими вышивками вылезать... Понимаешь? Новый учитель — военный человек, а они к нему с тряпками! — объяснил Одинцов.

— Мы не с тряпками!

— А с чем же?

— У нас — свое, а у вас — свое!

Васек положил на парту сумку.

— Тише! — Он выждал, пока наступила тишина.— Кого Сергей Николаевич спросит, тот и покажет — мальчик или девочка, понятно? А самим не вылезать, категорически! Понятно?

— Понятно! — прошумел класс.

— Ну и лучше! Так, по крайней мере, никому не обидно.

Ребята занялись рассматриванием принесенных вещиц. В классе шуршала бумага, под партами валялись обрывки газет, тесемки, тряпочки.

Саша был занят марками. Одинцов раскладывал по ящикам свои камни. Трубачев, сидя боком на парте, что-то рассказывал ребятам. Когда в класс вошел Сергей Николаевич, все вскочили. Учитель прошел к столу. Под ноги ему попалась какая-то бумажка. Он поднял ее, повертел в руках, потом оглядел класс и сдвинул брови.

— В классе грязно. В чем дело? — отчетливо сказал он и, заложив руки за спину, отошел к окну.

Несколько ребят сорвались с места и нырнули под парты. Через минуту учитель повернулся к классу. Все сидели уже на местах с виноватыми, сконфуженными лицами.

— Я думал, что говорить о чистоте и порядке в четвертом классе мне не придется. Но пусть это будет в первый и последний раз. Вы не малыши, и объяснять тут вам нечего. Есть староста, есть дежурный по классу, есть санком. Честный человек честно относится к своим обязанностям.

Все были подавлены. Синицына, прикрыв ладонью рот, отвернулась и сделала ребятам гримасу.

«Что? Говорила я вам? Вот и люби́те его после этого!» — было написано на ее торжествующей физиономии.

Начался урок. Учитель вызывал к доске, спрашивал с мест. Ребята подтянулись. Они старались так ходить, как ходит учитель, так четко выговаривать слова, как выговаривает он, и вообще заслужить улыбку, шутку, похвалу. Выходя к доске, мальчики прижимали руки к туловищу и старались держаться прямо, по-военному.

На переменке озабоченно переговаривались между собой:

— Не спрашивает, что принесли.

— Забыл или рассердился?

— Ага, похвалиться хотели, а он и не спрашивает ничего! — язвила Синицына.

Васек заложил в учебник свою рамочку — он уже пожалел, что принес ее: «Зря только карточку изомну».

Но на последнем уроке Сергей Николаевич вдруг сказал:

— Кто-то из вас собирался принести свои работы, коллекции. Одинцов, кажется, хотел показать уральские камни.

Ребята ожили:

— Одинцов, Одинцов, иди!

Одинцов покраснел от удовольствия:

— Можно показать?

— Конечно.

Одинцов вытащил из сумки серую коробку с несколькими отделениями и подошел с ней к столу. Учитель внимательно рассматривал камни — о каждом он знал что-нибудь интересное. Рассказывая, держал камень на ладони, обходил с ним всех учеников.

Или говорил Одинцову:

— Покажи ребятам.

За камнями появились коллекции насекомых, за коллекциями — Сашины марки. Все приобретало особый интерес в руках учителя.

— Вот этот жук...— говорил Сергей Николаевич.

И жук начинал оживать в его рассказе. Он гудел, жужжал, портил в садах деревья, спасался от преследования и наконец укладывался обратно в коробочку.

— Вот эта марка...— говорил учитель.

И марка начинала длинное путешествие из чужой страны через моря, через океаны, на судне, на самолете, в поезде и наконец возвращалась к Саше.

Васек показал пенал и рамку с карточкой матери. Учитель спросил, кто выжигал.

Васек сказал, что он сам. Учитель посмотрел на карточку и улыбнулся:

— Твоя мать?

— Да,— сказал Васек и, испугавшись, что учитель будет что-нибудь спрашивать, поспешно добавил: — Она умерла.

— Возьми,— сказал учитель, передавая ему рамку.

И, подняв вверх пенал, стал рассказывать, как по дереву можно выжечь различные рисунки и раскрасить их.

Несколько мальчиков не принесли ничего. Учитель удивился:

— А что же вы любите, что делаете дома?

Малютин вытащил из-под парты большой лист.

— Я немножко черчу,— сказал он.— Вот тут я нашу школу

начертил, и улицу, и парк...— Рассказывая, он проводил мизинцем по тонким и жирным линиям на бумаге.— А вот это,— указал он на другой чертеж,— прямо так, я выдумал из головы такое, как бы мне хотелось... чтоб было... новая школа, фруктовый сад вокруг, пристань...

Ребята вытянули шеи и с любопытством смотрели на Севу.

— Постой, это очень интересно. Это план, так сказать. Молодец! — с видимым удовольствием сказал учитель.— А как же ты чертить научился?

— У меня мама чертежница, я ей помогаю иногда,— скромно сказал Сева.

— Интересно,— улыбнулся учитель.— Ну, давай покажем ребятам, как делается план улиц, строений. Покажи-ка нам школу!

Сева прошел по всем партам, объясняя:

— Вот улица... вот школа...

Когда он кончил, Сергей Николаевич сказал:

— А девочки нам ничего не показали!

Девочки низко наклонились к партам. Лида Зорина бросила торжествующий взгляд на мальчиков и шепнула что-то Вале Степановой.

Степанова встала:

— У нас одно фото... Потом одна девочка занимается лепкой, потом еще одна книжки переплетает... и еще...

Она обернулась к подругам.

— Игрушки... игрушки...— подсказал кто-то сзади.

— Да, игрушки на елку и еще... вышивки всякие,— закончила Валя Степанова.

— Так давайте, что же вы! Это все нужные и интересные занятия. Очень интересные!

Девочки, перешептываясь, достали свои сверточки и гуськом потянулись к столу.

Мальчики переглядывались:

— Ого! Когда это они делали? Вот хитрюги какие!

— Смотри, смотри! Степанова снимок показывает!

Сергей Николаевич держал в руках фотографический снимок:

— Очень интересная работа! Это ты, что же, увеличила?

За снимками появился удачно вылепленный из глины галчонок с раскрытым ртом и растопыренными крыльями, за галчонком — вылитые из гипса фигурки и аккуратно переплетенные книги.

Мальчики молча таращили глаза.

Сергей Николаевич рассматривал все с большим интересом. Лучшие работы показывал классу.

Вышивки, кружева и вязанье тоже понравились учителю.

— А вот это и я умею делать,— вдруг сказал он, поднимая вверх туго сплетенный из сутажа пояс.— У меня даже галстук такой есть!

Девочки ликовали. Мальчики улыбались, но на девочек не глядели.

Учитель рассмотрел еще несколько вышивок; на одной трудно было определить, кто вышит — не то заяц, не то кошка. Разговор перешел на мышей, ежей, кроликов.

Одинцов сострил:

— А Леня Белкин поймал белку.

— Жалко, что у нас нет Медведева: он поймал бы медведя,— сказал учитель.

— Есть, есть Медведев! — закричали ребята.

Медведев, коротенький, щупленький мальчик, поднялся с места.

— Мне не поймать,— смущенно сказал он под громкий хохот ребят.

Глава 12

«ТИШЕ... ТИШЕ...»

Одинцов, Саша Булгаков и Васек вышли вместе.

— Вот что, ребята,— сказал Васек.— Давайте пересмотрим расписание дежурных, чтобы такого, как сегодня, больше не было. Слыхали, как он сказал: в первый и последний раз! Да еще о честности...

— Да! — подхватил Одинцов.— Я сегодня чуть не пропал, думал — сквозь землю провалюсь, когда он отошел к окну.

Саша вытащил записную книжку.

— Кого же мне назначить? Может, вместе составим расписание?

— Одинцов, ты помоги ему... Знаешь, чтоб подобрать хорошие пары, кого с кем, чтобы все как по маслу шло!

— Ладно, мы сделаем! А я вот что, ребята, придумал: давайте попросим Сергея Николаевича посадить нас вместе,— сказал Одинцов.

— Да как же втроем сядем? — засмеялся Васек.

— Ну, один впереди, два сзади, а все-таки вместе. Попросим, а?

— Ну что ж, попросим,— решили товарищи.

У своего дома Васек распрощался с друзьями.

— Папа уехал? — спросил он у порога.

— Уехал. Утром еще. А ты что же, забыл? — отозвалась тетка, накрывая на стол.

— Нет, не забыл.

Васек почувствовал острую необходимость видеть отца, рассказать ему о том, что было в классе, посоветоваться.

«Сейчас надо бы подтянуть ребят...— подумал Васек.— А как подтянуть?»

Он вспомнил, что ему говорил Митя: «Хочешь ребят подтянуть — подтянись сам, а то ребята знаешь какие? Сразу скажут: «Ты что с нас спрашиваешь? Ты раньше с себя самого спроси».

Васек вспомнил, что за все время каникул он не брал в руки учебника, и, наскоро пообедав, сел заниматься. Но мысли както разбегались, что-то не додумывалось до конца, беспокоило. «Со стенгазетой запаздываем. И что Одинцов думает! Ведь он редактор, почему я должен ему напоминать?»

Кроме стенгазеты, что-то еще царапало Васька. Когда учитель похвалил Малютина за чертежи, Васек вдруг почувствовал что-то против Севы и довольно грубо сказал ему, когда тот сел рядом с ним: «Не рассаживайся на всю парту со своими планами!»

— Васек! — позвала из кухни Таня.— Иди сюда! У меня билеты в кино. Пойдешь? У нас в клубе. Вместе и домой потом придем.

Васек не успел ответить — тетка просунула в дверь голову:

— Васек уроки должен учить, день будний, а в вашем клубе как-нибудь обойдутся без него!

— Как хочет,— бегло взглянув на мальчика, сказала Таня.

— Ему и хотеть нечего, за него взрослые думают...

— Почему это еще? — грубо прервал ее Васек.— Захочу — и пойду! Ты мне запретить не можешь — я не маленький.

— Тише, тише...— вдруг зашептала тетка, приложив к губам палец с наперстком и оглядываясь с таким видом, будто в комнате спал ребенок.— Тише, тише... тише.

— Чего — тише? — сбавляя тон, удивленно спросил Васек.

— Сядь на место сейчас же,— тем же значительным шепотом произнесла тетка.

Таня смотрела на нее испуганными глазами.

— Сядь на место тихонечко...

Васек пожал плечами, пошел в свою комнату и сел на место.

— Ну и чего? — нетерпеливо спросил он, поднимая глаза на вошедшую за ним тетку.

Тетка молча закрыла в кухню дверь и спокойно взяла свое шитье.

— Что — чего? — сказала она обычным голосом.— Чего задано. Сиди и занимайся.

Васек покраснел от злости.

«На пушку взяла... «Тише... тише...» Колдунья старая!» — с раздражением думал он, глядя на склоненную голову тетки с ровным, как ниточка, пробором.

Но делать было нечего. Он раскрыл учебник географии и стал заниматься. А поздно вечером, засыпая, слышал сквозь сон, как тетка отчитывала Таню:

— Ваше ученье в ваших руках. Вы себя самостоятельной чувствуете, хотя и не сказать, что много над образованием трудились, а Ваську еще учиться да учиться. Теперь сын отца перегоняет, в жизни последнее место никому не надобно, а вы

молодая, беспечная — может, вся ваша жизнь для кино пойдет...

Васек не слышал, что отвечала Таня, и сам не мог двинуться на ее защиту; голос тетки, однозвучный и монотонный, как дождь по стеклу, заглушался непобедимым сном набегавшегося за день человека. «Иш-шь... ты... тетка...»

Глава 13

РАСПИСАНИЕ

Одинцов и Саша Булгаков, проводив Васька, пошли вместе, советуясь, как лучше составить расписание дежурств.

— Хорошо бы девочек отдельно, а мальчиков отдельно,— сказал Саша,— а то они на дежурстве ссориться будут и сваливать друг на друга.

— Верно! — обрадовался Одинцов.— Мы их отдельно поставим. Пусть они за себя отвечают, а мы за себя. Тогда, по крайней мере, Сергей Николаевич сразу будет знать, кто честно дежурит, а кто нечестно.

— Да, и потом соревнование у нас получится.

— Зайдем сейчас ко мне и сразу напишем, а завтра вывесим,— предложил Одинцов.

— Зайдем!

Товарищи провозились часа два, а утром чисто переписанное Одинцовым расписание висело в классе под двумя заголовками:

ДЕЖУРСТВО МАЛЬЧИКОВ
и
ДЕЖУРСТВО ДЕВОЧЕК

Дальше следовали фамилии.

* * *

На другой день Васек встал рано. Тетка разговаривала с ним как ни в чем не бывало.

«Обманула меня вчера, хитрюга!» — беззлобно думал Васек, вспоминая вчерашний случай.

В школе навстречу ему бросился Леня Белкин:

— Трубачев, иди скорей! Там девчонки из-за расписания крик подняли.

— Какой крик? — Васек быстрыми шагами вошел в класс.

Около нового расписания собралась целая куча ребят.

— Неправильно! Все равно неправильно! — кричали девочки.— Не имеете права разделять класс! И мы ничуть не хуже вас дежурим!

— Не хуже, а лучше!

— А ты, Булгаков, звеньевой, да еще староста, Одинцов тоже звеньевой, а делаете неправильно! — кричала Лида Зорина, взъерошенная, как птица, защищающая своих птенцов.

— Вы лучше, так вот мы вас отдельно и поставили! — старался перекричать ее Одинцов.

— Мы думали соревноваться с вами,— оправдывался Саша.

— Не спорьте, не спорьте! — вмешался Васек.— Не кричите! Сейчас все разберем... Зорина, подожди!.. В чем дело, Булгаков?

— Понимаешь, мы их отдельно в расписании поставили, чтобы в случае чего они сами за себя отвечали, а мы сами...

— А они орут! — с возмущением перебил Сашу Одинцов.— Мы хотим, чтоб лучше было...

— Трубачев! — выскочила опять Лида.— Они хотят, чтобы мы дежурили отдельно, а я считаю — это не по-товарищески. Мы все должны быть вместе. И вообще, ребята к девочкам придираются... Ты разберись, Трубачев!

— Вы вечно на нас жалуетесь! — кричал Белкин.

— Из-за всякой мелочи тарарам поднимаете! — презрительно бросил Мазин.

— Тише! — Васек крепко сдвинул брови, подошел к стене, сорвал расписание и сунул его Одинцову: — Перепиши заново. Зря это.

Класс притих. Одинцов и Саша глядели на Трубачева виноватыми глазами.

Васек сердито повернулся к ним:

— Мы ведь как хотели сделать? Составить крепкие пары дежурных. А вы что? Одним словом, надо переписать заново... И нечего крик поднимать!

— Девчонки все языкатые! — крикнул кто-то из ребят.

— Мы не языкатые, а если неправильно, молчать не будем, мы тоже...— начала Степанова.

— Перестань! — прервал ее Васек.— Сейчас звонок будет... Ребята, по местам!

Ребята разошлись по партам, кое-кто продолжал еще ворчать.

Васек Трубачев поднялся из-за парты и, обернувшись лицом к классу, постоял так несколько секунд. Потом молча сел.

— Образцовая тишина. Я думал, у меня ни одного ученика нет,— пошутил Сергей Николаевич, входя в класс.

Васек пригладил свой рыжий чуб и удовлетворенно улыбнулся.

Глава 14

УРОК ГЕОГРАФИИ

Первый урок был география. Сергей Николаевич принес в класс большую немую карту.

— Сейчас мы с вами немножко попутешествуем,— сказал он, отходя в сторону и потирая руки.

Из окна на лицо Сергея Николаевича падал свет, и ребята в первый раз заметили, что у него светло-серые глаза и очень белые зубы.

— Ну так... Трубачев! Зорина! Мазин! — медленно вызывал учитель.

Ребята с интересом смотрели, как один за другим подходили к доске вызванные.

Васек старался казаться спокойным, черные брови Лиды Зориной испуганно лезли вверх, и даже на толстых щеках Мазина выступил румянец.

Все трое остановились у карты.

Учитель окинул их взглядом и обратился к классу:

— Три рыбака... скажем, бригадиры рыболовецких бригад... водным путем везут в Москву рыбу.

Ребята слушали внимательно, боясь пропустить хоть одно слово.

— Ты, Трубачев, везешь рыбу...— учитель прищурился и поглядел на карту,— с Балтийского моря. Зорина везет рыбу с Каспийского моря, а Мазин — с Белого моря. Все три бригады должны встретиться в Москве, понятно?

— Понятно,— ответил за всех Васек.

Лида Зорина уже бегала глазами по карте. Мазин тоже уставился на карту, пытаясь определить направление рек.

— Посмотрите внимательно, выберите себе путь и отправляйтесь,— сказал Сергей Николаевич.— Ну, кто первый начнет?

Ребята поглядели друг на друга.

— Я,— сказал Васек и взял указку. «Будь что будет!» — подумал он.

— Трубачев? Ну, пожалуйста!

— С Балтийского моря я вошел в Финский залив...— начал Васек.

Учитель кивнул головой.

— ...прошел по Неве...— Васек показал на карте.

— Хорошо,— сказал Сергей Николаевич.

— ...в Ладожское озеро...— Васек откашлялся, чтобы выиграть время,— затем вот по этой реке...

— Свири,— подсказал Сергей Николаевич.

Васек заторопился:

— ...в Онежское озеро...

Через секунду он уже плыл по Шексне, достиг Рыбинского моря, благополучно прибыл в Москву и с облегчением вздохнул.

— Очень хорошо, Трубачев! Теперь жди своих товарищей.

Лида Зорина взяла указку.

— Вот, кажется, на встречу с тобой направляется женская бригада Зориной... Откуда идешь, Зорина?

— С Каспийского моря,— ответила Лида Зорина, осторожно вывела свой пароход на Волгу, прошла мимо Астрахани,

мимо Сталинграда, вышла на реку Оку, бойко перечислила по пути несколько городов, благополучно прибыла в Москву и, тряхнув косичками, передала указку Мазину.

— Я вот здесь поеду,— сказал Мазин, направляясь к Северной Двине.

Учитель улыбнулся:

— Как хочешь, но у тебя есть более короткий путь.

— Я по Северной Двине,— безнадежно сказал Мазин, упираясь в неизвестные ему притоки. Направо узенькая ниточка неожиданно оборвалась. Налево путь был неизвестен. Мазин подумал и вернулся обратно.— Застрял,— сознался он, отвечая на вопросительный взгляд учителя.

— Трубачев, подскажи ему,— сказал учитель.

Трубачев взял у Мазина указку.

— Можно через Сухону к Рыбинску,— сказал он.

Когда Мазин с помощью Трубачева добрался до Москвы, Сергей Николаевич посадил всех трех учеников на место и сказал:

— Трубачев справился с трудным путем. Зорина тоже не сплоховала. А вот Мазин пока что плохой путешественник. Москва, пожалуй, не скоро получит от него рыбу.

Ребята засмеялись. Но Сергей Николаевич стал серьезным:

— Тебе, Мазин, нужно немножко подучиться.

Мазин почесал затылок:

— Я много пропустил...

— Трубачев, помоги товарищу,— сказал Сергей Николаевич.

— Есть! — радостно отозвался Трубачев и оглянулся на Мазина.

По одному взгляду его Мазин понял, что занятия будут серьезные.

«Пожалуй, я с ним не только в Москву, а в Атлантический океан заеду»,— со вздохом подумал он. И не ошибся. Сразу же на переменке Васек с решительным видом подошел к нему:

— Выбирай: я к тебе или ты ко мне?

— Я к тебе,— уныло ответил Мазин.

— Ну,— сказал Русаков товарищу,— не хотел бы я быть на твоем месте. С Трубачевым дело иметь — чахотку наживешь. По всем горам будешь лазить, во всех реках искупаешься,— печально сострил он.

— Зато в классе не утону,— усмехнулся Мазин.

После обеда он направился к Трубачеву.

Васек уже ждал его, с нетерпением поглядывая на дверь.

— Ну и обедаешь ты! Целую корову можно съесть за это время! — встретил он товарища.

Мазин увидел карту, разложенную на полу, и почесал затылок:

— Эх, жизнь!

Васек вытащил учебник географии:

— Говори честно, что знаешь и чего не знаешь.

Мазин скосил глаза на учебник:

— Ничего не знаю.

— Совсем ничего?

— Совсем ничего.

— Ладно,— сказал Васек,— начнем с первой страницы.

— Я способный,— утешил его Мазин.— Давай показывай.

Мальчики погрузились в занятия. Тетка два раза заглядывала в комнату, на цыпочках проходила мимо двух склоненных над картой голов и, когда Мазин ушел, сказала Ваську:

— Это что ж ты на этого толстого здоровье свое тратишь? Два часа на коленках лазил, небось и чулки протер. Кто это велел тебе?

— Учитель велел. Да он способный, ничего,— ответил Васек, собирая на завтра книги.

Глава 15

СТЕНГАЗЕТА

«Доброе утро!» — сказал по радио чей-то громкий голос.

Васек вспомнил, что как-то в разговоре с ребятами Сергей Николаевич посоветовал всем делать зарядку. Он почувство-

вал прилив бодрости, вскочил с постели и, стоя в одних трусиках посреди комнаты, начал делать упражнения.

— Ты что это акробатничаешь с утра? — недовольно спросила тетка, обходя его стороной с чайной посудой в руках.

— Зарядку делаю!

Васек показал ей на радио. Тетка прислушалась.

«Вдох... выдох... приседание...»

— Не очень-то приседай, а то в школу опоздаешь,— добродушно сказала тетка, не смея спорить с тем, чей голос в этот утренний час распоряжался всеми ребятами.

«Значит, так надо,— решила она про себя.— Зря бы не стал человек по радио надрываться». И, выждав, пока Васек кончил, тетка спросила:

— А что же ты раньше этой самой зарядки не делал?

Васек, обтирая мохнатым полотенцем крепкое, как орех, разогретое движениями тело, просто ответил:

— Глупый был.

— А... поумнел, значит? — пошутила тетка.

Племянник ей нравился. Он аккуратно ходил в школу, учился, учил других, хорошо ел, крепко спал и редко спорил с нею. Каждый день спрашивал, нет ли писем от отца, скучал без него, но не жаловался, не ныл, а переносил разлуку стойко.

От Павла Васильевича уже было одно письмо.

Тетка с особым удовольствием передала его Ваську и, увидев его загоревшиеся глаза, с удовлетворением подумала: «Хороший сын. Такой сын и на старости отца не обидит».

В письме Павел Васильевич описывал дорогу, места, которые он проезжал, мирную трудовую жизнь тамошних людей.

«Богато тут живут люди, и всего здесь много, только нет моего вихрастого Рыжика»,— неожиданно заканчивал отец. Васек читал, перечитывал, смеялся, а вечером забрался на отцовскую постель и заснул, положив письмо под подушку. Утром, лежа в кровати, он пересчитал по пальцам, сколько дней осталось еще до приезда отца: десять плюс шесть — шестнадцать.

— Шестнадцать так шестнадцать,— сказал он вслух, тяжело вздыхая.

Хотелось, обхватив руками шею отца, рассказать ему все новости, порадовать хорошей отметкой по географии и похвалой учителя.

«Ничего! Я еще за это время постараюсь,— успокоил себя Васек.— Надо Мазина подтянуть хорошенько».

После зарядки и умывания Васек позавтракал и отправился в школу.

— Ну, как Мазин? Соображает что-нибудь? — спросили его ребята.

— Способный, как черт! — с гордостью ответил Васек.

— Да что ты? — удивился Саша и с сожалением покачал головой.— Значит, просто учиться не хотел.

— Жирняк эдакий! — засмеялся Одинцов.— Ты с него жирок спусти маленько — лучше голова будет работать.

— Лучше не надо — он и так все вперед как-то соображает.

— Как это — вперед? — заинтересовались Саша и Одинцов.

— А так... Смотрит по карте — реки там или горы, сейчас же надует щеки, уставится куда-нибудь в одну точку и скажет: «Здесь можно туннель пробить, тогда вот сюда выход будет». Или насчет реки интересуется: «Тут если плотиной загородить, так океанский пароход пройдет!»

Васек откинул голову и засмеялся. Товарищи тоже засмеялись.

— А ведь здóрово! И правда вперед соображает,— удивился Леня Белкин.

— Ну, лишь бы не назад! — сострил Одинцов и, заметив входившего Мазина, толкнул Трубачева: — Не смейся, а то подумает — над ним.

Васек встал и пошел навстречу Мазину.

— Ты повторил на ночь все, что мы прошли? — строго спросил он.

— Повторил.

— Ну, знаешь теперь?

— Назубок.

— Молодец! Сегодня опять приходи.

— Сегодня стенгазету нужно делать, Митя спрашивал. Я свою статью написал, а ребята ничего не дают,— сказал подошедший Одинцов.— Одна Синицына какие-то дурацкие стихи написала. Ты объяви в классе сегодня. И так до последнего дня дотянули,— озабоченно добавил он.

— А ты сам-то что молчал? Ты редактор!.. Булгаков! — крикнул Васек.

— Чего? — отозвался со своей парты Саша.

— «Чего»! Ничего! Митя сердится. В стенгазету никто не пишет,— сказал Трубачев.

— А я виноват? — вспыхнул Саша.— У нас редактор есть — Одинцов.

— «Редактор, редактор»! Что мне, за всех писать самому, что ли? — буркнул Одинцов.

— Ну ладно,— сказал Трубачев,— сегодня соберем редколлегию.

— Ребята! — закричал Одинцов.— После уроков — редколлегия. Сейчас же давайте заметки в стенгазету!

— А о чем писать? Что писать? — раздались голоса.

— Пишите о чем хотите!

— Мое дело сторона! Я стихи дала,— вскочила Синицына.

— Я тоже одну заметку написала,— сказала Зорина, оглянувшись на подруг.

— А я не умею ничего — я не писатель,— заявил Петя Русаков.

— Мазин! — крикнул Васек.

— Чего?

— Пиши заметку!

— Хватит с меня географии.

Ребята захохотали:

— Он теперь с Трубачевым рыбу возит!

— В Белом море купается!

— У него на Северной Двине крушение произошло!

— Эй, Мазин!

— Ребята, без шуток! — сказал Васек.— Кто еще заметку даст?

— А чего Трубачев командует? Пускай сам тоже напишет! — крикнул кто-то из девочек.

— И напишу! — покраснел Трубачев.— Сегодня же. Кто еще?

В классе стало тихо.

— Я дам рисунок,— сказал Малютин.

— Кто еще? — повторил Васек.

Над партами поднялось несколько рук. Одинцов сосчитал.

— Хватит,— облегченно сказал он и сел на свое место.

* * *

На большой перемене Васек вместе с ребятами вышел на школьный двор. Ребята сейчас же затеяли перестрелку снежками, но Васек потихоньку удалился в самый угол двора и, засунув руки в карманы пальто, стал ходить по дорожке вдоль забора. Его беспокоила заметка, которую он обещал сегодня же дать в стенгазету. Он завидовал Одинцову, который легко справлялся с такими вещами.

«Он, может, вообще будущий писатель, а я, наверно, архитектор какой-нибудь — о чем мне писать? — Васек сердился на всех и на себя.— Если б я еще дома сел и подумал, а так сразу — какая это заметка будет!»

Он слышал веселые голоса и хохот ребят, видел, как ожесточенно нападали они друг на друга, как шлепались о забор и разлетались белые комочки снега.

«Бой с пятым классом. Наши дерутся. А я здесь...»

— Трубачев, Трубачев, сюда! — несся издали призыв Саши.

Закрываясь руками, он боком шел на врага, сзади него стеной двигались ребята из четвертого «Б», и даже девочки поддерживали наступление, обстреливая неприятеля со стороны.

— Трубачев!..

Васек рванулся на призыв, но вдруг остановился, круто повернулся спиной к играющим, присел на сложенные у забора бревна и вытащил из кармана бумагу и карандаш.

Несколько любопытных малышей вприпрыжку подбежали к нему.

— Куда? Кыш отсюда! — грозно крикнул на них Васек и, устроившись поудобнее, решительно написал:

«В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ

Ребята! Ничего нельзя делать в последнюю минуту, потому что торопишься и ничего толком не думаешь. Эту заметку я мог бы написать дома, а сейчас пишу на большой перемене. Последняя минута — самая короткая из всех минут, а сейчас я вспомнил, что мог бы о многом написать — о дисциплине, например. Но в школе уже звонок, а заметку я обещал дать во что бы то ни стало, и получилось у меня плохо. Давайте, ребята, ничего не будем оставлять на последнюю минуту!

В. Трубачев».

Васек решительно свернул листок и зашагал по тропинке.

— Одинцов, прими заметку,— не глядя на товарища, сказал он.

— Уже? — удивился Одинцов, вытирая шарфом мокрое, разгоряченное лицо.— Я так и знал, что ты пишешь! А мы тут пятых в угол загнали. Как окружили их со всех сторон — и давай, и давай! Сашка орет: «Трубачев! Трубачев!» Слышал?

— Слышал... я на бревнах сидел,— с сожалением сказал Васек.— Сам себя наказал... да еще написал плохо...

— Плохо? Посмотрим,— важно сказал Одинцов, пряча заметку. Он почувствовал себя ответственным редактором.— Плохо, так исправишь.

— Отстань, пожалуйста! Я и эту-то наспех писал, когда мне исправлять ее? Не на уроке же! — рассердился на товарища Васек.— Плохо — не бери. Вот и все!

— С Митей решим, что брать, а что нет. Материала хватит,— независимо ответил Одинцов и, увидев Лиду Зорину, подошел к ней.

Васек уселся на свою парту и заглянул через плечо в тетрадку Малютина. Тот, глядя на картинку в книге, писал крупными буквами незнакомые слова.

— По-каковски это? — спросил Васек.

— Немецкий у меня сегодня после школы. Я в группу хожу,— пояснил Сева.

— А зачем это тебе? Ведь у нас английский учат.

— Немецкий тоже надо знать,— просто ответил Сева.

— Всех языков не изучить!

Сева хотел что-то возразить, но Васек был зол и повернулся к товарищу спиной.

«И зачем это я такую дурацкую заметку дал? Может, лучше назад взять, а то все надо мной смеяться будут. Пойти к Одинцову?»

Но к Одинцову он не пошел, сомневаясь, что лучше: не выполнить обещание или осрамиться с плохой заметкой.

* * *

В пионерской комнате шла оживленная работа. Ребята складывали по порядку номера журналов и подшивали «Пионерскую правду», чтобы передать в школьную библиотеку.

Васек покрывал лаком рамку для стенгазеты.

«Вот это по мне»,— думал он, с удовольствием макая кисть в густой лак.

Митя сидел за столом, просматривая заметки для стенгазеты.

— Это все у тебя? — спросил он Одинцова, приглаживая пальцами светлые волосы.— Маловато, плохо шевелитесь!

— Многие только сегодня дали,— виновато сказал Одинцов.— Вот Лида Зорина дала заметку, и Трубачев, и еще несколько ребят...— Он подвинул к Мите новую пачку бумаг.

— А, еще есть! — обрадовался Митя.— Давай, давай!

Нюра Синицына вбежала в комнату и, оттолкнув Одинцова, положила на стол вырванный из тетрадки лист.

— Вот, Митя! Я стихи написала, а Одинцов не берет. Он думает, что если он редактор, так может распоряжаться. А стихи очень хорошие, мои родители даже в «Пионерскую правду» послать хотели!..— затрещала, размахивая руками, Синицына.

— Стоп, стоп! — остановил ее Митя.— Экая ты мельница!

— Вот она всегда так! — возмущенно сказал Одинцов.—

Кричит только, а у самой голова ничего не работает. Вот прочти, что она тут написала.

— «Что написала, что написала»!..— передразнила его девочка.

— Сядь и помолчи! — потянул ее за рукав Митя.— Сейчас разберемся. Я уже говорил тебе, Одинцов, что такие спорные вещи надо решать сообща.

Васек оставил работу и подошел к столу.

— Мы всей редколлегией проверяли. Тут она Лермонтова и Пушкина списала, да еще сама между ними втерлась! — сердито сказал он.

— Неплохо попасть в такое соседство! — засмеялся Митя.— Сейчас посмотрим, что у нее получилось.

Он громко прочел:

Уж небо осенью дышало,
А я учебу начинала.
Взяла тетрадки и пошла,
Так я учебу начала.

— Тьфу! — не выдержал Одинцов.

— Вот он всегда на меня нападает! — пожаловалась Синицына.

— Да потому нападаю, что глупо! Противно...

— Потише, потише,— сказал Митя.— Плохо ведешь себя, Одинцов! Так не годится: лишний спор заводишь и мне не даешь прочитать до конца.

Одинцов замолчал.

Митя начал читать сначала:

Уж небо осенью дышало,
А я учебу начинала.
Взяла тетрадки и пошла,
Так я учебу начала.
Белеет школа одиноко
В тумане неба голубом,
Идти мне в школу недалеко —
На крайней улице мой дом.
Мои родители давали
Мне на прощание совет:
«Учись ты, Нюра, хорошенько —
В награду купим мы конфет».

М-да...— задумчиво протянул Митя и посмотрел на Синицыну.— Плохо. Очень плохо!

— А почему плохо? Рифма есть, все есть,— забормотала Синицына, поглядев на всех.

Митя еще раз пробежал глазами стихотворение и тяжело вздохнул:

— Почему плохо? Прежде всего по мысли плохо. Ты вот пишешь о себе:

А я учебу начинала.
Взяла тетрадки и пошла...

А родители тебе за эту учебу обещали конфет.

Ребята фыркнули.

— А еще Пушкин и Лермонтов тут у нее!

— Вот уж ничего подобного! — сказала Синицына.

— Ну как же ничего подобного? — улыбнулся Митя.— Вот смотри:

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало...

Чье это?

Синицына раскрыла рот, чтобы что-то сказать.

— Постой. Дальше посмотрим:

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом...

Это чье?

— Во-первых, у меня не парус, а школа белеет...

Одинцов громко фыркнул. Митя рассердился:

— Одинцов, ступай займись подшивкой газет! Стыдно! Большой парень — и не умеешь себя в руках держать. Ступай!

Одинцов нехотя отошел от стола.

— А ты, Нюра, сядь. Мы с тобой сейчас разберемся хорошенько.

Синицына надулась и с упрямым лицом присела на кончик стула.

— Что она там — все спорит? — спросил Одинцова Булгаков.

За столом Митя что-то говорил, не повышая голоса, но часто поднимая вверх брови и разводя руками.

Нюра сидела красная, надув губы. Ответы ее становились тише, спокойнее, потом она встала, взяла со стола листок и молча прошла мимо ребят.

— Поняла наконец,— улыбнулся Васек.

— Сейчас мне нахлобучка будет,— сказал Одинцов.

— Ребята! — Митя постучал по столу.— Если мы будем высмеивать человека, тогда как мы обязаны по-товарищески объяснить ему его ошибки...— Он строго посмотрел на присмиревших ребят.

— А чего ж она...— вспыхнул Одинцов.

Васек вспомнил свою заметку: «И правда, если над каждым смеяться, никто и писать не будет».

Когда Митя кончил, он подошел к нему и сам сказал:

— У меня тоже как-то нескладно получилось с заметкой.

— Сейчас будем читать,— сказал Митя.— У меня остались три заметки: Одинцова, Зориной и твоя.

Одинцов услышал свою фамилию и насторожился. У него был важный и ответственный раздел — «Жизнь нашего класса». Выбранный единогласно, он очень строго относился к своей работе и не пропускал ни одного случая или события, взволновавшего класс. Теперь он тоже дал заметку под заголовком: «В классе было грязно».

Митя внимательно просмотрел ее, улыбнулся и написал: «Принять». К статье Зориной он отнесся очень серьезно. Зорина писала о дружбе мальчиков и девочек и заканчивала так:

«Многие мальчики говорят: «Мы, ребята, между собой всегда поладим — кому надо, и тумака дадим. А девочку за косу дернешь — и то она обижается; значит, с девочками и дисциплину подтянуть нельзя». А я считаю, что это неправильно, и тумака давать совсем необязательно, только с девочками надо разговаривать по-дружески, а не высмеивать их. Девочкам тоже не надо пересмеиваться и поддразнивать ребят, а у нас есть такие ехидные — это тоже неправильно. Мы росли вместе,

учились вместе с первого класса, давайте будем дружить. Я стою за дружбу девочек с мальчиками. Не надо никого обижать и пересмеивать.

Звеньевая З о р и н а».

Читая, Митя все время одобрительно кивал головой и в уголке тоже написал: «Принять».

Пока Митя читал заметки Одинцова и Зориной, Васек делал вид, что совершенно поглощен своей работой. Но Митя и на его заметке написал своим размашистым почерком: «Принять».

Потом подозвал Сашу:

— Кто переписчик?

— Я,— сказал Саша.

— Вот еще три статьи. Кто нарисует заголовок?

— Малютин.

В пионерскую комнату вошел Сергей Николаевич:

— Работаете?

Митя засмеялся:

— Фабрика-кухня. Стенгазету делаем, журналы подшиваем.

Ребята при Сергее Николаевиче сразу подтянулись; каждому хотелось, чтобы учитель заметил его работу. Васек тоже хотел обратить на себя внимание учителя.

— Рамка готова! — громко сказал он, деловито собирая кисти.— Булгаков, какую заметку пишешь?

— Четвертую,— ответил Саша тоже громко, чтобы слышал учитель.

Остальные ребята один за другим подходили к столу с кипой журналов и газет.

— Подшито!

— Готово!

Сергей Николаевич пробежал глазами Лидину заметку.

— Нужный вопрос... Лида Зорина... А... черненькая такая, с косичками! — сказал он, припоминая, и взял вторую заметку.

— Мою читает,— шепнул ребятам Одинцов, прислушиваясь, что скажет учитель.

Сергей Николаевич прочитал про себя, потом улыбнулся и прочитал Мите вслух:

— «Сергей Николаевич увидел, что на полу валяются бумажки и вообще сор. Он не начал урока, заложил руки за спину, отошел к окну и не повернулся к нам, пока мы все не убрали. А потом сказал: «Чтобы это было в последний раз». Теперь ребята стараются вовсю. Редакция надеется, что такой случай больше не повторится».

Последние слова Одинцов списал со взрослой газеты. Учитель засмеялся и громко сказал:

— Совершенно точно и честно! А относительно надежд редакции — просто солидно получается!

Он крепко пожал руку Мите, кивнул головой ребятам и вышел.

— Что он сказал? Что он сказал? — заволновались ребята.

— Ты слышал? — спросил Одинцова Саша.

Одинцов сиял.

— Сергей Николаевич сказал «Точно и честно. И просто солидно»,— взволнованным голосом сообщил он окружившим его ребятам.

— Честно и точно! Это значит — не наврано ничего!

— Ну еще бы, Одинцов вообще никогда не врет!

— Молодец! — радовались ребята.

— Молодчага! — сказал Васек, хлопнув Одинцова по плечу. Он был рад за товарища.

Саша тоже был рад, но он не понял, что значит «солидно».

— Одинцов! Как это понять — «солидно»? — спросил он.— Ты знаешь?

— Нет,— сознался Одинцов.— А как по-твоему? — Он улыбнулся.— Это, наверно, самая главная похвала. Давай спросим у Мити!

Но Митя стоял уже в дверях и, крикнув ребятам: «Не задерживайтесь долго!» — исчез.

— У него комсомольское собрание сегодня,— сказал Трубачев.— Сами разберемся.

— А ты тоже не знаешь? — допытывался Саша.

— Да я знаю, только объяснить не могу. Это о старых людях говорят: солидный! — догадался Васек.

— А какой же я старый? — растерянно спросил Одинцов, обводя всех удивленным взглядом.

Ребята прыснули со смеху.

Из соседней комнаты — читальни — прибежали девочки.

— Тише! Читать мешаете!

— Ребята, я «Пионерскую правду» в библиотеку относила, а вы так кричите, что даже там слышно,— сказала, входя, Лида Зорина.— Что у вас тут такое?

Ребята, смеясь, рассказали ей.

— Солидный — это толстый. Сейчас только в библиотеке про один журнал сказали, что он солидный,— объяснила Лида.

— Но какой же я толстый? — обтягивая свою курточку, расшалившись, крикнул Одинцов.— Я спортсмен, человек без веса!

Он действительно был тоненький и на редкость легкий.

Ребята опять закатились смехом:

— Одинцов, Одинцов! Это он тебя с Мазиным спутал! Это Мазин у нас солидный.

— Попадет вам сегодня! Лучше уходите скорей,— кричала Лида,— сейчас из читальни прибегут! И Сергей Николаевич еще не ушел. Он с Грозным в раздевалке разговаривает и, наверно, все слышит.

— Тише! — крикнул Васек.— Булгаков! Одинцов! Пойдем к Сергею Николаевичу! — Он обнял товарищей за плечи и пошептал им что-то.

— Не посадит он нас вместе — лучше не просить! — с сомнением сказал Саша.

— А может, и посадит. Попросим!

Все трое побежали в раздевалку. Сергей Николаевич, надевая калоши, разговаривал с Грозным.

— Еще эта школа семилеткой была, как я сюда пришел, еще Красным знаменем нас не награждали...— рассказывал старик.

— Сергей Николаевич! — запыхавшись, крикнул Одинцов.— У нас к вам просьба.

— Мы просим...— начал Саша.

— Разрешите нам сесть вместе! — возбужденно блестя глазами, сказал Васек.— Мы друзья.

Сергей Николаевич нахмурился:

— Я разговариваю с Иваном Васильевичем, а вы скатываетесь откуда-то сверху, перебиваете разговор взрослых... Что это такое?

— Простите,— покраснел Одинцов,— мы нечаянно... Мы боялись, что вы уйдете...

— А что вам нужно?

— Мы вот товарищи, мы хотели сесть в классе рядом,— запинаясь, пояснил Васек.

— Зачем? — строго спросил Сергей Николаевич.

Мальчики оробели.

— Чтобы дружить втроем,— сказал Васек.

— Дружить втроем? — переспросил учитель.— Разве ваш класс делится на такие дружные тройки? А остальные в счет не идут?

— Да нет, мы просто друзья... ну, закадычные, что ли,— пояснил Одинцов.

— Допустим, что вы закадычные друзья. Это очень хорошо, но усаживаться со своей закадычной дружбой на одну парту — это совершенно лишнее. Я не разрешаю! — твердо сказал Сергей Николаевич.— До свиданья!.. До свиданья, Иван Васильевич!

— Счастливо! Счастливо! — заторопился Грозный, закрывая за ним дверь.— Что, не вышло ваше дело? — усмехнулся он, глядя на оторопевших ребят.

— Не вышло,— вздохнул Одинцов.

— Отменный учитель, просто-таки знаток вашего брата! — одобрительно сказал Грозный.

Нюра схватила свое пальтишко и выбежала из раздевалки. Она никак не могла успокоиться после сцены в пионерской комнате.

Осрамили. На смех подняли, а сами и вовсе ни одной строчки сочинить не умеют... И потом мама так хвалила ее за эти стихи. Разве мама меньше ихнего понимает? И папа хвалил. Правда,

папа никогда ничего не дослушает до конца. Он просто погладил ее по голове и сказал: «Пиши, пиши, дочка!»

Нюра снова вспомнила смех ребят и обидные остроты Одинцова.

Сами побыли бы на моем месте. Вот и пиши... Митя сказал: «Разве учатся за конфеты?» Может, не надо было писать про конфеты? И еще Митя сказал: «Пустые стихи. Разве у тебя нет других мыслей: о школе, о товарищах?..»

Нюра глубоко вздохнула и заспешила домой.

Папы дома не было. Папа всегда приходил поздно, и Нюра с мамой обедали одни. Когда девочка приходила из школы, стол уже был накрыт и около каждого прибора лежала нарядная салфеточка. Но сегодня мама запоздала и, крикнув Нюре: «Раздевайся!» — засуетилась у буфета. Нюра повесила пальто и, бросив на стул сумку, исподлобья взглянула на мать. Мария Ивановна расставляла тарелки, неестественно оттопыривая пальцы, с густо окрашенными в красный цвет острыми ноготками.

— А я, доченька, в парикмахерской была. Такая очередь! Все дамы, дамы... И все хотят быть красивыми! — Она поправила рыжую челку на лбу и с улыбкой взглянула на дочь: — Ну, как тебе нравится твоя мама?

Нюра бросилась на стул и, закрыв лицо руками, расплакалась.

— Ах, боже мой! Что с тобой? Что случилось?

Мария Ивановна испуганно заглядывала в лицо дочери, трясла ее за плечи:

— Да говори же! Я ведь ничего не понимаю! Что случилось?

Нюра сбивчиво рассказала про стихи, про насмешки ребят.

— А ты сама хвалила! Нарочно хвалила... И теперь все меня глупой считают...— всхлипывая, повторяла она.

Мария Ивановна гневно закричала на дочь:

— Перестань! Сию же минуту перестань!.. Они тебе завидуют! Понимаешь ли ты? За-ви-ду-ют!

Слезы Нюры высохли. Она с изумлением глядела на мать.

Мария Ивановна презрительно сжала губы, сузила зеленоватые глаза и еще раз повторила:

— Завидуют!

Глава 16

ОБИДА

У Севы болело горло. Он уже три недели не ходил в школу. К нему забегала Лида Зорина. Она присаживалась на кончик стула, раскрывала свою сумку и, пока Малютин списывал с ее дневника заданные уроки, поспешно рассказывала ему все новости: Митя болен, без него скучно, ребята ходили его навещать. Трубачев все еще занимается с Мазиным. Мазин даже немножко похудел от этого. Стенгазету они делают без Мити.

Поболтав, Лида уходила. Сева с завистью смотрел, как мимо его окна пробегают школьники. Он чувствовал себя оторванным от товарищей, от школы. Во время болезни он много читал, пробовал рисовать, но после картины, отданной на выставку, никак не мог придумать чего-нибудь нового и говорил матери:

— Я всегда так... нарисую, отдам... и скучно, скучно мне делается...

— Вот и папа твой, бывало, кончит картину и заскучает. Как будто всего себя вложил в нее и ходит опустошенный. А я, наоборот, сдам свои чертежи — и рада-радешенька! — смеялась мама.

— Потому что ты с готового чертишь, а мы с папой свое придумываем,— серьезно сказал Сева.

— Конечно. Но разве не приятно тебе, что твоя картина всем понравилась? Ведь это, по-моему, самое главное. Разве интересно человеку делать что-нибудь только для себя?

— Ну конечно, я рад. А то все ребята меня таким какимто считают...— Сева запнулся и с упреком посмотрел на мать, но сдержался и только добавил: — Я многого не умею делать...

Мать поняла его:

— Сева, я знаю, о чем ты говоришь. Но без этого футбола и всякой чехарды можно обойтись. Они здоровые, крепкие мальчики, а у тебя порок сердца.

— Ну, вот я никуда и не гожусь, мамочка,— грустно усмехнулся Сева.

Мать заволновалась.

— Это совсем не нужно внушать себе. Это пройдет, с годами ты окрепнешь, но рисковать сейчас — просто глупо.

— Ну ладно, ладно, мама! Я ведь так сказал... Просто я боюсь, что мне никогда ничего такого не сделать. Вот как наши герои.

— Конечно, не всякий может быть героем, Сева, но я думаю все-таки, что в каждом честном человеке непременно есть это геройство... непременно есть... Ой, Сева,— вдруг вспомнила мать,— у нас плитка зря горит, мы же хотели чай пить. И вечно мы с тобой заговоримся!

Она бежала с чайником в кухню и на цыпочках возвращалась обратно:

— Тише, Севочка, весь дом уже спит, только мы с тобой никак не угомонимся. И каждый день так. Завтра же сделаю строгое расписание.

Но строгое расписание не помогало. Мать приходила с работы поздно, за день у обоих накапливались разные новости — времени для разговоров не хватало.

— Сева, пей чай и ложись спать... Положи, положи книжку. Я не буду тебя слушать.

— Подожди, мама. Я только один вопрос... Почему это говорят, что трус умирает много раз, а храбрый один раз? Как ты это понимаешь, мама?

— Как я это понимаю?..— подняв глаза вверх и сморщив лоб, начинала мать и вдруг, спохватившись, сердито обрывала себя: — Никак не понимаю! Опять ты меня в длинный разговор втягиваешь, Сева...

Когда Сева был болен, мама вставала ночью, осторожно щупала ему лоб, утром торопилась приготовить еду и, уходя, уговаривала сына, чтобы он не переутомлял себя чтением и не выдумывал себе никаких занятий.

— А мне сегодня лучше, мама! Куда лучше! — каждый день заявлял ей Сева.— Ты не беспокойся!

Сегодня в первый раз Севе было позволено выйти. Он решил зайти к Саше Булгакову и узнать у него, что задано на завтра, так как Лида уже два дня не приходила.

Закутавшись теплым шарфом, Сева вышел на улицу. Непрочный мартовский снег сбивался под ногами в грязные комья. Саша Булгаков жил недалеко. Сева хорошо знал его улицу и дом, так как в прошлом году, когда Саша был болен, Сева приносил ему уроки. Но теперь, по рассеянности, мальчик долго путался, заглядывая в чужие дворы и припоминая номер дома. Наконец в одном дворе он узнал одноэтажный флигель, где жил Саша.

«Сейчас погреюсь, возьму уроки, узнаю все новости!»

Во дворе маленькая девочка в теплом платке с длинными пушистыми концами усаживала на санки крепкого, толстого мальчугана в больших валенках.

— Положи ноги на санки, а то они будут по снегу ехать. Ну, положи свои ноги! — хлопотала она.

Малыш, опираясь на санки, шевелил тяжелыми валенками.

— Да не поднимаются они,— уверял он девочку.

Какой-то высокий мальчик в шапке, без пальто подскочил к мальчугану, вытащил его из санок, сел на них верхом и крикнул:

— Н-но! Поехали!

Девочка схватила за руку малыша и замахнулась на мальчика.

Когда Сева вошел в длинный коридор, со двора послышался громкий плач, и тотчас в углу открылась дверь, из нее выскочил Саша. Не заметив товарища, он пробежал по коридору и бросился к девочке.

Сева выглянул во двор. Чужой мальчик дергал девочку за пушистые концы платка и, сидя верхом на санках, кричал:

— Н-но! Поехали, поехали!

Малыш сбоку старался столкнуть обидчика с санок.

— Эй, ты! Брось! — сердито закричал Саша.

Мальчик вскочил, отбежал в сторону и, кривляясь, завизжал:

— Ох, ох! Деточек обидели. Караул! Нянечка пришла!

— Дурак! — вытирая носовым платком мокрые щеки сестренки, крикнул ему Саша.— Связался с малышами! Попробуй только тронуть их еще раз!

— Еще раз, еще два!.. А что ты мне сделаешь?

— Тогда посмотришь! — показал ему кулак Саша.

Он был очень рассержен и тяжело дышал. Сева уже хотел поспешить ему на помощь, но дверь в коридоре снова открылась, из нее вышла женщина, поставила на порог ведро с мыльной водой и, крикнув: «Сашенька, вынеси помои!» — поспешно ушла.

— Го-го-го! Сашенька, вынеси помои! Постирай пеленочки! — запрыгал мальчишка.

Сева увидел красное, злое лицо Саши. Не замечая товарища, Саша схватил ведро и молча, не оглядываясь, потащил его по двору, сопровождаемый насмешками. Сева поспешно вышел и решительными шагами направился к обидчику.

— Ты подлый человек! — сказал он, поднося к его носу свой худенький кулак, и, круто повернувшись, направился к воротам.

У ворот он услышал, как, возвращаясь назад и позвякивая пустым ведром, Саша презрительно говорил мальчишке:

— Ну, и что ты этим доказал? Что ты этим доказал? Я на тебя плевать хочу! Ты хулиган. Я с тобой даже связываться не буду. А за ребят когда-нибудь так дам, что своих не узнаешь!

«Расстроился,— подумал Сева.— Хорошо, что меня не видел, а то ему неприятно было бы...»

Он тихонько пошел по улице к своему дому.

В этот день была суббота. Для Саши это был самый трудный день в неделе. В субботу мать купала ребят. Придя из школы, Саша наливал ванночку, менял воду, выносил помои, укладывал в кроватки выкупанных ребятишек. В такую-то минуту и попал к нему Сева. А перед этим, сразу после уроков, Одинцов и Васек Трубачев звали Сашу на каток.

— Пойдем! Ведь последние зимние денечки. Скоро каток растает! — уговаривали они его.

— Да не могу я сегодня. Мать ребят купает. Давайте завтра пойдем.

— Ну, завтра! Я и коньки в школу принес, чтобы домой не заходить,— говорил Одинцов.

— А я вообще не люблю откладывать. Решили — значит, пойдем,— заявил Трубачев.— Это у тебя всегда дела какие-то находятся. Пусть мать сама купает. При чем тут ты?

— Чудак! — усмехнулся Саша.— А кто же ей помогать будет? Одной воды сколько натаскать надо! И вообще... она моет, а я вытираю. Ведь у нас мал мала пять штук... Одна Нютка самостоятельная.

— Фью! — свистнул Васек.— Так это ты их и до ночи не перемоешь.

— Да пойдем! Скажи матери — может, она завтра их выкупает? — спросил Одинцов.

— Ну ладно! Зайдем ко мне. Вы постоите, а я спрошу,— согласился Саша.

Ребята зашли. Пока Саша бегал спрашиваться, Васек говорил Одинцову:

— Чудак Сашка: вечно со своими ребятами нянчится!

— Ну,— протянул Одинцов, оглядываясь на Сашину дверь,— ему же нельзя иначе. У них отец целый день на работе, а детей куча.

Саша вышел:

— Ребята, идите! Мне никак нельзя: завтра воскресенье, отец дома,— ему тоже отдохнуть надо.

— Значит, не пойдешь? — хмуро спросил Васек.

— Не могу.

— Ну ладно! Идем, Трубачев! — звякнув коньками, сказал Одинцов.

Саша с сожалением посмотрел им вслед и открыл свою дверь. В кухне над плитой поднимался пар, на двух стульях стояла детская ванна.

— Кого первого? — не глядя на мать, спросил Саша.

— Меня! Меня!..— запрыгали вокруг него малыши.

— Витюшку,— сказала мать.

На кровати ползал малыш с закрученной на спине

рубашонкой. Он протянул к брату пухлые ручки и что-то залепетал.

Но Саша молча стащил с него рубашонку и, пока мать пробовала локтем воду, удерживал подпрыгивающего на кровати малыша.

— Расстроился, Сашенька? — спросила мать.

— Еще бы... Товарищи на каток пошли, а я тут как банщик какой-то...

— Ну что же, иди тогда. Я сама как-нибудь,— вздохнула мать.

— «Сама, сама»! Давай уж скорей, что ли! — с раздражением сказал Саша.

Мать взяла у него из рук голого малыша:

— Иди!

— Да чего ты еще! Знаешь ведь, что не пойду. Сажай лучше!

Через минуту Саша смотрел, как Витюшка ловит мыльные пузыри и, подняв из воды толстую ножку с короткими розовыми пальчиками, изо всех сил тащит ее к себе.

— Смотри, смотри, мама! Он думает, это игрушка. Неужели и я такой был?

Глава 17

«СО СВОИМ ПРОФЕССОРОМ»

С утра гуляла по городу метель. Был конец марта. Этот сердитый месяц яростно нападал на прохожих, забивая снегом меховые воротники и шапки. Дул резкий ветер, и, хотя мороза не было, ребята прибегали в школу замерзшие.

Грозный, весь засыпанный снегом, в широком тулупе и меховой шапке, стоял на крыльце, как дед-мороз, и, размахивая платяной щеткой, командовал:

— Наклоняй голову! Давай воротник!.. Эк, зима на тебя насела!.. Ну, беги грейся!

Русаков пришел с Мазиным. Они встретились за воротами своего дома и шли вместе. По дороге Русаков упрекал Мазина, что тот уж слишком занялся учебой:

— Тебе только подучиться сказали, а ты совсем в книгу носом зарылся. А тут у одних овчарка пропала... Я уже на след напал.

— Некогда мне чужую собаку искать! — буркнул Мазин.— Если б Сергей Николаевич вызвал меня да поставил мне хорошую отметку, а то он все только с места меня спрашивает...

— Значит, так и будешь до конца года к Трубачеву шататься? А в землянку скоро вода затекать начнет, что я там один сделаю?

— Говорю, некогда мне сейчас.

— Тебе все некогда... У меня, может, отец скоро женится, а тебе и на это наплевать,— обиженно сказал Петя.

— Не женится.

— Почему это?

— А почему женится?

— Почем я знаю. Только он сам сказал: «Скоро к нам моя жена переедет, люби ее»,— неожиданно сообщил Русаков.

— Так уже, значит?

— Наверно, уже,— вздохнул Петя.— Теперь мне вдвое доставаться будет — от двух родителей сразу.

— А какая она? — забеспокоился Мазин.— Посмотреть надо. Хорошую женщину сразу узнать можно.

— Узнаешь ее! Начнет отцу на меня наговаривать. Ведь она мачеха. Читал сказку про Золушку? Ведь ее даже на экскурсию во дворец не брали. Хорошо, ей фея помогла, а мне кто помогать будет?

— Обойдешься без дворца, лишь бы не дралась она,— задумчиво сказал Мазин.

Петька растерянно заморгал ресницами и покрутил головой:

— Если вдвоем будут меня драть, так... ого!

— Вдвоем, вчетвером! Не морочь мне голову... При Советской власти таких мачехов нет!

— «Мачехов»? — засмеялся Русаков.— Неправильно говоришь.

— А ты не учи! — рассердился Мазин.— Сам небось ни одной речки на карте не можешь найти.

— Ладно, пускай я пропаду и чужая овчарка пропадет, раз ты с географией связался,— сказал Русаков и, бросив товарища, пошел вперед.

В этот день последним уроком была география. На большой перемене Трубачев подошел к Мазину и сказал:

— Если вызовут тебя, не трусь. А чего не знаешь, говори прямо: не знаю.

Мазин кивнул головой. Он был расстроен ссорой с Русаковым. Печальное, вытянутое лицо товарища вызывало в нем раздражение и сочувствие.

«Мачеха у него там еще какая-то...» — озабоченно думал он.

Сергей Николаевич пришел веселый, потер руки и сказал:

— Весной пахнет! Сердится старушка-зима. Проходит ее время. Конец марта!

В классе было чисто, уютно и тепло.

Дежурные Одинцов и Степанова старались вовсю. Они пришли в школу раньше всех, облазили все углы, вытерли пыль. Валя Степанова принесла из дому чистую, выглаженную тряпочку для доски.

А когда Одинцов ловко и красиво развернул перед учителем карту, Сергей Николаевич пошутил:

— Совсем как в сказке цветистый ковер раскинул!

Одинцов сел. Учитель посмотрел в записную книжку и вдруг сказал:

— Мазин и Трубачев!

Трубачев вспыхнул и встал. Мазин сидел впереди. Он неловко вылез из-за парты, одернул курточку и, обернувшись к Трубачеву, сказал:

— Пошли!

Ребята фыркнули. Сергей Николаевич улыбнулся.

— Со своим профессором,— пошутил он.

Оба мальчика стали у доски.

Сергей Николаевич перелистал учебник географии.

Класс затих. Только Русаков беспокойно вертелся на парте, быстро-быстро обкусывая на левой руке ногти и не сводя испуганных глаз с товарища.

— Ну, Мазин, как теперь твои дела? — спросил Сергей Николаевич.

Мазин медленно повернулся к Трубачеву:

— Как мои дела?

Ребята снова засмеялись. Сергей Николаевич покачал головой:

— Я не Трубачева спрашиваю. Ты мне сам отвечай, как ты чувствуешь: прибавилось у тебя знаний или нет?

Мазин пристально посмотрел на карту:

— Прибавилось.

— Выберешься ты теперь из Белого моря без посторонней помощи?

— Выберусь.

— Хорошо. А если мы тебя, скажем, из Ленинграда в Белое море пошлем?

— Поеду,— сказал Мазин и взял указку.— По Беломорско-Балтийскому каналу поеду, вот так...— Он проехал по каналу и остановился в Архангельске.— Есть. Пять суток потратил.

— Немного,— сказал Сергей Николаевич.— А если б не было Беломорско-Балтийского канала, как бы ты поехал?

Мазин показал длинный путь вокруг северных берегов Европы и тотчас уточнил время:

— Семнадцать суток потратил.

— Хорошо, Мазин! Я вижу, что ты действительно окреп. Теперь расскажи нам все, что ты знаешь о Беломорско-Балтийском канале. А если ты ошибешься, то Трубачев тебя поправит.

Мазин ровным и бесстрастным голосом начал рассказывать:

— Беломорско-Балтийский канал тянется на триста километров.

— На двести,— поправил его Трубачев.

Он стоял выпрямившись, под рыжим завитком лоб его стал влажным, глаза блестели.

— На двести километров,— спокойно поправился Мазин и взял указку.— Канал соединяет Онежское озеро с Белым морем...

Мазин обращался с картой вежливо и осторожно.

Ребята, облокотившись на парты, внимательно следили за указкой, двигающейся вдоль канала. Петя Русаков вертелся, нервно потирал руки и обводил всех торжествующим взглядом. «Ну, как Мазин? Вот вам и Мазин!» — говорили его взволнованные глаза.

— Хорошо, Мазин! Пожалуй, тебе и Трубачев не нужен, а? — сказал Сергей Николаевич.

— Нет, пусть стоит. Я к нему привык,— заявил Мазин.

— Отвыкай. Трубачев всю жизнь не будет стоять с тобой рядом... Трубачев, садись!

— Пусть стоит! — тревожно выкрикнул Русаков.

Все головы повернулись к нему. Он смутился и юркнул под парту.

Отпуская Мазина, Сергей Николаевич похлопал его по плечу и сказал:

— Совсем хорошо, Мазин! Я очень рад за тебя. Я вижу, ты поймал быка за рога. Смотри не упускай его больше! А Трубачеву скажи спасибо... Трубачев!

Васек вскочил. Учитель посмотрел на его взволнованное лицо:

— Молодец!

Когда Сергей Николаевич вышел, в классе поднялся шум.

Русаков бросился к Мазину и, забыв утреннюю размолвку, обнял его:

— Здóрово, Колька!

Ребята тоже радовались:

— Вот так жирняк!

— Повезло тебе!

— Держись крепче за Трубачева!

— Привяжи к себе веревочкой! — добродушно острили они.

Толстые щеки Мазина лоснились и набегали на нижние веки, щелочки карих глаз лениво и ласково глядели на ребят.

— А насчет мачехи твоей я подумаю,— улучив минуту, ни с того ни с сего шепнул он Русакову.

Саша и Одинцов поздравляли Трубачева.

— Здо́рово подогнал его! А я боялся — у меня прямо в ушах зазвенело, когда Сергей Николаевич вас обоих вызвал,— сказал Саша.

— А Русаков-то? Вот кто вертелся, как карась на сковороде!

— Верный товарищ! Преданный, как собака! — восхищенно сказал Саша.— Такой — на всю жизнь!

— А мы трое? Не на всю жизнь? — ревниво спросил Одинцов.

Васек вспомнил морозный вечер и огромную желтую луну над снежным прудом.

— Я за нас троих головой ручаюсь!

— Я тоже,— тихо сказал Одинцов.

— А обо мне и говорить нечего! — радостно улыбнулся Саша.

Все трое вошли в класс растроганные и счастливые. После уроков Васек бежал домой, размахивая сумкой и толкая прохожих.

«Молодец! Молодец! Молодец!» — повторял он про себя.

Во дворе для охлаждения он бросился в сугроб и, вывалявшись в снегу, предстал перед теткой.

— Тетя Дуня, я молодец!

— Вижу,— сказала тетка и, повернув его обратно, сунула ему щетку: — Обчистись в сенях, молодец!

Глава 18

ВАЖНЫЙ ВОПРОС

Зима наконец устала. Она притихла, порыхлела, а на небо вышел новый хозяин — весеннее солнце. Ребята, расстегнув пальто, шли из школы. В толпе слышались веселый насмешливый голос Одинцова, ленивые замечания Мазина, смех ребят. Звонко перекликались девочки. На каждом углу толпа редела; уходившие домой долго пятились задом, сожалея о том, что приходится расставаться.

Лиде Зориной тоже не хотелось расставаться с товарища-

ми. Она прыгала у своей калитки и все уговаривалась да уговаривалась с подружками о каких-то пустяках на завтра.

Наконец все голоса смолкли. Лида быстро побежала по дорожке. Она была взволнована больше всех. Митя выздоровел, и сегодня на сборе поставили на обсуждение ее заметку об отношениях девочек с мальчиками. Об этом необходимо рассказать маме, а если не маме, которая еще не скоро придет с работы, то хотя бы кому-нибудь.

Но дома обычно в это время бывали только соседи: старичок бухгалтер Николай Семенович и молоденькая Соня, ужасная копуша, которую Лида долго будила каждое утро.

Наверно, им тоже очень интересно послушать, как прошел сбор.

У крыльца стоял какой-то высокий молодой человек в лыжном костюме, с широким смешным носом и темным пушком на верхней губе. Он нетерпеливо поглядывал вокруг и время от времени, постукивая двумя пальцами в Сонино окошко, басил:

— Сонечка, поторопитесь!

— Сейчас! Сейчас! — кричала в форточку Соня.

Лида замедлила шаг и на всякий случай вежливо кивнула головой:

— Здравствуйте!

— Привет! Привет! Вы из школы? Какая смена? — деловито осведомился юноша.

— Я в первой смене, но сегодня после обеда у нас был сбор.

— Ого! Это, значит, часиков пять уже! Сонечка, поторопитесь!

— Может, и не пять, но у нас сегодня разбирали очень важный вопрос,— задерживаясь на крыльце, сказала Лида.

— Важный вопрос? Ого! Какой же это вопрос? — поглядывая на Сонино окошко, спросил юноша.

— Это, знаете, о дружбе девочек с мальчиками. У нас в классе...— охотно начала Лида.

— О дружбе девочек с мальчиками? Это очень важный вопрос... Сонечка, поторопитесь! Сонечка, ведь мы же опоздаем! — подбегая к окну и не обращая больше внимания на Лиду, закричал он.

Соня высунула в форточку розовое лицо и сделала сердитые глаза:

— Не кричите на весь двор, а то никуда не пойду!

— Сонечка!..

Лида открыла дверь и вошла в кухню.

— А, школьница наша пришла! — закричал из своей комнаты бухгалтер Николай Семенович.— Это хорошо! А то я уж всякую надежду потерял ее увидеть сегодня.

— Я на сборе была,— улыбнулась Лида.— У нас вожатый Митя наши дела разбирал.

— Дела разбирал? — копаясь в корзинке с бумагами, рассеянно сказал Николай Семенович.— Хорошо бы, чтоб этот самый Митя и мои дела разобрал, а то я никак не разберу... Никак не разберу никаких своих дел,— глядя на заваленный бумагами стол, развел руками Николай Семенович.— Проклятая память! Такая небольшая синенькая тетрадка была у меня, и не знаю, куда делась. Куда делась? — потирая двумя пальцами лоб и глядя на Лиду светлыми близорукими глазами, пожаловался Николай Семенович.

— Сейчас! Я только пальто сниму,— сказала Лида и, повесив в передней пальто, заглянула под стол Николая Семеновича.— Я знаю, вы иногда мимо корзины бросаете.

— Мимо корзины? Никогда! — возмутился старичок.— Я аккуратнейший человек. Я, прежде чем бросить что-нибудь в корзину, тысячу раз проверю. У меня с письменного стола ни одна бумажка не упадет...

Лида неожиданно нырнула под стол:

— Вот она!

Николай Семенович схватил тетрадку и близко поднес ее к глазам:

— Скажите пожалуйста! Как же это вы нашли?

— Да за ножкой стола, на самом видном месте лежала,— засмеялась Лида, поднимаясь с колен.

— Ну, спасибо! Спасибо, девочка! А то я как без рук, работа стоит,— усаживаясь за стол, благодарил старичок.

Лида вышла, постояла немного в кухне, потом тихо побрела в свою комнату.

Вечером пришла мама. Она еще на пороге, снимая шапочку, крикнула:

— Был сбор, Лидуша?

— Был, был, мамочка! — бросилась к ней Лида.

— Интересно! Подожди только минутку. Я сейчас вымою руки, сядем за стол, и ты мне все подробно расскажешь,— заторопилась мама.— Подожди, подожди только, я с самого начала хочу.

— С самого начала так... Митя прочел мою заметку... Вот полотенце, мамочка. Вытирай одну руку, а я другую буду вытирать.

— Нет, я сама... Ну, прочел заметку...

Мама придвинула к столу два стула, вынула из портфеля булку, налила чай:

— Ну, теперь все... Митя прочел заметку, а что мальчики?

— Ну вот... Сначала никто из мальчиков ничего не говорил, и, наоборот, даже пересмеивались и толкали друг дружку.

— Это не наоборот вовсе. Ну, предположим... А девочки?

— Ой, мама, девочки сразу давай на ребят жаловаться: кто там кого дернул за косу, кого кто толкнул... Понимаешь, не обсуждали вопрос, а жаловались только! — высоко вскидывая брови и округляя глаза, сказала Лида.

— Ну, ну?

— А Митя слушал, слушал, потом так сморщился и говорит: «Вот я вас слушаю и удивляюсь. Лида Зорина подняла такой серьезный вопрос...»

— Правильно,— кивнула головой мама, помешивая ложечкой в стакане.

— Да, правильно,— протянула Лида,— а у меня зато сердце в пятки ушло.

— Трусишка!..

— Да, трусишка! У нас ведь знаешь как дразниться любят...

— Ну, об этом потом. Не перебивай себя. Что же сказал Митя еще?

— Он очень хорошо сказал, мама... Он сказал, что при важном вопросе... то есть на важном вопросе пионеры себя так небрежно ведут. Мальчики позволяют себе всякие глу-

пые шутки, пересмеиваются, а девочки только обиды свои перебирают. И что он уже тысячу раз слышал, как Мазин у Синицыной ленточку из косы выдернул, что это уже разбирали, и Мазина тогда наказали уже, а теперь надо поговорить не о случаях таких, а о том, чтобы их никогда больше не было, чтобы класс был дружный. Что и мальчики и девочки виноваты, и чтобы не торговаться здесь, кто больше виноват, а исправить это, потому что мы все пионеры и должны быть хорошими товарищами... Он, мама, прямо рассердился даже на нас...

— Ну, а ребята что?

— Ребята покраснели многие, а девочкам тоже стыдно стало. А потом все начали говорить, что у нас все по пустякам выходят всякие глупые ссоры. А Митя сказал, что мы уже в четвертом классе, а нам можно поставить в пример малышей — они так дружат между собой! Потом он привел примеры всякие... А потом, мамочка, потом!..— Лида вскочила, зажмурилась и подпрыгнула на одной ножке.— Мы все шли домой вместе. И никто никого не дразнил. И солнце было такое, прямо на всю улицу! Я пальто расстегнула. А Коля Одинцов шапку снял, у него густые волосы. И солнышко нагрело их,— они даже чуть-чуть теплые стали, мы все трогали... А некоторые девочки завтра уже в драповом пальто придут. И я... Хорошо, мамочка?

— Нет, драповое еще рано. А остальное все хорошо! Все хорошо, Лидок!

Вечером папа тоже слушал о сборе, но ему рассказывала не одна Лида. Лиде помогала мама, они перебивали друг друга и так часто начинали сначала, что папа не дождался конца и ушел спать.

Глава 19

СРЫВ

Павел Васильевич все еще не возвращался.

Васек нервничал, придирался к тетке.

— Может, и были письма, да ты потеряла их! — подозрительно говорил он.

Тетка обижалась:

— Да что я, голову, что ли, потеряла?

Писем не было.

Не зная, чем объяснить молчание отца, Васек беспокоился. Иногда ему начинало казаться, что с отцом что-то случилось. Он просыпался ночью и, лежа с открытыми глазами, представлял себе всякие ужасы: то ему казалось, что отец, починяя паровоз, попал под колеса, то заболел и лежит где-нибудь в больнице.

Васек плохо спал и в класс приходил хмурый и сонный.

* * *

В этот день Васек Трубачев дежурил. В паре с ним был Саша Булгаков.

— Давай так дежурить, чтоб ни сучка ни задоринки, уславливались мальчики.

Первые три урока прошли без запинки. На большой перемене Сашу вызвала мать.

— Васек, положи мел, вытряхни тряпку. Проверь, чтобы все было в порядке. Я сейчас! — крикнул он, убегая.

Васек, закрывшись один в классе, протер парты, вытряхнул в форточку тряпку, сбегал за мелом, подлил в чернильницы свежих чернил. Когда Саша вернулся, осталось только подмести пол.

Пока дежурные наводили в классе чистоту, в укромном уголке раздевалки Русаков с расстроенным лицом говорил Мазину:

— Обязательно он меня вызовет! Пропал я, Колька!

На четвертом уроке был русский язык. Учитель сказал, что будет вызывать тех, у кого плохая отметка.

— Не надо было по собачьим следам рыскать. Взял бы да почитал грамматику... Я хоть по географии хорошо ответил, а ты что? — сердился Мазин.— Чересчур уж... Ни по одному предмету ничего не знаешь.

— По арифметике лучше тебя еще... Да все равно мне пропадать сегодня.

Мазин нахмурился.

— Я подскажу тебе.

Русаков махнул рукой:

— Будет мне дома! Отец да еще мачеха...

— Да ведь она уже неделю у вас живет, и ничего еще не было.

— Придраться не к чему было. Она начнет разговаривать со мной, а я молчу... А сегодня...— Русаков покрутил головой и умоляюще посмотрел на Мазина: — Ты бы придумал что-нибудь, Коля.

— Придумаешь тут.

Оба мальчика постояли молча. Прислонившись к вешалке, Мазин задумчиво вертел чью-то пуговицу. Потом толстые вялые щеки его вдруг начали оживать, он выпятил вперед нижнюю губу и, притянув к себе товарища, зашептал что-то ему на ухо, а потом добавил вслух:

— Надо время затянуть, понимаешь... чтобы он не успел тебя спросить до звонка.

Русаков понятливо кивнул головой.

— А вдруг он меня первого? — испуганно спросил он.

— А вдруг пол провалится? — передразнил его Мазин.

В коридоре Леня Белкин, щупленький Медведев и Нюра Синицына наскоро проверяли свои знания.

— Только мне никто не подсказывайте, а то я собьюсь,— предупреждал Леня Белкин.

— А мне немножко, одними губами первое слово только... Подскажешь, Зорина? Ты близко к доске сидишь,— просил Медведев.

— Нет, я боюсь, я ни за что! — испуганно отговаривалась Лида.— Я ни губами, никак...

Синицына, закрыв глаза, громко повторяла правила грамматики.

Звонок рассадил всех по местам. Васек привстал с парты. Все в порядке: тряпка, мел, чернильница... Он заметил на полу скомканную промокашку и погрозил ребятам кулаком: только бросьте еще!

Сергей Николаевич вошел в класс.

Мазин бросил быстрый взгляд на Русакова:

— Сергей Николаевич! Сейчас в пруду девочка утонула, в полынье...

Ребята живо повернулись к Мазину:

— Какая девочка?

— Маленькая?

— Где? Где?

Мазин откашлялся.

— Небольшая девочка...— Он еще раз откашлялся.— Годика три... Она так шла, шла, с саночками...

— Ой, с саночками!

Мазин привстал и обернулся к классу:

— Ну да, с саночками. Да как провалится вдруг... весь лед на пруду треснул под ней...

— Ой, бедненькая! — заволновались девочки.— Так сразу и провалилась?

— Поговорим об этом после уроков,— сказал Сергей Николаевич, усаживая Мазина движением руки и раскрывая классный журнал.— Синицына! — вызвал он.

Мазин хрустнул пальцами и уставился в потолок. Нюра одернула под партой платье и с вытянутым лицом пошла к доске.

— А вы пишите в тетрадях,— сказал Сергей Николаевич, перелистывая учебник.

— У меня перо сломалось,— неожиданно заявил Русаков, поднимая вверх ручку.

Учитель вынул из бокового кармана коробочку и положил ее на стол:

— Пожалуйста, возьми себе перо.

Русаков толкнул Мазина и пошел к столу.

Мазин поднял руку.

— А у меня царапает,— сказал он.

— Подойди и ты к столу.

Учитель подошел к передним партам и спросил:

— Кто еще пришел в класс, не заготовив себе хорошее перо?

Трубачев беспокойно заерзал на парте. Ребята молчали.

Мазин за спиной Русакова протянул руку к доске, схватил мел и спрятал его в карман.

— Все с перьями? — еще раз спросил учитель.

— Все!

— Значит, только вот эти двое...— Учитель повернулся к Мазину и Русакову и вынул часы: — Вы отняли у нас три минуты. Сядьте оба.

Русаков и Мазин пошли к своим партам.

— Пишите,— сказал Сергей Николаевич: — «Колхозники рано начнут сев...»

Синицына беспокойно завертелась у доски. Она присела на корточки, пошарила руками по полу и, повернувшись к ребятам, вытянула в трубочку губы.

— Ме-е-ел! — раздался ее пронзительный шепот.

Васек поднял голову. Саша повернулся к нему и тихо спросил:

— Где мел?

— Я клал,— взволнованно ответил Васек.

Сергей Николаевич постучал пальцами по столу.

— Ищи-и! — зашипели на Синицыну ребята.

Синицына испуганно развела руками.

Лицо Сергея Николаевича потемнело.

— Одинцов, сбегай за мелом, живо!

Одинцов опрометью бросился из класса.

— Кто сегодня дежурный?

Васек встал, чувствуя, как кровь приливает к его щекам. Рядом встал Саша Булгаков.

Сергей Николаевич поднял брови:

— Трубачев? Булгаков? Булгаков, ты к тому же и староста.

Саша вытянул шею и замер.

— Надо лучше знать свои обязанности,— резко сказал учитель.— Садитесь!

Не глядя ни на кого, Васек опустился на место. Ему казалось, что сзади него перешептываются девочки. Неподалеку слышалось тяжелое дыхание Мазина — ему было жарко. Русаков, забыв обо всем на свете, считал минуты. Одинцов, за-

пыхавшийся от бега по лестнице, принес мел и от волнения протянул его прямо учителю.

— Положи на место,— сказал Сергей Николаевич.

Синицына перехватила из рук Одинцова мел и, держа его наготове, таращила на учителя глаза.

— «Колхозники рано начнут сев...» — снова продиктовал учитель.

Урок пошел как обычно. Синицына разбирала предложения бойкой скороговоркой.

«И куда торопится, лягушка эдакая?» — с тревогой думал Русаков.

После Синицыной отвечал Медведев. Проходя мимо Зориной, он тихонько толкнул ее локтем. Лида замотала головой и заткнула уши.

— Что-нибудь случилось, Зорина? — спросил Сергей Николаевич.

Лида вскочила:

— Нет.

— Тогда сиди спокойно и не делай гримас,— отвернувшись, сказал учитель.

Лида села, боясь пошевельнуться. В классе было тихо. Сергей Николаевич вызывал, спрашивал, но ребята чувствовали, что он недоволен.

Звонок, как свежий студеный ручей, ворвался из коридора и разлился по классу.

Ребята облегченно вздохнули. Сергей Николаевич взял портфель.

Когда за ним закрылась дверь, ребята повскакали с мест и окружили Трубачева и Булгакова:

— Что же вы? Как это вы?

— Не могли мел положить!

— Осрамили! Весь класс осрамили!

— Честное пионерское...— начал Саша и, возмущенный, повернулся к Трубачеву: — Я на тебя, как на себя самого, надеялся!

— А я что? Что я? — сразу вскипел Трубачев.

— Ты сказал, что у тебя все в порядке, а сам...

— Что — сам? — подступил к нему Васек.

На щеках у него от обиды расплылись красные пятна.

— Дисциплина! — крикнул кто-то из ребят.— А сами еще всех подтягивают!

— И на девочек нападают,— пискнула Синицына.

— Молчите! — с бешенством крикнул Васек и обернулся к Саше: — Говори, что я сделал?

— Мел не положил, вот что!

— Кто не положил?

— Ты! — бросил ему в лицо Саша.— Весь класс подвел.

— Врешь! — топнул ногой Васек.— Я все проверил, и все было,— нечего на меня сваливать!

— Я не сваливаю. Я еще больше отвечаю! Я староста!

— Староста с иголочкой! Тебе только сестричек нянчить! — выбрасывая из себя всю накопившуюся злобу, выкрикнул Васек.

— Трубачев! — сорвался с места Малютин.

— А-а, ты так... этим попрекаешь!..— Саша поперхнулся словами и, сжав кулаки, двинулся на Васька.

Тот боком подскочил к нему.

— Разойдись! Разойдись! — выпрыгнул откуда-то Одинцов.

Несколько ребят бросились между поссорившимися товарищами:

— Булгаков, отойди!

— Трубачев, брось!

— Перестаньте! Перестаньте! — кричали девочки.

Валя и Лида хватали за руки Трубачева. Одинцов держал Сашу.

— Ты мне не товарищ больше! Я плевать на тебя хочу! — кричал через его плечо Саша.

— Староста! — презрительно бросил Васек, отходя от него и расталкивая локтями собравшихся ребят. Пустите! Чего вы еще?

Сева Малютин загородил ему дорогу:

— Трубачев, так нельзя, ты виноват!

Васек смерил его глазами и, схватив за плечо, отшвырнул прочь. Класс ахнул. Надя Глушкова заплакала.

Валя Степанова бросилась к Малютину.

Васек хлопнул дверью.

Мазин и Русаков стояли молча в уголке класса.

Когда Трубачев вышел, Мазин повернулся к Русакову и с размаху дал ему по шее.

— За что? — со слезами выкрикнул Русаков.

— Сам знаешь,— тяжело дыша, ответил Мазин.

Ребята удивленно смотрели на них:

— Еще драка!

Но Мазин уже выходил из класса, спокойно советуя следовавшему за ним Русакову:

— Не реви, хуже будет.

Глава 20

КАК БЫТЬ?

Одинцов и Саша шли вместе. Под ногами месился мокрый снег, набиваясь в разбухшие от сырости калоши. Саша шел, не разбирая дороги, опустив голову и не глядя на товарища. Одинцов щелкал испорченным замком своего портфеля и взволнованно говорил:

— Знаешь, он просто со зла, нечаянно... Он, может, этот мел в форточку выбросил, когда тряпку вытряхивал... И сам не знал... Да тут еще ребята кричат. Ну, довели его до зла — он и сказал.

Одинцов перевел дух и взглянул в упрямое лицо Саши.

— Вот и со мной бывает. Как разозлюсь в классе или дома — так и давай какие-нибудь глупости говорить, что попало, со зла. А потом самому стыдно. Да еще бабушка скажет: «Ну, сел на свинью!» Это у нее поговорка такая.

Коля неловко засмеялся и, ободренный Сашиным молчанием, продолжал:

— Это с каждым человеком бывает. А Трубачев все-таки наш товарищ.

Саша вскинул на него покрасневшие от обиды глаза:

— Товарищ? Да лучше б он меня по шее стукнул, понимаешь? А он мне такое сделал, что я... я...— Саша задохнулся от злобы и, заикаясь, добавил: — Ни-когда не прощу!

— Саша, ведь ему самому теперь стыдно, он сам мучится! — горячо сказал Одинцов.

Саша вдруг остановился.

— А, ты за него, значит? — тихо и угрожающе спросил он в упор.

— Я не за него,— взволновался Одинцов,— я за вашу дружбу, за всех нас троих! Мы всегда вместе были. И на пруду еще говорили...

— Ладно, дружите... А мне никакого пруда не надо. Мне и тебя, если так, не надо! — с горечью сказал Саша.

Голос у него дрогнул, он повернулся и, разбрызгивая мокрый снег, быстро зашагал к своему дому.

— Саша!

Одинцов догнал его уже у ворот:

— Саша! Я все понимаю. Я за тебя... Мне только очень жалко...

— А мне не жалко! Мне ничего не жалко теперь! И хватит! — Саша кивнул головой и пошел к дому.

Одинцов глубоко вздохнул, оглянулся и одиноко зашагал по улице.

«Пропала дружба...— грустно думал он, стараясь представить себе, как будут теперь держаться Трубачев и Саша.— А с кем я буду? Один или с каждым по отдельности?»

Одинцов не стоял за Трубачева. Поступок Васька казался ему грубым и глупым.

«На весь класс товарища осрамил! «Староста с иголочкой! Тебе только сестричек нянчить!» — с возмущением вспоминал он слова Трубачева.— И как это ему в голову пришло? Ведь Саша не виноват, что у них детей много, ему и так трудно,— размышлял он, шлепая по лужам.— И еще Малютина отшвырнул... Севка и так слабый...»

Коля Одинцов был растревожен. Дома он наскоро выучил уроки, весь вечер слонялся без дела и, ложась спать, вдруг

вспомнил: «А ведь сегодня четверг. К субботе статью писать надо...»

Перед ним встал Васек Трубачев, с рыжим взъерошенным чубом на лбу, с красными пятнами на щеках.

«Я ведь о нем писать должен. Все... Честно... И вся школа узнает... Митя... Учитель...— Одинцов нырнул под одеяло и накрылся с головой: — Не буду. На своего же товарища писать? Ни за что не буду!»

Он замотал головой и беспокойно заворочался.

— Коленька,— окликнула его бабушка,— ты что вертишься, голубчик?

— У меня голова болит,— пожаловался ей мальчик.

— Голова? Уж не простудился ли?

Старушка порылась в деревянной шкатулке, подошла к кровати и пощупала Колин лоб:

— На-ко, аспиринчику глотни.

— Зачем? — отодвигая ее руку с порошком, рассердился Коля.— Вечно ты, бабушка, с этим аспиринчиком! У меня, может, не то совсем.

— Да раз голова болит. Ведь аспирин — первое средство при всяком случае.

— Ну и лечи себя при всяком случае, а ко мне не приставай... Тебе хорошо — ты дома сидишь, а я целый день мотаюсь. Иди, иди! Я и так засну!

Он повернулся к стене и закрыл глаза. Перед ним опять встал Васек Трубачев. Потом стенгазета, перед ней кучка ребят и учитель.

«Совершенно точно и честно»,— глядя на статью, говорит Сергей Николаевич.

«Одинцов никогда не врет!» — кричат ребята.

«Не врет... Мало ли что... Можно и не врать, а просто промолчать. Только вот Митя спросит, почему не написал, и ребята скажут: побоялся на своего дружка писать, а как про кого другого, так все описывает...— Одинцов вздохнул.— Нет, я должен написать... всю правду».

Кровать заскрипела. Бабушка заглянула в комнату. Коля громко захрапел, как будто во сне.

«Какой же я пионер, если не напишу? — снова подумал он, прижимаясь к подушке горячей щекой.— Ведь меня выбрали для этого... А какой же я товарищ, если напишу?» — вдруг с ужасом ответил он себе и, сбросив одеяло, сел на кровати.

— Коленька, тебе чего?

— Дай аспиринчику,— жалобно сказал Коля.

Глава 21

МАЛ МАЛА МЕНЬШЕ

Когда Саша открыл дверь своего дома, на него пахну́ло знакомым теплым детским запахом, звонкая возня ребятишек неприятно оглушила его.

Он схватил за рубашонку играющего у порога Валерку:

— Куда лезешь? Пошел отсюда!

Валерка сморщился и вытянул пухлые губы. Мать поспешно подхватила его на руки и тревожным взглядом окинула расстроенное лицо сына:

— Саша, Саша пришел!

Ребятишки, отталкивая друг друга, бросились к Саше.

— Брысь! — сердито крикнул он и, заметив взгляд матери, с раздражением сказал: — И чего лезут! Домой прийти нельзя!

— Да они всегда так... радуются,— осторожно сказала мать.

— Виснут на шее! Как будто я верблюд какой-нибудь... ну, пошли от меня! — закричал он на сестренок.

— А мы без тебя играли. Знаешь как? — заглядывая ему в лицо и пряча что-то за спиной, сказала его любимица — Татка.

Саша молча отодвинул ее в сторону и прошел в комнату.

— Не троньте его, отойдите,— тихо сказала мать.— Играйте сами.

Саша бросил на стол книги и сел, стараясь не замечать внимательного взгляда матери. Этот взгляд тоже вызывал в нем раздражение: «Так и смотрит, все знать ей надо...»

Мать наскоро вытерла руки, накрыла на стол:

— Сашенька, иди обедать!

Ребята с шумом полезли на стулья. Трехлетняя Муська зазвенела ложкой о тарелку.

— Руки под стол! — закричал Саша.— Что ты звонишь, как вагоновожатый! — накинулся он на Муську, отнимая у нее ложку.— Сейчас выгоню!

— Саша, Саша! — удивленно, с упреком сказала мать.— Что это ты, голубчик?

— «Голубчик»! Нянька я вам, а не «голубчик»! Не буду я им больше ничего делать! Сама, как хочешь, с ними справляйся! — отодвигая свою тарелку, закричал Саша.— Все на меня свалила!..

Он вдруг остановился. Мать смотрела на него с жалостью и испугом. Половник дрожал в ее руке. Дети притихли.

— Ешь. Вот тебе мясо. Сам порежешь?

— Сам,— буркнул Саша, давясь куском хлеба.

За столом стало тихо. Мать резала маленькими кусочками мясо и клала его в тарелки малышам.

— Кушайте, кушайте,— говорила она вполголоса, помогая то одному, то другому справляться с едой.

Татка, придвинув к Саше свою тарелку, шепотом сказала:

— Саша, порежь мне.

— Сама не маленькая! — отодвигая локтем ее тарелку, сказал Саша.

— Мама, чего он не хочет? — обиженно протянула Татка.

— Не приставай к нему, Таточка. Дай свою тарелку!

Татка вскочила, с колен ее покатился на пол круглый пенал. Этот пенал Саша сам подарил ребятам для игры «в школу». Но сейчас, чувствуя закипавшие в глазах слезы и острую потребность придраться к чему-нибудь, Саша схватил пенал и выбежал из-за стола.

— На моем столе роетесь! Все мое хватаете! Ладно, я теперь всех швырять буду! — кричал он неизвестно кому со слезами в голосе. Потом бросился ничком на свою кровать и разрыдался.

— Сашенька, Саша... Кто тебя, сынок мой дорогой? Кто

тебя обидел, голубчик? — гладя его по спине, спрашивала мать.

Саша молча плакал, уткнувшись в подушку круглой стриженой головой. Вокруг кровати, прижимаясь к матери, всхлипывали испуганные ребята. Валерка, приподнявшись на цыпочки, обхватил Сашину шею и уткнулся лбом в подушку. Саша высвободил руку и обнял теплое тельце братишки.

Глава 22

ВАСЕК

Васек стоял у окна и на все вопросы тетки отвечал:

— А тебе-то что?

— Как это — тебе-то что? — возмутилась тетя Дуня.— Прибежал, как с цепи сорвался! Я тебя и спрашиваю: случилось с тобой что, отметку плохую получил или наказали тебя в школе?

— Ну и наказали,— усмехнулся Васек.— А тебе-то что?

— Ты мне не смей так отвечать! Я не с улицы пришла ответ у тебя спрашивать. Мне вот отец пишет, что еще недели на две задержится.

— Письмо есть? Отец пишет? Давай письмо! Почему сразу не дала мне? — закричал на тетку Васек.

Тетка вынула из-под скатерти письмо.

— Я с тобой поговорю еще... Вот почитай раньше...— холодно сказала она, испытующе глядя на племянника поверх очков.

— Ладно! — нетерпеливо сказал Васек, отходя к своему столу и вытаскивая из конверта тонкую серую бумажку.

Отец писал, что никак не мог сообщить о себе, так как ездил со своей бригадой на другие участки и все надеялся скоро вернуться. Но сейчас в паровозном депо идет большой ремонт, и придется недельки на две задержаться. Он просил тетку приглядеть за племянником, спрашивал, как учится Васек, как он ест, спит, не очень ли скучает. В конце стояла приписка сыну:

«Дело, Рыжик, прежде всего. Паровозы мои — пациенты смирные, слушаются меня. Есть среди них очень интересные, новой системы, наши советские. Приеду — расскажу. А пока делай ты, Рыжик, свои дела так, чтобы совесть была чиста.

Твой папа».

Васек опустил письмо и задумался.

Отец задерживается... Не с кем поговорить по душам. Некому рассказать, что произошло за это время в его жизни...

Васек подумал о Саше. Вспомнил его лицо и слова, которые тот бросил ему: «Не товарищ!» «Подумаешь, напугал! И что я ему сказал? Разве это не правда, что он сестричек нянчит? Правда...» — храбрясь и оправдываясь перед собой, думал Васек.

Потом, вспыхнув до ушей, он растерянно посмотрел на свою твердую загорелую руку. В этой руке осталось ощущение острого, худенького плеча Севы. Васек прикусил губу, чувствуя стыд и недовольство собой. Как это с ним случилось, что он швырнул Севу? Конечно, Малютин сам полез, его никто не просил.

Васек посмотрел на письмо. Задерживается... в такую минуту, когда ему одному мог он рассказать обо всем, что произошло в классе.

«Ну и ладно... Пусть со своими паровозами остается... Хоть и совсем не приезжает, раз так»,— с горькой обидой на отца думал он.

— Вот и поговорим,— сказала тетка, закончив какие-то кухонные дела и присаживаясь на стул против Васька.— Разболтался! Грубишь! Думаешь, тетка сквозь пальцы глядеть будет? — Тетя Дуня оправила подол юбки и поудобнее уселась на стуле.— Нет, племянничек, я здесь не для этого живу. На меня не напрасно твой отец надеется. Трубачевы зря ничего не обещают, и я тебя на ум-разум направлю,— медленно цедила слова тетка.

Васек вдруг вышел из берегов:

— А что ты мне сделаешь? Что ты ко мне привязалась сего-

дня? «На ум-разум направлю»! Вот я отцу расскажу! — кричал он, размахивая руками.

Тетка поджала тонкие губы.

— А я и отца ждать не буду. Я в школу пойду,— язвительно сказала она.

— Ты... в школу? — задохнулся Васек.— В школу?.. Ведьма! — неожиданно для себя выпалил он и испугался.

Лицо у тетки вдруг сморщилось, очки упали на колени, ресницы заморгали, и на них показались слезы.

— Спасибо, Васек, спасибо, племянник,— тихо сказала тетка, поднимаясь со стула.

Васек хотел броситься к ней, попросить прощения, но слова застряли у него в горле. Первая минута была потеряна, и, провожая глазами ее сгорбившуюся фигуру, он только беспомощно шевелил губами.

Тетка весь вечер просидела в кухне.

«Ну и пускай! — думал Васек, стараясь побороть в себе чувство жалости и раскаяния.— Еще каждому кланяться буду! Просить, унижаться!»

Вечером пришла Таня. В последнее время Васек редко видел ее и особенно обрадовался теперь, чувствуя себя одиноким и несчастным.

— Таня, ты где все пропадаешь? — спросил он, поглаживая глиняного петуха.— Я тебя совсем не вижу.

— Да у меня дела теперь сверх головы. Меня, Васек, в комсомол принимают! — с гордостью сказала Таня, показывая на толстую книгу в коленкоровом переплете.— Вот, учусь! И работаю. Ведь это заслужить надо.

— А я еще пионер только,— со вздохом сказал Васек и сразу подумал: «А вдруг Митя узнает про то, что в классе было? Или учитель?»

Сердце его сжалось, и к щекам опять прилила краска.

— Ты что? — спросила Таня.

— Ничего. Спать захотел,— сказал Васек.

— Да посиди, рано еще... Что отец пишет?

— Пишет — задерживается... Я пойду,— устало сказал Васек.

Ему и правда захотелось спать. Он лег, но сон не приходил долго. На душе было одиноко и тоскливо.

Васек вспомнил Одинцова и грустно улыбнулся.

«Один товарищ у меня остался... Один друг, а было два... Эх, из-за куска мела! — Он приподнялся на локте.— А куда же этот проклятый мел делся? Ведь я же сам клал его — длинный, тонкий кусочек. Куда же он делся? Надо было поискать хорошенько, найти, доказать. Может, он лежал в уголке где-нибудь...»

Васек пожалел, что не сделал этого сразу, а в раздражении ушел из класса.

* * *

Утром Васек долго валялся в кровати, лениво делал зарядку. Он не торопился: день перед ним вставал хмурый и неприятный. В первый раз не хотелось идти в школу.

«Теперь, наверно, все на меня глазеть будут, как на зверя какого-нибудь...»

Не хотелось видеть Сашу, Малютина, и перед остальными ребятами было стыдно и нехорошо.

«А что такое? Фью! Больше бояться меня будут! Никто не полезет ко мне!» — хорохорился он наедине с собой, пытаясь заглушить чувство стыда и беспокойства.

Входя в класс, он сделал равнодушное лицо и как ни в чем не бывало направился к своей парте, хотя сразу заметил, что ребята его ждали и говорили о нем. Ему даже показалось, что из какого-то угла донесся шепот:

— А еще председатель совета отряда...

На самом деле слова эти никем не были сказаны, Ваську это только показалось. Но он насторожился и, небрежно обернувшись к классу, посмотрел на ребят дерзким, вызывающим взглядом.

Саша Булгаков, который сидел впереди, ни разу не обернулся с тех пор, как Трубачев вошел в класс. На его круглом открытом лице было вчерашнее упрямое выражение, в глазах — мрачная, застоявшаяся обида.

Васек, чтобы показать, что он совершенно не интересуется Сашей, небрежно развалился на парте и, стараясь не смотреть на стриженый затылок товарища, неудобно и напряженно повернул голову и смотрел вбок.

Малютин спокойно сидел рядом с ним. Он не чувствовал ни страха, ни унижения, ни обиды, как будто не его, как котенка, швырнул вчера Трубачев на глазах всего класса. Малютин страдал за Васька. Васек Трубачев в его глазах всегда был честным, смелым товарищем, которого слушались и любили ребята. И вот теперь вместо этого честного и смелого товарища рядом с ним сидел дерзкий расшибака-парень, показывающий всем и каждому, что в любую минуту может пустить в ход кулаки.

«Пусть только кто-нибудь пикнет!» — говорил весь облик Трубачева.

Сева ясно видел, что класс осуждает Трубачева. И, чтобы заставить товарища перемениться, вернуть его в обычное состояние, Малютин изредка задавал ему простые вопросы: как он думает, будут ли у них экзамены и когда; останется ли с ними Сергей Николаевич и на следующий год?

Васек удивлялся, что Сева как будто забыл про вчерашнее; он чувствовал к нему благодарность, жалел, что так обидел его, но, боясь показаться в глазах ребят трусом, который подлизывается к Малютину, чтобы уладить с ним отношения, отвечал Севе свысока, небрежно, чуть-чуть повернув в его сторону голову.

На переменке к Трубачеву подошел Мазин.

— Ну и поссорились, экая важность! — ни с того ни с сего сказал он.— Из каждой мухи слона делать — так это и жить нельзя.

— Я и не делаю слона,— ответил ему Васек.

— Я не про тебя — я про Булгакова. Что это он нюни распустил, от одного слова скис?

— Он не скис! — рассердился Васек.— И нюни не распускал. Это не твое дело!

Мазин наклонил голову и с любопытством посмотрел на Трубачева.

— Вот оно что...— неопределенно протянул он и отошел к своей парте.

— О чем ты с ним говорил? — спросил его Русаков.

Но Мазин был поглощен своими мыслями.

— Вот что...— чему-то удивляясь, снова повторил он.

Лида Зорина избегала смотреть на Васька; она то и дело подходила к Саше и с глубоким сочувствием смотрела на Малютина.

У Вали Степановой было строгое лицо, и другие девочки неодобрительно молчали.

Хуже всего было Коле Одинцову. Он то сидел на парте рядом с Васьком, стараясь в чем-то убедить его, то отходил к Саше. И, недовольный своим поведением, думал: «Что это я от одного к другому бегаю!»

Одинцов все еще надеялся помирить обоих товарищей.

— Ты бы сказал ему, что виноват, ну и все! — уговаривал он Трубачева.

Васек, разговаривая с Одинцовым, становился прежним Васьком.

— А если по правде, по честности — я виноват, по-твоему? — спрашивал он товарища.

— Виноват! — твердо отвечал Коля.— Не попрекай чем не надо. Ты против Саши барином живешь.

— А он имел право мелом меня попрекать?

Одинцов пожал плечами:

— Не знаю... Если ты клал этот мел, то куда он делся?

Разговоры не приводили ни к чему. Один раз Трубачев сказал:

— С Булгаковым я дружил, а теперь он мой враг. И больше о нем не говори. Я к нему первый никогда не подойду. А ты с ним дружи. И со мной дружи.

— Да ведь нас трое было.

— А теперь ты у меня один остался,— решительно сказал Васек.

К концу дня, видя, что ребята, как будто условившись между собой, не заговаривают о ссоре, Трубачев успокоился, принял свой прежний вид и даже сказал Малютину:

— Я ведь тебя не хотел вчера...

— Я знаю, я знаю! — поспешно и радостно перебил его Сева.— Дело не во мне, я другое хочу тебе рассказать... Только дай мне честное пионерское, что не рассердишься.

— Я на тебя не рассержусь, говори.

Сева быстро и взволнованно рассказал ему про мальчишку в Сашином дворе, как тот осыпал Сашу насмешками, когда Саша нес помои.

Васек стукнул кулаком по парте:

— И ты не выскочил и не дал ему хорошенько? Эх, я бы на твоем месте...

— Я вышел потом... Но это не то, я другое хотел сказать.

Они посмотрели друг другу в глаза.

Васек потемнел.

— Ты что же... меня к тому хулигану приравнял? — тихо, с угрозой спросил он.

— Тот хулиган не был Сашиным товарищем,— ответил ему Сева.

Глава 23

СТАТЬЯ ОДИНЦОВА

Одинцов писал статью. Он описывал все происшедшее в классе так, как оно было. Но каждый раз на фамилии Трубачева он останавливался и долго сидел, опустив голову. Потом снова брал перо.

«А теперь ты у меня один остался»,— сказал ему Васек.

«Но ведь я в глаза говорил ему, что он виноват. И завтра сам скажу, что статью написал. Как пионеру скажу... Он поймет, что иначе нельзя мне»,— волновался Одинцов.

Уже несколько ребят спросили его в классе, какую статью он даст в стенгазету.

— Правду напишешь?

— Как всегда.

Одинцов вспомнил, что, ответив так ребятам, он перестал колебаться, но после этого никак не мог подойти к Трубачеву

и ушел домой, не попрощавшись с ним. И всю дорогу в мыслях его что-то двоилось, путалось. Трубачев стоял по одну сторону, а он, Коля Одинцов,— по другую. Ребята ждали от Одинцова правды и справедливости.

«Я спрошу его, как бы поступил он на моем месте,— волнуясь, думал Коля.— Он ведь тоже пионер, он не захочет, чтобы я из-за него пионерскую честь свою запятнал».

Одинцов снова брался за перо:

«...Когда Трубачев выходил, к нему бросился Малютин и сказал: «Трубачев, ты виноват». Трубачев схватил Малютина за плечо и сильно толкнул его...»

Подумав, Одинцов зачеркнул слова «схватил» и «сильно». Вышло так: «Трубачев взял Малютина за плечо и оттолкнул его...»

— Почти одно и то же...— прошептал Одинцов и перешел к следующему происшествию:

«...А потом Мазин за что-то ударил Русакова, и оба спокойно вышли из класса. Редакция надеется, что Трубачев, как пионер и товарищ, поймет, что он сделал нехорошо, и как-нибудь помирится с Булгаковым».

* * *

Васек притих. Он вдруг понял, что всех обидел: и тетку, и Сашу, и Севу Малютина,— что он перед всеми виноват. От этого на душе у него было тоскливо, и даже приезд отца не обещал ему радости. Случай на Сашином дворе не выходил у него из памяти. Он думал о Саше. Вспомнил, как они с Одинцовым звали его на каток, а он не мог пойти.

— «А ведь Сашке, конечно, трудно, а я еще попрекнул его. Он, верно, сразу того хулигана вспомнил... Такую обиду Саша не простит. Тетка тоже не простит. Она так заботилась обо мне, а я назвал ее ведьмой... Сева простил. Почему простил Сева — непонятно. Но Малютин вообще непонятный. Может, он трус и не хочет ссориться со мной? Нет, он не трус! Он даже, наоборот, как-то...»

Но как это «наоборот» — Васек не додумал.

Была суббота. После обеда собиралась редколлегия, вчера ребята давали заметки. Интересно, что написал Одинцов? Вчера из самолюбия Васек не спросил его об этом, хотя сам Одинцов все время начинал с ним разговор о стенгазете. Видно, не знал, как писать, и хотел посоветоваться.

«Наверно, написал просто, что куда-то делся мел и дежурные поспорили между собой»,— спокойно подумал Васек.

— Тетя Дуня, мне в школу на собрание нужно.

Тетка молча накрыла на стол. Она все делала теперь молча. Васек слышал, как вчера вечером она сказала Тане:

— Он меня обидел, и я все ему буду делать официально.

Васек вздохнул: «Ну что ж, я тоже официально буду...»

Глава 24

В ЗЕМЛЯНКЕ

Мазин перестал ходить на занятия к Трубачеву. С одной стороны, его мучила история с мелом и он чувствовал себя виноватым перед Васьком. С другой стороны, после злополучного урока он решил подтянуть Русакова и сам превратился в учителя, пригрозив Петьке, что будет считать его последним человеком в Советском Союзе, если он не научится отличать подлежащее от сказуемого и глагол от имени существительного.

Русаков сам понял, что ему никуда не деться от грамматики, и согласился заниматься.

Он хорошо знал, что если Мазин за что-нибудь берется, то «дело будет».

Занимались в землянке. Пообедав, порознь выходили из дому и окольными путями шли к пруду. Ноги проваливались в глубокий, рыхлый снег, вода доходила до щиколотки, пробираться к старой ели было трудно, но зато в землянке было сухо и уютно.

Мальчики отгребли от входа снег и прорыли вокруг глубокие канавы, чтобы дать сток воде. Усевшись поудобнее на мешке, они зажигали коптилку и начинали заниматься. Еще

до урока Петя успевал рассказать товарищу тысячу новостей. Уже две недели в их доме жила молодая женщина, которую он называл мачехой. Мачеха пугала и интересовала Петю. Он всегда ждал от нее каких-нибудь неприятностей и рассказывал Мазину:

— Такую пыль в доме подняла! Всю мою кровать вверх тормашками перевернула. И чего ей там нужно было?

— Клопов,— изрекал Мазин.

— Может, конечно... А потом, смотрю, на мой стол чернильницу отцовскую поставила, ручку у отца сперла.

— Это что еще за слово у тебя? Говори по-русски.

— Ну, стащила...

— Смотри у меня! А то подумают — я тебя научил,— выговаривал Мазин.

— Ладно,— соглашался Русаков,— пускай стащила... Она вообще нас с отцом не различает: что ему, то и мне! — вдруг похвалился он.

— Различит, когда за ремень возьмется,— поддразнил его Мазин.

— Она сама не возьмется. Отца подучать будет... Она мне вот что один раз говорит: «Петя, может, ты за хлебом сегодня сходишь?» Видал? Думает прислужку из меня сделать!

— А ты хлеб ешь?

— Ем.

— Не ешь,— серьезно сказал Мазин.

— Почему это?

— Потому что она подумает, что ты из нее прислужку хочешь сделать.

Петя засмеялся.

— Ты всегда придумаешь чего-нибудь... А мне бы только одно наверняка знать: добрая она или злая? — задумчиво сказал он.— Почему это нельзя сразу человека узнать?

— Узнать, пожалуй, можно,— протянул Мазин.

— А как? — заинтересовался Русаков.

— Принеси ей дохлую кошку.

— Совсем дохлую?

— Не совсем... наполовину... чтоб еще мяукала... Или собаку. Одно из двух.

— И что?

— И посмотри: выкинет она ее или накормит. Кто любит животных, тот добрый человек, а кто их не жалеет, тот сам дрянь! — объяснил Мазин.

— Это верно... А где же мне эту самую дохлую кошку взять? Если поймать да заморить какую-нибудь? — сморщившись, сказал Петя.

— Ну, и будешь сам дрянь,— отрезал Мазин.

— Ну вот... а говоришь... Легче уж совсем дохлую достать, так ту и жалеть нечего, раз она уже все равно скончалась... А так... все кошки толстые,— припоминая всех знакомых кошек, говорил Русаков.

— Ну ладно! Выбрось все это из головы. Садись. Говори честно: чего знаешь и чего не знаешь?

— Что ты не знаешь, то и я не знаю,— расхрабрился Русаков.

— Ну-ну! Я не знаю — так догадаюсь,— важно сказал Мазин.— Тебе со мной не равняться. А по правде, обоим подтягиваться нужно. Скоро экзамен. Придется как-никак поработать.

Ребята взялись за учебу.

Положив на колени учебник, Мазин экзаменовал Русакова, тут же проверяя и свои знания.

Когда оба начинали скучать, Мазин говорил:

— Последнее предложение: «Коля стукнул Петю по шее». Разбирай.

— Нет, ты разбирай: «Русаков положил Мазина на обе лопатки».

— Раньше положи,— говорил Мазин, обхватывая товарища поперек туловища.

Начиналась борьба. Со стен летели пугачи и рогатки, мешок с сеном трещал по всем швам.

Ужинали порознь. Каждый у себя дома. Последнее время Петя стал разборчив в еде. Ворону пришлось выбросить, мороженую рыбу пустили в пруд на съедение ракам.

— Знаешь, Мазин, это кушанье как-то не по мне,— сознался товарищу Петя.

— А какие еще фрикадельки тебе нужны? — ворчал Мазин, очищая котелок от вороньих перьев.

Ложась спать, Мазин размышлял о жизни: «Учиться хорошо можно. В конце концов это не такое трудное дело. Отвиливать, пожалуй, труднее».

И он сразу решил за себя и за Русакова — хорошо подготовиться к экзаменам. История с мелом тоже повлияла на Мазина.

«В общем, все из-за одного лодыря вышло. Знай Петька грамматику — я бы не стащил мел. Не стащи я мел — Трубачев не поссорился бы с Булгаковым, вот и все... А какие товарищи были Васек и Саша! Трубачев и сейчас за Булгакова вступился, когда я сказал, что Сашка нюни распустил... Гм... А в общем, какая это дружба! Из-за одного куска мела все вдребезги! Я бы так Петьку не бросил. Эх, жизнь!»

Мазин был благодарен Трубачеву за помощь по географии. Бывая у Васька в доме, он сблизился с ним и привык к нему, а поэтому всю вину перекладывал на Сашу, да еще в самой глубине сердца сознавал и свою вину, которую, в свою очередь, перекладывал на Русакова, и, не в силах разобраться в этой путанице, засыпая, говорил:

— Эх, жизнь!

Глава 25

«СОВЕРШЕННО ТОЧНО»

Васек торопился. На втором этаже школы, в пионерской комнате, окна были освещены.

«Работают уже!.. Скорей надо! Сегодня Белкин переписывает, наверно».

— Иван Васильевич, Митя пришел? — спросил он, пробегая мимо Грозного.

— Нет еще... Сергей Николаевич в учительской,— сообщил Грозный.

«Эх, а я опоздал!» — подумал Васек и, пробежав быстро по коридору, открыл дверь в пионерскую комнату.

Одинцов стоял посреди комнаты, держа в руках аккуратно исписанный листок. Ребята окружали его тесным кольцом. Увидев Васька, кто-то тихо сказал:

— Трубачев!

Все лица повернулись к Трубачеву. Одинцов тоже обернулся и машинально спрятал за спину листок.

Трубачев посмотрел ему прямо в глаза. Потом медленно протянул руку:

— Это про меня? Дай!

Одинцов, бледный, но спокойный, передал ему листок.

— Я не мог иначе...— сказал он.

Васек пробежал глазами статью. Она пестрела его фамилией.

— Совершенно точно,— сказал он, криво усмехаясь и возвращая листок.— Совершенно точно...— повторил он и при общем молчании вышел из комнаты.

— Трубачев! — упавшим голосом позвал Одинцов.— Ребята, что же вы! Остановите его!

— Трубачев! Трубачев! — понеслось по коридору.

— Митя! Где Митя? — волновались ребята.

Саша Булгаков подошел к Одинцову и сел рядом с ним.

— Ты не из-за меня написал? — спросил он, моргая ресницами.

— Нет, я просто правду написал! — Одинцов поднялся.— Белкин, переписывай!

Ребята зашевелились, задвигались, горячо обсуждая случившееся.

Мнения разделились: одни обвиняли Одинцова и говорили, что он не должен был подводить товарища; другие защищали Одинцова.

— Он не имел права иначе! Он поступил честно! — кричали они.

В пионерскую комнату вошел Сергей Николаевич. Он просмотрел стенгазету и прочел статью Одинцова. Ребята стояли понурившись, работа шла вяло. Все ждали, что скажет учитель.

Сергей Николаевич подозвал Одинцова:

— Это с Трубачевым ты просил посадить вас вместе?

— Да, с Трубачевым и Булгаковым.

— Закадычные друзья? А кто же больше друг — Булгаков или Трубачев? — спросил учитель, не глядя на Одинцова.

— Оба,— сказал Коля, мучительно краснея.

Сергей Николаевич положил руку на его плечо:

— Бывают, Одинцов, трудные положения у человека. Но если справедливость требует, то... ничего не поделаешь...— он улыбнулся,— надо себя преодолеть!

В комнату вошел Митя.

— Вы давно здесь? — спросил он, вытирая платком мокрые волосы.— Какая-то труха с неба сыплется... Ну как? Познакомились с материалом?

— Познакомился,— сказал учитель, подвигая ему статью.— Тут много интересного.

Митя быстро пробежал глазами статью.

— Ого! Одинцов пишет про Трубачева! Это новость! — Он вскинул на учителя глаза.— Д-да... Не ожидал от Трубачева. Ведь он председатель совета отряда. Придется поговорить.

Сергей Николаевич кивнул головой:

— Обязательно!

— О чем они? — шепотом спросил у Одинцова Саша. Он чувствовал себя неловко и, когда Сергей Николаевич смотрел в его сторону, готов был провалиться сквозь землю.

— Не знаю, они между собой говорят... Им тоже неприятно все это.

Когда Сергей Николаевич вышел, ребята бросились к Мите и, перебивая друг друга, стали рассказывать, что Трубачев прочитал статью и ушел.

— Экий недисциплинированный парень! Никакой выдержки нет. Придется с ним поговорить по-серьезному.

— Ну что ты, Митя, он же председатель совета отряда!

— Тем более должен знать дисциплину! — нахмурился Митя, подвигая к себе статью и перечитывая ее снова.

Читая, он вскидывал вверх брови, всей пятерней расчесы-

вал волосы и задумчиво глядел куда-то вбок. Потом щелкнул пальцами по столу и весело, по-мальчишески спросил:

— А куда же делся мел?

* * *

Васек не шел, а бежал, натягивая на ходу пальто. На крыльце он чуть не сбил с ног Грозного и далеко за собой оставил его окрик:

— Эй ты, Мухомор, куда?

Пробежав школьную улицу, он наугад свернул в первый попавшийся переулок и оглянулся.

Кончено.... Кончено... Одинцов не товарищ... Одинцов осрамил его перед учителем, перед Митей... Одинцов не подумал, что Васек — председатель совета отряда, не пожалел товарища...

Васек покачал головой: «Теперь у меня никого нет... ни Одинцова, ни Саши...»

Он вспомнил Малютина, Медведева, Белкина и других учеников своего класса. Никогда не заменят они ему прежних товарищей. На всю жизнь теперь он, Васек Трубачев, остался один.

Мягкий снег сеялся сверху на серые лужи, на черные островки сырой земли, на Васька Трубачева.

А он все шел и шел, низко наклонив голову, как человек, который что-то потерял и безнадежно ищет.

* * *

О заметке Одинцова и о том, что Трубачев сам не свой выбежал из пионерской комнаты, Мазин узнал от Нюры Синицыной. Она встретила его с Русаковым на улице и спросила:

— Не видели Трубачева?

— Нет. А зачем тебе? — поинтересовался Мазин.

— Он, наверно, на редколлегии,— сказал Русаков.

— В том-то и дело, что он сейчас выскочил оттуда как угорелый. Ой, что было! Одинцов нам статью читал, а Трубачев вдруг вошел!

— Какую статью? — насторожился Мазин.

Нюра, захлебываясь, стала рассказывать.

— Когда это было? — схватил ее за руку Мазин.

— Да вот, вот... сейчас! Я за ним, а его уже нет. Я звала, звала... прямо чуть не плакала...

Мазин повернулся к Русакову:

— Иди домой.

— Я с тобой,— бросился за ним Петя.

— Кому я сказал! — прикрикнул на него Мазин и быстрым шагом пошел к дому Трубачева.

В голове у него зрело какое-то решение, но какое — Мазин еще не мог сообразить. Он знал только одно: наступило время действовать. А как? Сознаться в том, что он утащил мел? Этого Мазину не очень-то хотелось. Он надувал свои толстые щеки, изо всех сил стараясь придумать что-нибудь такое, чтобы самому выйти сухим из воды и выручить Трубачева. Голова работала плохо.

Мазин хмурил лоб и размахивал руками.

Потолкавшись на улице около дома Васька, он заглянул в окно.

В кухне Трубачевых горел свет.

Мазин прошелся по двору, подождал. Потом легонько дернул звонок.

— Васек еще не приходил,— сказала тетка.— Он в школе на собрании.

Мазин снова вышел на улицу. Мокрый воротник прилипал к шее.

— Одно к одному,— сказал Мазин, мрачно поглядев на тучи.— Еще и небо расхныкалось...

Он отломил от водосточной трубы сосульку, засунул ее в рот и, прислонившись к забору неподалеку от дома, стал ждать.

«Первым долгом выручить Трубачева, вторым долгом выкрутиться самому... Петьку вообще выгородить»,— соображал он, острыми глазами всматриваясь в каждую темную точку, возникавшую в свете уличного фонаря.

Он не сразу узнал Трубачева. Васек, не думая, что кто-ни-

будь из товарищей видит его, плелся понурив голову, озябший, вымокший под дождем.

Когда Мазин окликнул его, он испуганно оглянулся и, желая скрыться, прижался к забору.

«Так вот оно что!» — снова неопределенно подумал Мазин, подходя к нему, и, чтобы дать товарищу время прийти в себя, небрежно сказал:

— Промок я тут, как черт... Где тебя носит?

«Не твое дело»,— хотел ответить Васек, но замерзшие губы не повиновались ему.

Он сплюнул в сторону и вызывающе посмотрел на товарища.

Но Мазин сплюнул в другую сторону и взял его за пуговицу пальто.

— Дело есть,— сказал он, кашлянув в кулак.— Ты на эту заметку плюнь. Мы тебя выручим, понятно?

Привыкнув во всем действовать сообща с Русаковым, Мазин не заметил, что сказал «мы».

Васек тоже не заметил этого. Его удивило лицо Мазина. Мокрое от дождя, с узкими карими глазами, оно было виноватым, ласковым, и даже голос был необычным для Мазина, когда он повторил:

— Ты брось. Не обращай внимания... Иди спать ложись как ни в чем не бывало... Ну, иди...

Васек, ослабевший от горя, усталый и прозябший, не сопротивлялся.

А Мазин, обняв его за плечи и легонько подталкивая к дому, говорил:

— Придешь — и ложись... Накройся с головой и не думай. Мы тебя выручим.

Он подвел Трубачева к двери, сам дернул звонок:

— Ну, прощай!

— Подожди! — Васек выпрямился.— Мазин... Я ничего не боюсь... я...— Голос у него прервался, он отвернулся и обоими кулаками забарабанил в дверь.

— Ну, бояться еще... Мы им... знаешь...— смущенно пробормотал Мазин.

По лестнице застучали шаги. Дверь открылась.

Мазин засунул руки в карманы и вышел за ворота.

Редкие прохожие оглядывались на одиноко шагавшего мальчугана и качали головами.

Сдвинув на затылок шапку и расстегнув навстречу ветру пальто, Мазин шагал посреди улицы и громко пел:

Человек проходит, как хозяин...

Он хорошо знал теперь, чтó он сделает, и совесть его была чиста.

Глава 26

ПЕТЯ РУСАКОВ

У ворот беспокойно вертелся Русаков. Он то поглядывал на свои окна, опасаясь, что вот-вот из форточки высунется отец и крикнет сердитым голосом: «Петя!», то выбегал на длинную улицу, боясь пропустить Мазина.

Ему необходимо было дождаться товарища. Еще ни разу не было такого случая, чтобы Мазин ушел куда-нибудь один, не посвятив в свои планы верного друга.

«К Трубачеву пошел! — догадывался Русаков.— Неужели про меня скажет?»

Услышав голос товарища, Русаков бросился к нему навстречу.

— Ты что, Колька, на всю улицу орешь?

Мазин спокойно допел до конца строчку «Где так вольно дышит человек». Петя с любопытством посмотрел на него.

Мазин усмехнулся:

— Слушай, я завтра при всех ребятах скажу, что мел стащил я.

— Скажешь?

— Скажу.

Русаков сморщился.

— Что, испугался? — насмешливо сказал Мазин.— Не пугайся, я не про тебя, а про себя скажу.

— Да зачем?

— А затем, что из-за нас Трубачев страдает. Из-за этого проклятого мела про него статью написали. Вся школа читать будет. Что же еще молчать-то!

— Да ведь статья из-за драки!

— А драка из-за чего? Из-за чего драка, я тебя спрашиваю?

— Из-за мела,— грустно сказал Русаков.

— Из-за мела. Что ж, я молчать буду?

— Лучше бы молчал,— нерешительно сказал Русаков.

— Что?! — Мазин приблизил к товарищу сердитое лицо.— Похож я на свинью, по-твоему?

Русаков бегло взглянул на выпяченные губы товарища, на короткий розовый нос с каплями дождя на широкой переносице, на щелочки глаз и, запинаясь, ответил:

— Да... нет!

— А если я не свинья — значит, я человек,— решил тут же Мазин.— А ты трус!

— Я не трус! — вспыхнул Русаков.— Я тоже ничего на свете не боюсь!

Мазин медленно повернул голову и выразительно посмотрел на окна Петиной квартиры.

— Отца, думаешь, да? — заволновался Петя.

— А то нет? Ты только за себя трясешься. Тебе и товарища не жалко. Трубачева в газете протащили. С первой строки до последней все его фамилия только! Эту фамилию теперь по всей школе трепать будут, а ты... эх, испугался! Как бы отец не узнал! — с презрением сказал Мазин и, отстранив Петю с дороги, пошел к дому.— И чего я только дружу с тобой? — с горечью спросил он, оглянувшись на Русакова.

Петя молчал, яростно обгрызая свои ногти.

— Вынь пальцы изо рта! И подумай о себе...— сказал Мазин, осторожно поднимаясь на цыпочки и заглядывая в окошко первого этажа.— Мама, открой!

Когда Мазин ушел, Русаков глубоко вздохнул и поплелся домой. Он был уже у крыльца, когда свет в его окнах мигнул и погас. Вместо него на занавеске зажелтел тоненький огонек.

«Потушили. Спать легли! — с ужасом подумал Петя.—

Ну, теперь будет мне. Сколько раз отец говорил, чтобы я нигде не шатался...»

Дверь оказалась незапертой. Стараясь не шуметь, Петя прикрыл ее за собой, осторожно повернул ключ и на цыпочках прошел через кухню в первую комнату. За ширмами белела его кровать. Он тихонько разделся и накрылся с головой одеялом.

«Притворюсь, что сплю,— тоскливо думал он.— Может, отец до завтра отложит».

Из второй комнаты дверь была приоткрыта. Там горела ночная лампочка и слышались голоса. Сердитый бас отца заглушался тихим, спокойным голосом мачехи — Екатерины Алексеевны. Петя приподнялся на локте и прислушался. Но слов не было слышно. Потом скрипнула дверь. Петя упал на подушку и, стараясь ровно дышать, крепко зажмурил веки. Екатерина Алексеевна, в мягких туфлях, со свечкой в руке, заглянула за ширму.

— Он спит,— шепотом сказала она, прикрывая рукой свечу и возвращаясь к отцу.— Видишь, он спит!

— Знаю я его штучки! Спит! Нашел кого обманывать! — загремел отец.

Кровать затрещала под его грузным телом. Петя съежился в комочек.

— Григорий, я тебе последний раз говорю... я тебе серьезно говорю! — раздался взволнованный голос.— Если ты когда-нибудь тронешь его хоть пальцем, ноги моей не будет в твоем доме. Я знать тебя не хочу! Я тебя возненавижу, понимаешь?

— Да что ты волнуешься, на самом деле? Что, я его хоть раз пальцем тронул? Все только обещаю... А следовало бы разок проучить!

— Гриша, никогда я не позволю...

— Ну-ну, не волнуйся, Катюша! — снисходительно усмехнулся отец.

— Я не волнуюсь, а просто сейчас же уйду. И я не шучу, ты знаешь.

— Да замолчи ты! Сказал — не буду! — рассердился

отец.— Но уж если он пакости какие-нибудь будет делать, справляйся с ним сама.

— И справлюсь! У тебя помощи не попрошу.

Петя с широко открытыми глазами сидел на постели и слушал.

«Не выдержит он — побьет меня когда-нибудь... И она уйдет... уйдет... уйдет...— с отчаянием думал он, зарываясь в подушку и обливая ее горячими слезами.— Не буду я один здесь жить! Не буду без нее...»

* * *

Утром Петя проснулся рано и сразу вспомнил вчерашнее.

«Так вот она какая! — думал он про мачеху.— Надо сейчас же Кольке рассказать!»

Он вскочил, оделся и побежал на кухню. Екатерина Алексеевна пришла со двора с пустым ведром.

— Колонка испортилась,— сказала она соседке.— Теперь, пока починят, насидимся без воды.

— Я принесу. Я знаю где! — радостно сказал Петя, хватая пустое ведро.

— Колька! Колька! — забарабанил он в окошко Мазина.

Тот отодвинул занавеску и просунул в форточку заспанное лицо:

— Выпороли?

— Наоборот. Она не дала,— прижимая к груди ведро, сообщил Петя.

— Ну?

— Вот тебе и «ну»! Так его пугнула, что держись!

Русаков, оглядываясь во все стороны, передал товарищу подслушанный вечером разговор.

— Так вот оно что...— поднимая брови, протянул Мазин.

Он сидел на подоконнике в одной рубашке, с всклокоченной головой.

— А чего же тебя черти чуть свет по двору носят? Я думал, ты после порки бегаешь,— зевая, сказал он.

— Нет, я с ведром... Как бы не увидели нас вместе,— забеспокоился Петя.— Я пойду, Мазин.

— Ну, иди! А я посплю еще,— задергивая занавеску, сказал Мазин.

Петя побежал по улице.

«Где еще колонка есть,— припоминал он,— или водопровод?»

Колонки поблизости не было.

«В школе! — вдруг вспомнил Петя. Школа была недалеко от их дома.— Легче всего там! Еще рано, ребят нет, а Грозному скажу — отец послал».

Крыльцо было чисто вымыто дождем. На перилах висели половики из раздевалки. Где-то в классах грохотали передвигаемые парты. Слышно было, как Грозный выговаривал уборщице, что она плохо моет пол под партами.

Петя пробрался в умывалку, открыл кран и подставил ведро. Вода текла медленно.

«Сбегаю пока, посмотрю, повесили уже газету или нет»,— решил Петя.

В коридоре у классной двери висела новая газета.

«Повесили!»

Петя на цыпочках подошел к ней. Статья Коли Одинцова под жирным заголовком «Жизнь нашего класса» действительно пестрела фамилией Трубачева.

«Вот свиньи! Ну свиньи! — возмутился Петя.— Написали бы: «один мальчик», а то полную фамилию напечатали».

Он вдруг хлопнул себя по лбу, вытащил из кармана химический карандаш, плюнул на ладонь и не раздумывая жирно замазал фамилию Трубачева, потом оглянулся и бросился бежать.

«Вот Мазин обрадуется! Скажет: молодец ты, Петька! — ликовал он, расплескивая себе на ноги воду и сгибаясь под тяжестью ведра.— И как это мне повезло так! Даже Грозный меня не видел».

По дороге он встретил Екатерину Алексеевну.

— Куда ты бегал? Уже в нашей колонке вода пошла. Иди скорей, поешь и в школу собирайся. Я сейчас приду.

«Пока она придет, я ей полным-полно воды натаскаю. На три дня!»

Петя перелил воду в бак, схватил второе ведро и побежал к колонке.

* * *

Мазин взял книги, вышел во двор и тихонько свистнул. Никто не откликнулся.

«Ушел без меня, видно! Не опоздать бы мне»,— забеспокоился Мазин.

К забору подошла молодая женщина в меховой шубке и теплом платке.

Мазин сорвал с головы шапку и широко раскрыл перед ней калитку. Он узнал Петину мачеху.

Глава 27

ПОДОЗРЕНИЕ

В коридоре около газеты толпились ребята. Через их головы испуганно выглядывали девочки.

— Кто же это? Кто же это? — слышались взволнованные голоса.

— Жирно замазал!

— Одну только фамилию!

— Специально!

— Ох, и попадет за это!

— Одинцов, видел? Пропала твоя статья!

— Не нужно было писать ее!

— Эх, ты, испугался! «Не нужно писать»!

Одинцов молча кусал губы. Лида Зорина черными тревожными глазами обводила все лица:

— Неужели это кто-нибудь из нашего класса?

Синицына, расталкивая всех, вынырнула из кучи ребят:

— Ой, девочки! Когда же это он сделал?

— Кто «он»? — сердито прикрикнул на нее Одинцов.— Ты знаешь? Держи язык за зубами!

— Фу! Чтой-то мне держать язык за зубами! Это ты бы не расписывался в своей заметке. А то Трубачев! Трубачев! Трубачев! — съязвила она.— Сам на своего товарища написал!

— Не твое дело! Уходи отсюда!

— И пойду... Скоро звонок. Мое дело маленькое. Кто замазал, тот и отвечать будет. Не хотела бы я быть на его месте!

— А я не хотела бы быть на твоем месте, Синицына,— тихо сказала Валя Степанова, складывая под подбородком ладони и крепко зажмуривая веки.— Ни за что, ни за что не хотела бы я быть на твоем месте!

— Скажите, какая артистка нашлась! «Ни за что! Ни за что»! Почему это? — передразнила ее Синицына.

— Потому что ты говоришь, как чужая,— твердо сказала Валя Степанова.

— «Чужая»...— протянула Синицына, глядя на нее злыми глазами.— А ты своя?

— Она своя! Она наша! — крикнула Надя Глушкова.— И потому ей всех жалко. А тебе никого не жалко.

— А кого мне жалеть? Вот еще! Не надо было фамилию замазывать! Я за других не отвечаю. И нечего ко мне придираться.

— Да кто к тебе придирается? Отстань, пожалуйста! — с досадой отмахнулась Валя Степанова.

— Ладно, ладно! Я все понимаю... И насчет стихов тогда придрались. Завидуете мне — вот и все!

— Завидуем? — Девочки удивленно переглянулись.

— Да, завидуете! А больше я ничего не скажу! И кто замазал — не скажу! — крикнула Нюра.

— Синицына, на кого ты думаешь, говори прямо! — подбежала к ней Зорина.

— На кого думаю? Это мое дело! — сказала Синицына, уходя в класс.

— Бормочет какие-то глупости,— пожала плечами Валя.

— Я знаю, про кого она говорит,— хмуро сказал Медведев, поглядев вслед Синицыной.— Ладно, Митя скорей нас разберется! А я прямо скажу: довели человека до зла. Одинцов не имел права...

— Нет, имел!

— Если дружишь, так не подводи товарища, вот что!

— Одинцов звеньевой... да еще редактор!

— А Трубачев — председатель совета отряда!

— Ну и пропал он теперь!

Девочки собрались в кучку и шепотом разговаривали между собой.

— Лучше прямо сказать, чем за глаза,— слышался взволнованный голос Лиды Зориной.

— Конечно, это обидно... Надо прямо спросить,— соглашалась с ней Степанова.

— Нет, нет! Не надо! Лучше подождать. Он и сам сознается, если это он! — горячо возражали им девочки.

В коридоре показался Мазин.

Он замедлил шаг, нагнул шею, крепкой головой раздвинул ребят и уставился на газету. Потом поднял руку, почесал затылок, глубоко вобрал воздух, шумно выпустил его и, глядя себе под ноги, сказал:

— Эх, жизнь!

И тут только заметил Петю Русакова.

Петя стоял в сторонке и растерянно улыбался товарищу. Но Мазину было не до него.

— Трубачев пришел? — шепотом спросил он.

— Нет еще.

Мазин сел за свою парту: «Если сейчас сказать про мел? Не поможет. Пропадет заряд... Как же это он? Сгоряча, верно... Эх, ты!.. Что же теперь делать-то? Я же ему сказал: выручу, а он давай фамилию черкать. А теперь вовсе каюк будет...»

Мазин встал и, засунув руки в карманы, направился к Одинцову.

Коля Одинцов, окруженный кучкой ребят, горячо спорил с кем-то:

— А если товарищ мой человека убьет, я тоже молчать должен?

На лбу у него выступили капли пота, лицо было серое, нос заострился.

Мазин взял его за локоть:

— Ты это ладно... потом объяснять будешь. А сейчас давай-ка... сними статью. Пусть Белкин заново перепишет.

Одинцов повернулся к Мазину.

— Ты это что, с ума сошел? — заикаясь, спросил он.

— Нет еще, не сошел. Это ты...— Мазин с презрением посмотрел прямо в лицо Одинцову, но сдержался и только глухо сказал: — Давай Белкина!

— Мазин, ты что, еще хуже хочешь сделать? — стискивая зубы, сказал Одинцов.— Все обманом? А пионерская честь у тебя где?

— Эх ты, пионер! Пионер — это товарищ, а ты кто? — остро поблескивая глазами, сказал Мазин.

В класс вбежал Саша. Он кого-то искал.

— Одинцов! Одинцов!

— Булгаков, видел? — подбежали к нему ребята.

— Видел... Где Одинцов?

— Саша! — Одинцов спрыгнул с парты и подошел к товарищу.

Саша крепко сжал его руку:

— Там фамилия зачеркнута.

Одинцов усмехнулся.

— Ты думаешь, это он? — шепотом спросил Саша.

Одинцов кивнул головой.

— Что же будет, Коля? Ведь это же... совсем уже...— Саша запутался в словах.— Наверно, на сборе вопрос будет...

Саша умоляюще взглянул на Одинцова.

— Я не знаю, что делать, Саша... Понимаешь, он, верно, сгоряча, со зла, что ли,— с отчаянием сказал Одинцов.— Надо с Митей поговорить. Все равно он узнает.

— И Сергей Николаевич узнает. Вся школа будет знать,— с испугом сказал Саша и вдруг горячо зашептал: — Я с ним в ссоре, но это ничего не значит, я буду защищать его... Я скажу, что он хороший председатель, что ребята любят его. А ты, Одинцов?

— Я тоже, конечно! Надо просить, чтобы ему только предупреждение сделали в случае чего, понимаешь?

У Саши покраснели веки.

— Ему это ужасно... Он гордый очень.

В класс вошел Сева Малютин. В синей курточке с тугим воротником он казался очень тоненьким и бледным. На щеки его не то от длинных черных ресниц, не то от больших синих глаз ложилась голубоватая тень. Он оглянулся на чей-то голос и громко сказал:

— Это неправда! Он сам скажет всем, что это неправда! — Сева тяжело дышал, но голос у него был сильный и звонкий.

На минуту в классе все стихло.

— Ручаешься? — спросил чей-то насмешливый голос.

— Ручаюсь!

Надя Глушкова подбежала к Севе:

— Малютин, не спорь! Тебе нельзя...

Петя Русаков втянул голову в плечи и боком подошел к Мазину:

— Коля, мне нужно тебе сказать что-то...

Мазин даже не взглянул на него:

— Сядь на место, не до тебя мне!

Петя замолчал и тихонько сел на место.

«Сказать или не сказать Мазину? Ведь я же лучше хотел сделать! Я же не знал, что так выйдет,— тоскливо думал он, искоса поглядывая на Мазина.— Пусть лучше он меня по шее стукнет!»

Он снова близко придвинулся к другу:

— Мазин, слушай...

— Ты что лезешь ко мне? У меня и так в голове все вверх тормашками! — повернулся к нему Мазин. Лицо у него было красное, сердитое.

«Потом скажу,— решил Петя.— Сейчас он, верно, придумывает что-то».

Мазин не придумывал, он думал: «Дело пойдет дальше... вопрос поставят на сборе. Тогда я и про мел скажу. Честно. Из-за чего дело вышло».

В классе было очень шумно. Ребята кричали, спорили, нападали на Севу.

— Нам его не меньше твоего жаль! — кричал Медведев.— Но раз это он сделал, нечего на других тень наводить.

Лицо Севы вспыхивало от волнения, он часто кусал сухие губы:

— А я говорю, что это не он! Трубачев этого сделать не мог! Он не трус! И это сделал не он!

— А кто же — ты? — крикнул кто-то из ребят и осекся.

Васек Трубачев остановился на пороге, откинул со лба волосы и встретился глазами со всем классом.

Стало очень тихо.

Васек посмотрел на Мазина: «Выручил, нечего сказать!» Он сел за свою парту и снова посмотрел на лица ребят: «Еще подумают, что это я сделал!»

Никто не говорил ни слова, никто не смотрел в его сторону. Молчание было так тягостно и напряженно, что Лида Зорина не выдержала. Она поднялась с места и громко сказала:

— Трубачев! Мы хотим тебя спросить всем классом: кто зачеркнул твою фамилию в газете?

Мазин сделал Ваську предупреждающий знак бровями. Он хотел сказать: «Подожди сознаваться! Может, я еще что-нибудь придумаю».

Но Трубачев понял этот знак по-своему. Он вспомнил, как Мазин ждал его вечером у крыльца, какое было у него виноватое и трогательное лицо, и решительно ответил:

— Я не знаю, кто это сделал!

И вдруг ясно понял, что именно его, Васька Трубачева, подозревает весь класс в этом трусливом поступке. Он вспыхнул от новой неожиданной обиды, вскипел от злобы, но... посмотрел на Мазина и опустил глаза.

— Он! — тихо и отчетливо сказал кто-то на задней парте.

Звонок заглушил эти слова, но Васек слышал их, и, когда Сергей Николаевич вошел в класс, он даже не поднял головы.

— Я знаю, что у вас большая неприятность,— сказал Сергей Николаевич, избегая смотреть на Трубачева.— Но сейчас мы ее обсуждать не будем. Такие вещи разбираются на пионер-

ском сборе организованно, по-товарищески, сообща... А пока успокойтесь, и будем заниматься.

Он начал вызывать к доске.

В число вызванных попал Петя Русаков. Он ничего не боялся и даже был рад, что Сергей Николаевич вызвал его, так как считал, что хуже случившегося ничего уже не может быть. Кроме того, занятия в землянке действительно укрепили его знания, и Русаков отвечал спокойно и уверенно. Сергей Николаевич остался доволен им.

Петя сел на свое место и толкнул локтем Мазина, ища его улыбки и одобрения. Но Мазин только с досадой пробурчал себе под нос:

— Давно бы так!

Он был занят Трубачевым. Васек несколько раз поймал на себе его внимательный взгляд и горько подумал: «Боится, что я его выдам... Эх, Мазин!»

Он хорошо понимал, что оправдаться, не выдав Мазина, ему невозможно, но о том, чтобы выдать товарища, совершившего этот поступок ради него, не могло быть и речи. И с каждой минутой камень на душе Трубачева становился все тяжелее.

Васек сидел тихо, не поднимая головы. Он знал, что все, не исключая Сергея Николаевича, думают, что это он, председатель совета отряда Васек Трубачев, зачеркнул из трусости свою фамилию в газете.

На перемене он ждал вопросов, шума, крика. Но один только Мазин подошел к нему и тихо, с сожалением сказал:

— Эх, сгоряча! Зря это...

Васек улыбнулся жалкой, растерянной улыбкой:

— Не бойся, Мазин...

После второго урока он потихоньку собрал свои книжки и ушел из школы.

А в классе после его ухода стало тихо и тревожно, как в семье, когда кто-нибудь близкий внезапно тяжело заболел. У всех был один вопрос: что делать? И все чувствовали себя в чем-то виноватыми.

Уроки кончились. Школа быстро пустела.

Слышно было, как по коридорам с шумом пробегали ребята, хлопали двери, затихали голоса. Из четвертого «Б» расходились медленно и неохотно. Дольше всех оставались девочки. Окружив Лиду Зорину и Валю Степанову, они высказывали свои догадки и предположения, то осуждая Васька, то сочувствуя ему.

— Ой, девочки! Как ему теперь быть? — спрашивала всех Надя Глушкова.

— Он хотя бы нам-то сознался! Хотя бы нам-то! — кричала в ухо Зориной девочка с толстым вязаным шарфом на шее.

— И куда он пошел? Вот так взял и пошел,— жалобно повторяла толстушка с красными щеками, затягивая ремни на книжках.— Мы бы тут что-нибудь придумали все вместе...

— Уж вы бы придумали! — передразнила ее Синицына.— Он только в класс вошел, как на него все глаза вылупили, как на зверя какого!

— Ничего не вылупили, а только смотрели!

— Вы всегда так! Нападете на человека... На меня тоже сколько раз нападали!

— Нашла с кем себя сравнивать — с Трубачевым! — возмутились девочки.

— Перестаньте! — остановила их Валя Степанова.— Мы с Лидой решили пойти к Мите.

— К Мите? Он уже ушел!

— Пойдемте тогда к нему домой!

— Верно! Правильно! Пойдемте все!

Девочки гурьбой вышли из школы.

— Только вы не заходите, постойте во дворе, а то нас много,— предупредила Лида.

Митя жил далеко. Было сыро и холодно. В мокрых варежках зябли руки. Резкий ветер трепал платки и шапки, забирался под воротники.

Быстро наступали сумерки. Разговор становился тише. На одной из улиц несколько девочек повернули к себе домой.

— Все равно всем нельзя войти... А на дворе стоять холодно...

— Я боюсь, меня мама заругает!

— А я, девочки, очень кушать хочу! — созналась толстушка.

— Идите,— отпустила их Лида.

Надя Глушкова долго не решалась уйти и, уткнув в муфту красный, замерзший нос, плелась рядом.

— Иди домой, Надя,— говорила ей Степанова.— Ты совсем замерзла.

— А вы как же?

Она долго смотрела им вслед.

Нюра Синицына шла до самого дома Мити.

— Нюра, ты не ходи! — строго сказала ей Лида.

Синицына осталась ждать во дворе. Засунув в рукава пальто красные пальцы и постукивая замерзшими ногами, она вытягивала шею, заглядывала в освещенное окно Митиной комнаты и прохаживалась мимо крыльца.

Митина мама, невысокая женщина, открыла девочкам дверь:

— Нету, нету Мити! Вон товарищи у него сидят. Они небось знают... Где у вас, ребята, Митя-то? Девочки спрашивают.

За столом два Митиных товарища играли в шахматы.

— Он в клубе. А чего надо-то? — лениво пробасил один.— Мы сейчас туда пойдем, можно передать.

— А в чем дело, девочки? — весело спросил другой, отодвигая шахматы.

— Мы из школы. Митя наш вожатый...— смущенно начала Лида.

— А, из школы! Ну, говорите!

Девочки замялись:

— Нам с Митей нужно...

— Да постойте! Сядьте-ка!

Товарищи придвинули девочкам стулья. Лида и Валя присели вместе на один стул.

— Может, у вас случилось что? Набедокурил кто-нибудь? Говорите начистоту! Ну, кто посмелее?

— Мы не боимся...— начала Валя.

Лида поспешно перебила ее:

— Ничего у нас не случилось! И никто не бедокурил! Ничего подобного! — Лида дернула тесемки меховой шапки

и глядела прямо в глаза.— У нас вообще... Вот пусть Валя скажет...

Валя встала:

— Наша школа самая лучшая... (Товарищи незаметно толкнули друг друга.) А к Мите мы по одному делу... Пойдем, Лида! До свиданья!

Она потянула за собой подругу.

— Ах, ах, в эдакую погоду!..— закрывая за ними дверь, сокрушалась Митина мама.

Девочки вышли на крыльцо.

— Я так боялась, что ты скажешь,— зашептала Лида.

— Ну что ты! Про свой класс?.. Мити нет,— сказала Валя Синицыной.

— Куда же теперь?

Девочки стояли на улице. В домах уже зажглись огни.

— Если нам прямо к Трубачеву пойти,— предложила Валя.

— Нет! Там у него тетя... она ничего не знает,— протянула Лида.

— Домой к Трубачеву? — Синицына замахала руками.— Вы с ума сошли! Да он нас выгонит! Он злой сейчас...

— «Злой, злой»! — с раздражением оборвала ее Лида.— Ты всегда о людях плохое говоришь! Ты сама злая!

— Почему... я злая? — растерялась Синицына.— Я ведь как лучше хочу. Я ведь...— Она запнулась и вдруг со слезами закричала: — Вы всегда на меня нападаете! Я у вас и злая и чужая! Ну и не надо! Идите сами, когда так!

Она повернулась и быстро побежала по улице.

— Ну и лучше,— неуверенно сказала Лида. (Валя молчала.) — Она всегда так — закричит, закричит, как будто ее обидели...

Валя с укором взглянула на подругу:

— Она заплакала...

— Ну, заплакала... А так тоже нельзя — все ей прощать да прощать!

— Пойдем в школу, спросим: был Митя? — сворачивая за угол, сказала Степанова.

— Подожди...— Лида остановилась и, прикрыв от ветра глаза, оглянулась.— Может, еще догонит?

— Синицына? Нет!.. Пойдем скорее! У нас в детском доме сейчас ужин, наверно. Тетя Аня будет беспокоиться.

В школе Грозный встретил девочек неприветливо:

— Вы по какому такому расписанию являетесь?

— Иван Васильевич, Митя был?

— Был, был! Отправляйтесь по домам!

Прощаясь, Валя сказала подруге:

— Знаешь, не говори больше Нюре, что она злая. И я не буду.

На крыльце Лиду встретила мама. Она была в пальто и теплом платке.

— Ну, Лида, можно ли так делать? Я уж не знала, куда бежать.

— Ой, мамочка, сколько всего наслучалось в этот день!— прижимаясь к теплому маминому платку, тихо сказала Лида.

А в большой спальне детского дома на кровати сидела Валя и, опираясь локтем на подушку, шепотом рассказывала что-то своей воспитательнице.

— Постой, постой! Кто это Трубачев и какая Синицына? — переспрашивала тетя Аня.

Глава 28

МАЧЕХА

Петя Русаков избегал Мазина. Он не мог ни на что решиться. Он знал, что товарищу сейчас не до него, что он занят одной мыслью: как выручить Трубачева.

«И что ему Трубачев?» — ревниво думал Петя, но его самого грызло сознание своей вины перед Трубачевым.

После школы, когда они шли вместе, Мазин, что-то уточняя про себя, сказал загадочные слова:

— Сначала дурак, а потом трус...

Петя испугался и даже не стал спрашивать, что это значит,

и успокоился только тогда, когда после долгого молчания Мазин добавил:

— Не похоже на Трубачева.

Значит, он думал не о Пете.

Дома Екатерина Алексеевна была одна.

— Давай скорей обедать, Петя. Я ужасно хочу есть, еле дождалась тебя!

— А вы бы обедали без меня.

— Я не люблю одна. Мой скорей руки и садись!

— А папа поздно придет? — чтобы выказать ей внимание, спросил Петя.

— Папа большую партию обуви сдает... спешил, нервничал утром,— озабоченно сказала Екатерина Алексеевна, наливая Пете суп.— Он ведь хочет везде первым быть, наш папа!

— А я сегодня хорошо по русскому ответил,— ни с того ни с сего сказал Петя.

— Да что ты! Вот порадуем отца, а то он все беспокоится... А по какому предмету у тебя плохо? Ты мне покажи — можно разделить на небольшие кусочки и подогнать понемножку,— просто сказала Екатерина Алексеевна.

Голос у нее был спокойный, серые глаза смотрели на Петю дружески-ласково. Петя понял, что она совсем не собирается говорить ему надоедливые и неприятные слова: лентяй, лодырь, неблагодарный... Он стал рассказывать, принес учебники. Про арифметику он сказал с гордостью:

— Это у меня хорошо. Я задачи любые решаю.

— А я, помню, как мучилась с ними,— засмеялась Екатерина Алексеевна.— Прямо плакала иногда!

Она стала рассказывать о школе, в которой училась, вспоминала разные случаи. И Петя вдруг увидел, что она еще совсем не старая. Ему даже стало смешно, что она называется мачехой и что он мог ее бояться.

После обеда они вдвоем мыли посуду.

— Это твой товарищ, толстячок такой? — спросила Екатерина Алексеевна.— Я его во дворе видела. Хороший мальчик, приветливый такой, вежливый!

Петя удивился. Никто еще никогда не говорил так о его друге.

— Это Мазин! — гордо сказал он.— Я его позову как-нибудь, можно?

— Конечно. Комната большая — можете и почитать и позаниматься тут. И мне веселее будет.

— Может, сейчас его позвать? — обрадовался Петя.

— Когда хочешь! — расставляя в шкафу посуду, отозвалась мачеха.

Петя вышел во двор. По старой привычке, он сейчас же, немедленно передал бы Мазину весь этот разговор, но теперь у него на душе скребли кошки.

«Надо мне все обдумать самому, как быть. Если сознаваться, то сейчас, сию минуту... Хотя теперь уж все равно поздно... Надо было в школе...»

Петя не пошел мимо окон Мазина, он обогнул сарай и вышел на улицу с другой стороны двора, через старую калитку. Вдоль улицы бежал широкий мутный ручей. Петя вытащил из кармана обрывок бумаги, навертел его на щепку, пустил по ручью и пошел за ним. Мысли у Пети были невеселые.

«Если сказать Мазину, он скажет Трубачеву. А может, даже заставит сознаться перед всеми. Да еще трусом назовет и презирать меня будет. А на сборе, когда все узнают, скажут: чего молчал? И начнут прорабатывать... А там еще отца в школу вызовут... и отец...»

Петя похолодел. Щепка с размокшей бумагой давно уплыла с мутной, серой водой.

«Если бы отец выпорол где-нибудь... не дома, чтобы она не знала...»

Петя вспомнил ясные серые глаза Екатерины Алексеевны, их сегодняшний разговор об уроках, о Мазине.

Он вдруг представил себе, как она надевает свою шубку, повязывает пушистый платок и, не оглядываясь, бежит к двери.

И он, Петя, опять остается один на всю жизнь...

— Ты что в самую лужу залез? Вот мать тебе покажет за это! — проходя мимо, сказала какая-то женщина.

Петя пошел домой.

— Постой, у тебя в калошах вода хлюпает. Сними их в кухне. И ботинки сними,— сказала мачеха.— Да где ты болтался? Нá, мои шлепанцы надень! — Она бросила ему войлочные туфли и строго сказала: — Это не дело, Петя, так насмерть простудиться можно!

— А кому я нужен? — улыбнулся Петя.

— Такой глупый никому не нужен,— сказала Екатерина Алексеевна, присаживаясь с ним рядом и стаскивая с его ноги мокрый чулок.— А вообще никогда не смей так говорить! Не обижай папу и меня.

— Я не буду! — сказал Петя и тут же решил никогда, ни за что не сознаваться в своем поступке. Что бы ни было!

Глава 29

НАДО ПОСОВЕТОВАТЬСЯ

На тихой улице в маленьком домике с тремя окошками всегда далеко за полночь светился огонь. Люди, идущие на ночную смену, привыкли к этому огоньку, как привыкают к обычному уличному освещению. А когда огонь погасал, какая-нибудь соседка, зевая, говорила:

— Учитель свет погасил. Видно, дело к рассвету.

Сергей Николаевич сидел за своим письменным столом. Сбоку лежала горка журналов; под тяжестью книг сгибались полки; из портфеля выглядывала стопка тетрадей. Толстая книга с несколькими закладками лежала перед ним. Он медленно перелистывал ее, отмечая карандашом какие-то строчки, и, положив подбородок на скрещенные пальцы, думал.

Учитель учился.

Рядом, в маленькой комнатке, спал его старик-отец. Седая голова его покоилась в теплой ямке подушки, одеяло со всех сторон было заботливо подвернуто.

Было часов одиннадцать. Под окнами еще слышались шаги прохожих и обрывки фраз, когда Сергей Николаевич сел за свой письменный стол. Он перевернул несколько страниц книги

своего любимого педагога Ушинского, отложил книгу в сторону и долго сидел задумавшись.

«Готовых рецептов, видно, нет. В каждом отдельном случае свои причины и вытекающие из них действия... Правильное решение зависит от правильного понимания ребенка...»

Думая так, Сергей Николаевич машинально ставил на листе бумаги какие-то черточки, потом так же машинально написал три фамилии: Трубачев, Одинцов, Булгаков. Осторожно соединил их стрелками, потом зачеркнул Трубачева и поставил его отдельно. И, откинувшись в кресло, устало моргая и морща лоб, он стал решать про себя какую-то трудную задачу. Ответ на нее напрашивался простой: рассердился на статью и зачеркнул свою фамилию. Но этот ответ не удовлетворял учителя. Подавленный вид Трубачева тоже ни в чем не убеждал его.

— Нет, это не так просто... не так просто,— тихо говорил он себе, вспоминая Трубачева другим: с открытыми, смелыми глазами, с горящим, огненным чубом на загорелом лбу. Сергей Николаевич, ловил себя на особой симпатии к этому ученику.— Может, я невольно пытаюсь оправдать его, потому что он мне симпатичен больше других?

Лицо его стало строгим. Во всяком случае, мальчишке не хватает дисциплины. Ушел из класса, ушел с редколлегии.

Учитель нахмурился и протянул руку к стопке тетрадей. На одной из них было старательно выведено: «В. Трубачев». Тем же почерком чисто и старательно написаны целые страницы. Сергей Николаевич улыбнулся. Ему почему-то представилось, что когда Трубачев пишет, то обязательно высовывает кончик языка и болтает под столом ногой. И все же отличник... Самолюбивый. Умеет заставить себя заниматься. Пользуется авторитетом в классе. Выбран председателем совета отряда...

Мысли учителя снова возвращались к классной газете и зачеркнутой фамилии.

«Может, именно поэтому и сорвался, что самолюбив и горд? А может, это сделал кто-нибудь другой, например Одинцов, не выдержавший роли беспристрастного редактора?..»

Сергей Николаевич вспомнил Одинцова. Нет, бледный и рас-

строенный Одинцов не считал себя виноватым. В нем чувствовалось сознание своей правоты, несмотря ни на что... Булгаков?

Учитель тепло улыбнулся: «Этот весь — раскрытая книга. Простая, искренняя душа. Все написано на его доброй, круглой физиономии».

В соседней комнате тихо и уютно тикали ходики. Они почему-то напоминали домовитого сверчка под теплой печкой.

Сергей Николаевич прислушался к дыханию отца.

«Надо бы чаще гулять ему,— озабоченно подумал он.— Если бы мне выкроить время как-нибудь после уроков и куда-нибудь пойти с ним».

Он вынул из кармана записную книжечку. Родительское собрание... Педсовет... Методическое совещание... Партийное собрание. Скоро учительская конференция.

Он закрыл книжечку и глубоко вздохнул: «Нет, гулять не придется. А эти дни вообще все заняты... Прежде всего трубачевскую историю надо распутать».

В окошко кто-то осторожно постучал. Сергей Николаевич увидел приплюснутый к стеклу нос и молодое встревоженное лицо.

Он помахал рукой и пошел к двери.

— Вы извините, Сергей Николаевич! Уже поздно, но такой случай... Я думаю, посоветоваться надо.

— Хорошо, Митя. Я ждал вас. Завтра сбор вы назначили?

— Ясно! — Митя пожал плечами.— Вот какая ерунда получается! Просто безобразие! Может, я сам виноват, Сергей Николаевич. Выдвинули мы такого неустойчивого парнишку, сделали его председателем совета отряда, а он черт знает что делает! — запальчиво сказал Митя, с шумом придвигая к столу табурет.

Сергей Николаевич показал на приоткрытую дверь в соседнюю комнату:

— Там у меня старик спит.

— Ой, простите! — шепотом сказал Митя.— Но я просто готов хоть сейчас бежать к этому Трубачеву.

Учитель улыбнулся:

— Подождите. Не принимайте скороспелых решений. Прежде всего нужно все хорошенько обдумать.

Митя поднял брови и виновато улыбнулся:

— Это точно. Но тут случай такой, что просто голова кру́гом идет. На каждом сборе про эту дисциплину долбишь, долбишь...— Он махнул рукой и отвернулся. Потом вытащил клетчатый платок, шумно высморкался и с испугом покосился на дверь: — Ой, извините! Опять забыл...

— Постараемся разобраться вместе. Случай этот, может быть, очень простой, а может быть, и очень сложный. Его интересно обсудить на сборе. Если вы хотите, чтобы ребята что-нибудь прочно усвоили... здесь и дисциплина и всякие другие насущные вопросы... только не долбить! — Сергей Николаевич ближе придвинулся к Мите.— Только через подобные случаи, через опыт их собственной жизни, на ошибках, на хороших примерах... Вспомните себя, Митя. Поставьте себя на место Трубачева, Одинцова и других.— Сергей Николаевич взял Митю за руку.— Вожатый — это самый близкий товарищ.

— Сергей Николаевич! Я, вы знаете, все готов... Но эта история...— Митя развел руками.

Учитель перебил его:

— Подождите. Всяко бывает. Давайте-ка обсудим эту историю спокойно. У меня есть свои предположения...

Сергей Николаевич говорил, Митя слушал...

Далеко за полночь не гас в окошке учителя привычный огонек, освещая ровным, теплым светом тихую улицу.

Глава 30

ОДИНОЧЕСТВО

Тетка беспокоилась. Выдерживая характер, она редко заговаривала с Васьком, зато часто жаловалась Тане:

— И что это Павел Васильевич не едет? А тут мальчишка чудить начал. И мне грубостей наговорил, и сам как побитый ходит... То ли возраст у него ломается, то ли обижает его кто,

только и с лица и с изнанки совсем не тот парень стал. А приедет отец — с меня спрашивать будет.

— Обязательно спросит,— качала головой Таня.

— Да что же, я за ним плохо смотрю, что ли?

Таня набралась храбрости:

— Плохо не плохо, да все сердитесь на него, а он на ласке вырос.

— «На ласке вырос»! То-то и смотрит волком на всех... «Плохо не плохо»! Ишь, яйца курицу учат! — сердилась тетка.

Но, учитывая про себя Танины слова и вглядываясь в потемневшее, осунувшееся лицо племянника, она решила изменить свою тактику и пойти на мировую.

* * *

Васек бродил по городу, не зная, куда себя деть. Ему казалось, что все, взрослые и дети, смотрят на него и удивляются, почему он не в школе. Вот-вот кто-нибудь спросит.

Васек прятал под мышку сумку и старался держаться отдаленных улиц. Он чувствовал себя пропащим, конченым человеком и с горечью думал об отце: «Знал бы он все — не сидел бы там...»

Положение, в которое попал Васек, казалось ему безвыходным. Единственно, что могло бы оправдать его,— это полное признание Мазина.

«А Мазин сам меня боится,— думал Васек.— Он не знает, что я скорей умру, чем выдам его».

Народу на улице было мало: первая смена рабочих еще не кончила работу, все ребята сидели в школах, одни домашние хозяйки, громко переговариваясь между собой, расходились с рынка.

По дороге рядом с санями, нагруженными кирпичом, лениво потряхивая вожжами, шагали возчики в серых фартуках поверх теплых стеганок. Лошади, упираясь на передние ноги, вытягивали задние и, тяжело дыша, останавливались. Над боками у них поднимался теплый пар. Возчики забегали вперед, кричали, хлестали лошадей вожжами. Дорога была немоще-

ная, талый снег густо смешивался с грязью, полозья попадали в глубокие колеи или, поскрипывая, ползли по голой земле.

Одни сани застряли, очевидно, давно. Лошадь была вся в пене и не двигалась с места. Она вздрагивала под ударами и бессильно вскидывала морду с падающей на глаза челкой. На санях, покрытых брезентом, высилась целая гора аккуратно сложенных кирпичей.

— Ишь, наложили! Чтобы скорей свезти да отделаться. Бессовестные этакие! — сказала, проходя мимо, старушка.

Васек остановился и с жалостью смотрел на выбившееся из сил животное.

— Дяденька, помоги ей, подтолкни сзади! — крикнул он возчику.

— Сама потянет,— откликнулся возчик, прикуривая у товарищей папироску.

Васек подошел ближе.

— Тогда не бейте! — попросил он.

Возчик затянулся дымом, сплюнул в сторону и взмахнул вожжами:

— Н-но! Отдохнула! Н-но, дьявол тебя возьми!

Лошадь напрягла мускулы. Под мокрой шкурой у нее пробежала дрожь. Она дернулась и остановилась. Возчик забежал вперед и с размаху ударил ее по морде.

— Брось! — подскочил к нему Васек и, подняв сумку, загородил от ударов морду лошади.— Не смеешь так бить! Я милицию позову!

— Пошел, пошел отсюда, а то и тебе попадет! — пригрозил возчик.— Не мешайся тут!

— Не уйду! По глазам бьете! — загораживая собой лошадь, кричал Васек.

— Защитник нашелся! Тебя самого представить в милицию надо!

— Ты кто такой есть? Почему не в свое дело лезешь? — подошел к Ваську рослый парень, товарищ возчика.

— Я в свое дело лезу! — сказал Васек, закидывая вверх голову. Шапка его съехала на затылок, глаза посинели от зло-

бы.— Я пионер! Председатель совета отряда!.. Наша лошадь, государственная! Бить не дам!

— Ого! Ишь ты, председатель!.. Слыхал, Вань? — подмигнул своему товарищу возчик.

По обеим сторонам улицы останавливался народ, сбегались мальчишки. Подходили мужчины. Возчики сбавили тон:

— Ну что ж, Вань, может, отложить кирпичу маленько?

— А где ты его отложишь?

— Да вот около дома. А тогда заедем, возьмем,— предложил товарищ возчика.

— А какое вы имели право такой груз класть на одни сани? — строго спросил подошедший гражданин, вынимая из портфеля бумагу и самопишущую ручку.— Вот мы сейчас на вас акт составим. Лошади эти мне известны, возчиков я запишу. Там, где надо, вас научат, как такой груз накладывать да еще по глазам лошадь хлестать.

Он написал несколько строчек:

— Кто подтвердит, граждане?

Охотников подписать нашлось много. Васек тоже протянул руку. Он хотел подписать: «Трубачев, председатель совета отряда», но вдруг раздумал и тихо отошел в сторону. Ему показалось, что с тех пор, как он ушел из школы, прошло очень много времени, что за это время в школе уже решилась его судьба и что он теперь уже, наверно, не председатель совета отряда, а просто школьник, осрамивший свой класс грубым и недостойным поведением.

А Мазин? Что же Мазин? Как же он молчал?.. Как он допустил это? Ведь Мазин поступил с ним еще хуже, чем Одинцов. Зачем же тогда, вечером, он пришел к нему как товарищ, как друг? Разве он не пионер? Разве не дорожит своей честью?

Васек почему-то вспомнил, как в прошлом году он с отцом ездил в Москву. Они долго стояли на Красной площади и смотрели на Кремль. Васек стоял с красным галстуком на шее, как стоит на посту часовой. Он боялся пошевелиться. Мысленно он давал себе клятву свершить какой-нибудь небывалый подвиг во славу Родины. И не один! Васек видел себя на воде и на

суше бесстрашным моряком и раненым командиром, он побеждал и умирал в жестокой схватке с врагом. Он стоял без шапки, с затуманенными глазами, и, когда отец тронул его за рукав, он молча пошел за ним, унося в душе свое торжественное обещание.

И сейчас, вспомнив об этом, он выпрямился, стряхнул прилипший ко лбу чуб... Нет, он, Васек Трубачев, еще покажет себя, он не опустит голову перед этой первой бедой в его жизни! И товарища он себе найдет! И оба они будут сражаться за Родину и вместе победят или вместе умрут на поле битвы. И тогда все ребята узнают, что такое настоящая дружба!

Васек не заметил, как миновал несколько улиц и очутился у своего дома.

Тетка увидела, что глаза у Васька блестят, и подумала про себя: «Прежний задор появился. Уж не знаю, что хуже, что лучше».

За обедом она торжественно сказала:

— Геройская картина идет. Сходим с тобой под вечер?

Но Васек вдруг поскучнел и тихо сказал:

— Спасибо, тетя, только у меня голова болит.

«Не хватало еще, чтоб меня в кино видели!» — с испугом подумал он.

— Ну, голова твоя пройдет,— успокаивала тетка.

— Не пройдет!

— Как так — не пройдет?

— А так, не пройдет — и все! — упрямо сказал Васек и, не глядя на тетку, снял с вешалки отцовский пиджак и, бросившись на кровать, укрылся им с головой.

— Ну, коли так, завтра пойдем,— добродушно сказала тетка.

Васек не ответил. Он и сам не знал, что будет с ним сегодня... завтра... И только отцовский пиджак со знакомым запахом паровозной гари и табака успокаивал его сердце.

* * *

Васек не пошел в школу и на другой день. Митя приходил в класс, о чем-то говорил с учителем. Ребята волновались:

— Митя, а как же сбор? Ведь сегодня сбор, а Трубачева нет.

Сбор был назначен на шесть часов вечера.

После уроков Сергей Николаевич вызвал в учительскую Одинцова и Булгакова.

— Вот что, ребята! — сказал он, перебирая на столе какие-то бумаги.— Сегодня, часиков в пять, зайдете за Трубачевым...

— Я не пойду,— быстро сказал Саша.

— Зайдете за Трубачевым,— как бы не расслышав Сашиных слов, продолжал Сергей Николаевич,— и скажете ему, что сегодня сбор... и что я тоже к нему зайду перед сбором. Понятно?

— Понятно,— пробормотал Одинцов.

Саша молчал.

— Да прихватите с собой Лиду Зорину. И никаких лишних объяснений... Одинцов, полагаюсь на тебя,— быстро сказал учитель, когда Саша вышел.

— Есть никаких объяснений! — ответил Одинцов.

Он не понимал, зачем понадобилось Сергею Николаевичу послать их к Трубачеву. Его взволновало и то, что учитель сам придет к Трубачеву.

Выйдя из учительской, он догнал Сашу. Лицо Саши выражало протест и упрямство.

— Так я и пошел! Лучше и не просил бы.

— А он и не просил,— оглядываясь на учительскую, ответил Одинцов.— Он приказал.

— Мне это приказать никто не может.

— Тише! Ты что? Он же учитель, он же хочет как лучше сделать...

Саша смолк.

Одинцов пошел договариваться с Зориной.

— И никаких объяснений там. Понятно, Зорина? Полагаюсь на тебя.

Лида Зорина кивнула головой. Она тоже была озадачена поручением учителя.

— Он, верно, хочет, чтобы вы все помирились? — шепотом спросила она.

— Не знаю. Я не ссорился. Одним словом, пообедай и приходи в школу. За Сашей я сам зайду, и вместе пойдем!

Глава 31

ГОСТИ

День у Васька был мучительный, не похожий ни на один прежний будний день. Он валялся на кровати до десяти часов. На все вопросы тетки кратко отвечал:

— Сегодня нет занятий.

— Да почему же это нет занятий? — удивлялась тетка.— Все ребята в школу бегут!

— А нас отпустили.

— Чудно! А с чего же это ты в постели валяешься? — снова подступила тетка к племяннику.— Заболел, что ли?

— Да нет...

— И в кино не пойдешь?

— Не пойду.

Тетка обиделась и говорила Тане в кухне так, чтобы слышал Васек:

— Все капризы какие-то у него являются. А в кино мы и сами пойдем. Уж очень, говорят, картина геройская идет!

Васек слышал и молчал. Ему было не до кино. Его мучила мысль о школе: «Что-то там теперь делается?»

После обеда тетка решительно подошла к Ваську, потрогала его лоб, заставила смерить температуру. Все было нормально.

— Здоров,— снимая с носа очки, объявила вслух тетка.— Просто свое «я» показываешь! Ну и сиди один!.. Таня, пойдем!

— Еще рано, Евдокия Васильевна,— нехотя сказала Таня.

Ее не на шутку беспокоил Васек, но она побаивалась тетки и не решалась при ней заговорить с Васьком.

«Ты мне все воспитание сбиваешь»,— уже однажды упрекнула ее Евдокия Васильевна.

— Пойдем, пойдем! — поджимая губы и туго закручивая на затылке узел, торопила тетка.— Мороженого покушаем, получше места займем!

— Да места все равно согласно взятым билетам,— со вздохом сказала Таня, надевая пальто.

Когда они вышли, Васек подошел к окну и стал смотреть на улицу. По улице шли школьники и школьницы.

«Из школы идут! Поздно. Наверно, совет отряда был у них,— подумал Васек.— У нас тоже часто бывал совет отряда... я сам объявлял ребятам об этом!»

Васек прислонился лбом к холодному стеклу. Потом быстро отодвинулся. На улице стояли три знакомые фигуры. Одна из них отделилась и быстро ушла; Васек узнал Булгакова. «Зачем он приходил?»

На лестнице послышались шаги и голос Лиды Зориной:

— Здесь даже дверь не заперта... Трубачев, ты дома?

Из-за плеча Зориной выглядывал Одинцов.

— Я дома,— сказал Васек, вопросительно глядя на обоих.— Идите в комнату.

— Здоро́во! — развязно сказал Одинцов и тут же смутился.

— Здравствуй! Мы пришли узнать, как твое здоровье,— поспешила на выручку Лида и вдруг заметила измятые подушки и свисающую с кровати куртку: — Ой, какой беспорядок! Это убрать надо. Сейчас Сергей Николаевич придет.

— Сергей Николаевич? — Васек сдвинул брови и посмотрел на Одинцова.— Зачем?

Одинцов пожал плечами:

— Не знаю.

— Нет, знаешь. И говори. А то опять... сам пришел, а сам...

— Честное пионерское...— торжественно начал Одинцов.

Но Лида решительно перебила его:

— Никаких объяснений! Сказал — приду! И все. Понимаешь?.. А у тебя беспорядок, на полу обрезки какие-то. Давай щетку!.. Одинцов, раздевайся.

Лида сняла шубку и платок:

— Васек, нá, повесь! И не стой с раскрытым ртом. Смотрите, что кругом делается!

В комнате действительно был беспорядок. С утра тетка ходила расстроенная и в первый раз оставила комнату неубранной. На стуле было брошено ее шитье, на письменном столе Васька валялись какие-то инструменты.

— Скорей, скорей! Ужас что делается! — заткнув за пояс полотенце, говорила Лида.— Одинцов, собирай в ящик инструменты!.. Васек, прибери стол! Он же первым долгом на твой стол посмотрит!

Мальчики, не рассуждая, принялись за работу. Поправляя постель и взбивая подушки, Лида говорила:

— Надо, чтобы все прилично было!

Васек прибрал свой стол. Одинцов сгреб со стула ворох материи:

— А это куда?

— Это теткино! — испугался Васек.— Не тронь, а то спутаешь ей все, она сердиться будет!

— Подожди! — Лида накрыла все газетой.— Нехорошо, но уж раз теткино...

— Мы за тетку не отвечаем,— решили ребята.— Надо только просто так сказать, что это ее.

На обеденном столе на чистой скатерти стояла плетеная сухарница.

— Сюда бы хорошо такую салфеточку...— сказала Лида.

Васек пошарил в комоде и вытащил что-то белое, с кружевами.

— Можно этим,— сказал он.

— Это ж косынка! — возмутилась Лида.

Васек полез в буфет.

— Вот! — с торжеством сказал он, вынимая оттуда вышитую салфеточку.

— Теперь хорошо! Совсем другое дело! — отходя от стола и склонив голову набок, радовалась Лида. И вдруг всплеснула руками: — А что, если учитель захочет... чаю?

Мальчики оторопели.

— Ну, как это захочет...— протянул Одинцов, глядя на Васька.

Тот пожал плечами:

— Я думаю — нет. Он дома напьется.

— А я вам говорю, может и тут захотеть. Он же в гости придет. Вот возьмет да и скажет: «Я хочу чаю».

— Не морочь голову! — рассердился Одинцов и передразнил девочку: — «Хочу чаю»! Ведь он же учитель.

— Здравствуйте! — насмешливо сказала Лида.— Если учитель, так и чаю не пьет?

— Нет, пьет, конечно,— озабоченно сказал Васек и вспомнил: — У нас печенье есть.

— Давай! — строго приказала Лида.— Все давай, что есть!

Васек снова полез в буфет:

— Держите: сахар, масло...

Через полчаса ребята торжественно сидели за столом, открыв в кухне входную дверь, чтобы учитель не споткнулся на лестнице. На столе стояли четыре стакана с блюдцами, сухарница с печеньем, масленка с маслом и сахар. Чайник с кипяченой водой на всякий случай был уже приготовлен.

История с зачеркнутой фамилией, ожидание сбора — все отодвинулось на задний план. Васек и Одинцов радовались возможности снова попросту говорить друг с другом, не касаясь недавней размолвки.

И хотя Васек боялся прихода учителя, но в обществе Одинцова и Лиды чувствовал себя спокойнее. А Лида вся ушла в роль хозяйки. Переставляя на столе то масленку, то сухарницу с печеньем, она отходила в сторону и любовалась сервировкой стола.

Одинцов радовался, что у Васька в отношении к нему уже не было враждебности. Беспокоило Одинцова только то, что Саша ослушался Сергея Николаевича и от самого дома Васька решительно повернул обратно.

— Чтоб я еще унижался перед Трубачевым! Этого мне никто приказать не может! Идите сами!

«Упрямый! — подумал Одинцов, сознаваясь себе, что, будь он на месте Саши, он тоже не пошел бы к Ваську первый.—

Учителя не знают, какие ребята. У нас ведь сроду никто первый не подойдет, если поссорились!»

Ребята говорили шепотом, прислушиваясь к каждому шороху.

— Тише,— сказала вдруг Лида.— Идет!

На лестнице действительно послышались шаги. Все трое наперегонки бросились туда.

— Пожалуйста, пожалуйста! — кричала Лида.

— Входите! Здесь десять ступенек,— беспокоился Васек.

Одинцов держал настежь раскрытую дверь.

На пороге показалась... тетка.

— Ой! — пискнула Лида.

— Это... тетя,— сказал Васек.

Тетка подозрительно оглядела всю компанию:

— Здравствуйте, дорогие гости!

— Здравствуйте,— поспешно сказал Одинцов, подтягиваясь и поправляя на груди галстук.

— Здравствуйте... Простите, пожалуйста, мы тут хозяйничали,— смущенно улыбаясь, поясняла Лида, идя за теткой и показывая ребятам глазами на сервированный стол.

Тетка быстро оглядела с ног до головы Лиду, так же внимательно — Одинцова, потом подошла к столу и подняла вышитую салфетку.

— Чаем поить гостей будешь? — обернулась она к Ваську.

— Да, хотим чаю,— сказал Васек.

Тетка поманила его пальцем и, выйдя на кухню, прикрыла за собой дверь:

— Приличные дети. Брат и сестра, что ли? Это чьи же такие будут?

— Это одного знатного стахановца ребята! — выпалил Васек.

Тетка высоко подняла брови и одобрительно кивнула головой:

— А-а, оно и видно. Не то что твой давешний толстяк. Поздороваться как следует не умеет... Ну, дружи, дружи! Только что ж мне сказать-то побоялся, что гости у тебя нынче? Я бы пирожков хоть спекла!

Васек усмехнулся:

— Так себе...

— То-то «так себе»! — с ласковым укором сказала тетка.— А теперь я должна идти. Там Таня с билетами сидит. Я зашла... думаю, может, сошел с тебя каприз — так побежишь.

— Нет.

— Теперь уж что, раз гости!.. Погоди, я орешков вам положу.

Она прошла в комнату, по пути погладила тугие косички Лиды, улыбнулась Одинцову. Насыпала полную тарелку грецких орехов.

— Ну, играйте, угощайтесь. А я нынче в кино иду. Очень геройская картина! До свиданья, деточки! Вашим родителям привет передайте. Скажите, что очень рада знакомству!

— Спасибо, спасибо,— смущалась Лида.

Одинцов забежал вперед и ловко распахнул перед теткой дверь.

«Что за уважительные ребята! — подумала тетка, выходя на улицу. Отложной воротничок Одинцова, тугие косички Лиды и разглаженные пионерские галстуки на обоих приятно подействовали на тетку.— Достойная семья. Подходящая компания».

Как только за теткой закрылась дверь, Лида прижала руки к бьющемуся сердцу:

— Ой, как я испугалась!

— Я тоже,— сознался Одинцов.— Я забыл, что у тебя тетя есть. Мы тут хозяйничали вовсю!

— Ничего. Я ей сказал, что ваш отец — знатный стахановец.

— А она что?

— Говорит: какие воспитанные...

Васек засмеялся. Ребята тоже расхохотались.

— А Одинцов-то, Одинцов! Как-то ногой шаркал! — заливалась Лида.

— Это я с перепугу, честное пионерское.

— Ха-ха-ха!.. С перепугу!

В шуме никто не заметил, как вошел учитель.

— О, да тут все товарищество! — пошутил он.

Ребята вскочили.

— Садитесь! Садитесь!

— Ну, зачем же я так сразу сяду,— улыбнулся учитель.— Дайте осмотреться сначала.— Он подошел к круглому шкафчику, с интересом оглядел его, потрогал на этажерке книги и, обратив внимание на накрытый стол, лукаво посмотрел на ребят.— Вот теперь я сяду. И даже выпью стакан чаю, если вы меня угостите.

Все трое сразу сорвались и убежали в кухню.

— Подогрей, подогрей! — шептал Одинцов, накачивая изо всех сил потухавший примус.

— Что? Я говорила, я говорила! — торжествовала Лида.

— Хорошо, что печенье и орехи есть,— захлебываясь от волнения, шептал Васек.

А учитель, оставшись один, улыбался. Глаза у него блестели. За чаем он шутил и смеялся. Рассказывал о своем детстве. Одинцов и Лида с восторгом слушали его. Васек тоже слушал, но его мучила неотвязная мысль: зачем пришел учитель? Что он думает о нем, что скажет?

Забывшись, он тревожно смотрел на Сергея Николаевича, но тот ничем не отличал его от Лиды и Одинцова. Посидев полчаса, он взглянул на часы и поднялся:

— Ну, а теперь пойдемте на сбор! Опаздывать пионерам не полагается. И учителю тоже не полагается...

«Вот оно!» — понял Васек.

Он надел шапку, пальто и остановился на пороге. Учитель, проходя мимо, легонько обнял его за плечи:

— Пошли.

Глава 32

МИТЯ

Митя сидел в своей маленькой комнатке и сосредоточенно думал. Мысли были тревожные. Он сожалел, что раньше не пошел к Трубачеву и по-товарищески не поговорил с ним. В дружеском разговоре, один на один, всегда находятся такие простые и нужные слова. Тут и голос другой и глаза смотрят

в глаза, прятаться и что-то скрывать делается невозможным. Разве мало было у Мити таких случаев? Никто в школе и не знал о них. Митя откинул со лба волосы и устремил в одну точку взволнованный взгляд.

«Он пионер, я комсомолец. Я сам только что вышел из пионеров; таким же, как он, был. Ошибки у всякого человека бывают — это что же, без этого не обходится. Но тут самое главное что? Чтобы он понял... Он парень неглупый...— Митя грустно покачал головой: — Эх, опоздал я... Без этого дружеского разговора теперь и на сборе не то будет. Как-то и сам не подготовлен, и парнишка внутренне не подготовлен...»

Митя стал думать о сборе: «С чего начать? Если прямо с заметки Одинцова? И непосредственно перейти к дисциплине? Ударить по этому вопросу!»

Он вспомнил совет Сергея Николаевича:

«Вы только не торопитесь... Не выводите поспешных заключений. Дайте ребятам высказаться, поспорить... Трубачев, возможно, заупрямится...»

«Не возможно, а наверняка,— усмехнулся Митя.— Я этого парня как свои пять пальцев знаю. Если он сразу не пришел ко мне и не рассказал, в чем дело, значит, что-то тут есть, чего он, хоть убей его, не скажет. А что? Поди вот, разбери! Верно, кто-нибудь еще впутан в это дело. Эх, пошел бы я к нему — все было бы проще!»

— Митенька,— окликнула его из-за перегородки мать,— обедать-то сейчас будешь или с отцом?

— С отцом, с отцом...— рассеянно ответил Митя и вдруг, прислушавшись к возне за перегородкой, побежал в кухню.— У тебя что, мама, пирожки? Дай мне один. Вот так, в рот прямо... Во! Есть! Еще один! Для бодрости, так сказать. Еще, ладно?.. Стой, стой, хватит!

Он вернулся в комнату, держа на ладони пышные горячие пирожки, и, отправляя их в рот один за другим, кричал матери:

— Здóрово ты их делаешь! Просто замечательно!

— Ну вот и покушай! — отвечала из-за перегородки мать.— А то все, слышу, бегаешь, бегаешь по комнате... Не ладится,

что ли, у тебя что, Митенька? — просовывая в дверь голову, с беспокойством спросила она.

— Ничего, мама, всё сладится. У нас да не сладится! — весело ответил Митя.

Он снова мысленно представил себе сбор, всех ребят, Трубачева и решительно стукнул кулаком по столу:

«Вожатый не должен допускать ни малейшего ослабления дисциплины! Трубачев — председатель совета отряда. По нему равняются другие ребята. Надо так крепко начать, чтобы сразу почувствовалось мое отношение к этому делу... со всей строгостью!»

Митя подошел к окну.

«Если б найти такие живые, настоящие слова! Ребята-то, в общем, народ чуткий. Только б начать. А потом они сами... Да, Сергей Николаевич прав!»

Митя взглянул на часы и стал собираться. Почистил лыжную куртку, пригладил волосы, поправил на груди комсомольский значок.

Пора!

Он вышел на улицу и зашагал к школе.

Глава 33

НА СБОРЕ

Сбор был назначен в пионерской комнате. Ребята стояли кучками, о чем-то тихо переговариваясь между собой. Девочки сидели на скамейках, подобрав ноги и сложив на коленях руки. Не было обычного шума, острот и поддразнивания друг друга.

Митя беглым взглядом окинул собравшихся, поздоровался и сел за стол.

Приход учителя вызвал движение среди ребят. Здоровались негромко, усаживались, стараясь не скрипеть стульями.

Васек Трубачев стоял рядом с Одинцовым. Саша незаметно для себя придвинулся ближе к Ваську. Мазин, засунув руки в карманы, стоял в стороне. Глаза у него были тусклые, лицо равнодушное.

Рядом с ним Петя Русаков со своим серым личиком был похож на мокрого воробушка. Он ежился и натягивал рукава курточки.

Лида Зорина, усадив свое звено на скамейку, сидела сбоку с напряженным, страдальческим выражением лица, склонив набок черную, гладко причесанную головку. Синицына, расталкивая локтями соседок, уселась посередине скамейки и смотрела на Митю и учителя так, чтобы они могли прочесть на ее лице, что она ни в чем не виновата. За ее спиной слышалось короткое, взволнованное дыхание Малютина — он только что спорил с кем-то из ребят и никак не мог успокоиться.

— Малютин, сядь! — шептала ему Валя Степанова.

Когда наступила полная тишина, Митя порывисто встал, с шумом отодвинув стул:

— Ребята! На сегодняшнем сборе мы должны обсудить поведение председателя совета отряда Трубачева. Ни для кого не секрет, что последнее время Трубачев ведет себя плохо...

По комнате пронесся неясный шум — все повернули головы в сторону Трубачева. Трубачев двинулся вперед. Лицо у него побелело, и рыжий чуб загорелся на лбу.

«Эх, жалко парня!» — с досадой подумал Митя и тут же, рассердившись на себя, крепко стукнул кулаком по столу:

— Да, плохо! Недостойно пионера! Срывает дисциплину в классе, самовольно уходит с уроков, не является в школу и в конце концов зачеркивает свою фамилию в статье Одинцова...

— Я не зачеркивал! — с силой выкрикнул Васек.

Кучка ребят дрогнула и сдвинулась тесней. Кто-то из девочек громко вздохнул. Валя Степанова смахнула со лба разлетающиеся ниточки волос и крепко сжала ладони. У Нади Глушковой на круглом лице выступила легкая испарина. Лида не шелохнулась.

— Трубачев! Подойди сюда поближе!

Васек подошел к столу и стал перед Митей.

Сергей Николаевич вдруг вспомнил, как доверчиво и решительно пошел с ним Трубачев на этот сбор — может быть, он надеялся, что учитель будет защищать его.

Сергей Николаевич поднял голову и посмотрел на ребят.

«Если бы они знали, как мне больно за этого мальчишку»,— с горечью подумал он, переводя на Трубачева спокойный и строгий взгляд.

Этот взгляд говорил: «Ты виноват — отвечай!»

Но Васек не искал поддержки учителя. Он не отрываясь смотрел в лицо Мити и только иногда повторял: «Я не зачеркивал фамилии».

Митя внимательно посмотрел на него:

— Допустим, что так. Мы это разберем. Но это не снимает с тебя ответственности за другие поступки. Ты ссоришься с Сашей Булгаковым, обижаешь товарища, которого мы все уважаем за то, что он помогает своей матери. О помощи в семье мы здесь говорили не раз, а ты позволяешь себе бросать какие-то глупые насмешки.— Митя смел со стола попавшуюся ему под руку промокашку.— Это поступок нетоварищеский и непионерский. Я не знаю, как ты себя ведешь дома по отношению к своим домашним... (Васек вспомнил сморщенное обиженное лицо тетки и густо покраснел.) Об этом нужно тебе подумать, Трубачев! И крепко подумать! Стыдно! Ты меня понимаешь?..

Васек молчал, упрямо сдвинув брови.

— Я говорю не с дошкольником, а с человеком, который должен отвечать за себя. Я говорю с пионером, председателем совета отряда, Трубачев!

Васек крепко прижал к бокам опущенные руки.

— Есть...— чуть слышно сказал он.

— Хорошо. Это не все. Я хочу знать еще, Трубачев, как ты смел уйти самовольно с урока и на другой день не явиться в класс? Что это тебе, шутки, что ли?..— Митя второпях не подобрал другого выражения и, снова рассердившись на себя, напал на Трубачева: — Учебу срываешь, нарушаешь дисциплину, роняешь свой авторитет в глазах товарищей! Мы тебя выбрали председателем совета отряда!.. Что это, Трубачев?

Васек молчал.

— Я спрашиваю тебя: почему ты ушел с урока? — настойчиво повторил Митя.

— Я ушел, потому что все думали на меня...

— Что думали на тебя?

— Что я зачеркнул фамилию...

— Не понимаю,— нетерпеливо сказал Митя,— объяснись...

Ребята зашумели, задвигались. Сбоку, оттирая от стола Трубачева, поспешно вырос Мазин.

— Надо разобраться...— хрипло сказал он.— С самого начала. Тут виноват мел, понятно?

Ребята вытянули головы:

— Чего, чего?

Митя нахмурился:

— В чем дело, Мазин?

Сергей Николаевич с интересом смотрел на крепкую, коренастую фигуру Мазина, на живые, острые щелочки его глаз и спокойное упорство в лице.

— Из-за чего вышла ссора в классе? Из-за мела. Вот он! — Мазин вытащил из кармана кусок мела и положил его на стол.

Девочки ахнули и зашептались. Ребята заглядывали через головы друг другу — каждому хотелось посмотреть на тоненький, длинный кусочек мела.

— Вот он, проклятый мел! Трубачев тут ни при чем. В тот день Русакова должны были вызвать, а он не знал... как это... глаголов, что ли... И я стащил мел, чтобы Русакова не успели спросить... Это раз.— Он обернулся, поглядел на испуганное лицо Пети и усмехнулся: — Ладно, я все на себя беру... А насчет ссоры... Это тоже надо разобраться. И Булгакову нечего обиженного из себя строить. Если ко всему придираться, так мы друг другу много насчитать можем. А по мне так: взял да ответил хорошенько, а то и другим способом расквитался за обиду, а цацкаться с этим...— Мазин презрительно скривил губы и пожал плечами.— Разбираться так разбираться. Вот Одинцов статью написал и все на Трубачева свалил, а Булгаков тоже не молчал. Он сам Трубачева обозлил! Ты, говорит, весь класс подвел, а тому, может, это хуже всего на свете! И мел он клал? Клал. А я стащил... И дело с концом...

— Ты все сказал? — спросил Митя.

— Нет, не все.— Мазин заспешил: — Одинцов тоже... не разберется, а пишет. А потом кто-то фамилию зачеркнул, и

опять все на Трубачева...— Мазин кашлянул в кулак, говорить ему было больше нечего.— Проклятый мел! — пробормотал он, не выдержав пристального взгляда учителя.

— Мазин, сядь! Мы с тобой еще поговорим. Просто стыдно перед Сергеем Николаевичем, какие возмутительные вещи тут открываются!

— Прошу слова! — крикнул кто-то из ребят.

Митя поднял руку.

— Я еще не кончил. Когда кончу, кто хочет — возьмет слово... Так вот, Трубачев, я хочу, чтобы ты ответил мне сам: почему ты ушел с урока? Если даже тебя заподозрили в том, что ты зачеркнул свою фамилию, а ты, скажем, этого не делал, так неужели ты не мог найти способ выяснить это? Почему ты не пришел ко мне, к Сергею Николаевичу?

Трубачев молчал.

— Я не думаю, Трубачев, что ты трус, но я боюсь, что ты и в этом виноват. Я думаю, что если ты не сам зачеркнул свою фамилию, то ты хорошо знаешь, кто это сделал.

— Я не знаю,— твердо сказал Трубачев, сжимая зубы. «Пусть Мазин сам сознается, если хочет»,— подумал он.

— Трубачев, ты знаешь,— тихо и настойчиво сказал Митя.

Трубачев опустил голову.

Ребята заволновались:

— Трубачев, сознавайся!

— Трубачев, говори!

Малютин протиснулся через толпу и вытянул вперед худенькую руку.

— Я прошу слова, Митя! Митя, слова! — прорываясь к столу, кричал он.

— Дайте ему слово,— шепнул Мите учитель.

— Сергей Николаевич, это не он! Митя правильно сказал. Я Трубачева знаю — про себя он бы сразу сказал. Это кто-то другой... Ребята! — Сева повернулся к молчаливым, взволнованным ребятам.— Если сейчас здесь сидит человек, который сделал это, и если он молчит, то этот человек... последний...

Петя Русаков вдруг вынырнул из кучки ребят и бросился к Малютину:

— Ты... не твое дело... Я не последний человек... Я сам скажу...— Петя поискал глазами Мазина.— Мазин! Мазин! Это я зачеркнул фамилию! Я хотел сделать лучше, я не думал, что скажут на Трубачева!..

Петя весь дрожал, поворачиваясь во все стороны. Мазин, расталкивая ребят, подошел к нему и обнял его за плечи.

— Не реви,— сказал он, отводя его в сторонку и смахивая с его щек слезы.— Ну, не реви...

Васек стоял ошеломленный и смотрел им вслед. Тишина внезапно прорвалась шумом голосов. Ребята поднимали руки, требовали слова. Митя быстро взглянул на учителя и сел:

— Степанова, говори!

— Ребята, я хочу сказать...— голос у Вали сорвался, она глубоко вздохнула,— что мы мало знаем друг друга...

— Что? Почему? Как? — зашумели ребята.

Валя поправила на лбу волосы, перекинула через плечо косу.

— Потому что вот Мазин и Русаков сейчас как-то так хорошо поступили, что у меня просто... ну... Я их обоих как будто знала и раньше, в классе, а по-настоящему узнала только сейчас... Но я... мне...— Она остановилась, подыскивая слова.

— Говори! Говори! — одобрительно зашумели опять ребята.

— И все равно мне многое непонятно. Например, почему Русаков фамилию зачеркнул? И еще... Знал или не знал об этом Трубачев? Если не знал, то почему он как-то странно молчал? Как будто что-то скрывал, что ли... Вот, ребята, если кто понял,— скажите, или пусть Трубачев сам все расскажет!

— Верно! Верно!..

— Трубачев, говори!

— Мы тоже не поняли!

— Я и сам ничего не понял,— неожиданно сказал Васек, все еще глядя на Русакова и Мазина.— Я сейчас все начистоту расскажу, как было. Я пришел, а фамилия зачеркнута... А вечером... ну, перед этим... Мазин меня около дома ждал, поздно уже... Я после редколлегии так себе гулял... А он пришел ко мне

и говорит: «Мы тебя выручим». Я и думал, что это он выручил.— Васек грустно усмехнулся и посмотрел на ребят.— Не мог же я про него говорить.

— Ты про меня думал? — вдруг отозвался Мазин.— А я про тебя! Эх, жизнь! — Он хлопнул себя ладонью по щеке и засмеялся.— А это Русаков Петька!

— А при чем Русаков?

— Пусть Русаков говорит!

— Разбираться так разбираться!

— Тише!

— Говори, Петя!

Митя и учитель сидели молча, с интересом слушая разбор дела. Ребята разгорелись, заспорили, останавливая друг друга:

— Тише! Тише!

— Не мешайте! Пусть сами скажут!

Кто-то тихонько подтолкнул к столу Петю Русакова.

— Это я...— Петя взмахнул длинными ресницами в сторону Мазина.— Для Мазина я это сделал... И еще потому, что из-за нас у Трубачева ссора вышла. И про него статью написали.— Петя развел руками.— Только я, ребята, когда зачеркивал, не думал, что на него подумают.

— А что же ты думал? — крикнул Белкин.

— Просто... ничего не думал... Я хотел выручить.

Кто-то засмеялся. Петя махнул рукой и отошел от стола.

— Что у нас только делается! — всплеснула руками Синицына.— Один за другого... один за другого... И все виноваты.— Она всхлипнула в платочек и, заметив взгляд Вали Степановой, быстро отвернулась.

В комнате снова поднялся шум:

— Подожди, Русаков!

— Спросите его, почему он в классе молчал?

— Почему Мазину не сказал сразу?

— Русаков, почему ты молчал, когда мы на Трубачева думали? — крикнул бледный от волнения Одинцов.

Петя покраснел и опустил голову.

— Я не мог... Я боялся...

В комнате стало тихо.

— Эх! — с презрением бросил кто-то.— Боялся! А товарища подвести не боялся?

Петя вспыхнул, сморщился, губы у него задрожали.

Надя Глушкова взволновалась, вскочила с места:

— Ребята, нехорошо так! Он же сознался все-таки!

— Не защищай! — строго сказала Лида Зорина.— Пусть сам скажет.

— Он сам ничего не скажет,— вступился Мазин.— Потому что тут история другая. Степанова правильно сказала: мы мало знаем друг друга. Как Петька живет, что у него есть и чего он боится,— это из всего класса знаю один я.

Ребята притихли.

Сергей Николаевич написал на клочке бумаги: «Это обвинение нас тоже касается».

Митя прочитал, скомкал бумажку. Он был расстроен, светлые волосы липли к его мокрому лбу. Он силился вспомнить домашнюю обстановку Пети Русакова и сердился на себя и на Мазина, который знал больше, чем он, Митя.

А в наступившей тишине ребята уже решали по-своему вопрос о Пете Русакове:

— Мазин знает, что говорит! И кончено!

— А ты, Петя, на нас не обижайся! — Ребята сорвались с мест и окружили Петю.

— Тише! — крикнул Митя.— Сергей Николаевич будет говорить.

Ребята затихли.

— Я не буду разбирать всю эту историю в подробностях. Мне кажется, всем вам уже ясно, как произошло то, что Трубачев, председатель совета отряда, оказался в таком тяжелом положении. Вас, конечно, интересует больше всего вопрос, кто виноват. Ну, виноваты тут многие. Прежде всего и больше всего, несмотря ни на что, сам Трубачев. Потом, конечно, Мазин — в этой пропаже мела — и Русаков...

— И Одинцов тоже,— подсказал кто-то.

— Одинцов? — переспросил Сергей Николаевич.

— Одинцов! Одинцов! — крикнул Мазин.

— Не вижу вины Одинцова. В чем ты его обвиняешь? — спросил учитель Мазина.

— Я уже говорил. Он не разобрался и написал. Да еще про своего товарища.

— Что он не разобрался, куда делся мел, то в этом его обвинять нельзя, потому что мел лежал у тебя в кармане и этого Одинцов предполагать, конечно, не мог. А что он совершенно точно и честно описал все происшедшее в классе, несмотря на то что в этом участвовал его лучший товарищ, то за это, по-моему, Одинцова можно только уважать. Как вы думаете?

Белкин вытянул вперед руку.

— Пусть ребята думают как хотят, а я скажу про Одинцова так... что мы, когда... вообще... это было, думали: Одинцов вообще не напишет про своего товарища... И решили считать его... ну, вообще, если напишет — честным пионером, а если скроет — нечестным. И вот он написал. И мы считаем — это честно! — волнуясь, сказал Белкин.

Сергей Николаевич кивнул головой:

— Скажи ты, Малютин!

— Мне кажется, что он поступил честно, но как-то не по-товарищески все-таки. Потому что Трубачев не ожидал, а когда пришел на редколлегию, то сразу увидел, и это на него тоже подействовало.

— Верно! — крикнул Мазин.— Предупреди, а потом пиши. Да разберись раньше, где мел. А не знаешь, где он,— так не пиши!

Кто-то засмеялся.

Одинцов поднял руку:

— Я не писал про мел. Я всегда пишу то, что вижу и слышу. И потом, думал так: если не напишу, то какой же я пионер, а если напишу, то какой же я товарищ? — Одинцов посмотрел на всех.— Я все думал... А тут ребята меня спросили прямо в упор. И я сразу как-то понял, что должен написать. Только я не предупредил Трубачева... Это верно. Мне не пришлось как-то с ним поговорить.

— В этом ты, конечно, неправ, Одинцов. Такие вещи надо

делать открыто,— сказал Сергей Николаевич.— Но все-таки из виноватых мы тебя исключаем!.. Верно? — улыбнулся он.

— Верно, верно! — закричали ребята, обрадованные его улыбкой.

Сергей Николаевич взглянул на часы.

— И так как теперь уже очень поздно, то давайте пока буду говорить я один, и уж только в том случае, если моим противником окажется такой отчаянный спорщик, как Мазин, мы дадим ему слово,— пошутил учитель.— Так вот что я хотел вам сказать — и это, по-моему, самое главное. Для меня сегодня выяснилось, что вы неправильно понимаете слова «товарищество», «дружба». Отсюда и поступки у вас неправильные. Например, Мазин выручает Русакова, чтобы я не обнаружил, что Русаков лентяй, что он плохо учится, не знает урока... Мазин хочет, очевидно, чтобы Русаков с его товарищеской помощью остался на второй год... Подожди, Мазин, я все знаю, что ты хочешь сказать.

— Мазин, не мешай! — крикнула Зорина.

— Я хочу сказать! — Мазин выставил вперед одну ногу, но, увидев Митин взгляд, убрал ногу и махнул рукой.— Я, Сергей Николаевич, еще докажу, какой я товарищ! — крикнул он, отходя от стола.

— Это очень хорошо,— спокойно сказал Сергей Николаевич,— но то, как ты сейчас доказал нам, это плохо, это называется ложным товариществом. И, к сожалению, вся эта история построена на ложном товариществе. Русаков зачеркивает фамилию Трубачева — глупо и не нужно, он тем самым ставит Трубачева в тяжелое положение подозреваемого. А почему Русаков это делает? Я уверен, что из любви к товарищу... Так вот что я хочу сказать вам, ребята! Учтите это на будущее. Есть прямое, честное пионерское товарищество — и есть мелкое, трусливое, ложное выручательство. Это вещи разные, их никак нельзя путать. К товарищу надо относиться бережно и серьезно... Ну вот, я все сказал, что хотел. Подумайте над этим хорошенько. Думаю, что даже Мазин со мной согласен сейчас... А, Мазин? — улыбаясь, спросил Сергей Николаевич.

Никто не засмеялся. Лица у ребят были серьезные. Расхо-

дились молча. Каждый торопился домой, чтобы обдумать про себя что-то очень важное и необходимое.

В коридоре Васек столкнулся лицом к лицу с Сашей Булгаковым. Одинцов схватил обоих за руки.

— Помиритесь, ребята! Васек! Саша! — умоляюще шептал он, стараясь соединить руки товарищей.

— Я с ним не ссорился,— сказал Васек.

— Ты не ссорился? — вспыхнул Саша, вырвал свою руку и побежал вниз по лестнице.

* * *

Митя шел с учителем. Перед ними маячила одинокая темная фигурка, то возникающая при свете фонаря, то исчезающая в темноте улицы.

— Трубачев...— усмехнулся Митя.— Домой бежит... Тяжко ему пришлось сегодня, бедняге.

Сергей Николаевич вздохнул полной грудью свежий вечерний воздух:

— Трудно растет человек...

Митя ждал, что учитель скажет еще что-нибудь, но тот молчал. Сбоку его твердый, резко очерченный подбородок и рот с сухими, крепко сжатыми губами казались чужими и холодными.

«Недоволен мной, ребятами? — взглядывая на учителя, пытался угадать Митя.— «Трудно растет человек»... Конечно, трудно... Так чего же он хочет от ребят?»

От обиды нижняя губа у Мити чуть-чуть припухла. Молчание становилось тягостным.

— Вы не думайте, они все-таки неплохие ребята...

Сергей Николаевич повернулся к нему и с живостью сказал:

— Хорошие ребята! Особенно этот... Трубачев и его товарищи.

* * *

Васек шел один. После сбора в темной раздевалке его поймал Грозный и, легонько потянув за рукав, шепотом спросил:

— Проштрафился, Мухомор?

— Проштрафился, Иван Васильевич!

— Да, прочесали тебя, брат, вдоль и поперек... Раньше, бывало, ремнем учили, попроще вроде, а теперь — ишь ты! Ну, авось обойдется... Ступай домой. Макушку в подушку, а утром на душе легче.

Васек попрощался со стариком и вышел на улицу. Он устал, в голове было так много мыслей, что ни на одной не хотелось останавливаться.

В конце своей улицы Васек увидел тетку.

Она, суетливо и неловко обходя лужи, шла вдоль забора, придерживая обеими руками концы полушалка. Васек вспомнил, что тетка плохо видит, и бросился к ней навстречу:

— Тетя!

— Васек! Батюшки! Где ты запропал? Девятый час пошел...

— Я на сборе был... Нас вожатый собирал.

— «Вожатый, вожатый»! С ума он сошел, твой вожатый! Детей до полуночи держать!

— Да он не виноват. Дела у нас такие были... пока разберешься... Не сюда, не сюда, тетя. Давай руку!

— Погоди, не тащи... Это чего блестит?

— Тут лужа,— держа ее за руку, говорил Васек.— А вот камень... ставь ногу...

— Ишь ты, глазастый. А я шла, небось забрызгалась вся... Ну, какие же у вас дела разбирали? — благополучно минуя лужу, спросила тетка.

— Кто что натворил,— уклончиво сказал Васек.

— Кто что натворил... А ты бы домой шел.

Васек засмеялся.

— Да меня, тетя, больше всех ругали там,— сознался он.— За поведение и всякие разные слова дурацкие... за грубость...

— А-а,— подняв кверху брови, протянула тетка,— за грубость?

— Ну да. Вот и тебя я тоже обидел.

— Ну... это что... Мы свои — не чужие! — заволновалась тетка.— А вожатый, он, конечно, знает, что делает. Коли задержал, значит, нужно было... это на пользу.

Васек крепко прижал к себе теткину руку.

— Ладно, ладно... Идем уж. Там тебе ужин приготовлен, а под тарелочкой...— Она остановилась и подняла вверх палец: — Суприз!

Глава 34

Р. М. З. С.

Мазин сидел на берегу пруда и напевал свою любимую песенку:

Кто весел — тот смеется,
Кто хочет — тот добьется,
Кто ищет — тот всегда найдет!

Он смотрел, как у края берега в темной воде отражаются набухшие почками ветки березы, как, переплетаясь с ними, вытягиваются тонкие иглистые сосны и громадной тенью ложатся мохнатые лапы старой ели. Теперь под этой елью чернеет глубокая яма, залитая водой. Это бывшая землянка Мазина и Русакова. Когда снег начал таять, в нее хлынули со всех сторон ручьи. Хорошо, что к тому времени у мальчиков появился новый приют...

Мазин вспомнил, как они с Петей шли домой со сбора.

Петя ждал, что Митя вызовет в школу отца. Наказания он не боялся — он боялся потерять свою новую мать.

— Она уйдет! — тоскливо повторял он всю дорогу.

— Не уйдет! — лениво утешал его Мазин: ему не хотелось заниматься Петькиными делами. Он хотел разобраться в настоящем товариществе, о котором говорил учитель, а потому, не глядя на расстроенное лицо Русакова, нехотя бубнил, идя с ним рядом: — Птичья голова у тебя, Петька... И вообще, ты только о себе одном думаешь. Брось ты с этим делом нянчиться... Уйдет — так другая найдется!

— Другая? — Петька даже остановился.— Другая?! — От волнения у него перехватило горло.— А ты себе другую мать хочешь, Мазин?

— При чем тут это? — тоже останавливаясь, недовольно спросил Мазин?

— А при том, что ты... ничего не понимаешь в моей жизни,— с усилием сказал Петя,— а я... один. И ты лучше ничего не говори, если так...

— Как — так?

Петя молчал. Мазин почувствовал, что Петька вдруг отделился от него со всеми своими горестями и теперь уже будет решать свои дела тихо, про себя, не обращаясь за помощью к товарищу.

— Ладно,— сказал он прежним снисходительным тоном.— Я пошутил. Сейчас придумаем что-нибудь...

— Не надо.

— Что — не надо? Собери ее вещи и спрячь, а пока она будет искать, отец сам уговорит остаться. Понял?

— Не надо,— тихо повторил Петя.— Ничего не надо мне, Мазин! Это не такое, чтобы придумывать что-нибудь.— Он отвернулся и сломал голую ветку у забора.— Этого ты не можешь... и не надо.

— Да ну тебя! — рассердился Мазин.— «Не можешь, не можешь»! Я все могу!

Когда Петя ушел, Мазин долго стоял во дворе и смотрел на его окна.

«Есть прямое, честное товарищество, а есть мелкое, трусливое выручательство»,— вспомнил он слова учителя.

«Эх, жизнь! Пойду завтра к его мачехе и напрямки начну действовать»,— решил Мазин.

* * *

За ночь решение окрепло. Мазин застал Екатерину Алексеевну одну. Она сидела за работой — подшивала Петины брюки. Изо рта ее торчали булавки, а в длинных ловких пальцах

мелькала иголка. Мазин поздоровался и, оглядев новые Петины брюки, вежливо сказал:

— Симпатичные брючки.

Мачеха засмеялась с закрытым ртом, булавки запрыгали на ее губах.

«Еще подавится!» — с тревогой подумал Мазин и сказал:

— Выньте изо рта булавки. Я к вам по делу пришел.

С тех пор как Петя первый раз привел к себе Мазина, прошло много времени. Екатерина Алексеевна уже хорошо знала этого смешного, толстого, спокойного мальчика, товарища Пети. Она с интересом прислушивалась к коротким фразам, которые бросал Мазин Пете во время игры или занятий. Ей нравился Мазин, но где-то про себя она опасалась того влияния, которое он имел на Петю.

«Если хорошенько браться за Петю, то сначала нужно взяться за Мазина»,— нередко думала она, наблюдая их вместе. Но до сих пор Мазин был неуловим, никогда не обращался к ней с вопросами и сам отделывался короткими ответами.

— Какое же у тебя ко мне дело? — опуская на колени шитье, спросила Екатерина Алексеевна.

— А вот какое.— Мазин придвинул стул и сел прямо против нее.— Я, как настоящий товарищ Пети Русакова, считаю, что нам надо прямо и честно объясниться.— Он заметил смешливые искорки в глазах Петиной мачехи и насупился: — Вы не смейтесь. Это не такое, чтобы смеяться. Это такое, что заплакать можно, если вы для Петьки как мать родная.— Мазин вспыхнул и рассердился: — Мне тоже, как товарищу, не очень-то легко!

Екатерина Алексеевна сложила руки на коленях и умоляюще посмотрела на него:

— Коля, если что-нибудь случилось, ты говори сразу... ну, сразу!

— Не бросайте Петьку никогда, если даже отец его выпорет! Понятно? — выпалил Мазин.

* * *

В темной воде один за другим исчезали камешки, брошенные Мазиным. От камешков расходились ровные спиральные круги.

«Плакала,— вспомнил Мазин.— И Петька плакал...— И, удивленно поглядев на свое отражение в воде, Мазин скорчил гримасу.— И я плакал... Эх, жизнь!»

Но зато не только Петина мачеха осталась навсегда в Петином доме, а и все имущество из землянки перекочевало в русаковский дом, который стал теперь самым прочным местом на свете. И даже Русаков-отец потерял свой грозный вид.

«Не то он был черный, а стал каштановый; не то он раньше с бородой ходил, а теперь усы у него. Петьку по плечу хлопает, смеется, шутит. Одним словом, наверно, его фабрика сто пар ботинок в секунду делает. Придется и нам себя показать,— озабоченно подумал Мазин, устраиваясь поудобнее на бревне и отводя глаза от темной глубины пруда.— Даешь учебу!»

Он вытащил из кармана свернутую в трубочку тетрадь. Но поучиться ему не пришлось.

Около прежней землянки послышались тихие голоса.

— Я думаю, что это нора лисы,— сказала девочка в белом фартуке, с пучком подснежников, торчащих из кармана на животе.

— А я думаю — медвежья,— серьезно ответил, приседая на корточки, стриженый мальчик с круглой головой и черными глазами.— Я даже сейчас потыкаю медведя палкой.

— Не надо. Он затонул,— сказала девочка.

Но мальчик достал прут и наклонился над ямой.

— Эй, ты, упадешь! — крикнул Мазин и, перескочив через бревно, пошел к детям.— Вам что тут надо? Это не нора, а землянка. Убирайтесь отсюда!

— Мы сейчас уберемся,— сказала девочка.

Но мальчик продолжал сидеть на корточках.

Мазин поднял его за шиворот и поставил подальше от ямы.

— А чья землянка? — спросил мальчик, нисколько не смутившись.

— Это землянка,— сказал Мазин, скрестив на груди руки,— двух знаменитых следопытов: Русакова и Мазина — Р. М. З. С. Понятно? А теперь ступайте отсюда оба к своей бабушке!

Когда малыши удалились, Мазин вынул перочинный ножик и на толстом стволе березы вырезал четыре буквы: Р. М. З. С.

Полюбовавшись своей работой, Мазин сделал еще один глубокий надрез на белом стволе березы и припал к нему губами.

Он напился свежего березового соку, вытер рукавом рот и смачно сказал:

— Эх, жизнь!

Глава 35

ОТЕЦ

«Суприэом» тетки была телеграмма от отца. Павел Васильевич приехал ночью. Васек долго ждал, сидя одетый в уголке широкой кровати, и прислушивался к каждому шороху на дворе. Тетка тоже не спала, она все что-то прибирала и хлопотала в кухне.

— Ты ляг. Я тебя тогда разбужу,— уговаривала она племянника.

— Ничего. Я не хочу спать,— с трудом приподнимая отяжелевшие веки, говорил Васек.

Ему хотелось первым встретить отца на пороге. Но он все-таки не выдержал и заснул, ссутулившись и уткнувшись головой в спинку кровати. Ему снился дремучий лес и колючие ветки, снилось, что он ползком пробирается через поваленные бурей деревья и занозил себе коленку.

И вдруг теплые большие руки осторожно прижимают его к себе и мягкие усы, похожие на зеленые водоросли, щекочут лицо.

— Ну, Рыжик... Глянь-ка на меня, Рыжик!

Васек еще крепче зажмуривает веки, потом сразу открывает их и горячими от сна руками гладит отца по заросшим, небритым

щекам. И оба они молчат, потому что нет слов, которые можно было бы сказать в такую минуту.

— Скажи пожалуйста, ведь какой парень привязчивый! Это что! — бормочет в кухне тетка, тихонько сморкаясь в платочек.

Прежние, светлые дни наступают для Васька. В длинные вечера уже все переговорено и рассказано, все пережито сначала вместе с большим, настоящим другом — отцом. Ему не надо много говорить — он все понимает с первого слова.

Ссора Васька с Сашей взволновала Павла Васильевича. Он никак не мог успокоиться и все повторял:

— Как же так? Такой парнишка хороший...

Васек хмурился:

— Я, папа, этот сбор никогда не забуду!

— Ничего, ничего, сынок! Теперь нам нужно будет себя во́ как поднять! Мы это сделаем, сделаем...— задумчиво говорил Павел Васильевич, даже не замечая, что вместо «ты» говорит «мы».

Один раз Васек сказал:

— Я, папа, теперь с Мазиным и Русаковым занимаюсь. Мы вместе к экзаменам готовимся. Они, знаешь...— Васек нагнулся и зашептал отцу на ухо: — Должны на «отлично» выдержать. Мазин хочет Сергею Николаевичу доказать, какой он товарищ. Понимаешь?

— А!..— таинственно кивнул головой отец.— Это надо́, надо.

— А я им помогаю... Я тоже хочу доказать. Мне хочется, чтобы они оба лучше всех на экзамене ответили.

— Себя-то, смотри, не упусти с ними,— забеспокоился отец.

— Нет, нет, что ты! Я ведь и сам в это время учусь.

Васек отогнул пальцы и сосчитал:

— Две недели осталось. Вот еще только Первое мая отгуляем, а тогда будем друг дружку по всей программе гонять.

Глава 36

ЭКЗАМЕНЫ

Первое мая отгуляли весело. Вся школа вышла на демонстрацию. Шли стройными колоннами, несли большие портреты вождей, украшенные первыми полевыми цветами. Несли знамена.

— Шире, шире развертывайте, чтобы такой красивой, широкой лентой они были! — возбужденно командовал Митя, поворачивая к ребятам сияющее веснушчатое лицо.

Ребята старались шире развертывать знамена и не сбиваться с ноги. А из всех домов торжественно и весело присоединялись к ним люди, на ходу подхватывая знакомый мотив любимой песни:

Широка страна моя родная...

Васек Трубачев, воодушевленный всеобщим праздником, пел вместе со всеми, а Мазин, шагая с ним рядом и устремив на голубое небо глаза, пел громче всех, не считаясь с общим хором и забегая далеко вперед:

Как невесту, Родину мы любим,
Бережем, как ласковую мать!

Маленький городок утопал в зелени. На всех подоконниках стояли первые весенние цветы. Кусты в палисадниках кудрявились и в полдень, отяжелев от набухших почек, ложились на забор. На ночь люди настежь открывали свои окна, чтобы дышать свежим, ароматным воздухом. Это было время весеннего праздника, когда все люди кажутся особенно добрыми и приветливыми.

Васек Трубачев шел к Русакову. Там сегодня была назначена репетиция экзаменов. Учениками были он, Мазин и Петя Русаков, экзаменатором — Екатерина Алексеевна.

Трубачев торопился. Он только что встретил Митю и узнал от него замечательную новость: сразу же после экзаменов начнется подготовка к походу.

К походу! Ура!

Васек бежал по улице, взволнованный этим сообщением. Если бы хоть с кем-нибудь скорее поделиться своей новостью! Но никто не попадался навстречу... И только из одних ворот прямо на него вышел Саша.

«Булгаков! Эй, Булгаков!» — хотел крикнуть Васек, но запнулся и неловко замедлил шаг. Саша тоже остановился. Они посмотрели друг на друга и отвернулись. Потом каждый пошел своей дорогой. На душе у Васька померкла радость, и даже ноги в легких сандалиях стали цепляться за все бугорки. Дойдя до угла, он оглянулся. Саша тоже оглянулся.

Васек тяжело вздохнул и пошел к Русакову. Круглое, доброе лицо Саши с открытыми черными глазами было так знакомо и близко ему. Почему-то вспомнились даже руки Саши, с заусенцами около ногтей, такие ловкие и быстрые в работе.

У Русаковых уже все было приготовлено к экзамену. На середину комнаты был выдвинут большой стол, на стене висела чистая фанера, а под ней лежал кусок мела. За столом торжественно сидела Екатерина Алексеевна в темном платье с белым воротничком. Лицо у нее было такое, как будто она всю жизнь экзаменовала школьников.

Мазин и Русаков в чистеньких новых костюмчиках, приготовленных для экзаменов, шепотом переговаривались между собой в ожидании Трубачева.

— Ты что же? Иди скорей! — встретил его в дверях Петя.— Смотри, она сидит уже,— кивнул он в сторону мачехи.

Васек почувствовал всю торжественность обстановки, чинно поклонился и сел на скамейку рядом с Мазиным и Русаковым.

Первым отвечал Петя.

— Русаков! — вызвала Екатерина Алексеевна.

Петя взял со стола билетик и, прочитав его, сказал:

— Это я все знаю! Можно другой?

— Можно.

— Это я тоже знаю! — радостно крикнул Петя.— Смотрите, разбор по частям речи! — Он оглянулся на мальчиков.

— Отвечай,— сказала Екатерина Алексеевна.— Дай пример.

Петя написал на доске: «Не бросай товарища в беде» — и начал бойко разбирать. Екатерина Алексеевна кивала головой. Петя закончил стихами Пушкина к няне:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя...

В дверь тихо просунулась мощная фигура. Русаков-отец на цыпочках подошел к столу и сел рядом с женой. Петя вспыхнул и взволнованно продолжал:

Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня...

Пушкин в детстве был очень одинок. Самым дорогим и близким человеком ему была его няня, Арина Родионовна,— рассказывал Петя, глядя прямо в глаза своим экзаменаторам.

Петю похвалили. Вторым вышел Мазин.

Он спокойно брал один за другим билеты и со словами: «Знаю, знаю...» — бросал их на стол.

Русаков-отец вопросительно посмотрел на жену и, наклонившись к ее плечу, шепнул:

— Что за система?

Но она сделала ему знак не вмешиваться.

Наконец Мазин выбрал себе билет и ответил по нему все, кроме стихов.

— Стихи не знаю, надо будет выучить,— спокойно сказал он.

Трубачев отвечал бойко, с видимым удовольствием.

Русаков-отец спросил:

— Если обыкновенные мастера в смену выполняют сто процентов задания, скажем пять пар обуви, то сколько пар обуви сделают стахановцы, выполняющие двести пятьдесят процентов задания.

— Это вопрос из арифметики,— смутился Трубачев.

— Это вопрос из жизни,— ответил Русаков-отец.— Ну, кто сообразит?

— Я! — крикнул Петя.— Двенадцать с половиной пар!

— Верно, сын,— сказал Русаков.

После экзамена по русскому начался экзамен по другим предметам. Мальчики разошлись усталые, но довольные собой.

* * *

Школа притихла. Она стояла торжественная, праздничная, полная цветов и света. В коридорах ходили на цыпочках, говорили шепотом. В классах сидели учителя и какие-то новые, приезжие люди с большими портфелями. Мягкая ковровая дорожка устилала лестницу и спускалась с крыльца, на котором стоял Грозный в черном сюртуке, с новым галстуком в голубых горошинах.

В школе шли экзамены. Они шли уже не первый день.

Митя, с торчащей из кармана зеленой тюбетейкой, взволнованно спрашивал ребят из четвертого класса «Б»:

— Ну, как у вас тут дела?

— Хорошо! Хорошо!

— Ой, Митя! Русаков на «отлично» по русскому!

— Мазин тоже! И Белкин! И Синицына! — шептали ему девочки.

— Ничего, Митя! Не подкачаем! — храбрились ребята.

— Ну-ну! Старайтесь, старайтесь, ребята! — торопливо отвечал Митя. (Для него самого наступило страдное время экзаменов.) — Я побегу... У меня вот...— Митя хлопал ладонью по учебнику.— А вы тут смотрите... Трубачев, чтобы все в порядке было!

— Есть все в порядке!

Школа стояла тихая и торжественная, но вокруг нее громко и весело пели птицы, кричали и ссорились воробьи, в листьях шумел ветер и звал далеко-далеко — в поле, в лес, на речку, на вольную лагерную жизнь.

* * *

Одинцов лежал на кровати и слушал, как на крыльце бабушка уговаривала снестись большую рябую курицу:

— Накормлена, напоена и гребень красный, а ходишь, бездельница, пустая!

Одинцов засмеялся, нырнул под одеяло и сладко потянулся.

«Теперь пойдут чудесные дни! В воскресенье поход! А там, может быть, лагеря... Вчера сам директор поздравил четвертый «Б» с отличным завершением учебного года... Он так и сказал: «С отличным!» — с гордостью вспомнил Одинцов и посмотрел на этажерку, где на четвертой полке были уже аккуратно сложены его учебники за четвертый класс.

Пятая полка еще была пуста. На ней только к сентябрю появятся новые книги, а пока еще только май.

— Бабушка! — закричал Одинцов, вскакивая и подбегая к окну.

У крыльца шумно кудахтали куры, стуча по тарелке с пшеном твердыми клювами.

Бабушка вошла в комнату, держа на ладони теплое, свежее яичко.

— Уговорила? — обрадовался Одинцов.

— Усовестила!..— ответила бабушка.— Тебе в мешочек сварить али всмяточку?

— В мешочек, в мешочек! — чмокнув ее в сморщенную щеку, закричал Одинцов и, шлепая по полу босыми ногами, побежал умываться.

Брызгая водой, он без умолку говорил о походе, о товарищах и о том, что теперь можно ни о чем не думать и бить баклуши до сентября.

— Бабушка, ведь мы пятиклассники! Понимаешь, пятиклассники!

— Ну, дай бог, дай бог! — повторяла бабушка, глядя на внука светлыми голубыми глазами.

Глава 37

ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ПОХОДУ

Поход был назначен на воскресенье. Ребята целую неделю готовились к нему и одолевали Митю вопросами:

— Кто пойдет? Какие классы? Какие учителя?

— Повторяю,— охрипшим голосом кричал Митя, — пойдут

три отряда! Четвертый и пятый классы. Задание каждого отряда — раньше всех прибыть к костру, местонахождение которого нужно будет определить в пути, руководствуясь указателями.

— Топографические знаки! — с восторгом крикнул Белкин.

Митя кивнул головой.

— Дальше. От четвертого «Б» в походе примет участие Сергей Николаевич.

— Ура! Ура! — Ребята вскочили с мест и окружили Митю.— С нами? Пойдет?

— Сергей Николаевич и я будем принимать отряды в назначенном месте у костра. Понятно? — кричал Митя.— В четвертом «Б» командиром назначен Трубачев, а комиссаром — Булгаков,— закончил он при общем ликовании.— Сбор во дворе школы в десять часов.

— Митя! Митя! Подожди!

— Трубачев с Булгаковым в ссоре!

— Митя, они же давно в ссоре! — зашептали со всех сторон девочки.

— Что? — нахмурился Митя и громко сказал: — Ничья ссора нас не касается. В общем деле не может быть личных интересов. Понятно?.. Трубачев, ты слышал, что я сказал?

— Слышал.

— А ты, Булгаков?

— Слышал.

— Так принимайте задания!

— Есть! — твердо ответили оба.

* * *

В воскресенье Васек вскочил с постели и, отдернув занавески, зажмурился. Луч солнца мягко скользнул по его щеке и прыгнул на пол.

— Есть поход! — прошептал Васек и оглянулся на спящего отца.

Было еще очень рано, но теткина постель была пуста. Васек заглянул в кухню.

На столе были уже приготовлены отцовская фляжка, не-

сколько отборных картофелин, соль и каравай хлеба. На табуретке лежал рюкзак.

— Не буди отца,— шепотом сказала тетка, разглаживая утюгом новый матросский костюм.— И чего вскочил ни свет ни заря! Поди полежи еще!

Васек примерил рюкзак, осмотрел фляжку и лег, крепко зажмурив глаза от солнца. Но спать было невозможно. Ему уже представлялись запутанные тропинки в лесу; знаки, тщательно замаскированные; выложенные из камешков стрелы; сломанные ветки...

«Надо в оба смотреть... на деревьях, на земле, на кустах. А пропустим — назад вернуться. Быстро, молча. Болтать не позволю... Вперед пущу Одинцова, Мазина и Русакова. Булгаков со мной рядом пойдет... Он слышал, что Митя сказал. Ну и вот... Зорину со Степановой тоже вперед пущу. А Малютин пусть сзади идет. Он невоенный человек. Синицыну — в хвост, чтобы не болтала...»

Васек представил себе отряд, движущийся в тишине леса. Себя впереди, Булгакова рядом... Командир и комиссар!

Ему стало жарко. Откинув ногами одеяло, он вскочил, отдал кому-то честь.

Отец спал, отвернувшись к стене.

На столик с маминой карточкой падало солнце.

— Есть поход! — неслышно пошевелил Васек губами, глядя в лицо матери, улыбавшейся ему с портрета знакомой, памятной улыбкой.

— Встаю, встаю, сынок! — забормотал отец, садясь на кровати и приглаживая рукой растрепанные волосы.— Ты что тут шебуршишься, сынок?

— А ты забыл? — спросил, подбегая к нему, Васек.— У нас поход нынче.

— Нет, как же забыл! Ни в коем случае не забыл,— заторопился Павел Васильевич.— Сейчас, сейчас собираться будем!

— Да погоди, еще восьми нет — ты, может, не выспался.

— Ну, выспался не выспался — беда не велика! А ты вон погляди: я тебе вчера топорик смастерил — может, понадобится в лесу.

Он вытащил из-под кровати топорик с отточенным светлым лезвием.

Васек схватил его и заткнул за трусики.

— Себе-то живот не пропори,— засмеялся отец.

В половине десятого Васек вышел из дому. Он шел не оглядываясь, но знал, что отец стоит на крыльце и смотрит ему вслед.

Глава 38

ПОХОД

Завидев Трубачева, ребята ахнули. Ремни от рюкзака оттягивали назад его плечи, красный шелковый якорь блестел на рукаве, из-под тюбетейки выбивался на лоб рыжий завиток.

— Вот командир так командир!

Девочки сейчас же подбросили записку:

«Трубачев, ты очень похорошел!»

— В общем деле не может быть личных интересов! — вспомнив слова Мити, важно сказал Васек, скомкал записку и громко скомандовал: — Отряд, стройся! Справа налево рассчитайсь!

На школьном дворе стояли три отряда, готовые к походу. Васек осмотрел с головы до ног каждого из своего отряда. Все были подтянуты, торжественны, не размахивали руками и не болтали зря.

Васек был доволен.

* * *

Три отряда стояли как вкопанные.

Митя давал последние указания:

— Повторяю: задача каждого отряда — раньше всех прибыть к костру, местонахождение которого нужно будет определить в пути по указательным знакам. Будьте внимательны! «Первый отряд идет через улицу Чехова, шоссе. Указатель на полкилометра от леса. Второй отряд...» — читал Митя.

Васек ждал. Саша Булгаков стоял рядом с ним и не отрываясь смотрел Мите в рот.

— «Третий отряд...— Митя повернулся лицом к ребятам Трубачева: — Черкасская улица, переход через шоссе. Стрелка, показывающая направление на первой тропинке, сворачивающей в лес». Понятно?

— Понятно! — выпалили все три отряда.

Митя махнул рукой:

— Вперед!

— Шагом марш! — скомандовал Васек Трубачев.

Отряд вышел из школьных ворот и зашагал по улице. Два других отряда со своими командирами свернули в боковые переулки.

— Скорей! Скорей! — заволновались девочки.— Перегонят!

— Не бежать! — нахмурился Васек.

— Бежать хуже. Прозеваем указатель и все спутаем,— сказала Лида.

Шли ровным быстрым шагом. Дорога была всем знакома.

— Красиво идем! — шептали девочки.

— Ребята! По мостовой потише, у меня тапочки новенькие,— беспокоилась Синицына.

— Повесь их себе на нос, твои тапочки!

— Не из-за тапочек, а из-за Малютина потише надо. Здесь камни, и солнце печет очень,— тихо сказала Валя Степанова, трогая рукой свою макушку.

Васек оглянулся. Сева Малютин шел сзади. На спине у него был рюкзак, на боку — полевая сумка. На покрасневшее от солнца лицо падала тень от низко надвинутой на лоб панамки.

— Леня Белкин, возьми у Малютина рюкзак,— сказал Васек, — ему тяжело.

— Есть! — бойко отозвался Леня Белкин, подождал Севу и, не слушая его возражений, перекинул через плечо Севин рюкзак.— Иди, иди! А то устанешь сразу... А мне нипочем!

Улица вдруг кончилась. За шоссе открывался зеленый ряд елок. Они стояли как нарисованные, а за ними живой стеной поднимались дубы, березы и ели. Пахло хвоей и нагретым листом. По небу плыли белые пушистые облака.

Отряд остановился.

— Здесь! — взволнованно сказал Васек.

— Вот она, вот! — закричало сразу несколько голосов.

На траве искусно выложенная мелкими камешками стрелка указывала на тропинку.

Ребята почувствовали важность этой минуты.

— Начинается! Начинается! — зашептали они.

— Пошли! — бодро крикнул Васек.

Он шел впереди, оглядывая каждый кустик и чуть притоптанную траву по бокам тропинки. Ребята затаив дыхание гуськом шли за ним.

— Сейчас тропинка сама ведет, а как выйдем из елок, надо смотреть в оба,— уговаривались Одинцов и Саша.

Елки кончились. Тропинка, сделав полукруг, сворачивала обратно на шоссе. В лесу было свежо и тенисто, в густой траве качались белые ромашки и нежно-голубые колокольчики.

Сквозь заросли крапивы пробивались кусты дикой малины.

— Ищите здесь,— сказал Васек.— Далеко не отходить, кусты не ломать, смотреть под ноги!

Ребята, низко пригнувшись к земле, всматривались в каждый уголок.

Девочки, заправив под панамки непослушные волосы и стараясь не мять цветы, продвигались вперед на цыпочках, напряженно и молча оглядываясь вокруг. Мазин и Русаков держались вместе. Все места пригорода были ими исхожены зимой на лыжах.

— Вот тут следы зайца были, помнишь? — припоминал Русаков.

— Ладно, не болтай. Не до зайца сейчас,— хмуро останавливал его Мазин. И тут же, указывая на молодую белоствольную березу, опоясанную маленькими окошечками, говорил: — Дятловы кольца. Березовым соком остроносый лакомился! Я тоже пил. Эх, хорошо!

— А помнишь, как мы...— оживлялся Петя.

— Хватит, ищи стрелу! — сурово останавливал его Мазин.

Васек подбежал к старому пню. Около него валялись сломанные ветки елки. Он присмотрелся к ним ближе. Елка была так обломана, что ствол с двумя ветками напоминал стрелу.

На земле были рассыпаны иглы, очевидно счищенные перочинным ножом.

— Булгаков, Одинцов, сюда! — боясь ошибиться, позвал он товарищей.

— Куда направление? Куда направление? — волнуясь, спрашивал Саша.

— Да, направление в лес! Ясно — это указатель,— сказал, поднимаясь с колен, Одинцов.

— Вперед!

Ребята весело двинулись в указанном направлении.

Лес становился гуще. Валежник царапал коленки, цеплялся за платье. В тоненькие пушистые волосы Вали Степановой вцепилась зеленая колючка. У Лиды Зориной через всю коленку тянулась красная полоса. У многих девочек от крапивы распухли руки, но никто не жаловался. Одна Синицына тихо ворчала, попадая то в крапивное место, то на острый сучок. Ее никто не слушал.

Васек, раскрасневшись от напряжения, старался не снижать строгого командирского тона, чтобы не уронить дисциплину. Сам он, так же как и все ребята, уже чувствовал тревогу. Всем казалось, что прошло уже много времени и другие отряды давно опередили их. Шли молча. Вдруг Синицына нагнулась над муравьиной кучей и, выхватив оттуда три палки, подняла их вверх.

— Стрела, честное слово, стрела! — торжествующе крикнула она.— Вот так лежала!

— Положи! Положи! — в ужасе закричали ребята.

— Трубачев, она подняла!

— Она спутала направление!

Синицына испуганными, круглыми глазами смотрела на подходившего Васька. Он вырвал у нее из рук палки и наклонился над муравейником. Там остался глубоко вдавленный след, обозначавший стрелу. Васек выпрямился:

— Указатель найден!.. Синицына, становись в задние ряды!

У ребят отлегло от сердца.

Пристыженная, Нюра Синицына пошла в задний ряд.

Дальше стрелы стали попадаться чаще. Глаза, привыкшие нащупывать их, не пропускали ничего.

Васек шел впереди. Найдя стрелу, он молча показывал на нее рукой и торопился дальше.

— Давайте бегом! Нас же много — авось не пропустим,— предлагали некоторые ребята.

— На «авось» нельзя! — доказывала Лида Зорина.

— Мы и так быстро идем! — утешал Саша Булгаков.

Все шло благополучно. Последняя стрела, вырезанная на дереве перочинным ножиком, вдруг указала направление в такую чащу, где колючие кусты шиповника, сухие ветки и торчащие во все стороны сучья бурелома совершенно загораживали дорогу. Впереди виднелся овраг.

— Может, не сюда?

— Трубачев, верно мы идем? — заволновались ребята.

— Все в порядке. Вперед! — скомандовал Трубачев, медленно пробираясь через чащу и защищая рукой лицо от колючих веток.

Ребята беспрекословно двинулись за ним.

Овраг был крутой. На дне бежала лесная речушка, неширокая, но быстрая. В темной воде не было видно дна.

— Брр... Тут глубоко,— неуверенно сказал кто-то.

— Смеряйте глубину! — зашептали девочки.

Коля Одинцов вытащил из хвороста длинную палку, наклонился и стал мерить глубину. Палка, не достигнув дна, вырвалась у него из рук и уплыла по течению. Он поднялся, обескураженный.

Валя Степанова заглянула в темную воду и сняла тапочки.

— Надо так надо,— тихо сказала она, ожидая приказа.

— Обследовать берег! — сказал Трубачев и, пройдя несколько шагов, вытащил из земли белую, свежевыструганную палочку. Это была стрела, воткнутая в землю.

— Направление в землю,— недоумевающе сказал кто-то за плечом Васька.

— Трубачев, куда направление? — спросил, нахмурившись, Одинцов.

Васек кусал губы, глядя на запачканную в земле стрелу.

— Направление в землю,— сообщил он сгрудившимся вокруг ребятам.

— Ничего особенного... Значит, что-то в земле,— заявила Зорина.

Булгаков присел на корточки и стал разрывать руками рыхлую землю. Вместе с комьями земли вылетела спичечная коробка.

— Дай сюда! — протянул руку Васек.

В коробке лежала записка — приказ по третьему отряду. Ниже стояли: точка-тире-точка-тире...

— Что это? Что это? — заволновались ребята.

— Морзе! — ахнул Саша.

— Азбука Морзе! Азбука Морзе! — зашумели ребята.

Васек растерялся. Точки и тире запрыгали у него перед глазами.

— Ничего, сейчас разберем...— неуверенно сказал Саша.— Давай сигнал для сбора!

Васек свистнул. Отряд живо собрался вокруг своего командира.

— Найдена записка. Азбука Морзе. У кого есть перевод?

— У кого перевод? У кого есть перевод? — кричал Одинцов.

Все молчали.

— Что же вы? Мы время теряем! — торопил Саша, потрясая запиской.

— У меня дома есть...— уныло сказал Белкин.

— Ну и беги за ним домой! — оборвали его ребята.

Мазин вытянул голову, хмуро посмотрел на записку и почесал затылок:

— Эх, жизнь! Что же мы-то с тобой, Петька!

— Вот так история! — развел руками Медведев.

— Ребята, ну что же вы, ребята? — обращаясь то к одному, то к другому, умоляла Лида Зорина.— Неужели вы азбуки Морзе не знаете?

— Сама попробуй прочти! — накинулась на нее Синицына.

Васек не знал, на что решиться. Идти наугад? Искать следующий знак?

— Смирно! — прикрикнул он, чтобы прекратить разгорающийся спор.

Сева Малютин, осторожно прокладывая себе дорогу между ребятами, подошел сбоку:

— Трубачев, я немножко знаю. Можно посмотреть?

Саша поспешно протянул ему записку. Малютин раскрыл полевую сумку, вытащил оттуда карандаш и записную книжку.

— Пиши на моей спине,— предложил ему Одинцов.

— Не надо,— сказал Сева. Он внимательно посмотрел на записку, потом заглянул в записную книжку, покусал губы и потер лоб.

— Забыл! — насмешливо сказал Мазин.

— Нет. Сейчас! — просветлел вдруг Малютин.— Вот первые слова: «Переправа на берегу...»

— Ура! — подпрыгнули ребята.

— Читай дальше! — нетерпеливо сказал Васек.

Малютин пошевелил губами:

— Дальше я не могу разобрать.

— Хватит! Ищите переправу! — закричал Васек и, пригнувшись, побежал вдоль берега.

— Есть! — раздался из кустов голос Русакова.

Красными, обожженными крапивой руками он с торжеством вытащил из-под валежника две крепко сбитые доски.

— Перекладины! Столбики с рогульками, живо! — командовал Васек.

Но ребята уже и без команды яростно тащили сваленные в кучу сухие жерди, обтесанные топорами колья и в жидкую грязь на берегу вколачивали столбики.

— Готово! Цепью! За мной!

Ребята один за другим перешли речку.

Васек смерил глазами крутой подъем и тревожно оглянулся на Малютина.

Мазин поймал его взгляд, вытащил из кармана веревку, закрутил один конец себе повыше локтя и подмигнул Ваську: «Поднимем... ничего!»

Васек кивнул головой.

— Ребята, держись за веревку!

Все схватились за веревку. Сева Малютин оказался между Валей Степановой и Петей Русаковым. Мазин крякнул, натянул постромки и полез по крутому склону.

— Малютин, держись крепче,— беспокоилась Валя Степанова, глядя на порозовевшее лицо Севы.

— Малютин, не трать силы. Ты только ногами перебирай,— озабоченно советовал Петя Русаков.

— Молодец, Малютин, всех выручил! — кричали сверху ребята.

Сева, крепко держась за веревку, глядел на товарищей счастливыми глазами.

— Ну, айда! Пошли! Пошли!— натягивая изо всех сил веревку и набирая высоту, кричал Мазин.

Васек Трубачев, не обращая внимания на осыпавшуюся под ногами землю, цепляясь за кусты, выскочил из оврага первый. Стоя на пригорке, он выпрямился и протянул вперед руку.

Между деревьями возвышалась куча хвороста, издали похожая на шалаш. Около нее мелькало что-то зеленое, как птица с зелеными перышками.

— Костер! Митя!

— Ура! Ура! — грянул подоспевший отряд.

— Подойти в порядке! Построиться! — крикнул Васек.

Но его уже никто не слушал. Ребята бросились врассыпную на последний знак — зеленую Митину тюбетейку.

Отряд Трубачева пришел первым!

* * *

— Ай да Мухомор! — любовно говорил Грозный, складывая у костра хворост.— В самый раз поспел! Небось в хвост и в гриву погонял, а?

— Да нет, ничего,— рассеянно отвечал Васек, поглядывая в сторону, где сидел Сергей Николаевич и о чем-то разговаривал с ребятами.

Ваську очень хотелось подойти, но он боялся, что учитель подумает: «Вот привел отряд первым и ждет, чтобы его похва-

лили». И он, делая вид, что ищет что-то в своем рюкзаке, отстал от ребят.

Второй отряд уже показался на дороге. Ребята шли, размахивая панамами и поднимая столб пыли.

— Вторые! Вторые! — кричали им из отряда Трубачева.

— Где проплутали? — крикнул Митя, идя навстречу задержавшемуся отряду.

Командир отряда, долговязый парнишка, снял тюбетейку и вытер ладонью потный лоб.

— Пропустили стрелу — и давай наугад шпарить. А потом — стоп! — видим, дело плохо. Назад вернулись.

Ребята завистливо поглядывали на отряд Трубачева.

— Мы в другой раз будем знать,— смущенно сказал их командир.— А то ребята все кричат: «Бегом, бегом!» Вот и пропустили.

— А ты командир. Надо дисциплину держать,— строго сказал Митя и посмотрел на часы.— Где же первый отряд?

— Загадочная картинка! — сострил Одинцов.

Учитель улыбнулся и подозвал Трубачева.

— Ну, командир, рассказывай, как шли.

Он подвинулся и указал ему на место около себя. Васек, покраснев до ушей, начал с жаром рассказывать. Ребята помогали ему припоминать все мелочи.

— ...И вдруг письмо...

Васек поискал глазами Малютина.

— Кто же прочитал? — спросил учитель.

— Все читали, жутко прямо! — сказала Синицына.

— Неправда, неправда! — закричали ребята.

— Никто не умел,— сказал Васек.— Вот он только... три слова разобрал.— Васек кивнул на Малютина.

Сева подошел к ним.

— Ты знаком с азбукой Морзе? — спросил учитель.

— Я немножко, чуть-чуть.

— Это очень важно. А что было бы, если бы Малютин не сумел разобрать? — спросил Сергей Николаевич.

Васек почувствовал досаду, но поборол ее и обнял Севу за плечи.

— Если бы он не прочел, мы могли бы опоздать,— честно сказал он.

Ребята захлопали в ладоши:

— Молодец! Молодец!

— Молодец! — подтвердил учитель.

* * *

Митя все еще ждал первый отряд. Грозный хлопотал по хозяйству. Он вместе с ребятами приладил над костром котел с картошкой. Послал еще за хворостом. Васек принес охапку сухих веток и, отряхивая костюм от приставших к нему листьев, увидел, что разорвал штаны.

— Разорвал, Трубачев! Эх, ты, новый костюм! — сочувствовали ему ребята.

— Зашить надо,— сказал Митя.— У кого есть иголка с ниткой?

Саша Булгаков отвернулся и стал ковырять носком ботинка сухую землю.

— У Саши есть,— робко сказала Лида и прикусила язык.

— Булгаков, ты, говорят, человек запасливый. Одолжи командиру иголку,— пошутил Митя.

Саша нашарил иголку под воротником своей куртки и стал раскручивать длинную нитку.

Васек быстро подошел к нему.

— Булгаков,— сказал он, заикаясь и краснея до слез,— не сердись на меня больше... за то...

— Я — нет... что ты...— пробормотал Саша, поднимая на него влажные глаза.— Я всегда... Нá вот иголку,— радостно заторопился он,— вместе зашьем.

— Трубачев, давай я! — вскочила Лида Зорина.

— Нет, мы сами! — крикнул Васек, увлекая за собой Сашу.

— Мы сами! — оглянувшись, с гордостью сказал Саша.

Митя взглянул на учителя. Сергей Николаевич смотрел вслед обоим мальчикам.

— Помирились, вот здóрово! — с восхищением шептал Петя Русаков.— Мазин, видал?

— Вижу,— сказал Мазин. Он запрокинул голову, отпил несколько глотков из своей фляжки и весело сказал: — Эх, жизнь!

* * *

Пламя костра поднималось все выше. Сухие огненные елки трещали. Вокруг стоял шум и смех.

Командир первого отряда, круглолицый веселый мальчуган, сильно жестикулируя, рассказывал:

— Мы там все перепугались. Кто туда тянет, кто сюда! Домой никому не хочется возвращаться. А указатель давно потеряли. Ну, значит, давай наобум! Вдруг видим — дымок над лесом поднялся... Я влез на дерево: вижу — огонь! Ну, айда! Вот и нашли!

Митя встал:

— Ребята! В этом походе только один отряд показал себя дисциплинированным. И только в одном командире я не ошибся. Поговорим об этом особо. А теперь от имени директора нашей школы объявляю отряду Трубачева премию за отличную учебу, за дисциплину в походе. Эта премия...— Митя остановился, обвел глазами ребят и торжественно закончил: — поездка на Украину, в колхоз «Червоны зирки»!

Ребята зашумели, но Сергей Николаевич сделал им знак молчать.

— Экскурсия состоится в начале июня. Поедет весь класс четвертый «Б» с Сергеем Николаевичем,— Митя обернулся с улыбкой в сторону учителя,— и со мной!

Последние слова были заглушены радостными криками ребят:

— На Украину! Ура!

— С Митей! С Сергеем Николаевичем!

Девочки прыгали, обнимались, тормошили Лиду Зорину:

— Всем классом! Всем классом!

Васек обнял Одинцова и Сашу:

— Поедем вместе! Поедем?

— Еще бы! — сказал Одинцов.— А ты, Булгаков?

— Куда вы — туда и я,— широко улыбнулся Саша.

Солнце уже заходило. За деревьями широкая красная полоса все суживалась, и наконец от нее осталась только розовая ленточка, низко протянутая по земле. Деревья сразу почернели, одни березы белели в темноте. Раскрасневшись от костра и горячей картошки, ребята жадно слушали учителя.

Сергей Николаевич, острым концом обструганной палочки доставая картошку из котла и очищая ее, говорил:

— Украина — это моя родина. От колхоза «Червоны зирки» километрах в тридцати я родился, там живет моя сестра... У нее в саду черешни, яблони, груши, сливы... Вот куда мы с вами в гости поедем! Полакомимся...

Костер затянулся до позднего вечера. Домой шли кратчайшей дорогой, по шоссе. Ярко светились окна домов. У Трубачевых дверь была не заперта. Васек вихрем ворвался в комнату.

— Папа, отряд Трубачева премирован поездкой на Украину! — одним духом выпалил он.

Глава 39

ПРОВОДЫ

Быстрые и ловкие, с тонкими коричневыми от загара ногами, ребята заполнили весь перрон.

— Как опята! Как опята из лесу выскочили! — сказала какая-то женщина, указывая на сбившиеся в кучку панамки.

Вокруг школьников столпилась вокзальная публика.

Сквозь толпу с сияющими, размягченными лицами пробирались матери, отцы и хлопотливые, беспокойные бабушки.

— Фляжку-то, фляжку, голубчик, не забудь!

— Открыточки возьми! Карандаш... Там на какой-нибудь станции напишешь...

— Ладно, ладно! Не беспокойся — напишу.

Около сложенного горкой пионерского имущества стояли Коля Одинцов и еще несколько ребят.

Тут же на чьем-то вещевом мешке сидела бабушка Одинцова:

— Ты гляди, Коленька, не растеряй все по дороге-то. Мало ли какие люди в вагоне будут!

— Да у нас свой вагон, бабушка! И учитель и Митя с нами.

— Ишь ты, весь вагон себе закупили! Миллионеры, да и только,— улыбалась бабушка.

— Не миллионеры, а пионеры! — шутил Одинцов.

Митю и Сергея Николаевича со всех сторон атаковали родители. Сыпались вопросы: какой маршрут, где будут ребят кормить, выедет ли за ними колхозная машина.

Учитель объяснял, рассказывал, успокаивал.

Митя, поглядывая через головы родителей на длинный состав поезда, нетерпеливо отвечал:

— Все будет хорошо, товарищи родители! Просим не беспокоиться! Будет и кормежка, и машина, и письма отправим, и телеграммой сообщим о прибытии — все будет как надо!

«Ох, уж эти мне родители! — думал про себя Митя.— Хоть бы скорей погрузиться в вагон!»

— Митя, тебя твои папа с мамой ищут! — крикнула Валя Степанова.— Вон они!

Митя хлопнул себя по щеке: «И мои старички прибыли!» На его живом веснушчатом лице выразилось явное удовольствие.

— Сюда, сюда! Мама! — замахал он рукой.

Васек Трубачев крепко держал обеими руками большую руку отца и, глядя ему в лицо сияющими глазами, торопливо говорил:

— Я тебе, папка, каждый день писать буду! Каждый день!

— Да врешь ты, Рыжик! Там тебе не до этого будет. И не обещай лучше, да и не надо мне этого. Как захочешь, так и пиши,— любовно оглядывая сына, говорил Павел Васильевич и, понизив голос, лукаво прибавил: — Вот тетке не забывай приветы слать. Она, знаешь, обидчива у нас.

Васек кивнул головой.

— Ну, а там и опять вместе будем! — заранее радуясь встрече, улыбался Павел Васильевич.

— Трубачев, кто тебя провожает — папа? А меня мама! — радостно сообщила Лида Зорина.— Хочешь твоего папу с моей мамой познакомить?

— А мы уже и без вас познакомились,— шутил, здороваясь, Павел Васильевич.

— Да мы постоянно на родительских собраниях встречались с вами,— напомнила Лидина мама.— А вот товарища твоего, Лидуша, я давно не видела. Настоящий командир он у вас!

— Они все командиры дома! — подмигнул сыну польщенный Павел Васильевич.— Вот посмотрим, как себя в самостоятельной жизни покажут.

— А мы не будем в самостоятельной жизни. Мы с Сергеем Николаевичем и Митей! — весело сказала Лида.— Петя Русаков, иди сюда!

— Я с матерью,— сказал Петя, держа за руку высокую полную женщину с серыми глазами и ясной улыбкой.

Лида обхватила за шею свою мать и что-то оживленно зашептала ей на ухо.

— Не шепчи, Лидочка,— неприлично,— делая строгие глаза и потирая ухо, остановила ее мать.

По перрону прошел Сева Малютин с худенькой, бледной женщиной. Они тихо разговаривали, не обращая внимания на общую сутолоку.

— Я тебе, мама, разных-разных цветов насушу... Помнишь, когда я болел, ты приносила мне мяту. И руки у тебя пахли мятой... На даче, помнишь?

— Помню. Только не вздумай привезти мне мяту,— засмеялась мама,— ее и здесь много. И по сырым местам не лазь, Сева, а то промочишь ноги и заболеешь, а мамы там не будет с тобой,— улыбнулась она и вдруг тревожно поглядела в синие глаза сына.— А может... не ехать тебе, Севочка? Еще не поздно...

— Ну, мамочка! — засмеялся Сева.— Ну что ты, трусишка какая! Я же не один — со мной товарищи...

Мимо, нагруженный всем дорожным снаряжением, прошагал Мазин.

Рядом с ним семенила его мать — рыхлая, болезненная женщина.

— Дай же мне что-нибудь, Коленька, ведь я с пустыми руками иду! — уговаривала она сына.

— Да уже дошли. Стой тут, я вещи сложу. Вот здесь, у колонны, на эту корзинку сядь, а то толкнет кто-нибудь,— беспокоился он, снимая с плеч вещевой мешок.— Я сейчас... Эй, Булгаков! Где Одинцов? — закричал он, заметив на перроне Сашу Булгакова.

— Он около вещей!..— крикнул Саша, разнимая сестренку и братишку, которые вдруг о чем-то сильно заспорили.— Ну что у вас тут?

— Саша, я этого следопыта первая узнала, а он говорит — он первый узнал.

— Я первый его узнал! — толкая сестренку, сердился мальчик.

— Тише, тише! — погрозила им пальцем мать.— Что это вы брата перед всеми товарищами срамите!

— Ничего,— сказал Саша, поднимая на руки толстого Валерку и глядя на мать грустными глазами.— А тебе, мама, трудно с ними без меня будет...

— Ну что ты, Сашенька! Отдыхай от нас, голубчик, и ничего такого даже не думай. У отца отпуск скоро...

— А у тебя, мама, когда отпуск? — вздохнул Саша.

— А куда же я денусь? Мне без них и дня не прожить, Сашенька... За тебя-то все сердце изболит, сыночек...

— Граждане! Граждане! Приготовьтесь к посадке! Через две минуты подходит поезд,— громко объявили по радио.

На перроне все задвигалось, зашумело.

— Пионеры, к вагону стройся!

— Родителей просим на минутку отойти! — пробегая, кричал Митя.

— Ну, ну,— заторопились родители, наскоро обнимая детей,— бегите, бегите!

Черный массивный паровоз, тяжело ворочая колесами, подошел к перрону.

За ним потянулись новенькие свежезеленые вагоны.

Началась посадка.

Через полчаса платформа вокзала опустела.

Поезд медленно отходил.

Из всех окон высовывались сияющие, взволнованные лица ребят.

— Мама, подойди сюда! Мамочка! — кричала Лида, посылая воздушные поцелуи.

— Лидок, не высовывайся, дорогуша...

— Папка, пиши, слышишь? — кричал через головы товарищей Васек шагавшему рядом с поездом отцу.

— Петя, перейди на нижнюю полку — ты разбрасываешься во сне. Слышишь, Петя!

— Сергей Николаевич, вы уж за нашей Нюрочкой последите, пожалуйста,— обмахиваясь платком, бежал за поездом отец Синицыной.

— Мама, не скучай, мама! — просил Сева Малютин.

— Валерка, до свиданья, расти большой... Маму слушайся! — кричал Саша.

— Бабушка, не беги! — грозил из окна Одинцов.

— Коленька! Да... ах, батюшки, пирожки-то остались!

— Мама, будь здорова... Не плачь, ну, мама... Эх, жизнь! — отходя от окна, махнул рукой Мазин.

Паровоз круто завернул и дал полный ход.

— До свиданья, до свиданья!

Замахали платки, панамы, галстуки.

На вокзале остались осиротевшие родители.

— Ведь вот, как они дома — и ругаем мы их, и надоедают они нам, а как оторвутся куда — так и сердце за ними рвется,— смеясь и плача, говорила чья-то мама.

— Да уж это вы, женщины, чувствительный народ,— шумно сморкаясь, говорил чей-то папа.— А в общем, в чем дело? Великолепная экскурсия, с вожатым, с учителем, все условия — о чем же тут слезы лить?

— Верно, верно! — соглашались с ним родители.— А все-таки трудно расставаться.

— Ну, кому куда? Кто со мной по пути? Дальние прово-

ды — лишние слезы. Эдак и заночевать на вокзале можно! — шутил Павел Васильевич.— Пошли, пошли, товарищи родители!

Глава 40

УКРАИНА! УКРАИНА!

Свежий ночной ветер врывался в открытые окна вагонов. Он шевелил рыжий чуб спящего Васька; обвевал прохладой спокойное лицо Мазина с упрямой нижней губой и по-детски пухлыми щеками; трогал длинные ресницы Пети Русакова, разметавшегося на нижней полке; гладил доброе, озабоченное лицо Саши, заснувшего с мыслью о матери; трепал светлые волосы Одинцова и заглядывал в бледное лицо Малютина, а потом, шаловливо перебегая в соседнее купе, начинал трепать выбившиеся прядки волос в черных косичках Лиды Зориной, пробегал по разрумянившемуся во сне лицу Синицыной и по серьезному личику Вали Степановой, сложившей под щекой ладони...

Ребята крепко спали, утомленные сборами и прощанием с родными. А поезд мчался в темноту ночи; черный блестящий паровоз по-хозяйски отстукивал километры, увлекая за собой длинную цепь вагонов.

В отдельном купе так же спокойно, как ребята, спал старик — отец учителя. Сергей Николаевич стоял у раскрытого окна. Митя, свесив голову с верхней полки, смотрел на учителя.

— Вы знаете, Митя, это изумительное чувство — ощущение своей Родины! Эта непостижимая любовь человека к своей земле! И как это хорошо, взволнованно звучит:

Как невесту, Родину мы любим,
Бережем, как ласковую мать!

Яркое, солнечное утро разбудило ребят. Поезд мчался мимо золотых полей пшеницы, мимо зеленых лугов со стадами. Коровы, лежа в густой траве, лениво жевали жвачку. Прыгали, высоко вскидывая задние ноги, молочно-желтые телята. Пастушок, сдвинув на затылок картуз, щелкал длинным бичом.

Цвела розовая гречиха, густел овес, сиреневые шарики клевера сливались в один пушистый ковер. Синел лес, под мостом покачивались на воде кувшинки...

Мелькали железнодорожные будки, белые хаты с густыми вишневыми садочками, а на маленьких станциях врывались в окна свежие, задорные голоса с мягким украинским выговором:

— Черешен! Черешен!

— Меду! Меду!

— Ось кому молочка свеженького!

— Ряженки!

— Сюда, сюда! — кричал Митя, принимая из загорелых рук босоногих девчонок крынки с молоком, затянутые густой розовой пенкой, лукошки с черными, горячими от солнца черешнями и кувшины с медом.

Ребята пригоршнями ели черешни, залетавшие в вагон пчелы лезли к ним в миски с медом.

Украина! Украина!

Это был июнь 1941 года.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

Книга вторая

Глава I

ВСТРЕЧА

На широкую проезжую дорогу смотрят белые хаты. Окна с расписными наличниками прикрыты тонкими занавесками. Под окнами растут розовые мальвы, душистые вьюнки, в густой траве около перелазов краснеют маки, над черными, разогретыми солнцем вишнями кричат и ссорятся воробьи. А позади белых хат, понизу за огородами, за цветистым лугом, кружит быстрая речка. За рекой синеют густые леса. На лугу лениво пасутся колхозные коровы, истомленные жарой, сытной пищей и надоедными слепнями. По другую сторону села — богатые колхозные поля. Теплый ветер доносит оттуда медовый запах цветущей гречи, легкий шум дозревающей пшеницы.

Солнце перевалило за полдень. У колхозного сарая девчата и хлопцы складывают под навес сено. У плетня старые деды раскуривают трубки и мирно беседуют меж собой:

— В подбор сено идет...

— Погода подходящая...

— В самый раз для уборки.

В волосах у девчат путаются сухие стебли, забираются за воротники, щекочут шеи.

Председатель колхоза Степан Ильич мнет в ладонях душистый пучок сухой травы и жадно вдыхает ее запах:

— Богатые корма для скотины!

По улице пробегают с граблями девчата.

— Эй, девчата! — окликает их Степан Ильич.— Повыше от реки скирды складывайте, где я указал.

— Добре! — звенят с улицы молодые голоса.

Степан Ильич смотрит на небо, поглаживает широкой ладонью бритые щеки. Праздничная, расшитая васильками рубашка ловко сидит на его статной фигуре; воротник туго охватывает загорелую шею. Голубые глаза щурятся от солнца.

— Разодела тебя, Степан Ильич, жинка, как на свадьбу! — шутят над ним старики.

Степан Ильич смущенно оглядывает себя, осторожно снимает с рубашки сухой стебелек и улыбается широкой, простодушной улыбкой, показывая ровные белые зубы:

— Верно, что разодела! К сенокосу и вышивала.

Старики улыбаются:

— Ребята наши москвичей ждут — до свету встали да за Игнатом в Ярыжки бегали!

— Ну, ясно, большой интерес для них!

— Сейчас должны прибыть,— скручивая папиросу, говорит Степан Ильич.

Во двор вбегает босоногий подросток:

— Дядя Степан, вас до сельрады кличут!

— Добре. Иду сейчас.— Степан Ильич крупно шагает к воротам.

— Степан Ильич, бригадир спрашивает, какое ваше распоряжение будет насчет луговины,— сегодня там починать косить

или завтра? — окликает председателя дивчина в красной косынке и синей подоткнутой юбке.

— Сегодня, сегодня починайте, пока погода стоит!

На улице, толкая друг дружку, скачут ребятишки. Щупленький дед Михайло суетливо пробегает мимо.

Показываются возы, доверху нагруженные сеном.

— Стой! Стой! Заверни один воз до школы!.. Заверни, говорю, председатель приказал! — машет рукой дед Михайло.

В колхозе «Червоны зирки» не до гостей.

Стоят горячие дни сенокоса. Люди чуть свет вышли на работу, село опустело, и только из трубы председателевой хаты вьется дымок.

Мать Степана Ильича, баба Ивга, вытаскивает из печи дымящийся чугун, вычерпывает дуршлагом горячие вареники. Темное, сухое лицо ее с черными бровями раскраснелось. Аккуратно подобранные под очипок гладкие волосы, подернутые сединой, блестят, как намазанные маслом.

— А где ж то наш Степан? И весь народ на поле — некому будет и встретить приезжих...— беспокоится она.— Спасибо, хоть ты, Татьянка, забежала! А ну, сходи, доню, за холодцом! Проголодаются диты с дороги!

Татьяна, председателева жена, хватает полотенце и бежит в погреб. Разогретая солнцем земля жарко припекает ее босые ноги.

Степан Ильич быстрым шагом идет к своей хате.

— Поторапливайся, жинка, поторапливайся! Время!

На широком лице Степана Ильича блестят капельки пота, он расстегивает воротник и вытирает платком шею.

— Ой, Степа, так же некрасиво!

Татьяна на ходу застегивает мужу воротник, оправляет ему рубашку.

— Да жарко же...— покорно говорит он, подхватывая на руки выбежавшего из хаты маленького белобрысого хлопчика.— А ну, Жорка, садись на плечи, да пойдем до ворот, сынок! Глянем на дорогу — не едут ли гости из Москвы.

* * *

С утра сидели у околицы колхозные пионеры, купая в пыли босые ноги и прикрыв от солнца глаза. Трижды успели они сбегать к реке, прежде чем ветер донес до них звонкую песню и из-за леса вынырнул грузовик с широким полыхающим, как пламя, пионерским знаменем.

— Едут! Едут!

— Бежим на село!

— Выходьте с хаты! — врываясь во двор Степана Ильича, кричали ребята.— Живо! Бо воны вже туточки!

— Встречают! Встречают! — волновались в машине приезжие.— Митя! Нам как, Митя?

— Знамя выше! Девочки, знамя поднимайте! Ребята, подъезжаем! — кричал Васек Трубачев, придерживая разлетающийся рыжий чуб.— Пойте громче!

Сергей Николаевич поднял шляпу и, стоя в машине, замахал ею над головой.

— Ура! Ура! — дружно вырвалось за его спиной.

На улице, у хаты председателя колхоза, быстро собрались встречающие.

Грузовик остановился. Оттуда, как горох, посыпались ребята, хватаясь за протянутые к ним руки.

— Доехали!

— Здоровеньки булы!

— Доехали, голубята мои!

Степан Ильич заторопился навстречу, но женщины опередили его.

Высокая, прямая баба Ивга быстро поправила на голове нарядный очипок. Татьяна засуетилась около грузовика.

— Здравствуйте, голубята мои! — выступая вперед и кланяясь, сказала баба Ивга.— С приездом вас, дорогие гости!

— С приездом! С приездом! — весело кричали ребятишки, пропуская наконец вперед Степана Ильича.

— Здоро́во, здоро́во, дорогие гости! Окружили вас со всех сторон, никак не дают человеку поздороваться! — добродушно смеялся Степан Ильич, пожимая руку учителю.

Николай Григорьевич растроганно говорил старикам:

— Земляки мы... Вот добрался я до своей родины... Добрался все-таки...

Ребята, сбившись в кучу, весело оглядывались вокруг. Откуда-то сбоку с громким барабанным боем неожиданно двинулся к ним отряд колхозных пионеров.

— Здоро́во, товарищи́! — оглушительно рявкнул из строя белоголовый Федька Гузь.

— Здоро́во! — прокатилось за ним.

Барабанщик, стиснув зубы, яростно бил в барабан.

— Тихо, ты! — крикнул на него хлопчик в пиджаке и шапке-кубанке.— Тихо, ты! Дай слово сказать!

Игнат Тарасюк сдвинул на ухо кубанку и выступил вперед.

— Построиться! — шепнул своим ребятам Трубачев.

Ребята поспешно стали в строй.

Все стихло...

Васек вышел навстречу колхозным пионерам и отдал салют.

— Привет от Москвы! — горячо и взволнованно крикнул он.

— Привет от колхоза «Червоны зирки»! — отдавая салют, с достоинством ответил ему Игнат Тарасюк.

Ребята пожали друг другу руки.

— Будем знакомы! — важно сказал Игнат, поднимая густые, сросшиеся брови, оглядел Васька и вдруг, не удержавшись, с удовольствием шлепнул его по спине крепкой ладонью: — Бачь, який ты! Московский!

Отряды зашумели, смешались. Ребята быстро знакомились, не обращая внимания на взрослых.

Решено было двинуться к школе, выгрузить вещи, привести себя в порядок.

— Девочки, девочки, как тут хорошо! — радовалась Нюра Синицына.— Я ни за что отсюда не уеду, ни за что! Хоть насильно меня тащи!

Ребята направились к школе.

Валя Степанова шла по краю дороги, срывала ромашки и о чем-то расспрашивала колхозных пионеров. Лида Зорина, подпрыгивая, убежала вперед. Мальчики старались держаться солидно: Одинцов с кем-то спорил, что-то горячо доказывая,

а Петька Русаков с любопытством оглядывал желтое поле подсолнухов и тихонько толкал Мазина:

— Подсолнухов-то, подсолнухов! Вот где полакомимся!

— Ладно уж,— ворчал на него Мазин.— Что за характер у тебя, Петька! Ведь в гости приехали. Сдерживайся все-таки.

Трубачев и Булгаков разговаривали с Игнатом.

— Вот где будете жить! — гордо сказал Игнат, снимая с головы свою кубанку.— Смотрите — это наша школа!

* * *

В середине села, на высоком пригорке, неподвижно стоят строгие, прямые тополя. Под ними краснеет черепичная крыша новой, выкрашенной в голубую краску школы.

На собрании колхозников решено было покрасить школу веселым цветом, чтоб «дитя до неи бигло краще, як до дому». И теперь школа была видна далеко с дороги.

«Як дивчина на празднике»,— шутили колхозники и, объясняя кому-нибудь дорогу, говорили:

«Як дойдете до школы...»

Или:

«Як минуете школу...»

Сторожем при школе поставили деда Михайла. Там он и жил со своим внуком Генкой в маленькой белой мазанке.

Этим летом привезли в школу столы и парты. Из района ждали новых учителей. А прошлые зимы ребята из колхоза «Червоны зирки» бегали учиться в соседнее село Ярыжки, к учительнице Марине Ивановне.

— В Ярыжках школа четырехклассная, а это семилетка, понятно? И участок нам отвели при школе. Будем свой сад сажать,— объяснял Игнат.

Дед Михайло отворил ворота. Ребята с шумом вбежали на широкое, гостеприимное крыльцо школы. В классах было светло и прохладно, пахло краской и свежим тесом, на полу лежало душистое сено.

— Ребята, занимайте себе класс! Чур, это наш! Смотрите — пятый! Это наш! — кричали девочки.

Мальчики осматривали сложенные в углу парты. Игнат, присев на корточки, прижимал ладонь к крашеному полу и с гордостью говорил:

— Вот краска! Только недавно покрасили, а ничуть не прилипает! И блестит, как зеркало!

— Живо, живо, ребята! Нас хозяева с обедом ждут. Потом все разглядим,— торопил Митя.

Наскоро умывшись и пригладив волосы, ребята вернулись во двор председателя колхоза. Под тенью деревьев уже был поставлен длинный стол, покрытый чистым, выбеленным холстом. Чашки с синими ободками, расписные глиняные миски и тугие букеты цветов украшали стол. От чугуна с красным украинским борщом поднимался душистый пар. Из-под вышитых полотенец виднелись румяные перéпички и паляны́ци; на варениках, величиною с добрый кулак, таял сахарный песок. Хлопотливые пчелы кружились над кушаньями. Под столом, сладко зевая в ожидании пиршества, улеглись сбежавшиеся отовсюду псы. Они шевелили холст, высовывали из-под стола черные носы, беспокойно принюхивались к запахам. Колхозные ребятишки отгоняли их длинными ветками:

— А куды! А куды!

Ребята шумно и весело размещались за столом вперемешку с колхозными пионерами.

— Сюда, сюда, Василь! Около меня садись! — тянул Трубачева Игнат.— Садись, садись!

Сева Малютин очутился рядом с барабанщиком.

— Девочки, девочки! Идите к нам! — звали Лида и Валя новых подружек.

— Да вы ж гости... мы после...

— Нет, вместе, вместе!

Федька Гузь таращил серые глаза на Мазина и, согнув в локте руку, показывал ему свои мускулы:

— А ну, потрогай! Бачишь? Як камень!

Мазин крепко сжимал Федькины мускулы.

— Стой, стой! Ух, и сила ж в тебе! — искренне восхищался Федька.

Баба Ивга весело и радушно угощала ребят:

— Ешьте, ешьте, мои голубята! Ешьте на доброе здоровьичко!

Сергей Николаевич и Митя сидели на другом конце стола и оживленно беседовали с председателем. Татьяна налила им меду. Сергей Николаевич встал, поднял кружку и что-то сказал. Ребята в шуме не расслышали его слов, но громко захлопали. Тогда Степан Ильич вышел из-за стола, пригладил усы и тоже поднял свою кружку:

— А ну, выпьем за московских пионеров! Чтоб росли да поднимались, як дубы могучи, як соколы вольны, комсомолу на подмогу, нам на радость! — Степан Ильич засмеялся.— Вот какую я вам речь сказал! А теперь вы отвечайте... Налейте-ка им медку, мамо!

Баба Ивга налила ребятам меду. Ребята встали, смутились:

— Трубачев, выступи! Выступи!

— Одинцов, Булгаков, что же вы? — зашептали девочки.— Отвечайте же!

— Митя! — пискнул кто-то.

Сергей Николаевич улыбнулся. Митя кивал ребятам:

— Ну, отвечайте! Что же вы? Трубачев!

У Васька загорелись уши. Он взмахнул кружкой, мед плеснулся на голову Мазина. Мазин вытер ладонью мокрые волосы и сердито сказал:

— Да говори, что ли, а то обливаешь только людей!

Общий хохот заглушил его слова.

Трубачев тоже засмеялся и уже без смущения громко сказал:

— Обещаем вам вырасти хорошими людьми, хорошо учиться, помогать взрослым и...— Он запнулся и горячо закончил:— Спасибо вам за все!

Все захлопали, зашумели.

Степан Ильич вдруг взглянул на небо и заспешил:

— Как бы туча не набежала... Ну, дорогие гости, пейте, ешьте, веселитесь! А мы пошли. Время горячее — сенокос идет. Еще успеем и повидаться и наговориться... Угощайте ребят, мамо, а мы с Татьяной на луг пойдем...

Веселье продолжалось еще долго.

С песнями и шутками до самой школы провожали своих гостей сельские пионеры.

Глава 2
НА НОВОСЕЛЬЕ

Утром, плотно позавтракав, девочки принялись устраиваться на новоселье.

— Ребята, разгружайте коридор! Мы свое уже все убрали. Тащите мешки! — командовала Лида Зорина, заправляя под косынку мокрые косички. Они с Нюрой Синицыной уже успели сбегать на речку и выкупаться.

— А, хитрюшки! Вы уже выкупались, а нас работать заставляете! — кричали, бегая по двору, мальчики.— Мы тоже хотим купаться!

Леня Белкин схватил ведро и, зачерпнув кружкой воду, погнался за товарищами:

— Кто хочет купаться? Подставляй голову!

— Мазину жарко!

— Нет, Одинцову! Петьке!

Белкин наскочил с ведром на Мазина. Оба упали, вода пролилась, ведро с грохотом покатилось по ступенькам.

На шум выскочила Нюра Синицына:

— Бессовестные! Что вы делаете? Нам новое ведро дали, а вы его по ступенькам катаете!

Она подняла ведро и стала разглядывать его на свет. Белкин, хромая, поднялся на ноги:

— Тебе ведро жалко, а человека не жалко!

— Хватит баловаться! Пошли в класс порядок наводить! — крикнул Саша Булгаков.

В классе лежало не убранное с ночи сено. Петька Русаков уже сгреб его в кучу и развалился наверху.

Мазин с размаху шлепнулся ему на спину:

— Мала куча! Мала куча!

Ребята навалились друг на друга. Сено полетело во все сто-

роны. Леня Белкин стал на четвереньки и с целой копной на спине вылез в коридор.

— Вам что, сено на один раз дали, что ли? — напали на ребят девочки.

— Убирайтесь отсюда сейчас же! — размахивая полотенцем, кричала Лида Зорина.

— Как не стыдно! Ведь этим коров кормят, а вы ногами топчете!

— Уходите отсюда!

— А вы не командуйте здесь! Какие командирши приехали!

— Повязали себе косыночки и воображают!

— Ребята, Сергей Николаевич идет! — крикнул Одинцов.

— Собирайте сено!

— Ага, испугались! Вот вам будет сейчас! — поддразнили их девочки.

Сергей Николаевич вошел в класс.

— Что тут у вас происходит?

— Да ничего... Работаем, Сергей Николаевич! — скромно отозвался Мазин, как ни в чем не бывало собирая в охапку сено.

— Ой, работают! — всплеснула руками Синицына.

— Что, попадает вам от девочек? — усмехнулся Сергей Николаевич и, подойдя к куче сена, с удовольствием уселся на нее.— Хорошо! Люблю я на сене поваляться! Удивительно пахучие здесь травы! Мне всю ночь снился мед. Интересно, от каких это цветов пахнет медом?.. А ну-ка попробуем разобраться в этом гербарии! — Он положил на колени пучок сухой травы и осторожно отделил сморщенный сиреневый цветок.— Вот это, например...

Ребята со всех сторон полезли смотреть:

— Это клевер! Клевер!

— А вот полевая гвоздика... и мелкая ромашка... Смотрите, Сергей Николаевич, ромашка!

— А вот это — травка «степное сердце», она может всю зиму стоять.

— А вот мята. Я мяту нашел. Эх, и пахнет! Понюхайте, Сергей Николаевич! — протягивая засохший стебель мяты учителю,

радовался Малютин.— Мята на сырых местах растет,— это, верно, около реки косили траву.

Все по очереди понюхали мяту, разглядели выгоревший от солнца василек, сморщенные копытки, увядший цветочек смолки.

В коридоре послышались шаги Мити.

— Что это так тихо у вас? Я думал — все купаться ушли,— сказал Митя, заглядывая в комнату.

— Какое купанье! Мы еще не убрались. Везде беспорядок. А что у ребят делается!

— Что у нас делается? Ничего не делается! — запротестовали ребята.

— Вот в том-то и дело, что ничего не делается! — засмеялся учитель.— У нас с вами, Митя, тоже еще никакого уюта нет. Придется вступить в соревнование с мальчиками.

Трубачев вскочил:

— Ребята, на соревнование с Сергеем Николаевичем и Митей!

— А с нами? Сергей Николаевич, с нами! — запрыгали девочки.

— Ну, с вами мы не беремся! Мы уж с мальчиками лучше... Как вы думаете, Митя, а? — спросил учитель.

— Да уж с девочками насчет уюта лучше не спорить, Сергей Николаевич. Обязательно проиграем!

Девочки лукаво поглядывали на них:

— Да мы вам все сами сделаем, только вы лучше уйдите пока куда-нибудь.

— Ну нет! Это не годится,— запротестовал Сергей Николаевич.— У вас свои дела, а у нас свои.

Все принялись за работу.

Прежде всего девочки устроили уголок для отца учителя. Они подружились с ним еще в поезде и, бегая по всему вагону, часто заглядывали в купе учителя.

Николай Григорьевич играл с ребятами в шахматы и радовался, выигрывая партию. Один раз, когда выиграл Мазин, старик очень огорчился:

«Эх, разбил ты меня... Старость не радость».

Ребята напали на Мазина:

«Ты что, не мог проиграть? Как тебе не стыдно! Не маленький, кажется».

Мазин, почесывая затылок, недовольно сопел:

«Он тоже не маленький...»

В школе девочки выбрали для Николая Григорьевича солнечный класс, перенесли туда его вещи, поставили букетик цветов.

У себя в классе они расположились совсем по-домашнему: откуда-то появились у них стенное зеркальце, корзинка с иголками и нитками и даже занавеска.

У мальчиков в углу валялись удочки, сетки, футбольный мяч и вещевые мешки. Эти вещи они перетаскивали с места на место, пока не вмешались девочки и не помогли им привести все в порядок. Школа ожила.

Во дворе вертелись колхозные ребята, спрашивали, не надо ли чего. Пятилетний Жорка прыгал на одной ножке и кувыркался на траве.

После обеда мальчики натягивали волейбольную сетку, Федька Гузь вместе с Мазиным надували футбольный мяч, девочки сбегали на луг и притащили пышные букеты цветов, кто-то разбирал рыболовные снасти, а Игнат Тарасюк деловито расхаживал по двору, давал советы, а потом, засучив рукава, мастерил около крыльца скамейку.

— А ну, сядем все разом! Выдержит она нас или нет? А то я еще колья забью. Садись, хлопцы! — приглашал он улыбаясь.

Улыбка у Игната была очень добрая и сразу смягчала строгое выражение лица, которое придавали ему густые, сросшиеся брови.

После трудового, хлопотливого дня, когда все ребята собрались во дворе школы, на крыльцо, прихрамывая и держась за перила, вышел отец учителя.

— Эх, хорошо вечерком посидеть на крылечке! — сказал он, присаживаясь на ступеньки и глядя вокруг.— Славные места... Молодость вспоминается. Много тут дорожек было нами исхожено... Много и крови пролито... Славный вояка был мой Матвеич, да и я на силу не жаловался: одной рукой подкову гнул.

Эх, Матвеич! Товарищ мой! Тяжко пострадал он в гражданскую. В голову ранен был... Два дня мы с ним в болоте скрывались...

— А что, дедушка Николай Григорьевич, не наш ли это Иван Матвеич, что пасекой колхозной заведует? — с интересом спросил Игнат.

— Он, он! — оживился Николай Григорьевич.— Вот я к нему и поеду... А далеко ли до пасеки?

— Далеко. Отсюда не увидишь. Если по шоссе идти — километров двенадцать будет, а как снимут пшеницу, так напрямки, полем,— поменьше. Красивые места эти... Таких мест нигде нету... Пасека над рекой стоит, вся вишеньем поросла. Зайдешь весной к Ивану Матвеичу — и уходить не хочется... Падают на плечи белые квитки, поют пчелы, а река — плеск-плеск! — рыбку за рыбкой подгоняет...

Ребята слушали Игната не прерывая. Сергей Николаевич и Митя подсели на крыльцо.

Мягкие сумерки уже давно окутали село, и в хатах горели огоньки.

Глава 3

КОСТЕР

На другой день вместе с колхозными ребятами было решено устроить пионерский костер.

— Мы расскажем им о нашей жизни, а они нам о своей,— говорил Митя.— Найдется много интересного и у них и у нас.

Ребята заволновались:

— Трубачев, подготовься хорошенько! Не подведи!

— Это не шутка,— мрачно сказал Мазин.— У них тут работы много. Как бы они нас не перетянули. Ты смотри обдумай, что будешь говорить.

— Ты как-нибудь красиво расскажи: ну там... то, другое...— скашивая глаза на Митю, заметил Петька.

— Иди ты еще! — рассердился Одинцов.— «То, другое».. Надо честно говорить, напрямки!

— А вдруг у них лучше окажется? Ведь мы свою школу подведем!

— Надо было раньше думать! — отрезала Синицына.— А то как дошло до дела, так испугались!

— Кто испугался? Кто испугался? — напали на нее ребята.— Сама ты испугалась!

Лида Зорина вместе с Валей Степановой спешно вспоминали все, что делало их звено, как они работали в кружках, как ходили на лыжах.

— Они у нас что-нибудь переймут, а мы — у них, вот и будет хорошо,— серьезно сказал Сева.

Васек, окруженный со всех сторон, молча хмурил брови. Потом решительно сказал:

— Как было, так и расскажу!

Ребята успокоились:

— Ничего, Трубачев не подведет!

Мазин покусал нижнюю губу, посчитал что-то по пальцам и внушительно посоветовал:

— Начинай с маленького, с мизинчика. Понял? А самый козырь на конец прибереги. Понял?

Леня Белкин припомнил, как Мазин, получив плохую отметку, пошел в буфет и сразу десять котлет съел.

— Это ты на конец прибереги, Трубачев! — хохотали ребята.— Вот и будет у нас козырь!

Мазин махнул рукой:

— Эх, жизнь! Съел человек от огорчения, а они смеются!

— Ну, что вы там расшумелись? — прикрикнул издали Митя.— Желающие выступать в самодеятельности — записывайтесь заранее!

Ребята начали записываться.

Девочки обещали сплясать русскую; набралось много желающих прочесть стихи; Одинцов вызвался рассказать про деда Щукаря — отрывок из книги «Поднятая целина». Программа оказалась большой.

— Ну, вот и набралось кое-что. А еще и хозяева нас чем-нибудь порадуют,— говорил Митя, пряча в карман записную книжку.

Митя вообще чувствовал себя хорошо. Все его радовало: здоровый, бодрый вид ребят, новые места, гостеприимные колхозники. Радовался Митя и тому, что за дорогу он как-то незаметно сдружился с Сергеем Николаевичем, и тому, что уже сделано главное — всем родителям разосланы телеграммы о благополучном прибытии на место, а в школу отправлено коллективное письмо с описанием встречи с колхозниками «Червоны зирки».

Впереди ожидало много интересного: веселый отдых, работа вместе с колхозниками. Но это был большой план на будущее, а пока они с Сергеем Николаевичем решили дать ребятам хорошенько оглядеться, познакомить их с колхозом и устроить поход с ночевкой в лесу.

«В общем, все будет хорошо! Просто замечательно!» — радовался Митя.

До вечера ребята бегали, советовались, репетировали. У Синицыной горели щеки. Она подходила то к одному, то к другому:

— Девочки, только бы не осрамиться, только бы не осрамиться! Пойте изо всех сил!

— Как это — изо всех сил? Не придумывай! Пой как надо! — строго говорила Валя.

— Конечно. А то затянем козлиными голосами...

— Всю Москву осрамим!

— Только ты, Мазин, не пой, пожалуйста! У тебя очень плохой голос,— предупреждала Лида Зорина.

— Спою! — заупрямился Мазин.— В хоре не слышно будет, кто как поет.

Игнат Тарасюк тоже собрал свой отряд и вывел его в рощу, чтоб подальше от москвичей, на свободе, прорепетировать.

— А может, они наши песни не понимают? — беспокоился Федька Гузь.

— А что тут понимать? Песня, она и без слов — песня... А ну, ребята, зачинайте легонько ту, что в школе разучивали... Федька! Чего шею вытянул, как тот гусак... Кому говорю — легонько зачинай!

Игнат поднял вверх тоненький прутик. Ребята, не сводя с него глаз, затянули песню.

Игнат вдохновенно раскачивался, водил по воздуху прутиком, как дирижерской палочкой:

— А теперь поднимайте голос... А ну, а ну!.. Павло, давай втору... Вступай, вступай...

* * *

Когда стемнело, на лужке за школой собралось все село. Вылезли из хат старики и старухи, не усидели и молодицы — вышли с грудными детьми на руках. Принарядились девчата и хлопцы. Из села Ярыжки пришла молоденькая учительница Марина Ивановна.

— Сюда, сюда, Марина Ивановна! Ближе садитесь, тут местечко вам есть! — крикнул Игнат, подвигая к костру бревно.

Учительница села. Колхозные ребята со всех сторон тесно облепили ее.

— Хорошая у них учительница! — прошептала Валя Степанова на ухо Синицыной.

Мазин, услышав ее шепот, недовольно пробурчал:

— Ничего особенного. Наш Сергей Николаевич лучше.— И, растолкав ребят, освободил место рядом с Мариной Ивановной для учителя.

Из темноты послышался голос Степана Ильича:

— Ого! Да тут все товарищество собралось! Вот мы сейчас и познакомимся получше и повеселимся вместе.— Он бросил на траву свой пиджак, уселся поудобнее и, взглянув на Марину Ивановну, усмехнулся.— А около учительницы никогда пусто место не бывает: где учительница — там и школа!

— А где колхоз — там и председатель! — засмеялась Марина Ивановна.

— А мы тоже около Сергея Николаевича всегда! У нас тоже школа! — закричали приезжие.

Пионерский костер начался торжественно.

Оба отряда построились в линейки.

— Костер посвящается первому знакомству и дружбе пио-

неров Москвы с пионерами колхоза «Червоны зирки»! — громко объявил Митя.

Честь зажигать костер выпала на долю Саши Булгакова. Он с волнением поднес спичку к сухой елке. По желтым иглам пробежал быстрый огонек, и елка вспыхнула, с треском рассыпая вокруг золотые искры.

— «Широка страна моя родная...» — дружно запели ребята.

Взрослые весело подхватили знакомую песню. Когда все смолкло, Митя сказал короткое приветствие. Закончил он его так:

— Широка наша страна родная, а куда ни поедешь — везде ты свой человек. Вот мы к вам приехали, а уже вроде как дома или у родных...

— А я ведь тут рос. И все мне тут дорого. И язык украинский, и воздух вот этот с полей... Что значит родина!..— задумчиво сказал Сергей Николаевич.

Завязалась беседа. Колхозники наперебой расспрашивали о Москве.

— Москва наша с каждым днем растет и украшается,— сказал Сергей Николаевич.— Иногда проходишь по улице и видишь — забор стоит какой-то. За забором экскаваторы работают, грузовики рычат, растет этаж за этажом. А снимут забор — и ахнешь! Стоит перед тобой дворец — глаз не отвести! Как в сказке!

— А мы под самой Москвой живем, на электричке туда ездим...— мечтательно сказала Лида.

— У нас городок тоже хороший! У нас и театр свой, и кино, и школы! — зашумели ребята.

— Расскажите про нашу школу! — неожиданно попросил учителя Мазин.

— Ну что же я буду рассказывать! Вы сами про свою школу расскажите.

Ребята зашевелились, зашептались:

— Одинцов, Одинцов!.. Нет, Зорина! Лида Зорина, расскажи!

Лида Зорина встала.

— У нас очень хорошая школа...— бойко начала она.

— Самая лучшая! Замечательная школа!.. У нас все учителя хорошие и директор хороший! — перебивая Зорину, закричали ребята.

Мазин подбросил в костер ветку и встал:

— Наша школа на весь Советский Союз, может быть, одна... У нас знаете как учат — ого! Чего не знаешь, так хоть в класс не ходи! Например, географию...

— Из нашей школы уже герои вышли! — крикнула Синицына.

— У нас второгодников почти нет!

Марина Ивановна крепко пожала руку Сергею Николаевичу, глаза ее при ярком свете костра влажно блестели.

— Школа, которую так любят ребята,— хорошая школа! Нам всем это очень радостно слышать!

Игнат Тарасюк сдвинул набок кубанку и встал:

— Оно, конечно, каждому свое... Я скажу, что наша школа лучше, а вы будете говорить, что ваша лучше... Ну, так это может и ссора получиться. А так как вы у нас гости, то все ж таки неудобно будет...

Ребята всполошились, приготовились к отпору, но Жорка, задремавший было на коленях матери, вдруг вскочил:

— Гармонь! Гармонь идет!

Все зашевелились, раздвинулись. Мазин и Саша подбросили в костер сухих веток. В отблесках пламени нежно зарумянились березы, высоко взлетевшие искры осветили кудрявую листву дуба.

Из темноты вышла баба Ивга и подала Степану Ильичу гармонь:

— Играй, Степа! Нехай гости нашу музыку послушают.

Степан Ильич встал, широко развернул гармонь, склонил набок голову и пробежал пальцами по желтым, истертым ладам.

Гармонь тихо, протяжно вздохнула, запела что-то грустное и нежное... Пела для всех, а слышалось каждому, что поет она только для него. Вспоминалось что-то хорошее, дорогое, свое...

Лида Зорина молча прижималась к плечу новой подружки. Васек вспомнил вдруг отцовский галстук, съезжавший на сторону, теплые большие руки отца. Сева Малютин, глядя в пламя

костра, откуда-то издалека услышал голос матери, как будто не гармонь, а она пела что-то своему сыну. Саша, посадив на колени толстого хлопчика, гладил его по голове и шептал ему на ухо, пытаясь говорить по-украински:

— А у меня дома такие, як ты, людыны тоже есть.

В глубокой, темной вышине ярко светились звезды. В ответ на гармонь в лесу тихо защелкали соловьи, и по овсу, словно на цыпочках, прошел ветер.

Степан Ильич взглянул на лица, освещенные пламенем костра, усмехнулся и заиграл гопак.

Молоденькая учительница встала, приглашая девчат и хлопцев.

Плясали попарно и в одиночку; один танцор сменялся другим.

— Татьяна! Татьяна! — вызывали развеселившиеся колхозники.

— Да не буду я, нехай кто другой спляшет! — смеясь, упиралась Татьяна.

Степан Ильич, крепко прижимая к себе гармонь, кивнул головой жене:

— Выходи, Татьянка!

Татьяна вдруг сорвалась с места, ударила в ладоши и пошла в пляс. Отсвет от костра играл на ее оживленном лице, под черными круглыми бровями задорно блестели глаза.

— «Гоп, кума, не журися, туды-сюды повернися!» — подпевала она в такт музыке.

Татьяне хлопали долго, вызывали ее еще, но она, смеясь, схватила на руки сына и спрятала за ним разгоревшееся лицо.

— Она больше не будет плясать,— обнимая мать, объявил Жорка.— Ось я зáраз! — Он вырвался из рук матери и под бойкий плясовой мотив, кувыркнувшись в траве, болтнул в воздухе босыми пятками.— Эй, московские, дывиться! От як я мóжу! Гоп, гоп, гоп! — Он высоко подпрыгнул и упал на траву.— Эй, московские!..

Кто-то из женщин дал ему легонько шлепка. Ребята хохотали до слез. Потом девочки сплясали русскую, Одинцов смешил рассказами, Белкин показывал фокусы.

Учительница Марина Ивановна подсела поближе к костру, протянула над огнем руки и задушевно, тихо запела:

...Полюшко-поле,
Полюшко, широко поле...

Ребята дружно подхватили припев знакомой песни:

Ехали да по полю герои,
Эх, да Красной Армии герои...

Наконец, усталые и довольные, все разошлись.

В ушах у ребят долго еще звучали песни, музыка и бойкий голос хлопчика: «Эй, московские!.. От як я мóжу! Гоп, гоп, гоп!»

Глава 4

ДНЕВНИК ОДИНЦОВА

Жизнь нашего отряда

19 июня 1941 г.
Засекаю время — 21 ч. 05 м.

Вчера Митя сказал, что пора начинать вести дневник, только теперь он будет называться не «Жизнь нашего класса», как было в школе, а «Жизнь нашего отряда», а если жизнь — значит, все, что есть, то и писать. Нам всем это очень понравилось, и мы сначала решили писать по очереди, а потом все ребята сказали, чтобы писал я один. «Одинцов,— говорят,— лучше всех умеет писать». Я, конечно, говорил: «Нет, нет, все умеют!» А Нюра Синицына и тут выскочила: «Конечно, все умеют, почему один Коля Одинцов?» Подумаешь, какое ее дело во все вмешиваться! Все равно ребята меня назначили.

Вообще лучше бы Нюрка поменьше воображала, а то как приехали, так и пошла командовать. Вчера собрала все тапочки и спрятала. «Можно,— говорит,— и босиком ходить, тут тепло!» Подумаешь! Нам родители купили, а она распоряжается. Я раньше и сам хотел босиком бегать, а тут назло ей взял да и надел. Теперь из-за нее ногам жарко.

Больше с ней ни в какую республику не поеду!

А здорово тут гостить! Наша жизнь идет хорошо. Три дня мы только и делали, что веселились. По-украински это называется «гуляли». Вчера выступали у костра, никто не боялся, и все сошло хорошо. Ребята довольны. Митя — тоже. А Сергей Николаевич ходит с нами купаться, шутит — говорит, что здесь уж, так и быть, он нам волю даст, а в школе подтянет.

А сегодня мы ходили в село Ярыжки. Было жарко, девчонки немного раскисли. Ярыжки все-таки далеко: туда ребята из нашего колхоза зимой бегают в школу по реке. В Ярыжках хороший клуб — его построили комсомольцы. Заведующий клубом тоже комсомолец. Его фамилия Коноплянко. Он такой тихий, сутулый, лицо бледное, а глаза голубые-голубые. Митя взял да подарил ему свою самопишущую ручку. Чудной... Сам ее на дорогу купил и в вагоне все нам показывал.

Марина Ивановна тоже комсомолка. Игнат говорит, что она еще почище нашего учителя: кого хочет — того и подтянет.

А когда мы шли по селу, нам показали старую, сгоревшую конюшню. А дед Михайло и рассказал, что в прошлом году весной ударила молния в дуб и загорелась конюшня, а старшие все на поле были. Так его внук Гена всех лошадей вывел, а одного жеребца сильно опалило, и Гена за ним ухаживал.

Вот так Гена! Сейчас этого Гену послали на МТС зачем-то.

А Игнат сам из Ярыжек. У него там родители.

Мы в клубе всем пионерам подарки раздавали: книжки, шелковые галстуки и Севину картину им подарили. А они посмотрели и говорят: «Хорошая картина, про героев». И Севу похвалили.

Комсомольцы из Ярыжек все на лесозаготовки уехали, остались только Коноплянко да учительница. Они с Митей и с Сергеем Николаевичем составили какой-то обоюдный план. Завтра на сборе будем обсуждать. Петька Русаков уже все подглядел — говорит: «Сначала в поход пойдем, а потом будем вместе с их пионерами помогать во всяких работах».

Сегодня Мазин поймал рогатого жука, привязал его на веревочку и забросил в окошко к девочкам. Девочки такой визг подняли, что мы думали — нам попадет из-за них. А потом Сева

этого жука взял у Мазина для своей коллекции. Сева все с альбомом ходит, рисует и ловит всяких жуков. Даже к обеду сегодня опоздал!

А дедушка Николай Григорьевич торопится на пасеку: там у него верный товарищ живет — тоже, безусловно, старый. А еще мы пойдем в гости к сестре учителя, Оксане Николаевне, в другой колхоз.

Так и будем все гулять да гулять. Как-то потом за парты сядем?

Дядя Степан нам всем очень нравится. Он очень партийный председатель, и колхоз у него богатый — скот такой, что когда идет по улице, так земля дрожит. А баба Ивга — мать Степана Ильича — какая-то и ласковая и строгая, ее все слушаются. Дядя Степан без ее совета ничего не делает. А что ж тут такого? Она ему мать. Татьяна у него тоже хорошая, веселая. А лучше всех Жорка. Вот боевой парень! Да смешной! Баба Ивга сшила ему длинные штаны на помочах и застегивает на одну пуговицу на животе. Так он пришел к нам и говорит: «Я бабины тии штаны на огороди закопаю, бо воны мини на пятки наступають!»

Сейчас свой дневник кончаю, а то уже поздно. Митя стучит в стенку, чтоб ложились.

Глава 5

НОВОЕ ЗНАКОМСТВО

— Ну и чего?

— Ну и ничего! Тогда побачишь!

— Чудак ты!

Васек засмеялся, соскочил с гнедого жеребца и бросил поводья сердитому мальчишке в засученных выше колен штанах и в вышитой рубашке.

— Получай своего коня! Да брось злиться! А славный жеребец! — с видом знатока добавил он, поглаживая золотистую челку лошади.— Молодой еще. Сколько ему?

— Сколько б ни было́, так, без разрешенья, не имеешь права брать! — отрезал хлопчик, вскидывая одну бровь и глядя на Васька все еще сердитыми глазами.— Я его воспитываю, понял?

— Понял,— озадаченно протянул Васек, помогая хлопчику вытащить из хвоста лошади колючки.— Да ты, может быть, Михайлов внук, Гена? — вдруг догадался он.

— Может быть, и Гена. Ну и чего?

— Да ничего. Я про тебя слышал... Так это ты его из конюшни вывел, когда пожар был? — с живостью спросил Васек, окидывая взглядом крепкую, как лесной орех, голову Генки с темными завитками на ушах, тонкую загорелую шею и босые ноги.— Так это ты?

— Я.

— Молодец!

Генка усмехнулся, прищурил глаз и миролюбиво спросил:

— А ты що, московский?

— Да, мы живем недалеко от Москвы... Мы к вам в гости приехали. В школе остановились... А ты что же... где живешь?

Генка поднял голову и задумчиво поглядел на верхушки деревьев:

— А я так... где пошлют... А сейчас до деда вертаюсь.

— А у тебя, кроме деда, никого нет?

— Никого.

Васек глубоко вздохнул:

— У меня тоже матери нет.

— То, мабуть, плохо,— равнодушно сказал Генка, погладил лошадь и вдруг весело улыбнулся: — У меня дед бедовый!

Оба помолчали.

— Ты мне вот что скажи,— неожиданно обратился к Ваську Генка, — был ты на Красной площади в праздник?

Васек стал с жаром рассказывать, как в праздник проходит по Красной площади демонстрация и как он однажды прошел близко-близко от трибуны.

Это была мечта. На демонстрации в Москве Трубачевы были только один раз и шли в колонне железнодорожников довольно далеко от трибуны. Но Васек, увлекшись, повторял:

— Совсем-совсем близко, ну прямо вот так...

Он протягивал руку, касаясь Генкиной рубашки. А Генка жадно и завистливо слушал его, кивая головой и радостно вскидывая бровями.

— Ну, слухай... А трибуна? То ж высокó, мабуть? — неожиданно спросил он, что-то соображая.

— Ну да! Это, конечно, высоко все-таки...— покраснел Васек.— Я так, к примеру, ведь рассказываю... Мы же не одни были... Там народу тьма-тьмущая. Все хотят поближе пройти!

— Это верно... Каждому хочется... Из всех республик идут и едут... Только я еще и одного разу не ездил! — с огорчением сказал Генка.

— Поедешь еще,— утешил его Васек.

— Это верно, что поеду,— вздохнул Генка, снимая с жеребца уздечку и разглаживая на его лбу челку.— Сяду на Гнедка и геть!

Он засмеялся и, пригнув морду коня, прижался к ней щекой. Жеребец тихонько заржал, черными губами пощекотал Генкину шею и шумно вздохнул ему в ухо.

Васек протянул руку и погладил Гнедого.

— Ох ты хороший! Глазищи-то какие! — с восторгом сказал он и, нагнувшись, сорвал пучок свежей травы.— Нá, ешь!

Жеребец, лениво выбирая, понюхал траву.

— Баловной! — сказал Генка с гордостью.— Ишь, перебирает! — Он легонько шлепнул жеребца по спине: — Ну, скачи в луговину!

Конь понятливо тряхнул гривой и, обмахиваясь хвостом, пошел прочь.

Генка сел на траву, обхватил руками коленки и, покусывая травинку, о чем-то задумался. Васек опустился рядом и, опираясь на локоть, смотрел вслед коню.

Гнедой шел, раздвигая высокую, густую траву, иногда останавливаясь и поворачивая назад свою умную, красивую голову.

В зеленых берегах плескалась река. Над головами мальчиков с шумом и писком пролетали птицы.

Васек опрокинулся на спину и глядел, как по небу плывут и плывут куда-то пушистые белые облака.

— Ты вот чего... Слухай! Возьми меня в Москву, а? — тихонько тронул его за плечо Генка.

Васек растерянно пригладил свой чуб и сел. Глаза у Генки заблестели, он облизнул языком сухие, темные губы.

— Чуешь? У меня одна думка есть. Хочется мне до Москвы дойти и всему поучиться там. Я бы всю мичуринскую науку перенял... Земля меня любит, и рука у меня на работу легкая.— Генка вскочил, вытащил из-за пояса аккуратно обернутую газетой книжку, послюнил палец и торопливо стал листать страницы.— Вот, смотри, что люди делают. Дывись! Это что, по-твоему?.. Слива? Нет, хлопче, то вишня! А черемуху розовую пробовал? Нет?

— Черную ел...— припомнил Васек.

— Черную? Ту, что рот вяжет... верно? А то розовая, гибридная.— Генка провел пальцем по строчке: — Читай! «Дает... замечательно красивые розовые сладкие ягоды... годные для варений... и конди... тер... ских...»

— Кондитерских изделий,— подсказал Васек.

— Кондитерских-то нехай. То хто як хоче... Тут самое главное что? А то, что человек до такого дела додумался! Вот где работа так работа! — Он любовно погладил книжку, заткнул ее за пояс и торжествующе сказал: — Вот туда меня и пошлют учиться!..— Генка вдруг понизил голос: — Только тут одна загвоздка есть. Я кончил четыре класса в этом году, понял?

— Ну?

— А нужно семилетку, понял? Иначе меня не примут.

Васек покачал головой:

— Верно, без семилетки у нас никуда не назначают. Ни одного человека теперь нет, чтобы школу не кончил!

Генка хлопнул по траве рукой и отвернулся. Васек придвинулся к нему и обнял его за плечи:

— А ты чего же так спешишь? Учись!

— Эге! Здорóво, кума! Стара песня! — сердито усмехнулся Генка, стряхивая с плеча руку Васька.— Ты что думаешь, это ты первый мне сказал? Эге! Уж до тебя и Марина Ивановна то самое говорила и дядя Степан: учись, да и все! Я же с тобой, как с человеком, говорю! Мне практика нужна. Я арифметику и так пойму. Я способный, как черт! И упрямство у меня такое, что никто меня переупрямить не может. Что задумал, то сделаю! А другой раз и сам своему упрямству не рад.— Генка вдруг что-то вспомнил и нахмурился.— В эту зиму захотел я на лыжах

научиться. А у нас мало кто ходит, больше на коньках бегаем. Ну, раз так мне в голову пришло, я съездил в район, достал себе лыжи и двинул с ними на речку. Ан, смотрю, не так-то просто научиться! То одна лыжа на другую наедет, то обе в сугроб врежутся. Нет, думаю себе, не пойдет так мое дело! Встал утром, взял кусок хлеба с салом, лыжи под мышку, да и в поле! А с поля — в лес! Заночевал на хуторе — и опять за свое. Два дня домой не заявлялся! Ходил, ходил... То мокрый стану, то обмерзну весь, а все хожу...— Генка ударил кулаком по коленке.— Аж пока не выучился!

— Два дня? Ого! А дома-то не искали тебя?

— Как — не искали! Целая история была! — Генка легонько свистнул.— Марина Ивановна всех ребят подняла. Сама ходила меня искать, дядя Степан на Гнедом ездил по лесу. Один дед дома сидел. Дед хитрый! Он мою натуру знает. Зато когда я пришел, вызвали нас с дедом и говорят ему: «Стыдно тебе, дед, что хлопец у тебя такой самовольный растет! Мы его, как сироту, жалели, а он всех на ноги поднял да школу два дня пропустил...» Чуть не заплакал мой дед!

— Ну, а ты что?

— А я что? Я знал, зачем ходил...— Генка выплюнул изо рта травинку и засмеялся. Смех у него был чистый, звонкий, заливчатый.

— Ну тебя! — невольно улыбнулся Васек, не видя ничего смешного во всей этой истории.

— Нет, ты слухай... Вот пришли мы с дедом до дому, он мне и говорит: «Ты упрямый, но я тоже упрямый. Я, каже, в бога не верую, но якийнибудь черт обязательно есть. Вот он в тебе и сидит!» Дывлюсь: взял мой дед веревку, накрутил ее на руку да подступает ко мне...

— Ну?

— Ну що... Вдарил меня один раз, а у самого руки трясутся, аж жалко мне его стало. На що, кажу, диду, вы себя перетомляете, вы ж, кажу, старый. Мне-то ничего, а с вас может и дух вон!»

Васек встал:

— Да ты что же, издеваешься тут над всеми, что ли?

— Ни, я не издеваюсь! Я ничуть не издеваюсь! — запротестовал Генка.

— Да с тебя бы за это надо галстук снять! — твердо сказал Васек.

— Галстук снять? — Генка перестал смеяться, пристально поглядел в глаза Трубачеву, потом скучно улыбнулся.— Догадливый ты... Может, что другое придумал бы... А галстук с меня и без тебя сняли... за мою дисциплину...

Васек машинально погладил на груди свой галстук.

— Надо заслужить,— сказал он, уже с сочувствием глядя на Генку.

Но Генка молча приклеивал листы подорожника к своим коричневым, блестящим от загара ногам.

— Эй, слухай! — вдруг подмигнул он Ваську и, оглянувшись, зашептал: — Что-то один ваш хлопчик с какой-то жестянкой лазит и срисовывает все?

— Срисовывает? Малютин, верно. Какой он из себя?

— Да такой какой-то...— Генка вытянул шею, широко раскрыл глаза, устремил их вдаль и стал что-то быстро-быстро рисовать пальцем на ладони.

Васек подпрыгнул и хлопнул себя по коленкам.

— Малютин! Малютин! Вот здóрово! — Он поперхнулся от смеха.— Ой, не могу! Малютин!

— Да стой! Тихо! Ты мне скажи: а чего он такой? Просто интересный хлопец. Очень он мне понравился!

— Ну еще бы... Он у нас художник! — похвалился Васек.

— А-а,— вскидывая брови, протянул Генка.— Художник! Я тоже за ним это заметил. А еще... Он каждую малую травку разглядывает, каждого жучка он так легонько берет да расправляет его...— Генка подул на руку и нежно сказал: — А ведь оно живое... Хиба ж ты ему крылья звяжешь, як воно летыть...

Генка старался говорить по-русски, но незаметно для себя пересыпал свою речь певучими украинскими словами. Васек с интересом слушал его.

— Воно ж живое,— повторил Генка.

Глаза у него посветлели, он все еще держал протянутой свою ладонь и улыбался.

В кустах громко заржал Гнедой. Мальчики оглянулись. Жеребец лег на спину и стал кататься по траве.

— На дождь,— пояснил Генка, щуря на солнце глаза.

— Плохо,— с сожалением сказал Васек.— Я дождь не люблю.

— А то наплевать, что ты не любишь. Дождя треба. Нехай отавы растут. Мы траву по два раза косим. У нас земля...— Генка нагнулся, вырвал с корнем пучок травы, растер на ладони комочек черной земли,— як масло! Дывись, чи такая у вас земля, як у нас?

Васек внимательно посмотрел на Генкину ладонь, силясь припомнить, какая земля под Москвой. Но в памяти его почему-то вставали аккуратно подстриженные городские клумбы.

— Такой земли, як у нас, нигде не найдешь!

Генка выпрямился, медленно повернул голову, окинул взглядом цветистый луг, речку, далекое желтеющее поле, лес и с гордостью сказал:

— Вот она, наша земля!

* * *

— А я с Генкой познакомился! — сказал за обедом Васек.— Чудной парень. Просто особенный какой-то! Ему наш Малютин понравился.

— Я? — удивился Сева.— Почему это? Да я его и не видел.

— Зато он видел! Как ты рисуешь и как жуков разглядываешь. Здóрово он тебя передразнивает!

— Передразнивает? — Сева нахмурился.

— Нет, ты не думай! Он не в плохом смысле. Он по-хорошему! Это такой парень...

Васек рассказал про свою встречу с Генкой.

Ребята слушали с любопытством.

— Да вот он придет скоро, сами увидите. Эх, такой парень — и без галстука! — с огорчением вздохнул Васек.

— Значит, провинился! — с уверенностью сказал Одинцов.— Иначе не наказали бы. Тут все хорошие!

Мазин сморщил лоб и недовольно засопел:

— Эх, вы! Чуть что — галстук снимать с человека!

— А ты как думаешь? Дисциплина так дисциплина, а то всех распустить можно! Заслужит Генка — вернут ему галстук.

Саша покачал головой:

— Надо разобраться. У Генки ни отца, ни матери нет. Может, его обижают?

— Ну нет! Кто его обижает? Наоборот. Игнат говорил, что его избаловали все, и дядя Степан даже. А конюх ему Гнедого в любое время дает, уж об этом на собрании один раз ставили вопрос. Кто его обидит! — с жаром сказал Васек.

— Игнат еще говорил, что Генке всякие поручения доверяют, и на работу он мастер, руки у него золотые. Галстук он свой заслужит, как только начнется работа в огороде или в поле. Я у Игната все расспросил! — сообщил Петька Русаков.

Ребята долго не могли уснуть после обеда. Они вскакивали, заглядывали в окно — не пришел ли Михайлов внук. Но на школьном дворе было тихо.

Из окна была видна хата деда Михайла.

Дед Михайло обычно спал на свежем воздухе под навесом, варил на железной печке обед и, сидя перед огнем на скамеечке, сапожничал.

Рядом с навесом низкая дверь вела в хату-мазанку с глиняным, крепко убитым полом и с русской печью. Под окошком стояли стол и скамья, выкрашенные в коричневую краску. Новая кепка и школьная сумка с тетрадями висели в углу, рядом с расшитым полотенцем. На подоконнике стояла чернильница. Над ней жужжали и бились мухи, падали в чернила и, отяжелев, ползли по стеклу, оставляя за собой черный след.

Днем Михайло суетился по двору: что-то прибирал, приколачивал, вступал в разговоры с ребятами и, подняв острую бородку, разглядывал их живыми, веселыми глазами. Потом вдруг, словно что-то вспомнив, мелкими шажками бежал под свой навес и, не добежав до него, останавливался посреди двора, к чему-то прислушиваясь. Видимо, он привык к неожиданным появлениям внука и всегда ждал его.

Теперь Михайло сидел перед печкой и чистил картошку, сбрасывая на пол кожуру.

— Может, Генка своего Гнедого потерял да ищет в лесу,— поглядывая в окошко, гадали ребята.

Глава 6

В КОЛХОЗЕ

— Пшеница у нас уродилась — чистое золото! — Степан Ильич осторожно срывал колос, большими темными пальцами вылущивал желтые крупные зерна и клал их на широкую ладонь.— Вот посмотрите... Это новый сорт — «кооператорка». Мы с ней опыт делали — из озимой в яровую переводили. Может, слыхали про это?

Ребята лезли со всех сторон — посмотреть на сорванный колос, на тучные зерна пшеницы.

— Ого! Вот она как, булка-то, растет! — просунув голову, серьезно сказал Мазин.

— А Мазин не видал, только едал,— сострил Одинцов.

— У вас все кругом пшеница? — оглядывая поле, спросила Валя.

— А вот подождите, пойдем и на гречу... А там далее овёс начнется, до самого леса... Мне как раз туда заглянуть надо...

Степан Ильич шагал по дороге, вел ребят по узеньким стежкам. Освещенные солнцем, желтели поля пшеницы, розовела греча, и отливали сизым цветом густые овсы. Вдалеке по лугу без устали ходила сенокосилка, оставляя за собой ровные ряды срезанной травы. Люди казались издали маленькими. Цветные платки и вышитые рубашки мелькали пестрыми пятнышками; под умелыми, ловкими руками колхозников росли огромные, как дома, стога. Где-то слышалась дружная песня, красиво выделялась втора, и девичий голос, заканчивающий песню на высокой ноте, долго звенел в чистом летнем воздухе...

— Здóрово, ребята, правда? — ахнула Нюра Синицына.

— А работают как... ого! — восхищались ребята.

— А у нас иначе нельзя. Выдалась погода, начался покос —

все на луг! А то как пойдут дожди — беда! Сопреет сено и погибнет — чем тогда скотину кормить? — пояснил Степан Ильич.

— А когда же они обедают? Так целый день без еды и работают? — спросила Надя Глушкова.

— Как — без еды? У нас на стану поварихи для всех обед варят. Там и пообедают, там и отдохнут в холодке, там и газету почитают.

— Добрый вечер! — пробегая мимо с граблями на плече, торопливо здоровались колхозницы. Лица у них были потные и горячие от солнца, руки до локтей исколоты сеном.

— Эй, дивчина! — окликнул одну из них Степан Ильич.— Скажи там, чтоб вечерком кузнец ко мне зашел, чуешь?.. А вот интересно вам еще новую молотилку нашу посмотреть,— снова обратился он к ребятам.— Я ее на Сельскохозяйственной выставке облюбовал. Она у меня тоже москвичка, можно сказать...

Он начал рассказывать, как работает молотилка.

— Пойдемте на молотилку! — просили ребята.

— Молотилку я вам потом покажу, а сейчас на скотный двор заглянем мимоходом.

На скотном дворе их встретила доярка Христина; она была в белом халате и показалась ребятам докторшей. Доярка что-то шепнула Степану Ильичу, и он сразу пошел за ней, махнув рукой Мите, чтоб ребята подождали на дворе.

— Она ему сказала, что корова Горлинка отелилась и что у нее хорошенький бычок родился! Я слышала! — запрыгала Лида Зорина.

— Митя! Сергей Николаевич! Пойдемте смотреть! — пристали ребята.

Но Сергей Николаевич остановил их:

— Тише! Тише! Во-первых, тут шуметь не разрешается, а насчет новорожденного — это как хозяева хотят. У них тут свои правила. Подождем Степана Ильича и разглядим пока постройки. Видите, какие у них хоромы для коров настроены!

Скотный двор был огорожен высоким забором. Посередине стояло длинное кирпичное здание с маленькими окошками и большой дверью. Ребята заглянули в окно; внутри помещение было разделено перегородками. В каждом стойле лежала све-

жая подстилка из соломы. Наверху на дощечках были написаны имена коров: «Волюшка», «Буренка», «Беляночка»...

— Подождите! Ну, чего все вместе лезете! — ворчал Мазин, отгоняя ребят.— Пустят нас — тогда и посмотрим.

Степан Ильич, весело улыбаясь, выглянул из коровника.

— Оставил я вас... Доярка меня вызвала — теленочка посмотреть,— сказал он, широко открывая дверь и проходя вперед.— Ну вот, здесь у нас высокоудойные коровы помещаются. Сейчас они, конечно, на пастбище... Вот посмотрите, тут у каждой свой график есть: сколько она дает молока, какой жирности.

— А теленочка покажете? — забегая вперед, спросила Надя Глушкова.

— Теленочка, теленочка, Степан Ильич! — запросили ребята.

— Все, все покажем, хоть и не полагается у нас новорожденных смотреть. Ну, да что с вами делать! Раз так интересуетесь — пойдем. Малыши у нас в изоляторе помещаются.

Он повел ребят в небольшую светлую пристройку. Она была похожа на первое здание, только меньше, и казалась уютным домиком. У двери лежало грубое рядно и стоял веник. Ребята вытерли ноги и вошли в коридор.

— Христина Семеновна! — громким шепотом позвал Степан Ильич.

Доярка в белом халате приоткрыла дверь большой, светлой комнаты.

— Вот теленочком интересуются ребята,— как бы оправдываясь, сказал Степан Ильич.— Они на минуточку, поглядят — и готово!

Доярка ласково кивнула ребятам и озабоченно сказала:

— Только что облизала его мать... Сейчас принесут... Пойдем — поглядите пока других. Только уж руками не трогайте — они еще маленькие.

— Нет, нет! — зашептали ребята, на цыпочках проходя вслед за Христиной Семеновной.

Телята лежали в отдельных клетках на сухих соломенных подстилках. Они поднимали большеглазые теплые, словно

обшитые мехом, мордочки и удивленно глядели вокруг. Вместо рогов у них были смешные крутые бугорки.

— Ой, ой, какие хорошенькие! Какие маленькие! — зашептали девочки.

— Смотрите, смотрите — встает один! — присев на корточки, говорил Мазин.— Встает, честное слово!

«Му-у... Му-у...» — пытаясь встать, мычал рыжий теленок, вытягивая голову с белой звездочкой на лбу.

— Он по маме своей скучает, маленький еще,— сказала Лида Зорина.

Сергей Николаевич подозвал ребят к табличке, висевшей на одной из клеток:

— А ну-ка, почитаем, как эти малыши поправляются. Вот видите, здесь все написано: и как зовут, и сколько времени, и как он прибавил в весе.

Две дивчины в белых фартуках внесли в ящике новорожденного теленка. Он был желтенький, с большими удивленными глазами. Шерстка его, тщательно облизанная матерью, блестела. Весь мокрый, он казался худеньким и дрожал. Христина Семеновна прикрыла его старым байковым одеяльцем.

Ребята издали глядели на теленка с восторгом и нежностью.

— Тетя Христиночка, как его назвали? Как назвали?

— А вот и придумайте ему имя! Можно сказать, при вас родился. Сделаем вас шефами,— сказал, улыбаясь, Степан Ильич.

Ребята стали наперебой предлагать имена:

— Стрелок!

— Богатырь!

— Колокольчик! — громко прошептала Зорина.

— Следопыт! — выкрикнул вдруг Петька.

— Шш... шш... Тише ты! — зашикали на него ребята.— Тут детская, а он орет!

Телята вдруг забеспокоились, тоненько замычал новорожденный. Доярка озабоченно взглянула на ребят.

— Пойдемте, пойдемте! — заторопился Сергей Николаевич, выпроваживая всех за дверь.— Потом придумаем!

— Тетя Христина, пусть будет Колокольчиком! — не стерпев, крикнула Лида Зорина со двора.

— А теперь пойдем на птичник,— сказал Степан Ильич.

На птичнике ребята видели белых, как снег, гусей и уток, крошечных желтых цыплят, только что выпущенных на травку. В свинарнике смотрели бело-розовых поросят с тоненькими, закрученными в колечки хвостиками и больших, жирных свиней, которые уже не могли ходить и только, лениво подняв свои мокрые пятачки, глядели на ребят маленькими глазками.

Но больше всего ребятам полюбились телятки, и долго еще в ушах у них звучало тоненькое мычание новорожденного и голос доярки: «Руками не трогайте — они еще маленькие!»

А Степан Ильич все шагал да шагал. Свежий ветер раздувал его вышитую рубашку, шевелил мягкие волосы...

Ребята старались не отставать от могучего шага председателя, но усталые ноги уже не слушались их. Поля пшеницы и гречи, густые овсы и заливные луга все плыли и плыли перед их глазами.

— Ну как, ребята? Может, устали? Домой вернемся? — спрашивал Сергей Николаевич.

— Нет, нет! Еще посмотрим! Не устали! — дружно откликались ребята и снова бежали за председателем, окружая его тесной толпой.

— Ну значит, нашу скотину вы видели, хлеба наши тоже, а другим разом я вам покажу новую мельницу. А старая вот тут, за леском...

Степан Ильич стал рассказывать, как на этой мельнице давным-давно удавился старый пан.

— Деды рассказывали — злой был, как собака, людей забивал до смерти.

Ребята слушали, раскрыв рты.

Сумерки уже легли на село, когда Сергей Николаевич решительно повернул назад:

— Ну, Степан Ильич, ваши богатства за один день все равно не осмотришь, а ребята у нас еле плетутся...

— Да нет, Сергей Николаевич, мы ничего! Пойдемте, пойдемте к старой мельнице!

— К молотилке пойдемте!

— Сергей Николаевич, да они совсем не устали,— уверял Митя.

Степан Ильич смущенно улыбался, поглядывая то на ребят, то на Сергея Николаевича:

— Нет, видно, другим разом, а то они, конечно, непривычны к нашей ходьбе.

Степан Ильич зашагал к школе. На лужайке около школьных ворот сидели Коноплянко, Марина Ивановна и Игнат со своим отрядом.

Ребята бросились к ним:

— Где мы были! Что мы видели!

— Где же вы были? — удивилась Марина Ивановна.

— На скотном дворе были! И на грече, и на пшенице...

Марина Ивановна, подняв вверх голову и обхватив руками колени, смотрела на ребят лучистыми серыми глазами и улыбалась. На щеке ее темнело маленькое родимое пятнышко.

— Что же вам больше всего понравилось у нас?

— Нам телятки понравились!..— закричала Лида Зорина.

Подошли Степан Ильич, Сергей Николаевич и Митя. Они, видимо, продолжали начатый разговор.

— Ну, значит, так и порешим,— усаживаясь на траву, сказал Степан Ильич.— Сенокос сейчас идет хорошо. Погода стоит добрая, залежей нет. Помощь ваша нам тут не требуется... Отдохните, оглядитесь хорошенько, а тогда пожалуйста! Вот жнива будет — так тут уж весь народ на поле, никто дома не усидит. Игнат знает. У нас ни один колосок не заваляется! Это уж дело ребят. Вся ихняя бригада выходит. Вот и вы поможете тогда... Ну конечно, есть для вас и огородные работы, можно и на фермах поработать.

Игнат Тарасюк предложил посылать на работы его отряд вместе с ребятами Трубачева.

— Вместе будем работать! Вот и хорошо! — обрадовался Васек.

— А у нас в Ярыжках свой клуб есть,— сказал Коноплянко.— Будем театр устраивать. На сцене и темный бор вырастет, и река побежит, и солнце взойдет, и ясный месяц засветит. Как нам нужно, так мы и сделаем...

Коноплянко говорил очень тихо и ровно, не повышая голоса, но ребята слушали его с большим вниманием. Митя приготовил к концу разговора какой-то сюрприз. Губы у него разъезжались в улыбке, серьезный тон не удавался. Он сказал, что вполне полагается на ребят Трубачева и Тарасюка и что если они пообещали выполнить план летних работ, то выполнят и перевыполнят его.

— Верно! Верно! — кричали ребята.— Выполним!

— А пока спешных работ в колхозе нет, мы с Сергеем Николаевичем решили организовать большой поход, километров этак за сорок... познакомиться с окрестностями... побывать в тех местах, где в гражданскую войну сражались наши бойцы. И мы надеемся, что с нами отправится Иван Матвеич — участник этих боев. Вот Сергей Николаевич обещает по пути заехать на пасеку и попросить Ивана Матвеича об этом лично...

Мите не дали договорить, заглушая его голос радостными криками. Сергей Николаевич водворил тишину:

— Ивана Матвеича я попрошу. Надеюсь, он нам не откажет. А пока вот что я хочу сказать. Двинуться в большой поход без предварительной подготовки нельзя. Поэтому с завтрашнего дня начнем готовиться. Соберем продовольствие, посмотрим походное снаряжение, назначим ответственных ребят... Может, и твои ребята с нами пойдут? Как думаешь, Игнат?

— Конечно! Пойдем с нами! — дружно закричали москвичи.

Игнат и Федька Гузь нерешительно посмотрели на Марину Ивановну.

— Ну что ж,— улыбнулась учительница,— если уж вам очень хочется, идите вместе с новыми товарищами.

— Хочется-то хочется,— задумчиво сказал Игнат,— только у нас свой план есть. Мы его срывать не можем. У нас агитбригада работает — пьеску готовим. Уже программу отпечатали... Другим разом вместе пойдем.

— Конечно,— сказал Сергей Николаевич.— У них свои

планы, нарушать их не следует. А наш отряд должен готовиться...

— Есть готовиться! Трубачев, готовиться! Ура! — вырвались снова радостные голоса.

Ребята расшумелись. Белкин прошелся колесом по траве. Мазин набросил на Петьку свой вещевой мешок и, натягивая ремни, кричал:

— Тпру! Но-оо!

Марина Ивановна засмеялась и весело сказала:

— Сборы уже начались!

* * *

Степан Ильич пришел домой поздно. Стоя у перелаза, он вдруг что-то вспомнил и потер ладонью вспотевший лоб.

— Ох, я ж им еще новую молотилку не показал! — с сожалением сказал он Татьяне, открывая дверь в свою хату.

— Та будет тебе, Степан! Они ж совсем утомилися... Я через окно бачила, як у них ноги заплетаются. Разве ж так можно! — укоряла его Татьяна.— Они же дети!..

Но Степан не слушал ее. Он выложил на стол сорванные колосья:

— Жнива, жнива на носу, Татьяна.

Глава 7

ДЕД И ВНУК

На рассвете село разбудила песня.

Сонно закричали петухи, всполошились на насестах куры, замычали коровы, захлопали ставни. Весело загавкали псы.

Звонкий мальчишеский голос будил спящую улицу:

Роспрягайте, хлопци, кони
Тай лягайте спочивать...

Генка въезжал в село. Гнедой жеребец важно переставлял стройные ноги, осторожно опуская в прохладную пыль подко-

ванные копыта. На спине его, небрежно покачиваясь и сжимая пятками гладкие бока, сидел Генка. Надвинутый на лоб картуз, околышем назад, и брошенный через плечи армяк были влажны от ночной сырости.

На свежем, загорелом лице Генки задорно блестели карие глаза и белые, как сахар, зубы.

А я выйду в сад зеленый,
В сад крыныченьку копать...—

лихо выводил Генка высоким, чистым голосом.

Колхозницы, на ходу повязывая косынки, выбегали на крыльцо, старые деды высовывали в окна головы с седыми, спутавшимися за ночь волосами.

— Эге-ге! Михайлов хлопец спивае!

— А, чтоб тебе, дурной хлопец! Молчи, а то детей побудишь! — кричали из-за плетней бабы.— Носит тебя по селу ни свет ни заря!

— И чего это конюх жеребца ему дает!

К воротам бежал дед Михайло с радостной улыбкой; пальцы старика на ходу застегивали ворот рубашки, не попадая в петли.

Копав, копав крыныченьку
Раным-рано поутру...

— Чую, чую! До дому вертаетесь! — кричал дед, подбегая к внуку.

Генка не спеша соскочил с коня и с ласковой усмешкой глянул на деда:

— А то куда ж?

Михайло хлопнул себя по коленке и заглянул в лицо внука сияющими, как светлячки, глазами:

— А что ж? Погулял бы! Дед подождет! Правление тоже с деда не спросит, де внук гуляе, де песни спивае,— насмешливо начал он.

Генка снял с коня уздечку, осмотрел новенькие подковы и, отойдя на два шага, сказал:

— Нигде такого коня нету, как наш!..

— Эге! Нигде нету! Значит, далеконько ты побывал,— подхватил Михайло.— А я ж себе думаю: где-то мой внук пропал? И день ожидаю, и два, и три... Может, думаю, Гнедко захромал или в обратную сторону повез. Тебя ж на МТС посылали...

Но Генка перебил его:

— Есть хочется, диду!

— Есть хочется?

Старик побежал под навес и засуетился. Генка привязал к забору коня и пошел за дедом.

Через минуту он сидел на нарах, поджав под себя босые ноги, и рассказывал:

— Поручение дяди Степана я выполнил. В воскресенье механик тут будет... Я там людям в ремонтной помогал... Так директор Мирон Дмитриевич мне и говорит: «Оставайся на МТС, доброго тракториста из тебя сделаем».

— Ну, а ты чего?

— Как — чего?

— Чего на МТС не остался, я спрашиваю? Или люди не такие, или Гнедка погано принимали? — наливая в кружку холодное молоко, лукаво допытывался дед.— Чего не остался, а?

— А того не остался, что тебе скучно,— разжевывая крепкими зубами хлеб и прихлебывая молоко, сказал Генка.

— Эге! Мне скучно? А тебе? — склонив набок голову и подергивая бородку, подскочил дед.— А тебе?

— Мне тоже скучно,— засмеялся Генка и, обхватив старика за шею, притянул его к себе.

Дед неловко, боком присел на нары и замер, боясь пошевелиться.

— Вот как ты уже помрешь, то я тебя и не побачу больше,— задумчиво сказал Генка, вытирая о плечо деда нос.

— А ну да, не побачишь! Где ж ты меня тогда побачишь? Нигде ты меня тогда не побачишь,— глядя ему в лицо сияющими глазами, усмехнулся дед.

— А сколько тебе годов, диду?

— Сколько б ни было, а еще поживу! Еще и тебя воспитаю! — расхрабрился дед.

— Нет, ты меня не воспитаешь,— отрезая ножом хлеб, серьезно сказал Генка.

— Как это так — не воспитаю? — всполошился старик.

— Я сам тебя воспитаю... А что, диду, московские в классах живут? — переменил разговор Генка.

Дед наклонился к нему и стал рассказывать о приезжих. Генка слушал, сморщив лоб и думая о чем-то другом. Потом вытащил из-за пояса книжку, аккуратно разгладил ее и положил на стол:

— Спрячь, диду.

Глаза его слипались. Михайло принес из хаты рядно и подушку:

— Ложись спать, я сам Гнедка конюху сдам.

Генка лег, но дед вдруг вспомнил что-то, посчитал по пальцам и снова подсел к нему.

— Эй, слухай! Так где ж ты был? Ты же в пятницу еще уехал. На твоей чертяке можно было два раза на МТС побывать,— пощипывая свою бородку, сварливо сказал он.— Где ж ты был, я тебя спрашиваю? — Михайло дернул внука за штаны и выпрямился.— Где ты был, а?

Генка приподнял голову с подушки, натянул на себя рядно и нехотя сказал:

— Не морочь голову!

— Что? «Не морочь голову»? Как это «не морочь голову»? — петушился дед.

— А так. Я у агронома был.

Дед заморгал глазами и плюнул:

— Тьфу! Черт в тебе сидит! Ей-бо, черт!

— Может, и черт,— согласился Генка.

Дед склонил набок голову, развел руками. Генка повернулся на спину, высунул из-под рядна босые ноги и громко захрапел. Зеленая муха загудела под навесом. Михайло схватил полотенце и с озабоченным лицом замахал над Генкой:

— Ш-ш, ты, проклятая! Куды залетела? Мало тебе места, дура!

Глава 8

ДНЕВНИК ОДИНЦОВА

Жизнь нашего отряда

20 июня

Завтра поход! Сегодня мы все укладывали, приготавливали. Нести придется всем по очереди, только Севу Митя освободил, а Севка, глупый, надулся на него. А потом познакомился с Михайловым внуком и развеселился. Все какие-то жестянки ему показывал и альбом. А Михайлов внук — это тот самый Генка, с которым разговаривал Васек. Лошадка у него хорошая, он ее чистит щеткой и гриву ей расчесывает. Этот Гнедко на Генкин свист бежит, где бы он ни был. Генка говорит: «Я его для Красной Армии готовлю, да еще не всякому бойцу дам!» Сначала у нас с этим Генкой все хорошо было, а потом вдруг ссора получилась. Вот из-за чего.

Мы себе около школы волейбольную площадку сделали, а Генка увидел, покраснел весь и говорит: «Здесь пришкольный участок будет, что вы землю топчете!» — и давай расшатывать столбы. А Мазин ему говорит: «Ты здесь не хозяин. Уходи!» Ребята тоже напали на Генку. Он разозлился, подскочил к Мазину и кричит: «В своем колхозе каждый хозяин! Это ты уходи!» Ну и сцепились они. Крик такой подняли, что Митя прибежал. Мы Мите ни в чем не сознались. Мазин говорит: «Девочки лягушки испугались». А Митя начал нас ругать, что мы к походу не готовимся, а все какими-то глупостями занимаемся. А за ужином мы еще с Лидой Зориной из-за Генки поссорились. Он сидит со своим дедом у себя под навесом и поет как ни в чем не бывало. А Лидка слушала, слушала и говорит: «Ни у кого из вас такого голоса нет! И потом, он самый храбрый из всех!»

Подумаешь, какой храбрец! Васек решил сам с ним подраться. А Митя, оказывается, уже все понял, что творится, и давай над нами смеяться. Так мы с Генкой и не подрались.

А потом Митя устроил игру в «лошадей и всадников». И мы

начали играть, а когда разыгрались, Митя позвал Генку. Генка сначала не хотел, а потом согласился.

Мазин говорит, что, несмотря на ссору, Генка ему все-таки нравится.

Ну ладно! У меня еще мешок не сложен, а мы завтра рано-рано, чуть свет, выйдем.

Глава 9

В ПОХОД

С реки поднимался легкий пар и мягко стелился по огородам; на дороге крепко прибитая росой пыль еще хранила вчерашние следы; кое-где над колодцем поднимался журавéль; изредка слышался скрип ворот. После трудового дня колхозники крепко спали, чтобы с солнышком дружно подняться на работу.

Ребята шли молча. Туго набитые вещевые мешки оттягивали ремнями плечи. У Белкина над головой торчали удочки. Мягко поскрипывала телега, в которой сидел отец учителя.

Шли тихо, чтобы не разбудить спящее село. Было прохладно. Ребята поеживались. Девочки, подпрыгивая, побежали вперед, стараясь согреться.

— Что, холодно? Холодок пробирает? — посмеивался Николай Григорьевич.— Подождите, еще жара припечет!

На шоссе все оживились.

Получив разрешение громко разговаривать, мальчики сейчас же о чем-то заспорили, девочки затянули песню.

Ты взойди, взойди, солнце красное...

Голоса поднялись высоко вверх и неуверенно заколебались.

— Эй, эй! Врете, врете! — закричал Митя.

Но дружный хор двадцати голосов подхватил песню нескладно, фальшиво и весело.

Митя махнул рукой:

— Ну так и быть — врите дальше!..

Солнце вставало. По одну сторону шоссе в верхушках деревьев уже просвечивали его золотые лучи. Проснулись птицы,

засуматошились в кустах, защелкали, засвистели. По другую сторону шоссе лежал луг; на траве блестели и переливались прозрачные капельки росы.

— Севка, дыши хорошенько! Этот воздух самый полезный! — уговаривали Малютина ребята.

— Все свои печенки сразу вылечишь,— подтверждал Мазин.

Сева Малютин широко раскрывал рот и радостно смеялся.

Николай Григорьевич то и дело поворачивал назад голову и кричал ребятам:

— Стой, пионер! Сорви-ка вот эту ромашку при дороге... Давай сюда! Да зеленое копытце прихвати!

Ребята с готовностью спрыгивали в узкий ров и бросали на колени старику пучки зелени. Старик растирал ладонями тугие круглые копытца; от копытец остро пахло чем-то медвяным, душистым.

— Запах-то какой!

Ребята нюхали и охотно соглашались:

— Здóрово пахнет!

Старик радовался знакомым местам:

— Гляди, гляди, Сережа! Вон они, три дуба-то, те самые! Под ними Матвеича моего ранило... Эх, рассказать, так это целая история... Когда б не товарищи, не быть бы нам с ним живыми...

Колеса подпрыгивали на камнях и монотонно скрипели. Хлопчик, сидевший за кучера, легонько встряхивал вожжами.

Солнце стало жарко припекать. Ребята проголодались. Решили отойти в сторону от шоссе и сделать привал около реки. На зеленом пригорке сложили вещи. Над рекой поднялся шум и визг. Мальчики вместе с Митей переплыли на другую сторону и, обвалявшись в песке, бросились в воду, осыпая друг дружку фонтаном брызг.

Девочки долго бродили, выбирая себе местечко; они купались около берега, держась за руки и щупая ногами дно.

Вода была теплая — купанье затянулось. В конце концов ребят еле выгнали из воды: пришлось два раза протрубить в горн. Развели костер, сварили похлебку, вкусно позавтракали и улеглись на мягкой траве, в холодке.

После сна ребята отяжелели. Лениво надевали на плечи вещевые мешки. Никому не хотелось нести лагерное имущество: продукты, палатки, рыболовные снасти. Когда снова вышли на шоссе, девочки сложили свои вещи на телегу, в которой ехал Николай Григорьевич.

— Ладно, ладно, хитрюшки! Вам бы только полегче! — упрекали их за это ребята.

— А вам завидно?

— Да ну их! Никуда с ними ездить не стоит! — ворчал Одинцов.— На Украину заехали — и то ссоримся!

— Что вы тут спорите? — подбежал к ним Васек.

— Да надоело мне с удочками таскаться всю дорогу — торчат, как иглы у дикобраза! — пожаловался Белкин.

У Лени Белкина над красным, вспотевшим лбом топорщились прямые белые волосы.

Ребята захохотали:

— А и правда ты похож на дикобраза!

— Ну и несите тогда сами! — рассердился Белкин.

Мазин сбросил на землю вещевой мешок и подставил свою спину:

— Кладите все на меня! Ладно! Кто ворчит — клади!

Ребята с мешками налетели на Мазина.

— Давай! Клади! Накладывай! — разыгрался Трубачев.— Еще давай!

На дороге образовалась куча вещевых мешков; под ней скрылся с головой весь Мазин.

— Эй, Митя, Митя! Мазина нет! Мазин пропал!

— Это что за склад? — засмеялся Сергей Николаевич.

Митя разбежался и прыгнул через мешки. Куча зашевелилась — из-под нее вылез Мазин.

— Хотел совесть у ребят испытать,— заявил он при общем смехе.

Шоссе казалось бесконечным. Жара начала спадать. Сергей Николаевич посмотрел на часы:

— Ого! Пять часов уже. Пора в лес сворачивать... Вам, Митя, дотемна надо разбить лагерь, чтобы устроиться на ночь.

— А вот сейчас поворот будет, до него от нашего села километров двадцать, там и свернете,— посоветовал возница.

— Вот и хорошо,— сказал Сергей Николаевич.— Я замечу место, где вы войдете в лес, отвезу отца на пасеку, и мы с Иваном Матвеевичем придем в лагерь.

На повороте распрощались. Учитель взял с собой горн:

— Когда вернусь, буду горнить в лесу, а вы барабаном откликайтесь.

Николай Григорьевич помахал ребятам платком:

— Приходите в гости, не забывайте старика!...

Отряд свернул с шоссе и вошел в лес. Между деревьями замелькали голубые и белые майки.

Сергей Николаевич сел на телегу рядом с отцом.

— Большой крюк мы сделали,— сказал возница и хлестнул лошадь.

* * *

Шли медленно. Лес был густой, без тропинок. Разросшийся кустарник цеплялся за платье, ноги обжигала крапива. Заросли папоротника, колючего шиповника преграждали путь. Встречались огромные, старые дубы, тяжело накренившиеся набок; их толстые корни торчали из земли, а рядом шумели крепкие дубки и молодые осинки, заплетенные хмелем. Из-за их ветвей выглядывали красные гроздья калины.

— Тут где-то Николай Григорьевич посулил нам речку,— перелистывая свою записную книжку, говорил Митя. По его расчетам, они отошли от шоссе километра три.

Ребята постояли, прислушались. Нигде не было слышно шума воды.

— Да и место для воды неподходящее,— огляделся вокруг Митя.— Ну, пошли дальше...

Спустились в глубокий овраг; цеплялись за кусты, поползли наверх. Открылась светлая зеленая лужайка, окаймленная орешником. На кустах орешника под широкими листьями тесными семейками лепились молодые орехи с мохнатыми зелеными колпачками и белой скорлупой.

— Может, на ночь остановиться здесь? — предложил Митя.

— Ну нет, здесь неинтересно! Надо речку искать! — закричали ребята.

Лес стал редеть. Из-за белых берез вдруг выглянула полоса светло-зеленой изумрудной травы; между кочками заголубели крупные незабудки.

— Болото! Болото! Значит, нужно влево держать. Николай Григорьевич предупреждал!

Митя оживился:

— Теперь все в порядке! Пошли!

Из кустов выскочил Петя Русаков:

— Нашел! Все нашел! Идите за мной! Вон между деревьями светится полоска. Это река. Идемте!

Петя побежал вперед. Ребята еле поспевали за ним.

Снова миновали заросли крапивы, ежевики и колючек, миновали молодой осинник и наконец вышли к маленькой лесной речушке. Она бойко и весело плескалась между зелеными берегами; кое-где прямо из воды росли широкие, тенистые ивы; ветки их как бы плыли по течению, купаясь в чистой воде.

На высоком берегу было сухо. Желтели сосны, пахло свежей хвоей.

— Вот местечко так местечко! Как раз то, что нам нужно! — обрадовались ребята.

— Стоп!.. Разбивай лагерь! — скомандовал Митя.

Васек нашел место для палаток. Ребята захлопотали. Наспех натянули палатки. Синицына, выбранная поваром, загремела котелками, подгоняя кострового — Мазина. Петя Русаков уже готовил площадку для костра. Санитарка Валя Степанова пошла искать родниковую воду для питья.

Решено было сварить на ужин уху. Мальчики вместе с Митей отправились на рыбную ловлю, а девочки остались в лагере чистить картошку.

— У них от ходьбы ноги болят, только они не сознаются,— подмигнул Петьке Мазин.

Ребята вооружились кто чем мог. Одни ловили рыбу сачком с густой сеткой, другие — удочкой. Над рекой зазвенели веселые голоса.

— Ребята, рыба не любит шума. Надо, чтоб было тихо, а

то мы ничего не поймаем,— сказал Митя, сидя на берегу около своей удочки.

И тут же, выдернув ее из воды, замахал руками и громко запел:

Вот так щучка,
Вот так штучка!

Оказалось, что он поймал маленькую щучку.

В лагере ребята застали полный порядок. Не дождавшись рыбы, девочки уже сварили ужин. В горячей золе стоял чугун с лапшой. Проголодавшийся Митя с удовольствием потянул носом аппетитный запах и потер руки:

— Вот так девочки! Вот так хозяйки!

Ребятам тоже понравилась лапша. Но, чтоб девочки не задавались, Мазин на всякий случай сказал, что такую лапшу всякий дурак сварит. И съел две полные миски.

Ужин был веселый. После лапши пили чай с московским печеньем и играли в коллективное рассказывание.

Митя сказал:

— Участников похода было двадцать. Первый, Коля Одинцов, был живой, смешливый мальчик...— Митя тронул Одинцова локтем: — Рассказывай все, что знаешь о себе.

Одинцов подумал и сказал:

— Мне больше всего помнится, как я первый раз пришел в школу и подрался с Васьком, потому что он рыжий.

Ребята смеялись. Больше всех хохотал Васек.

Потом Коля описал наружность Саши Булгакова и подтолкнул товарища:

— Рассказывай все, что знаешь о себе.

Некоторые ребята придумывали всякие смешные истории. А Синицына сказала, что у нее — все друзья, только есть в лагере один мальчик, который всегда к ней цепляется, как репей. Одинцов вскочил, бросил в нее щепкой и крикнул, чтобы она его лучше репьем не называла.

— Ага, на воре шапка горит! — засмеялись ребята.

Трубачеву пришлось описывать Мазина. Он долго на него смотрел и потом сказал:

— Колю Мазина описать трудно: он очень меняется... Я Мазина люблю! Мазинчик хороший!

А Мазин о себе сказал:

— Я как родился, так сразу поел, попил и вышел на улицу, а тут и Петька Русаков стоит...

— Врешь, я тогда еще не родился — ты меня на два месяца старше! Ты в феврале родился, а я в апреле,— перебил его Петя.

— Ну, в феврале так в феврале... Вышел я, значит, в лыжном костюмчике. Смотрю — мой Петька Русаков в пеленках болтается, соска у него изо рта торчит и чепчик на макушке — такой фитюль-фитюль с кружавчиками...

Когда стемнело, лагерь в лесу казался тихим, мирным жильем. Смутно белели в темноте палатки, на колках сушилась посуда, дым от костра окутывал сосны, пробиваясь к темному небу. Огонь освещал веселые лица ребят... Далеко в лесу слышался иногда протяжный крик ночной птицы:

«Поховал! Поховал!»

Девочки ближе придвигались к огоньку...

Глава 10
НОЧЬ В ЛЕСУ

Ночную вахту несло караульное звено. Дежурили по два часа.

Часовой Леня Белкин неподвижно стоял около палаток, зорко вглядываясь в темноту ночи. Луна то и дело скрывалась за тучами; ее неверный свет, падающий на траву, кусты и деревья, неожиданно менял их очертания: то он отдалял, то приближал стройные стволы сосен, то скользил за кустами, то с головы до ног освещал Леню и шелковое пионерское знамя, оставляя в полной тьме деревья. Над головой Лени, хлопая тяжелыми крыльями, пролетали ночные птицы. От их крика по спине мальчика пробегал неприятный озноб.

Подчасок Лени — Лида Зорина спокойно стояла около большого пня с другой стороны лагеря. В палатках слышались дружный храп и сонное посапывание ребят. На траве, подложив

под себя вещевые мешки, богатырским сном спал Митя. Над ним роем кружились и тоненько пели комары.

Леня Белкин боялся отвести глаза от чернеющего леса. Незнакомые шорохи и звуки ползли на него со всех сторон; он крепче сжимал древко знамени и вытягивался в струнку. Один раз шорох послышался совсем близко, позади палаток.

Леня нащупал в кармане свисток. Из-за палаток вышла на цыпочках Лида Зорина и тихонько прошептала:

— Мне показалось — кто-то ходит...

— Ерунда! — процедил сквозь зубы Леня.

На рассвете на вахту встали Булгаков и Надя Глушкова.

Над рекой поднимался прозрачный туман. За грядой желтых сосен выступили старые дубы, забелели редкие березы. Лес был еще сонный. Тихо потягивались молодые осинки, мягкие листья орешника дремотно стряхивали на землю светлые капли росы. На полянке чернел затухший костер.

Митя открыл глаза и прислушался. Земля под ним мягко вздрагивала, в ушах гудело. Но небо было чистое, ничто не предвещало грозы. Митя повернулся на другой бок и закрыл глаза. Надя Глушкова тихонько тронула его за плечо.

— Митя, сколько самолетов летело! И сейчас летят. Просто гул идет. Это что?

Митя широко зевнул и натянул на себя одеяло:

— Маневры, наверно...

Надя подошла к Булгакову и тихо шепнула:

— Маневры.

Ребята сладко спали.

На смену Наде вышла Валя Степанова. Сева Малютин сменил Сашу Булгакова. Валя ежилась от холода и, накинув на плечи пальтишко, уселась на пенек, положив рядом барабан. Над лесом с тихим гудением снова проплыли самолеты. Потом вдалеке раздался глухой гул, как будто в лесу валили вековые деревья. Из палатки девочек высунулась чья-то маленькая рука и, подержав в воздухе ладонь, скрылась.

Валя заглянула в палатку.

— Я думала, дождь идет,— прошептала ей Зорина.

— Нет, это самолет,— успокоила ее Валя.

А солнце уже золотило палатки, просыпались птицы. Наступало чудесное летнее утро, свежее от росы и горячее от солнца.

Громкая барабанная дробь разбудила ребят. Лагерь ожил, зашевелился.

— На зарядку становись!

Глава 11

ДНЕВНИК ОДИНЦОВА

Утро 22 июня

Сегодня я проснулся и очень удивился — где я? Потом сразу вспомнил и обрадовался. Да ведь это наш лагерь в лесу! Над головой — натянутая палатка. Сквозь парусину видно, как качаются ветки, а между ними желтыми зайчиками прыгает солнце. Ух, как хорошо! Вокруг меня вповалку спят ребята. У Мазина обе ноги прямо из палатки торчат. Ага! Валька Степанова на посту венок плетет. Украшается! А барабан на траве лежит, и солнце уже высоко. Сейчас я ее напугаю.

Вечер 22 июня

Я решил писать дневник утром и вечером, а то что-нибудь забуду.

День у нас был тревожный, а к вечеру и совсем испортился, и сейчас Митя кричит, чтобы я не жег фонарика, а ложился спать.

Расскажу все по порядку.

Утром, когда мы проснулись, Валя Степанова и Надя Глушкова стали рассказывать, как на рассвете летали самолеты. Надя сказала, что где-то даже бабахнуло очень сильно, только далеко. Про самолеты Митя сказал, что это, наверно, маневры, а что́ это так бабахнуло, он не знает, но, может быть, где-нибудь производились строительные работы. Мазин сказал, что иногда взрывают целые горы.

Так мы поговорили, поговорили, а потом принялись за дела.

Поправили палатки, так как вчера ставили их наспех, потом позавтракали. Кашу варила Синицына: она у нас за повара!

После завтрака мужчины вместе с Митей начали рыть глубокую землянку, так как Митя сказал, что на Украине бывают сильные грозы со страшным ливнем и нужно для этой цели иметь глубокую, хорошо укрепленную землянку. Митя показал нам чертеж такой землянки в разрезе. Мы выбрали хорошее место и принялись за дело... Земля тут очень черная, но если рыть глубоко, то там и глина.

Мы углубили вход и сделали три ступеньки. Митя спустился и сказал, что грунт хороший — пол в землянке должен быть твердый и гладкий. Для этого нужно еще замесить глину с песком, смазать и дать просохнуть.

Мы пошли с ребятами за глиной, и вдруг опять что-то за лесом стало бабахать. Тогда я влез на дерево и посмотрел в ту сторону, а там такой черный-черный дым по краю неба.

Мы сказали об этом Мите и опять подумали, что это строительные работы производятся; вытащили даже карту и стали определять, что где строиться может. Определили наше местонахождение по карте. Мы находимся довольно далеко от Киева. По левую руку у нас Житомир, а железнодорожная станция, на которой мы высаживались, от «Червоных зирок» километров двадцать будет.

Вот как мы далеко забрались, даже узнать не у кого, что и где взрывают!

А Митя говорит: «Надо ждать Сергея Николаевича, он нам все расскажет».

А вечером, когда начало темнеть, мы уже не на шутку заволновались, так как опять загудели самолеты, и один мальчик увидел на крыле самолета свастику. Мы ему сначала не поверили, но он дал честное пионерское. Тогда Митя посмотрел на девочек — видит, что они испугались, и сам хотел пойти на шоссе что-нибудь узнать, но было уже темно и поздно.

Теперь все ребята легли, а Митя назначил себя дежурным и сидит. И все старается с нами шутить, но мы уже видим, что он беспокоится. Ребята тоже не спят — шушукаются, а девочки

забрались все в одну палатку и тесно-тесно рядышком легли, накрылись с головой одеялами. Вот трусишки!.. Скоро все узнаем от Сергея Николаевича и Ивана Матвеича — они завтра придут.

Коля Одинцов.

Глава 12

ТРЕВОГА

Мутный свет луны освещает спящий лагерь.

Теснее сдвинулись дубы, робко проглядывают между ними березы, утонули в густой траве белые домики-палатки. Пахнет речной водой и водорослями, запах мяты смешивается с запахом хвои. С болота доносится дружный хор лягушек.

Митя стоит на площадке и, закинув голову, смотрит на плывущие по небу разорванные облака, на скользящие тени самолетов: ухо его пытается уловить малейшие оттенки тихого, воющего гудения моторов. Изредка далекий, глухой удар потрясает землю. Митя встревожен. Он обходит палатки, прислушивается к сонному дыханию ребят и снова смотрит на небо.

Васек Трубачев не спит. Приоткрыв край палатки, он следит за каждым движением вожатого. Он видит, как Митя смотрит на небо, потом опускает голову, трет ладонью затылок и снова смотрит. Видит Митино лицо, крепко сжатые губы, нахмуренные брови.

Васек боится выйти и окликнуть Митю. Но ему необходимо сказать, что он тоже видел свастику. Может быть, Митя не поверил ребятам и потому велел всем поскорее ложиться, чтобы не болтали зря? А может, поверил и потому остался дежурить сам?

Трубачев подтягивает трусики и тихонько вылезает из палатки. Ночная сырость охватывает его плечи.

Митя молча смотрит на Трубачева; так же молча они усаживаются вдвоем на широкий мохнатый пень. Митя прикрывает Васька полой своей куртки и улыбается ему дружеской, ободряющей улыбкой.

— Я видел свастику,— шепотом говорит Васек.

Митя кивает головой:

— Я тоже видел.

Над лесом снова ползет протяжный, ноющий звук. Палатка тихо шевелится — из-под нее высовывается Мазин и быстро прячется обратно.

Васек вскакивает и карабкается на высокую сосну; смолистые чешуйки прилипают к его коленкам. Потом он соскакивает на землю, показывает рукой куда-то за реку, за лес и торопливо объясняет:

— Там свет... Далеко-далеко, а видно...

— Это в стороне Житомира,— определяет Митя.— Утром надо разведку послать на шоссе.

— Пошли меня!

— Ты нужен в лагере. Все должны быть на своих местах. Никакой тревоги не поднимать. Пошлем Мазина и Русакова — они все разузнают,— спокойно говорит Митя и смотрит на часы: — Ложись спать, Трубачев!

— А ты?

— А я дежурный.

— Ладно тебе... Вдвоем подежурим,— прячась под его куртку, говорит Васек.

Они молча смотрят в глаза друг другу. Доверчивые глаза Васька кажутся Мите такими близкими и родными, он чувствует рядом младшего брата, надежного товарища, который делит с ним вместе тревоги этой ночи. Он крепко прижимает к себе вихрастую голову Трубачева и тихо, душевно говорит:

— У каждого человека, Васек, есть мечта заветная. Вот когда мне не спится, например, я сейчас же начинаю мечтать. То будто я где-то в тайге очутился... И вот мы с ребятами...

— С нами? — быстро спрашивает Васек.

— Да нет, не с вами... С комсомольцами... Залезли в эту глухую тайгу и давай своими силами там новый город строить... Может, и небольшой, конечно, но особенный. У меня даже рисунок есть, я тебе покажу когда-нибудь... Ты что на меня так смотришь?

— Да просто...— отвечает Васек, крепче прижимаясь к старшему товарищу.— Рассказывай, Митя...

Назойливое гудение прерывает разговор. Митя встает, снова смотрит на небо и жестко говорит:

— Но если, Трубачев, мне придется драться, то я буду драться до конца, до победы! И нет такого врага, которого мы бы не победили! Потому что каждый из нас, Васек, будет защищать свою Родину, как родную мать...

Молча и торжественно слушают эти слова влажная земля и черный застывший лес.

* * *

На рассвете в молочном тумане, сквозь заросли дикой малины, кучи хвороста и поваленные деревья пробирались Мазин и Русаков, посланные в разведку.

— Руководствуйтесь компасом,— напомнил им Митя.

У Мазина и Русакова были еще и свои приметы: кривая береза, поваленный дуб, пучок увядших колокольчиков, засунутых в дупло дерева. Привычка оставлять на пути заметки уже давно выработалась у обоих, и теперь они шли безошибочно по собственному следу. Разговаривать было некогда. Задание ответственное: выяснить, в чем дело и, не задерживаясь, вернуться в лагерь.

Петька молча указывал на березу, на дуб, на сложенные накрест ветки. Мазин кивал головой и отрывисто командовал:

— Влево!.. Вправо!.. Вперед!..

Лес поредел. В дорожных знаках уже не было нужды. Мальчики шли по слуху. Шоссе приближалось; оттуда слышался скрип телег, доносились гудки и мычание коров. Высокий мальчишеский голос не то пел, не то кричал что-то.

Мазин прислушался и, дернув Петьку за рукав, бросился вперед. Запыхавшись, они выскочили на шоссе и огляделись. По дороге понуро и неохотно шагало колхозное стадо. Телята разбегались по сторонам, подростки звонко щелкали бичами, старики сурово покрикивали на скотину. Хрюкали свиньи. Встревоженно мычали коровы.

С той стороны шоссе, в поле, молча и сосредоточенно работали люди, убирая хлеб. Тарахтел комбайн, мелькали разноцветные платки, выезжали на шоссе машины с тугими мешками. Люди останавливались, пропускали машины вперед.

Петька облизнул языком сухие губы и бросился наперерез высокому седому старику:

— Дедушка, куда это вы?

Старик глянул на него мутными от бессонницы глазами и неохотно сказал:

— Скот угоняем...

Петька растерянно оглянулся на Мазина. Мазин, обведя глазами шоссе, бросился к хлопцу, который с трудом тянул за веревку бычка. Бычок упирался, подняв коричневую морду с черными бугорками рогов; он жалобно мычал, призывая на помощь мать.

— Та иди, бисова душа! Иди, щоб ты здох! — покраснев от натуги, кричал на него мальчишка.

Мазин схватил за веревку.

— Стой! Не тащи его!.. Куда вы идете?

Хлопец вытер рукавом пот.

— А ты що, з неба звалился? — сердито спросил он.— Война! Понял? Война! Немцы границу переступили...

— Немцы?.. Границу?..

Мазин выпустил из рук веревку и круто повернулся к Петьке:

— Пошли!

Но они не пошли, а побежали, задыхаясь и обгоняя друг друга.

Страшное, незнакомое слово «война» заставляло их мчаться, не разбирая дороги, к Мите, к товарищам со спешным, тревожным донесением. Ветки хлестали мальчиков по лицу, сучья царапали ноги. В овраге Петька споткнулся и боком свалился в кустарник. Мазин схватил его за плечо:

— Вставай! Война! Понимаешь? Война!

Петька, хромая, выбрался из кустарника и, стараясь не отставать от Мазина, говорил на бегу:

— Мы им пропишем, Мазин! Мы им такого зададим, что они сроду к нам больше не сунутся! Мы... Мазин...

Но Мазин не слушал его. Он бежал, раздвигая головой и локтями кусты, поглядывая на зажатый в руке компас. Брови его были нахмурены, глаза остро блестели. А Петька, прихрамывая, торопился за ним и без умолку говорил про тяжелые и дальнобойные орудия и про Красную Армию, которая так даст врагам... так даст, что своих не узнают!

Потом Петька совсем выбился из сил и замолчал...

Они выбежали к палаткам вместе. Мазин бросился к баку, зачерпнул кружкой воду и стал жадно пить. Потом сунул кружку Петьке, посмотрел на встревоженные лица ребят, подошел к Мите и коротко сказал:

— Война!

Глава 13

СТАРЫЕ ТОВАРИЩИ

Расставшись с ребятами, Сергей Николаевич двинулся на пасеку. Бескрайнее поле сливалось с синим горизонтом. Усталая лошадь шла шагом; однообразный скрип колес и тишина навевали спокойные мысли. Николай Григорьевич молчал.

Сергею Николаевичу тоже не хотелось говорить. Им овладели смутные воспоминания об этих местах. Вспоминалось раннее детство. Вспоминалась мать — высокая, чернобровая, строгая. Вспоминалась сестра, с которой он расстался, когда она вышла замуж и ушла на хутор к своему «чоловику». Он был еще совсем маленьким и все цеплялся за нее, когда она уходила, и оба они плакали. Тогда у нее были горячие мокрые щеки, на груди звенело много бус, с подвенечного венка спускались цветные ленты...

С тех пор прошли годы. Вместе с отцом и матерью он уехал в маленький городок под Москвой. Там он рос и учился, постепенно забывая и эти места и слезы сестры. Они редко писали друг другу, а после смерти матери их переписка и совсем оборвалась, и только в последнее время сестра стала настойчиво требовать, чтоб брат привез ей отца.

«Тут все ему родное, он оживет от нашего солнышка, и я за ним похожу, как за маленьким...»

Лошадь стала. Хлопец соскочил с телеги, достал торбу с овсом.

— Далеко еще? — спросил Сергей Николаевич.

— Порядком будет. Большой крюк сделали. Назад вертаемся. К вечеру доедем,— успокоил хлопец, присаживаясь на край дороги.

Николай Григорьевич дремал, лежа на телеге. Покормив лошадь, отправились дальше. Солнце садилось.

Лес быстро темнел. Дорога свернула на свежескошенный луг; остро запахло увядающими цветами и травами.

Пасека открылась перед глазами как-то вдруг, когда, сделав крутой поворот, дорога сбежала в овраг и снова вынырнула перед высокими тополями. За тополями вился плетень.

Было уже совсем темно. Отпустив хлопца с телегой, Сергей Николаевич с трудом нашел перелаз, заросший густым вишняком. За вишняком виднелась белая хата, утонувшая в зелени деревьев. Запах меда и гречи носился над спящими ульями.

— Стой! Где же тут калитка у него? И огня в хате нет,— заволновался Николай Григорьевич.

Мохнатая собачонка черным шариком подкатилась к плетню и залилась звонким лаем. В хате хлопнула дверь.

— Эге-гей! Бобик! — послышался густой бас.

— Матвеич! Эгей! — Николай Григорьевич выпрямился и рванулся навстречу другу.— Эгей!

— Принимайте гостей, диду! — крикнул Сергей Николаевич.

На заросшей тропинке показалась грузная фигура Матвеича. В темноте были видны его широкие плечи и взмахивающие на бегу большие руки. Собачонка с лаем крутилась у него под ногами.

— Цыц, ты! Гости до нас!

Матвеич подбежал к перелазу, перегнулся через него всем своим грузным телом и схватил в охапку Николая Григорьевича:

— Стой... стой!.. Где ты тут есть, товарищ мой?.. Товарищ мой...

Николай Григорьевич счастливо смеялся, не выпуская большой теплой руки друга.

Из-за облака показался краешек луны и осветил коротко остриженную голову Матвеича с крупным носом, густыми бровями и опущенными книзу черными усами. Одна щека его была перехлестнута поперек глубоким шрамом, живые, смеющиеся глаза смотрели добродушно и лукаво.

— Ох ты ж вояка... вояка мой! — умиленно глядя на друга, повторял он.

Старики еще раз обнялись.

— Мы тебя зáраз, як персональну персону, до самой хаты предоставим!

Хата была новая, с дубовым крыльцом и тяжелой дверью. В кухне стояла русская печь с полатями. На припечке были сложены горкой глиняные миски, котелок, чугун и закопченная дочерна сковородка. У окна — крепкий дубовый стол, перед ним — широкая скамья. Печь была голубовато-белая, разукрашенная по краям никому не ведомыми цветами в виде синих кружочков с синими пестиками и короткими толстыми стеблями. На полатях лежало старое одеяло, в углу — скомканная подушка в ситцевой розовой наволочке; из-под нее выглядывали новые яловые сапоги. Посреди кухни гудел примус, в чугуне варилась картошка.

Белая двустворчатая дверь вела в соседнюю комнату; там было свежо и чисто, а из угла, где стояли в ряд бочонки, покрытые круглыми крышками, сильно пахло медом.

— Ну, вот и моя хата! — Матвеич шагнул через порог и выпрямился.— Живу як той пан. Домок ничего себе. Прошлую весну колхоз отпустил средства на полное оборудование пасеки.

Он распахнул обе половинки двери, чиркнул спичку, зажег керосиновую лампу:

— Ну, гости дорогие, располагайтесь як знаете, як вам по душе, а я на стол соберу. Хозяйки у меня нема, так я сам себе повар. Зáраз сала нашкварим, яишницу разобьем!..

Сергей Николаевич с веселым любопытством смотрел на неуклюжего, как медведь, Матвеича, слишком шумного и большого для маленькой кухоньки.

Матвеич точил об печку нож, грохотал посудой и без умолку говорил, обращаясь то к Николаю Григорьевичу, которого называл «стары́м», то к Бобику, то просто к различным вещам, находящимся в кухне. Видно, привычка разговаривать с самим собой и с окружающими его предметами давно выработалась у Матвеича.

— Ну що? Долго будешь булькать?

Матвеич ткнул вилкой картошку и бросился в сени. Внес большой розовый кусок сала с искристым бисером соли на тонкой коже, нарезал его толстыми кусками, шлепнул на сковороду и, присев на корточки, налег на примус, приговаривая:

— От так! Живо! Раз-два — и готово!

Орудуя возле печки, он чуть не свалил целую груду мисок, но успел подхватить их и, прижимая к груди, понес на стол.

Николай Григорьевич с доброй улыбкой смотрел на него и, встречаясь глазами с сыном, подмигивал, как бы желая сказать: «Вот он какой, мой Матвеич!»

Шум примуса заглушал голоса, и Матвеич, поворачиваясь от печи всем своим корпусом, кричал, размахивая ножом:

— Обожди, стары́й! За́раз я этот сумасшедший примус загашу, тогда тихо будет. Може, умыться с дороги хотите, дак умывальник коло крыльца.

Сергей Николаевич подал отцу полотенце. Старик медленно поднялся со скамьи и, нерешительно ступая больными ногами, пошел к двери.

Матвеич поставил на пол горшок с молоком и бросился к нему:

— А ну, ну... А ну, иди! — заглядывая товарищу в лицо и обхватив его правой рукой, возбужденно кричал он.— Смело! Смело!.. От так! Смело, давай! Сме-ло!..— Потом выпрямился, шумно вздохнул, удрученно развел руками: — Погано дило! — И тут же весело добавил: — Ну да ничего! Я такое средство знаю, що будешь бигать, як той физкультурник.

Во время разговора, заметив Бобика, он поднял его за шиворот, вынес за дверь и кратко пояснил:

— Завсегда присутствует. Кто б ни пришел — и он тут. Хитрый, як муха! Салом интересуется...

Матвеичу не терпелось скорей закончить свою стряпню и за доброй чаркой поговорить по душам со старым другом. Стоя у припечка, он обещающе подмигивал оттуда своими веселыми, живыми глазами:

— За́раз поговорим! Обо всех делах наших... Що и як!..

На Сергея Николаевича он почти не обращал внимания, только один раз, окинув его взглядом, неодобрительно хмыкнул:

— Худый, як глиста! Голодный, чи що?

Сергей Николаевич сбросил рубашку, потер выступающие под темной кожей мускулы:

— А ну, дедуш, поборемся, коль так!

Матвеич потрогал его мускулы:

— Завтра.

За столом было шумно. Старики разошлись, вспоминая боевые годы гражданской войны. Сергей Николаевич не узнавал отца. Николай Григорьевич, слушая Матвеича, встряхивал головой, стучал по столу кулаком. Голос его окреп, глаза блестели.

— Да, был бы нам всем конец тогда! А ведь вот выжили, а, Матвеич? Выжили и землю от по́гани очистили.

Матвеич смачно крякал, опрокидывая чарку:

— Ще як выжили! Сами себе хозяева! И работа идет. Я меду на весь район заготовку сдаю и помощников себе не требую. Один раз секретарь райкома заехал на пасеку и говорит: «Вам, Иван Матвеич, тут одному не управиться!» А я ему говорю: «Мне по моим силам три такие пасеки мало! Надо, говорю, мое дело расширять, потому как наш колхоз богатеет и средства на то найти можно». А он смеется: «Ваше предложение нам нравится, только без помощников тут нельзя. Мы вам комсомольцев прикрепим, а вы будете их к этому приучать. Понятно?» — Матвеич налег на стол и заблестевшими глазами обвел собеседников.— Значит, такое дело: буду молодых обучать... Вот и ты оставайся со мной! И тебя обучу! — неожиданно закончил он, хлопнув по плечу Николая Григорьевича.

— А у нас, дедуш, к тебе просьба,— дав Матвеичу выго-

вориться, сказал Сергей Николаевич.— От моих пионеров и от меня...

Матвеич склонил голову набок и лукаво улыбнулся:

— Меду, чи що?

— Меду — это потом. Это ты нас угощать будешь, когда мы к тебе всем отрядом в гости придем. А сейчас вот что: собирайся-ка, дедуш, с нами в поход! Тряхни стариной! Погуляем по лесам. Поведешь моих пионеров по тем партизанским тропам, где вы с отцом бродили; покажешь нам места, где были жаркие бои с белыми... Одним словом, приглашаем тебя как героя гражданской войны, свидетеля и участника боев. Расскажи ребятам обо всем, что видел и знаешь.

— Ну-ну... нашел рассказчика!

Матвеич замахал руками. Но Николай Григорьевич постучал по столу пальцем:

— Даже и не думай отказываться! Сережа дело говорит... Для ребят каждое твое слово интересно. Они все хотят знать... Даже и не думай отказываться!

— Да Матвеич и не отказывается,— подмигнул отцу Сергей Николаевич.— Он только о пчелах, верно, беспокоится.

— Ну да! И пчелы... и вообще того...— закряхтел Матвеич.

— Ну, это мы устроим. Оставим завтра отца на пасеке за сторожа, сходим к Оксане и пошлем ее сюда, а сами махнем в лес к ребятам! А как они ждут тебя!

— Скажи пожалуйста...— растрогался Матвеич и, обернувшись к Николаю Григорьевичу, вдруг сказал: — Добре! Оставайся, старый, за хозяина. А мы с Сережей к пионерам пойдем.

Получив согласие Матвеича, Сергей Николаевич оставил стариков и прошел в комнату. Новый крашеный пол был застлан половиками, в углу стоял круглый стол с двумя табуретками. Большая кровать, аккуратно застланная серым байковым одеялом с белоснежной покрышкой на подушке, была отодвинута от стены и стояла нетронутая и важная. Трудно было представить себе, что большой, неуклюжий Матвеич каждый

день спит под этим одеялом, утопает головой в этих подушках и потом так аккуратно убирает свою кровать. На окнах висели занавески. Вышитые крестом задорные петухи с красными клювами и растопыренными перьями привлекли внимание Сергея Николаевича.

Он подошел к окну и бережно взял в руки тонкую расшитую холстинку. Красные и черные крестики напомнили вышитые рукава и горячие мокрые щеки. Он вдруг с неожиданной силой ощутил теплое, родное чувство к сестре, ее близость и глубокое раскаяние в том, что столько лет не вспоминал ее, не интересовался ее жизнью. А ведь у нее умер муж, и она жила одна, оторванная от семьи, и, может быть, не раз горькое чувство охватывало ее при воспоминании о родном брате. Сергей Николаевич вспомнил сестру на маленькой деревенской фотографии. Она стояла, положив руку на спинку стула, на котором сидел ее муж. Отец, получив эту фотографию, долго рассматривал ее, с сожалением повторяя:

— Не та уже Оксана... Постарела Оксана...

А ему тогда даже не хотелось всматриваться в черты этой новой женщины, чтобы не утратить в своей памяти черты прежней Оксаны. Сколько же ей лет сейчас? И как встретятся они после долгой разлуки?

Сергей Николаевич осторожно погладил выпуклые крестики на занавеске:

— Сестра...

Матвеич заглянул в комнату:

— Ты чего смотришь? Занавеска? Да это твоя Оксана расшивала! Бачь, яких пивней настряпала! Это она мне на новоселье принесла... И койку заправила как полагается. Каже: «Щоб у вас, диду, чисто було. Я приду проверю!» — Он почесал лохматую голову, хитро улыбнулся и махнул рукой: — Так я теперь той койки не касаюсь! Чтоб порядок не нарушать, на полатях сплю. Будет тут твой батько спать. Честь честью.

* * *

Поздно ночью, засыпая на широкой скамье, Сергей Николаевич слушал тихую беседу двух друзей.

Матвеич, присев на угол кровати, осторожно гладил заскорузлой ладонью больные ноги товарища и шепотом говорил:

— От я уже бачу, где самая болявка у тебя. Это тебе, брат, наши болота отзываются. Да, может, и с того разу, как ты меня на плечах тащил из лесу. Эх, Коля, богато чего мы с тобой видели! Ну, зато на старости поживем. А ноги я тебе воском с маслом буду мазать и на солнышке греть. И работать будем... Потому как человека что убивает? Болезнь одно, а без дела тоже не можно жить. Тоскует человек без дела. Вот полюбишь моих пчел, да от ульичка к ульичку потыхесеньку... Так-то, товарищ мой...

* * *

Когда Сергей Николаевич открыл глаза, солнце уже заливало хату горячим светом. Крашеные половицы блестели, в раскрытое окно с жужжанием влетали пчелы, на занавеске билась пестрая бабочка. Николай Григорьевич еще крепко спал, свесив с кровати руку. В кухне было пусто. Где-то во дворе слышалась добродушная воркотня Матвеича.

Сергей Николаевич сладко потянулся и зажмурил глаза. Что-то снова напомнило ему далекое детство, ночевки у дядьки Матвеича, быструю речку под горкой и серебряную плотву, которую он ловил зеленой ивовой корзинкой. Даже сон в эту ночь у него был крепкий, непробудный, как в детстве. И только на рассвете приснилось ему, что на реке встают громадные валы и с гулким шумом обрушивается на берег вода... И было приятно чувствовать себя в крепком доме, под теплым одеялом, у старого деда Матвеича...

Сергей Николаевич вскочил и вышел на крыльцо. Из рукомойника, прибитого к дереву, капала вода. Холодные струйки освежили лицо и голову, потекли по спине. Бобик с высунутым языком лениво вылез из кустов и полакал из лужи.

— Что, брат, жарко?

Сергей Николаевич схватил черный кудлатый шарик и подставил его под рукомойник.

Бобик изо всех сил сопротивлялся.

— Чудак! Умойся, умойся! Тебе же лучше будет! — весело приговаривал Сергей Николаевич.

Отпустив мокрого Бобика, он пошел на сизый дымок, поднимавшийся из-за кустов.

В траве желтели новенькие ульи. У летков серыми кучками копошились пчелы. Несколько пчел на лету ударили Сергея Николаевича по лбу, запутались в его волосах. За вишнями Матвеич, в сетке, с дымящимся факелом, разбирал улей. Пчелы тучей гудели над ним, ползали по его рукам и по рубашке. Бобик уселся поодаль. В его мокрую шерсть тоже забирались пчелы; он взвизгивал и, щелкая зубами, впивался в свой хвост.

— Не щелкай! Не щелкай! За свое любопытство страдаешь,— спокойно выговаривал собаке Матвеич, поворачивая в руках рамку и разглядывая янтарные пласты меда. Увидев подошедшего Сергея Николаевича, он кивнул головой в сетке.

Сергей Николаевич заглянул в улей. Пчелы загудели в его волосах, полезли за воротник.

Матвеич засмеялся:

— Тикай лучше, а то разукрасят так, что родной батько не узнает!

— Не разукрасят! — Сергей Николаевич хлопнул себя по шее, нагнулся, вырвал пучок травы с сыроватой землей и приложил к укушенному месту: — Эге, уже есть!

В небе, за белыми разорванными облаками, загудел самолет.

Матвеич поднял голову и прищурил глаза:

— Слухай... Что это за чертовщина такая? Чего они там кувыркаются? А на рассвете такой гул поднялся, что я думал — вас с батькой разбудят!

— Нет, я спал. И тебя, дедуш, во сне видел. Ну, когда бороться будем? — улыбнулся Сергей Николаевич, отступая от пчел.

— Вот старый проснется, тогда после завтрака я тебя и поборю! А теперь иди погуляй, а то пчелы тревожатся — не любят незнакомых людей.

Сергей Николаевич обошел кругом хату. Ульев было много. Одни — старого образца, похожие на колоды; другие — новенькие, нарядные, как домики. Густая трава закрывала их до половины; от пушистых шариков клевера все казалось сиреневым. Прямо за пасекой пышно цвела гречиха. Узенькая дорожка выходила на свежий, нескошенный луг. В нагретом воздухе смешивались все запахи: пахло мятой, гречихой, травой и цветами. Ветер колебал травы, и казалось, что луг качается и плывет. Весело перекликались птицы. Клейкие стебли красненькой смолки прилипали к рукам.

Сергей Николаевич сел на мягкую траву и обхватил руками колени. В глазах у него пестрело. Повсюду слышался неугомонный шум: трещали кузнечики, гудели пчелы, мохнатый шмель ворчливо рылся в ромашке. Желтые и белые бабочки стайками кружились над цветами. Маленькие букашки свершали свой трудный путь, пробираясь куда-то среди непреодолимых препятствий; блестящий жук сердито гудел, качаясь на тоненькой былинке; божьи коровки с красными спинками расправляли крылышки.

Ни о чем не хотелось думать, хотелось броситься на землю, прижаться лицом к пахучим травам. Чувство безмерного счастья и покоя овладело Сергеем Николаевичем...

* * *

Матвеич засучил рукава и, широко расставив ноги, сказал:

— А ну, Сережа, выходи! Побачим, якый ты боец!

Сергей Николаевич сбросил рубашку и спокойно стал против Матвеича. Николай Григорьевич потер руки и усмехнулся:

— Ты гляди, Иван, не сломай мне сына...

Матвеич шагнул к Сергею Николаевичу и огромными ручищами обхватил его поперек туловища. Но Сергей Николаевич

не поддался: ловким приемом он выскользнул из рук Матвеича и крепко сжал его локти... Боролись долго. Матвеич наступал, как медведь. Сергей Николаевич, ловкий и увертливый, выскальзывал из его рук и наконец, улучив минутку, обхватил старика за плечи и с силой пригнул его к земле. Бобик с яростным лаем прыгнул на обидчика... Борьба кончилась вничью. Но Матвеич был возбужден и доволен:

— Молодец, Сережа! Борец, чемпион, да и все!

— Я тебе говорил, Матвеич! У него сила есть! — гордясь сыном, кричал Николай Григорьевич.

Сергей Николаевич развеселился, стал возиться с Бобиком, трепал его за уши, бегал с ним по дорожкам.

— Сережка, не дури! Не дури! Ведь укусит Бобик! — совсем как в детстве, кричал ему отец.

За дальним лесом что-то ухнуло и, прокатившись по земле глухим эхом, замерло...

— И что оно чиркае? — удивился Матвеич.

— Да что ты как волк живешь — ни газет у тебя, ни радио! — строго выговаривал ему старый товарищ.— Без радио никто не живет теперь!

Матвеич сердито вытащил из-под навеса длинный, тонкий шест и бросил его около крыльца.

— Это все твои пионеры, Сережа! «Мы вам, диду, то, мы вам се, мы вам радио проведем»! — передразнил он ребят.— Принесли какую-то жердину, тягали ее, тягали, и в землю вкапывали, и на крышу лазили... Не, не годится! Опять побежали куда-то. Другую притащили... Мерили-мерили, бегали-бегали с нею... Есть! Хороша уже! Антенна, чи як? Теперь вдруг проволоки у них нет! «Пойдем, кажуть, достанем». От же ж бисови хлопцы! Наморочили голову, да ничего и нема!

Сергей Николаевич осмотрел антенну:

— Если сказали — сделают, значит, сделают. Не зря бегали.

— Может, и сделают. Я у них, конечно, в плане состою, это верно,— вздохнул Матвеич.

— А я с Сережиными пионерами сдружился. Хорошие ре-

бята! Ты, Матвеич, любишь поворчать, я тебя знаю,— добродушно сказал Николай Григорьевич.— А прибегут, ты и рад им!

— Ну конечно, дети... Без них и дедам скушно,— сознался Матвеич и, погладив свежевыстроганную антенну, добавил: — Мабуть, сделают.

Глава 14
ГРОЗНАЯ ВЕСТЬ

После обеда стали собираться. Решено было оставить Николая Григорьевича на пасеке, а самим, навестив на хуторе Оксану, отправить ее к отцу и, не мешкая, идти к лагерю.

— Собирайся, собирайся, дедуш! Нас ребята ждут! — торопил Сергей Николаевич.

Он уже начинал скучать без ребят; было непривычно тихо без шумных голосов, не хватало обычной радостной толкотни, расспросов, смеха и пытливых, живых глаз. Сергей Николаевич поминутно ловил себя на одной мысли: как жаль, что нет ребят! Вот бы им показать пасеку, рассказать о пчелах, видеть внимательные ребячьи лица...

— Идем, идем, дедуш! — нетерпеливо повторял он, поправляя за спиной рюкзак и наскоро прощаясь с отцом: — До свиданья, отец. Не скучай. Мы тебе сейчас Оксану пришлем. Заготавливайте тут побольше меду, а мы к вам всем отрядом после похода нагрянем!

Вышли по холодку. Узенькая тропинка вилась в густой пшенице. По бокам шелестели спелые, налитые колосья. Матвеич, поминутно оборачиваясь к Сергею Николаевичу, кричал:

— Вон где хутора начнутся! Отсюда до Оксаны километров шесть полем. А по правую руку за лесом — это МТС. Там заведующий дуже хороший человек! Правильный человек. По последней технике действует... А по левую руку — тут шоссе проходит. На шоссе мы и телегу найдем; подъедем малость к хуторам, а то наш старый заскучает один...

Жар спадал.

Сергею Николаевичу казалось, что они идут слишком медленно, он торопился выйти на шоссе.

— А что, далеко еще? — спросил он Матвеича.

— За́раз выйдем,— ответил тот, приподнимаясь на цыпочки и вглядываясь в густую желтизну колосьев.— А ну, Сережа, кто там есть? Чи то заяц скаче, чи дытына...

— Эй, эй, диду! Диду! — донесся откуда-то звонкий голос.— Подождите трохи!

— Эгей-гей! — мощно окликнул Матвеич.

Из пшеницы наперерез ему выскочила девчонка. Красная косынка сбилась у нее на шею, мокрые щеки блестели.

— Диду, я ж за вами от самой пасеки бигла! Вертайтесь скорийше до дому! Председатель вас требует! — быстро затараторила она, исподтишка оглядывая приезжего серьезными голубыми глазами.— Вертайтесь до дому, диду! Председатель вас требует...

Матвеич пожал плечами и подмигнул Сергею Николаевичу:

— Видал? Требует, и все. А чего?

Девочка удивленно и строго взглянула на него.

— Собрание в колхозе идет, вот чего! — сказала она, присела на землю, вытащила из пятки занозу и неожиданно добавила: — Война, вот чего! Хиба не знали? — Она искоса взглянула на взрослых.

Сергей Николаевич, пораженный неожиданным известием, молчал.

Матвеич оглянулся:

— Чего? — И, багровея, закричал, наступая на девчонку: — Где война? Яка война, я тебя спрашиваю?! — Он снова оглянулся, как будто война должна быть где-то рядом, а он ее не видел.

— Ну, война! С Гитлером! По радио сказали! — сердито заговорила девочка.— И чего это вы кричите, диду! Идите лучше до председателя, а я на хутора побегу.

Она вскочила и прыгнула на тропинку.

— Эй, слухай! Слухай! — кричал ей вслед Матвеич.— Стой, кажу, бисова душа!

— Нема колы́! — звонко донеслось из пшеницы.

Старик посмотрел в небо, широко развел руками. По ба-

гровым щекам его катились крупные капли пота, глубокий шрам побелел, брови сдвинулись.

— Значит, порешили они на нашу землю идти,— тихо, с угрозой сказал он.— Добре. Добренько... Хай идуть...— Он застегнул доверху пуговицы на своей гимнастерке.— Добре! Встринемось!

Сергей Николаевич мгновенно представил себе пионерский лагерь в лесу, Митю...

Нагнувшись к своему рюкзаку, он поспешно вынимал из него свертки, предназначенные для Оксаны. Потом вытащил горн, протер его носовым платком, снова засунул в рюкзак и выпрямился. Лицо у него было серое — сухие губы, щеки и лоб как будто покрылись дорожной пылью. Но глаза были светлые, спокойные, решительные.

— Мне, дедуш, машину надо. Я должен ребят вывезти. Отца тебе оставляю... Возвращайся домой.

— Ах они бандюги! Каты!..— кричал, потрясая кулаками, Матвеич.

— Диду, слышишь? Машину надо! Ребята в лесу остались. Говори, где машину взять.

Матвеич пришел в себя.

— Машину? Стой! Стой!..— Он потер лоб соображая.— Иди за́раз на МТС. Тут прямиком километров пятнадцать будет. Там и машины есть и телефон. В случае чего, можно секретарю райкома позвонить. Вот, гляди. Прямехонько в овраг, а там через сосенки...

— Есть! Найду!

— А я...— Матвеич махнул рукой и отвернулся.— От же ж яка катавасия получается.

Сергей Николаевич подошел к нему:

До свиданья, диду! Увидишь Оксану, скажи — я ее помню. И отца береги!.. Увидимся...

Матвеич обеими руками стиснул его плечи:

— Ты того... за нас ни-ни... Я старика в обиду не дам...

Сергей Николаевич вскинул на плечи рюкзак и, не оглядываясь, зашагал по дороге. Он шел быстро, прямиком, спускался в овраги, пересекал поля с гречихой, блуждал в моло-

дом лесу, поминутно теряя узенькую тропинку. Сначала лучи солнца золотили тонкие стволы молодых сосенок и ложились светлыми полосами между их ровными рядами, потом вечерние тени легли на траву. Солнце незаметно ушло, а тропинка вела все дальше и дальше, лес становился гуще.

Сергею Николаевичу представилось, как в таком же лесу, в пионерском лагере, сбившись в кучу, ребята одолевают Митю вопросами и ждут условного горна...

Становилось все темнее, изредка вскрикивали птицы. Запахло шиповником, влажной травой...

Внезапно мягкий свет месяца осветил кирпичные здания, крепкий забор и запертые ворота.

Сняв с головы шляпу, Сергей Николаевич подошел к воротам и крепко постучал. И почти одновременно со стуком перед ним выросли две фигуры дюжих хлопцев:

— Хто такий?..

Глава 15

ДИРЕКТОР МТС

Директор МТС Мирон Дмитриевич, сидя за столом, смотрел на Сергея Николаевича острыми, насмешливыми глазами и, поглаживая бритый подбородок, спокойно говорил:

— Машины пошли своим плановым порядком. Как вернутся назад, то можно будет дать.

— А когда они вернутся назад? — сдерживаясь, спросил Сергей Николаевич. Его раздражал этот человек, которому он уже успел рассказать, что у него в лесу остались ребята, что они ждут, что их необходимо скорее вывезти и посадить в поезд на Москву.— Когда же они вернутся?

Мирон Дмитриевич развел руками и указал на занавешенные окна:

— Видите, что делается... Может, завтра к вечеру...

Сергей Николаевич возмутился:

— Товарищ, я удивляюсь вашему спокойствию! Я повторяю — у меня дети! Мне необходимо их вывезти. Есть в вашем распоряжении еще хоть одна машина?

Мирон Дмитриевич отогнул большой палец и прищурил светлые глаза:

— Есть машина. На нее особое распоряжение — со двора никуда!

Сергей Николаевич снял телефонную трубку:

— Район! Район!.. Дайте райком партии!

Директор покачал головой:

— Навряд ли они сейчас дадут.

Дозвониться было нелегко. Сергей Николаевич бросал трубку, ходил большими шагами по кабинету и снова звонил.

— Секретаря нет. На совещании... Не уполномочен... Ждите...— отвечали из райкома.

Мирона Дмитриевича вызывали по разным делам. За окном слышался его густой бас.

— Все тракторы в поле. Живо, хлопцы, живо! Давай, давай, ремонтируй! Чтоб через час там был! — кричал он на кого-то.— Сказано: убрать хлеб — и все тут!

Возвращаясь в комнату, он прислушивался к разговору по телефону.

— Где на совещании? — кричал учитель.— Когда приедет? — Лоб у него был мокрый, лицо усталое, под глазами легли темные круги.

Мирон Дмитриевич взял у него из рук трубку:

— Говорит директор МТС... Да, я знаю, что на совещании. Дайте телефон. Ну?.. Давай, кажу, телефон... того совещания! — заорал он, прижимая ко рту трубку.— Без ниякого разговору! Срочно! — Он кивнул головой Сергею Николаевичу: — Записывайте!..

Сергей Николаевич записал телефон и взял трубку. Мирон Дмитриевич снова вышел во двор. Когда он вернулся, учитель стоял у окна, заложив в карманы руки. Губы у него были крепко сжаты.

— Ну что? Дозвонились? — спросил директор.

— Дозвонился к секретарю... Утром пришлет свою легковую,— отрывисто, не глядя на него, сказал Сергей Николаевич.

Директор тронул его за плечо:

— Вы что ж, москвич? Учитель?

— Москвич. Учитель,— стараясь сохранять спокойствие, ответил Сергей Николаевич.

— Партийный человек? — тем же тоном спросил Мирон Дмитриевич.

Сергей Николаевич молча вынул из кармана партбилет.

«Не доверяет»,— мелькнуло у него в голове.

Но директор осторожно отвел его протянутую руку:

— Не треба. Я насчет паники...

— Какой паники?

— А той самой паники, какой в наше время не должно быть...— подняв свой большой палец, начал директор.

Сергей Николаевич вспыхнул:

— Да вы что, товарищ! Понимаете или нет? Я учитель. У меня в лесу дети...

Мирон Дмитриевич стукнул ладонью по столу:

— «Дети, дети»! У нас у всех дети. У меня у самого дети. И нечего горячку пороть. Сейчас война! Вероломное нападение — понятно тебе, товарищ? Все машины заняты — подвозят бойцов, доставляют горючее, убирают хлеба́... А ты — «дети, дети»! «Я учитель»! — передразнил он Сергея Николаевича.— Да як ты учитель, так должен понимать, что все своим порядком делается. А ты сам весь побелел, распушился. Ты учитель, а я — батько. И у меня полна хата детей. А нужно сдерживаться, бо время военное. Вот утречком поедешь и заберешь своих детей, да и все!

Сергей Николаевич с удивлением смотрел на этого человека, строго и решительно читающего ему наставление, как вести себя. До сих пор никто не мог упрекнуть его в отсутствии выдержки. Он воспитывал в себе эту черту характера годами, терпеливо и неуклонно, простым и верным способом — не давая себе воли в проявлении гнева, раздражения по отношению к окружающим его людям. Он вызывал к себе уважение среди своих товарищей именно этой удивительной выдержкой, и вдруг чужой, почти незнакомый человек делает ему такое замечание... Сергей Николаевич чувствовал, что кровь приливает к его

щекам. Но Мирон Дмитриевич ласково усмехнулся и похлопал его по плечу:

— Ну добре, хлопче! Так — не так, а к утру машина будет. Пойдем сейчас до моей хаты. Там я распорядился, чтоб нам жинка повечéрять приготовила, бо такая перепалка, що некогда и поесть. Пошли! Берите свое имущество! Где оно есть?

Он ухватил рюкзак и потащил за собой ошеломленного Сергея Николаевича через двор к маленькой белой хате с железной крышей. Во дворе было темно, где-то нетерпеливо мычала корова, из ворот выезжал трактор.

— Ну як? Починился? Живо давай! Чтоб у меня к завтрему зерно в мешках было! — крикнул в темноту Мирон Дмитриевич, толкая дверь хаты и пропуская вперед учителя.

Хата была маленькая, уютная. Посередине стоял добела выскобленный стол, по бокам — табуретки. У стены на широкой никелированной кровати спали ребята. С двух сторон сползали с подушек кудрявые темные головы и торчали из-под одеяла маленькие босые ноги.

— Мала куча! — добродушно усмехнулся Мирон Дмитриевич, указывая на них учителю.— Ну, садитесь, будьте гостем!

Он придвинул к столу табуретку и заглянул в сени:

— Ульяна!

Ульяна не откликнулась. За нее ответил с кровати детский голос:

— Мама во дворе корову доит.

— Давно пошла? — спросил Мирон Дмитриевич.

— Давно. Зáраз придет,— сонно отозвалась девочка.

Она, видимо, привыкла к чужим людям и, не обращая внимания на Сергея Николаевича, отвернулась к стене и уткнулась лицом в подушку.

Мирон Дмитриевич стал собирать на стол. Вытащил из стенного шкафа тарелку с селедкой, очистил луковицу, порезал ее большими кружками, достал хлеб.

В хату, гремя подойником, вошла маленькая, кругленькая молодица в темном платке; оба конца, стянутые под розовым подбородком, были завязаны наверху тугим узелком. Она мельком взглянула на гостя и тихо сказала:

— Здравствуйте.

Потом поставила на лавку ведро с молоком и, обтирая о передник руки, вдруг быстро и сердито напала на мужа:

— А то что ж за порядки, Мирон, а? Скотина до ночи не пригнана, где-то того пастуха к черту заслали! Корова кричит, с фонарем выйти до сарая не можно. Тычешься во все углы, як та слепа курка! Это что за дело, я тебя спрашиваю, Мирон?

— А такое дело, що война,— обтирая рукавом губы и обсасывая селедочную голову, спокойно сказал Мирон Дмитриевич.— Война! Не привыкла, чи що?

— О! Бачишь! «Не привыкла»! Так я ж баба, а ты мужик. А такого крику наробив: «Затемняйтесь, та щоб я ниде свиту не бачив!» Таку панику на всих нагнав...

— Ульяна! — строго прикрикнул Мирон Дмитриевич, заметив улыбающийся взгляд учителя.— Это не твоего ума дело, понятно? Я директор МТС. Я за все отвечаю! — Он налил молока и махнул рукой: — Одним словом, прекрати разговор! Або перемени свой разговор...— добродушно закончил он, подмигнув учителю.

Сергей Николаевич, улыбаясь, взял стакан:

— Видно, нам всем нужно побольше выдержки и терпения.

Ульяна подсела к столу и, лукаво блеснув глазами, спросила:

— Ну, а кто ж его бачив, того немца, Мирон? Хоть одного?

Мирон Дмитриевич вытащил круглые часы, поспешно встал, пошарил рукой за шкафом, включил радио:

— За́раз Москву послушаем, товарищ учитель!

Сергей Николаевич с волнением слушал сводку, передаваемую по радио из Москвы. Кровь закипала гневом, бурно билось сердце. Он чувствовал, что где-то близко отсюда в жестоких боях уже бьются с врагами молодые, сильные, самоотверженные сыновья Родины. И ему казалось невозможным больше сидеть в этой хатке и ждать... «Приеду — пойду в райком партии... сейчас же...»

* * *

Поздно ночью хозяева внесли раскладушку и уложили гостя.

— Спите, товарищ, я разбужу, как машина придет,— уговаривал его Мирон Дмитриевич.

Сергей Николаевич лег, но уснуть было невозможно. Перед его глазами стоял лес, около раскинутых палаток теснились ребята. Он видел их встревоженные лица и, сжимая руками виски, думал: «Не могу ждать... Уйду. Лучше пешком, как-нибудь... Скажу, чтоб машина шла вслед за мной...»

Он решительно вытаскивал из-под головы свой рюкзак, потом снова клал его на место: «А что, если шофер, узнав, что я ушел, погонит машину обратно? Или в темноте я потеряю дорогу и машина пройдет мимо? И сколько я буду идти? Нет, надо ждать... Надо ждать...»

Ходики тихонько покачивали гирями. Время тянулось медленно.

Сергей Николаевич не знал, на что решиться. Казалось, что бы ни ожидало его впереди, ничто уже не будет страшней этой ночи бездействия и ожидания...

Мирон Дмитриевич часто выходил на крыльцо, потом осторожно, стараясь не стучать тяжелыми сапогами, возвращался в комнату, присаживался к столу, крутил козью ножку и что-то записывал в потертой записной книжке. Слышно было, как во двор въезжали тракторы, где-то приглушенно гудели машины. Откуда-то издали слышались глухие удары...

Мирон Дмитриевич хмурился и глядел на жену. Стучал по столу пальцем, видимо обдумывая что-то про себя.

— Ты вот что, Ульяна... Бери завтра детей и эвакуируйся в Макаровку...

— А, видчипысь! — с досадой отвечала Ульяна, заботливо укрывая ребят.— Куда я с ними эвакуируюсь? До Макаровки не близко. Як я поеду?

— Ну, особого транспорта у меня для тебя нету. А Сивка́ завтра запрягу, да и поедешь!

— Никуда я не поеду от своей хаты. Видчипысь!

Очевидно, спор этот шел с утра, и Ульяна сердилась на мужа.

Сергей Николаевич думал о своем... Конечно, Митя постарается успокоить ребят и будет ждать его, учителя. А если Митя двинется по направлению к селу? А он, Сергей Николаевич, будет искать их в лесу и потеряет время?..

Над хаткой с тихим воем пролетели самолеты. Сергей Николаевич прислушался. Внезапно сильный удар потряс землю. Хатка дрогнула. Сергею Николаевичу показалось, что над его головой сорвалась крыша и с грохотом покатилась по двору. Ульяна схватилась за голову и бросилась к детям.

— Ой, боже мий! — с ужасом простонала она, прикрывая руками их головы.

Младший проснулся и заплакал. Мирон Дмитриевич взял его на руки и, стоя посреди хаты, грозно сказал:

— Завтра же чтоб тебя здесь не было! Эвакуируйся!

Ульяна заплакала, прижимая к губам платок. Мирон Дмитриевич покачал на руках ребенка, коснулся сухими губами мягких волос на его лбу, подсел к жене.

— Ульяна, я человек партийный... Я должен свою жизнь по-военному располагать. Я на партию смотрю и партию слушаю. Мне может любой приказ выйти,— объяснял он жене, заглядывая ей в глаза, и тихо прибавил: — Чуешь, голубка моя?

Ульяна плакала...

Под утро гудение самолетов затихло. Только где-то вдалеке слышался мелкий дробный стук — казалось, что в лесу на каждом дереве сидит дятел и долбит носом кору. Сергей Николаевич, готовый к отъезду, стараясь не будить прикорнувших хозяев, вышел на крыльцо.

Солнце еще не вставало. Было свежо. На траве лежала холодная роса. Около сарая два хлопца выбрасывали лопатами землю из глубокой ямы. Еще один хлопец, почти подросток, в длинном тулупе, прохаживался у ворот.

— Что, не было машины? — спросил Сергей Николаевич.

— Легковой?

— Да.

— Из района?

— Да.

Хлопец не спеша вытер платком нос:

— Не було.

В сарае сонно закричал петух. Всполошились на насестах куры. Светало...

«Что делать? Вдруг не придет?» — мелькнуло в голове у Сергея Николаевича. Он с горькой досадой подумал о потерянном времени. Нужно было расспросить дорогу и еще вчера вечером пуститься в путь. Хлопец как будто угадал его мысли. Он высвободил из мохнатого воротника натертый докрасна подбородок, прищурил светлые глаза и пошевелил губами.

— А до якого вам места?

— До поворота, где река под горой, знаешь?

— Чего ж не знаю! Километров двадцать по шоссе. Пешком далеко...

Сергей Николаевич вошел в хату. Было еще слишком рано, чтобы снова звонить в райком. Он приподнял темную занавеску и стал смотреть во двор. Бездействие доводило его до отчаяния. В углу мирно тикали ходики. Стрелки медленно ползли к четырем часам. Хозяева спали.

Сергей Николаевич взял свой рюкзак и в нерешительности пошел к дверям.

Но Мирон Дмитриевич вдруг поднял с подушки нечесаную голову, провел ладонью по заспанному лицу и прислушался:

— А ну, подождите!

С дороги донесся тихий шелест и негромкий гудок.

— Эге! За вами!

Сергей Николаевич бросился к воротам.

Машина была легковая. Шофер, открыв дверь, окликнул:

— Кто тут будет товарищ учитель?

На ходу застегивая френч, выскочил Мирон Дмитриевич. Сергей Николаевич крепко пожал ему руку:

— Спасибо, Мирон Дмитриевич!

— Добрый ты хлопец, а горячий,— с улыбкой сказал ему директор.

Они обнялись.

Хлопцы окружили шофера:

— Ну, яки там новости?

Шофер был хмурый, невыспавшийся.

— Погано. Сильно напирает фашист,— хрипло сказал он.

Люди, встревоженные его сообщением, ближе придвинулись к машине.

Сергей Николаевич тронул шофера за плечо:

— Поехали, поехали, товарищ! К большому лесу. По шоссе.

Машина загудела, попятилась назад и, вырвавшись на лесную дорогу, помчалась, мягко подпрыгивая на ухабах.

Глава 16
СНОВА В ПОХОД

Мазин вытер губы и повторил:

— Война!

Ребята, тесно сдвинувшись вокруг, молча и тревожно смотрели то на него, то на Митю. Митя, ошеломленный неожиданным известием, старался сохранить спокойствие; он неестественно улыбнулся, пожал плечами.

Мазин, прерываемый взволнованным Петькой, начал рассказывать:

— Мы вышли на шоссе, а тут — скот гонят, люди идут...

— Неожиданное нападение! — перебивая его, кричал Петька.

Ребята забрасывали их вопросами:

— А что говорят? Где сражение? Зачем скот гонят?

Девочки прижимались друг к дружке, смотрели широко открытыми глазами на Митю:

— Что же это, Митя? Война? Настоящая война?

Митя поднял руку. Он чувствовал, что надо успокоить ребят, что-то сказать им, но про себя он уже спешно решал вопрос, что делать: ждать учителя или двигаться к нему навстречу?

— Ребята! Война, конечно, является неожиданностью не только для нас, но и для всей нашей страны.— Митя остановился, посмотрел на серьезные лица ребят.— Но у нас, у советских людей, у коммунистов, комсомольцев и пионеров, есть такое отличительное свойство: перестраиваться на ходу. Мы не теряемся ни при каких обстоятельствах. А потому наше дело: спокойно, стойко, как подобает пионерам, принять это известие и срочно перестроиться на военный лад... Трубачев, ты остаешься командиром отряда!..— Митя посмотрел на мирную полянку, на дымящуюся на костре картошку.— Сейчас лагерь снимется с места и походным порядком выйдет на шоссе. Вареную картошку разделить — съедим на ходу. Консервы, мешки с мукой, лишнюю посуду и лишние тяжести сложить в яму и замаскировать. Уладится дело — заберем. Каждый идет налегке — понятно?

— Понятно! — серьезно ответили ребята.

Митя взглянул на часы:

— Полчаса на сборы.

На поляне закипела работа.

Снимали и связывали палатки, складывали в незаконченную землянку консервы, чугунки, удочки. Мазин и Русаков занимались маскировкой. Они искусно выложили дерном и забросали валежником яму. Синицына с Зориной раздавали горячую картошку. Кто-то из ребят потребовал соли. Синицына возмутилась:

— Какая соль еще? Война, а он «соли»!

Трубачев о чем-то советовался с Одинцовым.

Через полчаса все было готово. Стоя посередине полянки с легкой ношей за спиной, ребята с сожалением поглядывали на изумрудную зелень, на затухший костер, на черные ямки в том месте, где так уютно стояли их палатки. Было странно, что они должны уходить отсюда потому, что на их землю пришел враг. Было непонятно и тревожно слово «война», знакомое ребятам только по книгам и рассказам.

— Нам не страшно... Нам только самую чуточку страшно,— сознавались шепотком девочки.

Ребята были настроены воинственно. У них появились тол-

стые палки с острыми концами. Два кухонных ножа бесследно исчезли под чьими-то куртками.

— Готово? — спросил Митя.

— Готово!

— «Если завтра война, если враг нападет...»— решительно запел Трубачев.

— «Если темная сила нагрянет...»— звонко подхватили голоса ребят.

Они шли, крепко ступая по земле, презирая колючки и крапиву, ломая на своем пути сухие ветки. Шли с песней, как идут бойцы.

Когда первый боевой пыл улегся, стали решать, как быть, если Сергей Николаевич запоздает. Посыпались и другие вопросы. Ребята забеспокоились о родителях — что они думают? Мамы уже, верно, плачут. Надо послать телеграмму, успокоить их. И вообще, что будет дальше? И как это так все неожиданно случилось?

Над головой сквозь темную зелень розовело небо, трава была еще мокрая, но в воздухе уже не чувствовалось ночной свежести.

— А вдруг мы этих самых фашистов встретим? — тревожно оглядываясь, спросила Надя Глушкова.

— Встретим — так будем драться! — крикнул Трубачев, с силой сбивая палкой молодые кусты.

— Трубачев, отставить! — прикрикнул Митя.— Во-первых, мы их не встретим, во-вторых, таких вояк никому не нужно, а в-третьих, наша прямая обязанность — возможно скорей убраться восвояси, чтобы не затруднить собой взрослых.

— Как — восвояси? Сейчас же? Домой? — разочарованно протянули ребята.

— Да над нами все смеяться будут — скажут, что мы струсили.

— Тут война, а мы «восвояси»! — возмущался Одинцов.

— Ну, а куда же нам? Конечно, по домам надо,— рассудительно сказал Саша.

— Конечно. В школу надо...— задумчиво поддержал его Сева.

Трубачев был недоволен:

— Что мы, маленькие, что ли? В гражданскую войну и не такие, как мы, воевали!

— Я никуда не поеду! — решительно заявил Мазин.

— Я тоже! — крикнул Русаков.

Митя рассердился:

— Кто это смеет рассуждать, поедет он или не поедет! Как старшие решат, так и будет. (А старшие — то есть он, Митя, и Сергей Николаевич,— без всякого сомнения, посадят всех в вагон и вывезут. А потом Сергей Николаевич пойдет на фронт, а может быть, и он, Митя.) И прекратить лишние разговоры! Давайте лучше слушать, не горнит ли Сергей Николаевич.

Но горна не было слышно. Митя с каждым шагом испытывал все большее беспокойство. Что, если Сергей Николаевич не встретит их и потом будет искать в лесу? Поляна еще хранит следы пребывания лагеря. Учитель, наткнувшись на нее, вероятно, поймет, что Митя увел ребят в село. Но что будет, если, не услышав ответа на горн, учитель двинется в глубь леса и, разыскивая отряд, напрасно потеряет время? Надо было бы как-нибудь дать знать, куда снялся лагерь...

Митя подозвал Трубачева.

— Мы с тобой, брат, маху дали,— тихо сказал он.

— А что? — встрепенулся Трубачев.

— Да надо было Сергею Николаевичу какой-нибудь знак на поляне оставить, что мы ушли в село.

— Знак? Я оставил! Мы с Одинцовым письмо в клеенку завернули и над костром к железке привязали,— сообщил Васек.

Митя просветлел:

— Ну, тогда все в порядке! Если и разойдемся, то он нас догонит.

Шли долго. Дорога казалась очень длинной и незнакомой. Несколько раз останавливались, прислушивались и хором кричали:

— Сергей Николаевич! Ау!

Но в лесу не было слышно ни одного человеческого голоса. Мазин и Русаков то и дело забегали вперед — проверять свои дорожные знаки.

— До шоссе осталось два километра! — сообщили они.

Ребята заспешили.

До них доносились какие-то смешанные звуки: неясный равномерный шум, стук колес, гудки машин. Митя сквозь деревья увидел красноармейцев. Они шли и шли ровным, широким шагом. Кое-где двигались за ними орудия, ехали грузовики, торчали вверх черные стволы винтовок. Ребята замерли.

— Красная Армия пошла на врага! — торжественно сказала Валя Степанова.

— Бойцы! Бойцы!

Ребята врассыпную бросились к шоссе. Митя перепрыгнул через глубокий ров, отделявший его от дороги, и остановился, с волнением вглядываясь в суровые лица шагавших бойцов. Увидев пионеров, некоторые из них поворачивали серые от пыли лица и улыбались. Ребята радостно ловили эти улыбки.

Сева Малютин, подняв вверх худенькую руку, махал и махал ею в воздухе. Петька схватил Мазина за плечо.

— Пойдем за ними! — возбужденно зашептал он.

Мазин нагнул голову, раздумывая:

— Сейчас нельзя, не по-товарищески.

Трубачев, Булгаков и Одинцов стояли на пригорке, освещенные лучами солнца. В немом восхищении они отдавали салют идущим в бой красноармейцам... И вдруг за сплошной движущейся массой, откуда-то с другой стороны шоссе, раздался призывный звук горна.

— Сергей Николаевич!!!

Митя схватил за плечо Белкина:

— Давай! Давай!

Тра-та-та-та! — изо всех сил забарабанил Белкин.

Глава 17

ПЕРВАЯ РАЗЛУКА

Учитель с горном в руках стоял по ту сторону шоссе. Он видел взволнованные лица ребят, видел Митю. Тягостное беспокойство, которое он испытывал в последние часы, сменилось в нем горячей нежностью. Он махал ребятам шляпой, время от времени подносил к губам горн и, раздувая щеки, горнил еще и еще, извещая их о том, что он здесь.

А бойцы шли и шли, новыми рядами выступая из-за поворота, не давая возможности Сергею Николаевичу соединиться с Митей. Шофер давал гудки, мальчишки буйно волновались. Митя с трудом удерживал их.

Машина медленно двинулась по боковой дороге, по направлению к селу. Горн стал удаляться и звать за собой. Митя поспешно направился в ту же сторону. Теперь бойцы шли им навстречу, а Сергей Николаевич и ребята двигались по обеим сторонам шоссе.

За поворотом ребята бросились к учителю. Шофер остановил машину и, улыбаясь, смотрел, как, отталкивая друг друга, ребята обнимают учителя, тянутся к нему со всех сторон, наперебой рассказывают, как они узнали про войну, как боялись разминуться с ним на шоссе, как шли и как хорошо было бы в лагере, если б не война...

Митя стоял в стороне, но, встречаясь с ним глазами, учитель кивал ему головой. И, когда наконец они протолкались друг к другу, Сергей Николаевич неожиданно крепко поцеловал Митю и, сжав его плечи, спросил:

— Ну как?

Веснушчатое лицо Мити зарделось, он смущенно улыбнулся:

— Да ничего!

И оба они понимали, что под этим «ничего» скрыта большая, только что пережитая тревога, а теперь им легче, потому что они вместе.

Отойдя в сторону от ребят, Сергей Николаевич крепко сжал руку Мите и серьезно сказал:

— Ну, теперь все в порядке. Сейчас вы поедете с ребятами прямо на станцию. Машину набьем до отказа. Кто не сядет, пойдет со мной пешком...

— Они пойдут со мной! — перебил его Митя.

— Подождите. По приезде на станцию вы сейчас же отправите нам машину навстречу и договоритесь с начальником станции о вагоне.

— Сергей Николаевич, по-моему, вы это лучше сделаете! Время такое... я могу не договориться... Кроме того, бо́льшая часть ребят сейчас уедет; значит, останутся только шесть-семь человек. А вдруг поезд как раз подойдет и я не буду знать, что делать? — решительно запротестовал Митя.

— Поезжайте, поезжайте! — уговаривал его учитель.— Если поезд как раз на станции, вывозите первую партию, а за нами посылайте машину.

Митя спорил. Учитель сердился, доказывал, потом махнул рукой и громко сказал:

— Хорошо! Значит, я возьму столько, сколько смогу, а вы будете ждать в селе возвращения машины.

Ребята одолевали шофера:

— Вы за нами приехали? А почему на легковой? Лучше бы на грузовике...

— А откуда вы приехали — там есть уже война?

Подошли Сергей Николаевич и Митя. Учитель открыл дверцы машины:

— Ну, ребята, сейчас мы вас тут, как грибов в кузов, наберем! Садитесь так, чтобы как можно больше взять. Первая партия поедет со мною. Другая пойдет с Митей пешком до села и будет ждать, пока за ней вернется машина. Кто устал, кому трудно идти, поедет со мной. А ну-ка, девочки! Девочки! Ну, что же?

Ребята застеснялись. Несколько девочек сели в машину. Митя постучал им в окно:

— Поплотней, поплотней садитесь! На колени друг к дружке. Садитесь, садитесь! Глушкова! Белкин! Где Малютин?

Трубачев подошел к Севе:

— Ты с Сергеем Николаевичем?

— Нет, я с Митей, пешком. Пусть другие...— Сева спрятался за спиной Мити.

— Синицына Нюра! — кричал Сергей Николаевич, несмотря на то что дверцы машины уже не закрывались.— Синицына!.. Митя, давайте и ее как-нибудь посадим,— вытирая платком разгоряченное лицо, говорил учитель.— Ведь я могу уехать. Если попадем на поезд, мы вас ждать не будем... Синицына!..— Сергей Николаевич понизил голос: — Пожалуй, вам будет трудно с ней. Давайте-ка ее в кабинку... Товарищ шофер, еще одну там устроить нельзя?

— Да некуда уже, товарищ... Одну девочку я посадил, а еще и вам где-то надо сесть.

— Ничего, Нюра пойдет со мной. Она ведет себя хорошо,— успокоил Сергея Николаевича Митя.— Поезжайте! А мы, как только придет машина, вслед за вами. Еще, может, на станции застанем вас.

— Давайте рассчитаем. В село вы придете к вечеру. Если машина вернется раньше, она вас будет ждать. Во всяком случае, не медлите. Если кого-нибудь удастся посадить на случайную машину, вслед за нами,— сажайте. Я на станции предупрежу...— Учитель с трудом влез в кабину.— Скажите там, чтобы не наваливались на дверцу, а то вылетят! — кричал он оглядываясь.

— Ребята, держите дверцу, не наваливайтесь!

— Ничего, ничего! Мы друг за дружку держимся! — кричали ребята.

Учитель быстро сосчитал остающихся:

— Трубачев, Одинцов, Булгаков, Мазин, Русаков, Степанова, Зорина, Синицына, Малютин... Малютин, ты почему не сел?

— Я ничего... Я с Трубачевым хочу! Я не устал, Сергей Николаевич!

— Ну, смотри! — Учитель махнул рукой и подозвал к себе Митю: — До свиданья, Митя! Помните — не задерживайтесь. Ну, в вагоне обо всем поговорим... Из пионерского имущества берите только самое необходимое — вряд ли мы можем рас-

считывать на свободный поезд... Ну, друзья...— обратился он к кучке стоящих на дороге ребят.— Трубачев! Шагайте к селу! Слушайтесь Митю! На станции увидимся! — Он соединил в своих ладонях протянутые к нему руки: — Будьте молодцами! Не раскисайте в пути!

Машина двинулась. Внутри нее, как в тесном гнезде, плотно прижавшись друг к дружке, сидели ребята; из окошечка высовывались руки, махали в воздухе:

— До свиданья! До свиданья! Догоняйте нас!

Машина загудела и, набирая скорость, помчалась по шоссе.

Митя собрал ребят:

— Ну, пошли!

Маленький отряд бодро зашагал по дороге. Солнце постепенно нагревало камни на шоссе.

Ребята сняли тапки и шли по краю леса, по узенькой утоптанной тропинке. Мимо проехала нагруженная всякой утварью телега. На ней сидела женщина, повязанная темным платком; на коленях у нее спал ребенок; сзади сидело еще трое, держась за узлы. Девочка лет десяти правила лошадью. Женщина то и дело утирала концом платка набегавшую слезу.

— Ульяна! — окликнула ее старая бабка, выходя из лесу с мешком свежей травы.— Куда это?

Ульяна тронула девочку за плечо. Лошадь остановилась.

— В Макаровку. Мирон отправляет... говорит: «Эвакуируйся от меня, пока война»,— уныло сказала она, поправляя на голове платок и моргая глазами.— Вот... еду...

Старуха кивнула головой на ребят:

— А як же? Треба мужа слухаты, голубка моя, бо ты не одна, у тебя дети... Ось из-под Лукинок детский дом с малыми детьми тоже эвакуируется. Целую машину их погрузили... И заведущая и воспитателька с ними.— Старуха вытерла двумя пальцами рот и зашептала: — Кажуть люди — вороги страшной силой идут. Бьются наши крепко, а они опять напирают.

Ульяна сердито блеснула глазами:

— Побоялась я их! Як бы не Мирон, сроду не поехала бы никуда от своей хаты!

Девочка, услышав про ворогов, хлестнула лошадь. Ребята с Митей остались позади. Какие-то люди догоняли их на шоссе, другие шли им навстречу. Все говорили о войне. Никто точно не знал, где немцы: близко или далеко. Митя уже слышал от Сергея Николаевича, что пограничная охрана, не ожидавшая вероломного нападения, была смята и фашисты продвинулись на несколько километров. Митя с нетерпением ждал минуты, когда он сам, своими ушами, услышит по радио сводку или, усадив в вагон ребят, обстоятельно расспросит обо всем Сергея Николаевича.

После полудня, когда ребята присели отдохнуть и закусить, в небе снова стало неспокойно. Показались самолеты. Один из бомбардировщиков пролетел так низко над лесом, что казалось, крылья его вот-вот заденут за верхушки деревьев. Митя поднял ребят. Прибавили шагу.

Под вечер стало легче идти. Воздух посвежел, пыль улеглась. Солнце широкими полосами ложилось на поля. Колхозники убирали хлеб.

Навстречу вдруг выехал грузовик. Он был доверху заложен ящиками и покрыт брезентом. Два красноармейца охраняли его, сидя наверху. С ним поравнялся другой грузовик. Он обогнал Митю с ребятами. В нем ехали две женщины с детьми. На дне машины, устланной матрацами и одеялами, тесно сидели малыши в белых фартучках. Обе машины остановились. Красноармеец подошел к шоферу прикурить. Женщина, ехавшая с детьми, неумело слезла с грузовика.

— Товарищи! Вы от Жуковки едете? Как там — не забито шоссе машинами, проедем мы?

— Ничего, проедете гражданка! — заглядывая в машину с детьми и подмигивая какому-то малышу, ответил красноармеец.— Ишь, стронули вас проклятые гитлеровцы с гнезда! — сочувственно добавил он.

— Что делать! Война. Нам лишь бы до станции добраться, а там в вагоне с людьми веселее как-то. Мы на Киев...

Митя прислушался.

— А ну, подождите, ребята! — Он быстрыми шагами направился к женщине.

Девочки окружили грузовик и, подпрыгивая, заглядывали в машину:

— Нянечка, это дошкольники?

— Валя! Лида! Смотрите, какой медвежонок в белом фартучке!

Девочки протягивали руки. Малыши, что-то лепеча на своем языке, кучкой лезли к краю машины.

— Тетя Катя, девочки к нам пришли! — серьезно сказал беленький мальчик с большими карими глазами.

Тетя Катя кивнула ему головой и, заметив подходившего к ней Митю, пошла ему навстречу. У нее было доброе лицо и ясные, спокойные глаза. Она выслушала Митю и сразу заговорила с ним так, как говорят с близким знакомым:

— Послушайте! Если ваш учитель поехал с ребятами на станцию, то возможно, что мы попадем с ним на один поезд. Я могу взять с собой девочек и там передать их Сергею Николаевичу, а вы с ребятами поедете следующим поездом — вероятно, уже утром. Я бы с удовольствием взяла всех, но у меня, как видите, полным-полна коробушка,— с улыбкой закончила тетя Катя.

— Ну что вы! И за девочек спасибо... Только вот что...— Митя сморщил лоб,забеспокоился.— Видите ли, я должен быть уверен, что в случае чего... ну, скажем, поезд подали раньше и наш Сергей Николаевич уехал...

Тетя Катя ласково погладила Митю по плечу:

— Я понимаю... Не брошу, не брошу! Довезу до Киева, сдам в детскую комнату, найду вашего учителя и вообще сделаю все, что нужно. Не беспокойтесь, дорогой! И решайтесь скорее, а то нам нужно ехать. Ну, спросите своих девочек!

Заведующая пошла к машине. Красноармейцы, перекурив с шофером, осторожно объезжали грузовик с детьми. Митя позвал девочек:

— Ну, девочки, поехали! Вот Екатерина Михайловна обещает вас доставить на станцию. Мы обо всем договорились. Садитесь, живо!

Девочки не спорили: они были рады ехать с малышами, догнать Сергея Николаевича с ребятами.

Митя посадил Валю Степанову, Лиду Зорину и Нюру Синицыну. Нюра, влезая в машину, зацепилась за крюк своей корзиночкой и чуть не расплакалась:

— Митя! Тут нитки у меня... Ой, ножнички, ножнички упали!

Ребята подобрали нитки и ножницы. Екатерина Михайловна потесней усадила своих малышей и освободила уголок:

— Ну, так. Семейство мое прибавилось... До свиданья, товарищ Митя! Не беспокойтесь за ваших девочек!

Машина тронулась.

— До свиданья, девочки! Мы следом за вами! — шагая рядом с машиной, говорил Митя.— А если Сергей Николаевич уже уехал, вы от Екатерины Михайловны ни на шаг! Я вас сам разыщу, понятно? Мы встретимся в Киеве!

— Ладно, ладно, Митя! Не беспокойся! Мы с Екатериной Михайловной будем!.. Ребята, до свиданья!

Мальчики побежали за машиной:

— Лида Зорина! До свиданья! Синицына, Валя!

Девочки долго и неутомимо махали им платками. Когда грузовик скрылся из глаз, Митя вытер рукавом лоб и облегченно вздохнул:

— Ну, все в порядке! Остались одни мужчины. Народ мужественный и твердый.

* * *

В село пришли поздно вечером. В небе снова зловеще гудели самолеты, глухие удары слышались то впереди, то где-то далеко позади.

На шоссе догнал Генка. Гнедой его был в грязи и в мыле.

— Весь лес объездил. Дядя Степан велел найти вас. Ну я, конечно, на лагерь наехал. Письмо прочитал, да и назад!

Ребята обрадовались Генке. По очереди ехали на Гнедом. Впечатления дня и длинный путь утомили всех. Ноги болели...

Подходя к селу, мальчики изо всех сил старались казаться бодрыми, пели боевые военные песни, выпрямляли усталые пле-

чи; но едва вошли в теплую хату Степана Ильича, как один за другим повалились на лавку. Баба Ивга с ласковыми причитаниями кормила их варениками. Глаза у ребят закрывались, и, пока Татьяна стелила им на полу, они уже крепко спали, привалившись друг к другу. Митя не ложился долго. Он ждал машину, которая, по его расчетам, должна была скоро вернуться со станции.

Стоя на крыльце, Митя думал о развернувшихся событиях, как о каком-то страшном и неправдоподобном сне, и даже услышанная им по радио сводка не утвердила в нем мысли, что война действительно есть, что, может быть, где-то за пятьдесят — шестьдесят километров уже второй день идут кровопролитные бои... Митя ждал Степана Ильича. Он чувствовал острую необходимость поговорить со взрослым партийным человеком. Быстрое продвижение немецких частей казалось ему тяжелым недоразумением, а то, что враг осмеливался бомбить наши города, было совершенно невероятно...

Степана Ильича не было. Баба Ивга объяснила, что сейчас все село на уборке хлеба. Уложив ребят, ушла и Татьяна.

Митя сходил в школу, вместе с дедом Михайлом собрал пионерское имущество, туго набил рюкзаки. Назад он шел шатаясь, отяжелевшие ноги не слушались его.

Над пустым селом гулял месяц — небо вдруг очистилось. Наступило затишье. На поле мирно гудели тракторы; освещенные месяцем тополя как будто охраняли село... Дорога уходила далеко-далеко, ровная, белая, спокойная...

У Степановой хаты Митя остановился, поглядел на часы: было двенадцать часов ночи. Машина могла бы уже вернуться... Митя вспомнил, что около деревни Жуковки, не доезжая станции, плохая дорога — песок и глина.

Степана Ильича все еще не было. На полу крепко спали ребята. На кровати сладко сопел Жорка. Митя лег около Трубачева; он представил себе Сергея Николаевича, отъезжающую машину с ребятами, девочек... Потом в его усталой голове все смешалось, задернулось туманом... И Митя заснул.

Он не слышал и не видел, как над селом зловеще проплыли бомбардировщики, как где-то около Жуковки вздыбилась до-

рога от первых сброшенных бомб, как на железнодорожной станции тяжело ухнула земля и белый каменный вокзал, разламываясь надвое, засыпал кирпичом и известкой железнодорожные пути...

Глава 18
КЛУБОК НИТОК

Митю разбудил шум, доносившийся со двора: слышались плачущие голоса женщин, гневные выкрики, проклятья. Среди них выделялся старческий, дребезжащий голос; его прерывал спокойный густой бас Степана Ильича. Митя провел ладонью по своей колючей бритой голове и сел... В раскрытые двери и окна широким потоком вливалось солнце. Разогревшиеся во сне ребята закрывались от него руками, прятали головы в подушки, не в силах побороть крепкий утренний сон. Ни бабы Ивги, ни Татьяны не было в хате. Машины, видно, тоже еще не было.

Во дворе вдруг стало совсем тихо. Говорил один Степан Ильич:

— Одним словом, нашего колхозного хлеба фашистам не кушать! Вывезем все до единой крохи, а не вывезем — так найдем, как с ним поступить.

Митя вышел во двор. Около сельрады собрались колхозники. Они были возбуждены, взволнованы; бабы утирали передниками глаза. Лица у всех были утомленные — видно, никто не ложился спать в эту ночь. У забора стояла мокрая, вспотевшая лошадь. Ребятишки заботливо вытирали тряпками ее запавшие бока. Около хаты на завалинке, окруженный тесной кучкой колхозниц, сидел высокий бородатый дед в пыльной, прокопченной рубахе, в старом пиджаке. Он поминутно вскакивал и, размахивая руками, кричал срывающимся голосом, перебивая Степана Ильича:

— А як ты его вывезешь? Куда ты пассажиров распределишь? Я кажу — народ давайте! Треба станцию восстанавливать. Красная Армия с Киева подходит — на чем будем подвозить? Ведь он же, проклятый, весь вокзал разворошил! Пути

все чисто перебиты, каменюгой завалены! Ой, горе, люди! — Он покрутил головой и ударил себя кулаком в грудь: — Двадцать лет сторожил! Какую новую станцию поставили! Вагоны были як те огуркѝ зеленые. И нема, ничóго нема. А людей так уж не касайся — сколько их перебил да покалечил проклятый кат за эту ночь!..

— Ну, слухай, диду! Все, что потребуется, будет сделано. И пути починим и вагоны пригоним,— спокойно отвечал ему Степан Ильич.— Людей, конечно, убитых не вернешь... это не в нашей воле. Только ворог наш кровью своей заплатит нам за каждого человека, а за детей наших и крови его не хватит — выклюет ему воронье поганые очи за детей наших!

Бабы громко заплакали, закричали мужики, потом все стихло...

Не глядя на людей, Митя шел прямо к старику. Во рту у него пересохло, по спине пробегал колючий озноб. Женщины зашептались, раздвинулись. Баба Ивга всплеснула руками и, поправляя на голове черный очипок, поспешила навстречу Мите.

— Ах ты ж, боже мий! — Она остановила Митю, обняла его за плечи, радостно зашептала: — Поехали ваши, поехали! Успокойся, сынок, успокойся, голубчик, еще с вечера поехали! Как раз на поезд поспели. И учитель и пионеры твои — все поехали... Дед Гаврила сам их в вагон сажал, он знает!

Дед Гаврила повернул головой и подвинулся, освобождая место около себя.

— А ты вожатый ихний? — с любопытством спросил он.

— Вожатый.— Голос у Мити был хриплый, чужой, деревянный.— Так уехали они, говорите?

Дед оживился:

— Раз в раз! На последний поезд поспели! Еще шоферу своему приказывали за вами ехать...

Митя облегченно вздохнул:

— А где шофер?

Старик развел руками:

— Пропал, бедный... И машину его перекорежило, и ничего от человека не осталось... от бомбежки пропал...

Митя вспомнил молодое улыбающееся лицо, выглядывающее из кабинки; сердце у него заныло.

— А вы, дедушка, сторож? Там еще три девочки на грузовике... с малышами были...— От волнения Митя говорил несвязно, глотая слова.

Старик нахмурился, как бы припоминая:

— Так там же и девочки и мальчики, одно слово — пионеры... Ну, так они все и поехали... От який ты пуганый! Я тебе одно, а ты мне другое! А шофера коло Жуковки разбило... И богато там людей проклятый кат покрошил... Песок там, быстро ехать не можно, а он, кажуть, по-над самой дорогой, як той дьявол, спустился да с пулемета и давай людей крошить... А то и бомбой действовал... И малых деток не пожалел: як тарарахнет по грузовику, так всех в одну кашу, як тех пташек в гнезде уложил... И заведующую и нянечку, яки там с ними были... Люди говорили — страшно смотреть на это дело...

У Мити в глазах медленно двинулось и поплыло куда-то шоссе, закачался грузовик, в ушах зазвенел и смолк детский лепет...

Старик махнул рукой, вытащил кисет:

— Мабуть, и в гражданскую такого не було... Я сам не бачив, но люди говорили...

Митя встал:

— Где это? Около Жуковки?

— Ну да, на шоссе...

Подошел Степан Ильич. На его лице не было заметно ни волнения, ни следов бессонной ночи. Только голубые глаза стали темнее и строже. Он тронул Митю за плечо, улыбнулся ласково и ободряюще:

— Ну, как ни есть, а твои уже скоро дома будут. А там и вас отправим. Станцию мы в два дня оборудуем. На поле баб оставим, а молодежь и кой-кого из стариков пошлем на железную дорогу. Из Ярыжек уже пошли люди...

Дед продолжал пояснять собравшимся:

— Он, бандит, думал, что на склады напал. А склады-то военные у нас не в тех местах сохраняются...— Сторож вдруг замолчал, пожевал губами ус. И, видимо рассердившись на

себя за излишнюю болтливость, поспешно встал: — Поеду дальше. Нема у меня часу тут рассиживаться... А ты, Степан, посылай людей сегодня же!

— За́раз пошлю,— откликнулся Степан Ильич и, взяв под локоть Митю, пошел с ним в хату. Глядя на разметавшихся во сне ребят, он пошутил: — Вот где у меня работнички! Богатырская сила!

Баба Ивга принесла молоко, хлеб, сало:

— Кушайте, мои дорогие, что есть, бо я и печь сегодня не топила.

Степан Ильич ел молча; он был уже снова поглощен своими делами и не обращал внимания на Митю.

Татьяна и баба Ивга нарезали большими кусками хлеб и торопливо жевали его, макая в миску с варенцом. Жорка влез к отцу на колени и громким шепотом спросил:

— А таких, как я, хлопчиков на войну берут?

Отец молча снял его с колен, вытер губы:

— Ну, я пойду! Татьяна, бежи до клуни, готовь мешки. А вы, мамо, как накормите хлопцев, то ложитесь поспать.

— Ни, сыну! Тебе работа, и мне работа,— коротко ответила баба Ивга, убирая со стола.

Степан Ильич посмотрел на Митю; в глазах его промелькнула какая-то мысль, но он ничего не сказал, кашлянул и вышел. Митя хотел выйти вслед за ним, хотел сказать, что в грузовике вместе с малышами ехали девочки... Но говорить об этом было бесполезно, и голос застревал где-то в горле.

Когда Степан Ильич вышел, Митя тоже встал, кивнул на ребят:

— Я... скоро приду... Пусть они спят.

В селе шла напряженная жизнь. В каждом дворе были настежь открыты ворота; за воротами двигались люди — выгружали возы, таскали мешки с зерном. В некоторых хатах еще горели ночные огни — видно, хозяева, занятые работой в поле, забыли их потушить. Где-то ревели коровы; на улице валялись в пыли жирные свиньи; собаки, чуя непорядок, с остервенением лаяли на них. Не умолкая, тарахтел в поле комбайн. На шоссе мимо Мити пробегали девчата, деловито шагали хлопцы.

«Хлеб убирают, торопятся. Помочь бы надо»,— думал, проходя по селу, Митя. Но мысли эти были безучастные, поверхностные. Другие, страшные, наполняли ужасом Митино сердце. «Валя Степанова, Лида Зорина, Нюра Синицына... Не может быть! Нет, не может быть!»

Выйдя за околицу, Митя прибавил шагу, потом побежал. Ветер трепал его рубашку, солнце обжигало лицо. Люди останавливались, глядели ему вслед.

— Далеко до Жуковки?..

Кончался лес, начиналось поле, шоссе кружилось, убегало за сосны, за тополя, в неизвестную даль. Лоб покрывался испариной, рубашка прилипала к телу.

— Далеко до Жуковки?..

— Вот как песок начнется, немощеная дорога будет — там и Жуковка.

В овражке под мостом журчала вода. Митя упал в густую траву и жадно стал глотать воду пересохшим ртом.

Качались ромашки, голубели незабудки, мирно квакали лягушки... Небо было синее-синее. Перед глазами встали веселые лица девочек...

Митя зачерпнул пригоршней холодную воду, плеснул на лицо, на шею и бросился бежать...

Солнце поднялось высоко, потом перевалило за полдень и медленно начало опускаться. Митя не чувствовал ни голода, ни усталости.

Шоссе кончилось. Ноги тонули в горячем песке. На дороге стали попадаться куски железа, вывороченные комья земли. Темной кучей лежала легковая машина, колеса ее отлетели на несколько метров и вздутыми шинами торчали на измятой траве. Вблизи дороги валялась перевернутая набок телега.

Митя шел и шел, замедляя шаг, прислушиваясь. Иногда ему казалось, что кто-то зовет его по имени, и он снова бросался бежать. Потом вдруг сразу остановился, замер...

Под самым лесом тяжело и бездыханно лежал разбитый грузовик — это была куча железа; вздыбившаяся кабинка с передними колесами прикрывала разбитое в щепы дно машины. Неподалеку виднелась невысокая свежая насыпь, на ней еще

не успела обсохнуть глина; рядом были заметны следы ног, валялась старая лопата...

Митя остановившимися глазами смотрел на разбитый грузовик, на свежую насыпь. В примятой траве светлела на солнце нежно-желтая манная крупа. Под деревом что-то блестело.

Митя машинально нагнулся и поднял маленькие острые ножницы...

Рядом с ними валялся клубок вышивальных ниток...

Глава 19

ПЕРВОЕ ГОРЕ

Васек потянулся, открыл глаза. Во всем теле было такое ощущение, будто он спал на голых камнях. Ребята тоже кряхтели во сне, вытягивая то руку, то ногу. Васек вспомнил вчерашний день и удивился, что никто их не будит, не торопит.

«Ведь машина, наверно, уже пришла. А где же Митя? Может, он в школе — собирает вещи? Что ж он никого не разбудил? Неужели еще так рано?»

Васек поискал глазами мирно тикающие в углу ходики и вскочил:

— Десятый час! Вот так поспали!

Он потряс за плечо спавшего рядом Сашу. Саша недовольно промычал что-то и повернулся на другой бок.

Васек вышел во двор. Солнце брызнуло ему в глаза, облило все тело горячим светом; захотелось побежать на речку искупаться, окунуться с головой в холодную воду. Около крыльца лежала лохматая собака; она лениво вытянула лапы на сухой черной земле и шумно вздохнула, покосившись на Васька.

За плетнем, около белой просторной хаты сельрады, было пусто. Васек прошел туда, заглянул в окна, думал увидеть Степана Ильича. Но за столом сидели колхозные старики и, торопливо подсчитывая что-то, записывали в толстую клеенчатую тетрадь.

Васек прошелся по двору. Около крытого сарая лежала горка зерна. Там копошились птицы. Сбившись в кучу, кудахтали куры, сердился петух, гоготали гуси.

Жорка, присев на корточки, обеими руками сгребал зерно и насыпал его в торбу.

Куры копошились у него под руками; гусаки, вытягивая длинные шеи, с гоготом нападали на Жорку. Он сердито оборонялся от них, хватал за крылья, выбрасывал из общей кучи и кричал:

— От я вас! Пошли вон! — Увидев Васька, обрадовался: — Московский, иди зерно собирать!

Васек подошел, разгоняя кур:

— Что это ты делаешь?

Жорка вытер ладошкой нос; щеки у него были замурзаны, в короткие волосы набилась пыль; чистыми на лице были только голубые, как у отца, глаза. Он объяснил, что с поля свозят хлеб, а один мешок порвался, и баба Ивга велела ему собрать рассыпанное зерно.

Васек потрепал его по голове и пошел к воротам. За воротами на зеленой траве колхозные девочки шили мешки. Одна из них что-то бойко рассказывала подружкам, взмахивая иглой с тонкой бечевкой. При виде Васька она смолкла. Васек кивнул девочкам головой:

— Здравствуйте!

Они ответили дружно, хором.

Васек хотел спросить, не видели ли они вожатого Митю и не приходила ли со станции машина. Но спросить было как-то неловко; он с независимым видом постоял у ворот, посвистел... Девочки с любопытством смотрели на него. От их взглядов и от того, что они работают, а он стоит и посвистывает, Ваську стало не по себе; он повернулся и пошел в хату. Но Жорка снова окликнул его:

— Московский! Что я тебе скажу! — Он, согнувшись, потащил по земле свою сумку.— Иди сюда! У нас фашисты железную дорогу разбили... и станцию... Дед на коняке приезжал... И шофера вашего убили... бомбой! — вытаращив глаза, кричал он.

— Чего? — Васек побежал к нему, тряхнул его за плечи: — Врешь!

Жорка вырвался, обидчиво выпятил губы:

— Я правду кажу!

— А где мать? Где дядя Степан? Где баба Ивга? — Васек растерянно смотрел в голубые глаза Жорки, тянул его за руку.— Кто тебе сказал?.. Где баба Ивга?

— Баба в коровнике,— испуганно пятился от него Жорка.

Васек побежал к коровнику, с силой толкнул тяжелую дверь, застучал кулаками:

— Баба Ивга! Откройте!

Баба Ивга не спеша открыла дверь. Васек шагнул в темноту сарая. Споткнулся на кучу земли и, задыхаясь, пробормотал:

— Жорка сказал — станцию разбили! Где наши все — ребята, Сергей Николаевич?.. Мити нет!

— От же який хлопець противный! — рассердилась баба Ивга.— Я ему покажу! — Она ласково погладила Васька по голове: — Живы все ваши! Поездом поехали, спокойненько погрузились — нема чего за них волноваться, сынок! И Митя ваш цел, никуда от вас не денется...

— Покормите, мамо, хлопцев. Верно, уже попросыпались они,— тихо сказала из темноты Татьяна. Она стояла по пояс в яме, опираясь на лопату.

— За́раз, за́раз... Пойдем, голубчик! Ваши уже в Киеве скоро будут. А станцию разбили — это верно... Разбили, проклятые! Только учитель ваш уже уехал до того времени...— рассказывала баба Ивга, вытирая о передник руки.

— Да когда же это? Как это?

— Ночью, голубчик. Налет фашисты сделали... Страшное дело... Война, миленький, идет, война...— Она вывела Васька из сарая, заглянула в хату, взяла коромысло, загремела ведрами.— Спят еще хлопцы твои. Я их не побудила утром — пусть спят. И Митя не велел будить. Он к Жуковке пошел. А чего пошел — не сказал... Дорога не ближняя — мабуть, к ночи только вернется... Посиди на солнышке, сынок, я за водой схожу.

Васек присел на завалинку. Беспорядочные, тревожные мысли толпились у него в голове.

Станция разбита... Значит, где-то близко уже бродит враг... Он бросает бомбы, он убивает людей... Баба Ивга так и сказала: много людей побил... Не в сраженье побил бойцов, а просто на дороге каких-то людей... А по дороге идут женщины и дети... Вот и сейчас к этой самой Жуковке пошел Митя. И зачем он пошел? Почему не сказал Ваську, что делать ребятам в его отсутствие?..

Васек решил разбудить товарищей и поделиться с ними всеми новостями.

Он вошел в хату, крепко стукнул дверью:

— Вставайте!

Никто не отозвался. Васек подходил к каждому, дергал за одеяло, тряс за плечо. Ребята недовольно отмахивались, сонно мычали. Мазин дрыгнул ногой и с угрозой проворчал:

— Брось лучше!

Сева открыл сонные глаза, нежно улыбнулся:

— Сейчас, сейчас, мамочка!

Васек рассердился:

— Какая я тебе мамочка! Вставайте сейчас же!

Он снял с полки барабан и забил тревогу. Ребята испуганно заерзали на мягком сене, моргая от яркого света; потянули к себе одежду, вскочили.

— Тревога! Тревога! Вставай! — заорал Мазин, тормоша Петьку.

— Трубачев, что случилось?

Васек рассказал товарищам все, что слышал от бабы Ивги.

— Как же это? Станцию разбили? С воздуха?

— Значит, они в тыл зашли?

— А Сергей Николаевич с нашими ребятами далеко отъехал? Может, и их поезд бомбили? — с тревогой спросил Сева.

— Ну, что ты! Это же не военный поезд, а пассажирский. Они не имеют права невоенных убивать,— уверенно сказал Саша.

— Не имеют права? А около Жуковки дорогу бомбили, а на дороге всяких людей много! — возмущенно сказал Васек.— Хорошо еще, что наши девочки с малышами поспели!

— Ну, уж ты чересчур... Они ведь смотрят, кто едет. А там одни малыши — не нападать же им на детей,— серьезно сказал Одинцов.

— Эх! — бросил с презрением Мазин.— Будут фашисты разбирать!

Пока баба Ивга готовила завтрак, ребята строили планы, что делать — не пойти ли навстречу Мите?

Удивлялись, что Митя ушел, никого не предупредив и не сказав никому, зачем идет. А вдруг на село налетят фашисты?

— Ребята, а у дяди Степана уже окопы роют,— шепотом сообщил Васек.

Ребята заинтересовались. Васек осторожно заглянул в коровник. Татьяны там не было. Ребята один за другим спрыгнули в яму.

Подходя к своей хате, Степан Ильич услышал треск, пальбу и грозную команду:

— Вперед! Заходи с тыла! Бей его!

В стенки сарая летели комья земли. Лохматая собака с яростным лаем нападала на сарай.

Степан Ильич прислушался, усмехнулся, широко распахнул дверь коровника и стал на пороге:

— А ну, один за другим, марш отсюда! Живо!

Ребята, виноватые и смущенные, вылезли из ямы.

За столом Степан Ильич, ласково поглядывая на них, говорил бабе Ивге:

— От не знали, кого на войну послать! Такие бойцы зря без дела пропадают!

— Не пропадут. Я им после завтрака работу найду — всю яму мне обвалили! — строго пригрозила баба Ивга.

— Мы поправим! Мы сейчас!.. Идем, ребята! — вскочил Трубачев.

— Сиди, сиди! Кушай вот! А за баловство от меня и Жорке попадет... Люди копали — значит, надо их работу уважать, хоть вы, мои голубята, и гости у нас.

— А они без няньки не могут быть,— поддразнил Степан Ильич.— Раз вожатого нет — пропало! Дисциплина уже не та.

Ребята сидели красные, смущенные.

— А что это ты, Степан, на хлопцев напал? Они и вправду подумают, что ты на них сердишься... А и вы, мамо тоже! — вступилась Татьяна.— Дети перепуганы, а вы шутки шутите.— Она заморгала глазами, отошла к печи.

— Ну-ну! То вы, бабы, пугаетесь, а мужики — народ крепкий,— вздохнул Степан Ильич, исподлобья глядя на жену.

— «Крепкий»... А над тем грузовиком с малыми детьми так и мужики и бабы плакали... Такой крик стоял...— всхлипнула Татьяна.

— Доню моя...— тихо сказала баба Ивга.— И так сердце болит, зачем такое рассказывать...— Она указала глазами на остолбеневших от неожиданности ребят: — Сама хлопцев пугаешь...

— Над каким грузовиком? — тяжело дыша, спросил Сева.— С дошколятами? Почему плакали?..

Ребята перестали есть.

Мазин налег на стол. Петька похолодевшими пальцами вцепился в его плечо. Саша и Одинцов не отрывая глаз смотрели на Степана Ильича. У Васька замерло сердце...

Степан Ильич недоумевающе смотрел на ребят. Баба Ивга сердито прикрикнула на Татьяну:

— Выйди с хаты со своими слезами!

Степан Ильич нахмурился, рассердился:

— А еще пионеры! Москвичи! Где война — там и убитые есть! И скрывать тут от них нечего. Верно! Побили грузовик с детьми. Малых детей побили! Так это зверство каждый на всю жизнь запомнить должен! Чтоб пионеры это знали, комсомольцами помнили и коммунистами не забывали! Вот как надо! — Он стукнул кулаком по столу.

— Дядя Степан...— Голос у Васька дрогнул.— В этом грузовике наши девочки были. Мы их на дороге подсадили...

— Чего? — Степан Ильич широко открыл глаза, неуклюже повернулся к матери.

Баба Ивга сидела прямая, неподвижная:

— Не знала я этого, сыну...

Степан Ильич посмотрел на ребят. Они сидели согнувшись,

каждый с трудом удерживал слезы. Сева закрыл руками лицо, пальцы его дрожали.

У Степана Ильича на лбу выступили капли пота. «Так вот куда побежал Митя!» — подумал он и обернулся к ребятам:

— Вот что я вам скажу, хлопцы... Может, и погибли ваши девочки, и горе ваше большое... На войне слезы несчитанные. Только слабость нам сейчас не к лицу. Слабость наша врагу на руку... А у нас дела непочатый край. Хлеб на поле стоит, рабочих рук не хватает...— Он встал.— Плакать нам некогда! И чтобы живо мне на работу становиться! Яму копать, в поле идти!.. Кто у вас командир?

— Я...

— Не слышу! — загремел Степан Ильич.— Голоса твоего не слышу!

Васек встал:

— Я, Трубачев, командир отряда.

Степан Ильич махнул рукой:

— Распределяй людей! Чтобы к ночи яма была вырыта! Двоих мне на поле давай!

— Мазин! — окликнул Васек.

— Есть!

— Булгаков!

— Есть!

— На поле! Остальные со мной!

— Пошли! — пропуская вперед мальчиков, сказал Степан Ильич.

Ребята на ходу утирали слезы.

Под вечер над селом завыли фашистские самолеты. Они пролетели низко над полем, осыпая работающих людей градом пуль. Степан Ильич отослал ребят домой. Сидя в хате и прислушиваясь к вою вражеских самолетов, они молча переживали свое горе. Все произошло так неожиданно и так страшно, что даже не верилось, что это правда и они больше никогда не увидят девочек.

Люди долго не возвращались с поля. Село казалось пустым. Наступали сумерки. Никто не зажигал свет. В хате было одиноко и страшно.

Поздно ночью, стоя у ворот, ребята видели, как, устало передвигая ноги, шел по селу Митя. Навстречу ему вышел Степан Ильич. Они долго говорили о чем-то, замедляя шаги и останавливаясь. Степан Ильич гладил Митю своей широкой ладонью по спине и, наклоняя голову, заглядывал в осунувшееся Митино лицо. Когда они подошли ближе, Васек увел ребят... Никто из них не спросил Митю, где он был.

Глава 20

ГОРЯЧИЙ ДЕНЕК

Было еще совсем рано, когда Игнат широко распахнул дверь и крикнул:

— Василь, поднимай своих хлопцев — на поле пойдем! Живо! Наши уже все там!

Васек вскочил, протер глаза. Из-за спины Игната выглядывали три хлопца. Один был неизменный товарищ Игната — Федька Гузь, другой — сын колхозного конюха Грицько и третий — племянник счетовода Ничипор. Веселого голубоглазого Грицька Васек хорошо запомнил еще с первой встречи. Грицько почему-то считал своим долгом здороваться со всеми за руку и даже у костра обходил всех по очереди и, если кто-нибудь сидел к нему спиной, легонько толкал его в спину и говорил: «Здоро́во! Давай твою руку!»

И, когда один раз Валя Степанова, заговорившись с кем-то из девочек, не обратила на него внимания, он без всякого стеснения дернул ее за косу и, простодушно улыбаясь голубыми, безоблачными глазами, сказал: «Здоро́во и ты, дивчинка! Давай твою руку!»

Ребята так и прозвали его: «Гриць — давай руку».

Другой хлопец, Ничипор, был такой же длинный и нескладный, как его имя. Тонкие мальчишеские руки его и ноги цеплялись за все предметы, мешая себе и окружающим. Характер у Ничипора был мягкий, никогда ни на кого он не сердился, и добрые глаза его с редкими белесыми ресницами, пухлые щеки и полуоткрытый рот имели всегда одно и то же удивленное детское выражение.

— Здоро́во! Здоро́во! — дружески кричали вошедшие.

Грицько расталкивал сонных ребят:

— Ну, просыпайся! Давай твою руку!

— Вожатый ваш велел, чтоб вы с нами на поле шли,— пояснил Игнат.— Он тоже там со Степаном Ильичом. Сейчас весь народ вышел, потому что надо спешно хлеб убирать.

Ребята заторопились. Наскоро завтракали простоквашей с хлебом.

— Тапочки наденьте, а то с непривычки ноги поколете,— беспокоился Игнат.

Малютина оставили дома. Митя велел ему помочь Жорке собрать просыпанное вчера зерно и приготовить на печку дров.

Ребята вышли за околицу. Игнат хмурил брови и, жестикулируя, говорил:

— Когда б не так спешно, были б грузовики, а сейчас негде их взять. Ну конечно, послали на МТС человека, да вряд ли толк будет... Везде уборка идет. И лошадей мало... Ну, чем ты будешь зерно свозить, как у тебя грузовиков нет?

Он толкал Трубачева в бок, строго смотрел на него синесерыми глазами и, подождав ответа, заканчивал сам:

— Ну вот... Люди сыплют зерно на брезент, и лежит хлеб на поле... Вот тебе и уборка! Так наши хлопцы лопатой его — да в мешки. А кто посильнее, тот и на подводу подтащит...

Васек не слушал Игната. Ребята тоже хмуро и печально глядели себе под ноги. Весть о гибели девочек казалась еще страшнее, чем вчера. Начиналось утро; дул свежий ветерок, качались деревья; кудахтали во дворах куры, кричали гуси, на поле тарахтели комбайны, суетились люди, а на земле уже не было тихой, ласковой Вали, живой говоруньи Лиды и хлопотливой Нюры Синицыной...

Игнат еще что-то говорил, потом бросил ребят, догнал проехавшую мимо телегу с туго набитыми мешками и, указывая на один мешок, плохо завязанный веревкой, сердито закричал на шагавшего рядом хлопца:

— Куда смотришь? Зачем такие мешки кладешь? Какой-то черт ленивый завязывал! Смотри, зерно просыплешь!

Хлопец беспокойно оглянулся на мешок, потрогал бечевку.

— Довезу... Недалеко!

Игнат вернулся к ребятам и, прибавив шагу, повел их через редкий соснячок к полю.

Огромное, желтое, подстриженное, как под гребенку, поле уже не было таким золотым и шумливым, как в тот день, когда Степан Ильич, остановившись на краю его, широко повел рукой, указывая ребятам на высокие волны колосьев, убегающие далеко-далеко к лесу.

— Ой, какое голое стало поле! — удивился Васек. Но тут же, вглядевшись, увидел вдали широкую полосу пшеницы и словно плывущий по ней комбайн.

— Пошли за мной, хлопцы! — крикнул Игнат, вырвался вперед и, прижав к бокам локти, побежал напрямик по колючей стерне, поднимая ногами сухую пыль.

Ребята бросились за ним.

В поле толпился народ; на серых брезентах, разостланных прямо на земле, поднимались горы крупного, отборного зерна. Хлопцы лопатами ссыпали его в мешки. Какая-то дивчина, держа в зубах конец бечевки, обреза́ла ее ножом и, привалившись грудью к полному доверху мешку, туго завязывала его. Женщины-колхозницы сильными руками поднимали мешки и с помощью хлопцев или стариков укладывали на подъезжавшие телеги.

Комбайн, врезаясь в гущу колосьев, с тарахтением выбрасывал обмолоченную солому. Сбоку, из его широкого рукава, золотым потоком сыпалось крупное зерно. Подводы не успевали подъезжать, и зерно падало прямо на брезент, вырастая среди поля желтыми горами.

Ребята с удивлением и восторгом смотрели на машину, которую никогда раньше не видели в действии.

— Василь, становись на мешки! Бери лопату!.. Хлопцы, сюда! Расставляйтесь по местам!

Васек схватил лопату и с размаху всадил ее в кучу зерна, потом оглянулся, поднял пустой мешок, положил его боком и, присев на корточки, стал обеими руками сгребать в него зерно. Вокруг раздавались чьи-то голоса, но, зараженный общей

спешкой, Васек не слушал их. Ему некогда было посмотреть, где ребята, и только раз или два, подняв глаза, он увидел, как Мазин, напыжившись и вцепившись обеими руками в мешок, тащит его к телеге, и в другой раз, неожиданно столкнувшись с кем-то головой, узнал Одинцова.

— Девчата, мешки подавайте!.. Куда тебя на зерно несет? Не видишь, что ли? — кричал где-то рядом Игнат на нерасторопного Ничипора, потом, подскочив к лошади, шлепал ее ладонью по морде, хватался за оглобли: — Тпру!.. Назад! Осади назад!.. Стоп!..

Лошади, прокладывая свежие колеи на стерне, изо всех сил тянули возы, наполненные мешками.

Ваську становилось жарко. Солнце уже высоко поднялось над полем, припекая плечи и головы работающих людей. Быстро мелькали лопаты, от зерна рябило в глазах, во рту стало сухо, в горле першило. Мазин с багрово-красным лицом пробежал мимо, зажимая нос; сквозь пальцы просачивались капли крови. Саша нес куда-то сложенные стопкой мешки, поддерживая их подбородком и шатаясь от жары и усталости.

— Хлопцы, кто кончил, перебегайте до другой кучи! Тут пускай один-два остаются — мешки завязывать! — кричал, неожиданно появляясь, высокий седой бригадир в выгоревшей майке.

— Ребята, давай сюда лошадь! Сюда! — кричал и Васек, глотая сухим ртом воздух.

— Игнат! Ау! Игнат! — раздался звонкий молодой голос.

Из-за подвод вынырнула Марина Ивановна. На ней была синяя юбка, отороченная красными полосками, и вышитая крестом рубашка. Из-под голубой косынки выбивались прядки черных волос. Она поставила на траву ведро воды и замахала кружкой.

— Эй, Тарасю-у-ук! Напой хлопцев водо-ой! — певуче разнеслось по полю.

— Добре! — отозвался Игнат.

Ребята, волоча за собой мешки и лопаты, со всех сторон бросились к воде. Васек, с трудом разгибая спину, подошел послед-

ний. Мазин, закинув голову, жадно пил. А Марина Ивановна, сердито сдвинув брови, кричала на Игната:

— Смотреть надо! Хлопчик весь красный, как бурак, из носа кровь идет! Отправь на село сейчас же... Какая это работа!

Мазин оторвался от кружки и зажал нос серым от пыли платком. Лицо у него было обожжено солнцем, веки подпухли.

Марина Ивановна зачерпнула пригоршню свежей воды и, продолжая ругать Игната, своей рукой умыла Мазину лицо и, повернув его за плечи, скомандовала:

— Иди в село! — Потом, осмотрев остальных ребят, покачала головой:— Отведи их всех, Игнат. По холодку пускай выходят... Заморились!

Рулевой, стоя на мостике комбайна, замахал рукой:

— Воду сюда!

Марина Ивановна подхватила ведро и быстро побежала по стерне.

— Идите в село! — оглянувшись еще раз, крикнула она.

Мазин, прижимая к носу платок, улыбаясь, глядел ей вслед:

— Как она меня... умыла...

Игнат усмехнулся:

— Всегда такая! Раз-раз! И чтоб все по ее было. А в классе что делает! Напишешь грязно или кляксу уронишь и подашь ей тетрадку, так она аж покраснеет вся: «Ты меня не уважаешь! Свой труд жалеешь, а мой нет!» И пойдет! Ну, а уж если что хорошо сделаешь, так ты у нее первый человек. Даже от радости засмеется, и весь класс за ней! — Игнат оглянулся и таинственно шепнул: — С Коноплянкой сильно дружат, может, даже жениться будут...— И, помолчав, добавил с мягкой улыбкой: — По всей вероятности, что так, потому что уже хату себе ставят...

Забежав в хату, ребята увидели Митю. Он сидел на скамье и мокрым полотенцем обертывал распухшую багрово-красную ногу.

— Пустяки. Телегой задело. Я на Жуковке был вчера. Пути восстанавливают. Завтра-послезавтра поедем,— кратко сказал Митя.

По холодку, когда солнце спустилось к лесу, ребята снова вышли на работу. Теперь им показалось легче собирать в мешки зерно, но спину ломило, руки ныли, и вечером, придя домой, они как подкошенные упали на свои постели, отказавшись от ужина.

Глава 21

ДНЕВНИК ОДИНЦОВА

28 июня

Давно я не писал наш дневник. Такое горе у нас, такое горе! Неужели правда, что нет на свете наших девочек? Митя ничего не сказал нам; ребята все молчат и только плачут потихоньку. Как мы без девочек домой поедем?

Жалко Митю. Он сразу стал такой худой, просто почернел даже. Как пришел, все советовался с дядей Степаном хотел с нами пешком до Киева идти. А на другой день, смотрим, нога у него распухла вся, под коленкой кровавое пятно. Еле-еле он ходит. Баба Ивга примочки ему кладет. Оказывается, на Жуковке, когда он шел назад, фашистский бомбардировщик опять стал бомбить шоссе, и одна лошадь понеслась; Митя помогал ее ловить, его по ноге колесом и задело. А он даже ничего не сказал сначала. Все про себя терпит, бедный.

Мы стараемся работать изо всех сил. Трубачев и Тарасюк Игнат берут всякие задания. Некогда даже поесть иногда — так мы стараемся! Дядя Степан нас хвалит. Бабе Ивге мы все дрова перекололи, воду носим и печку затапливаем сами.

А фашисты все идут да идут. Говорят, их очень много — целые моторизованные колонны, и танки у них, и пулеметы. Недавно по всему небу дым пошел, и красное-красное зарево где-то далеко было. Один дядька сказал, что это фашисты жгут села, потому что Красную Армию все колхозники поддерживают — и продовольствие подвозят и раненых прячут.

А недавно в одно село ворвались фашисты, а Красная Армия их там здóрово побила — вот они и злятся...

А вчера в наш колхоз два человека приезжали. Один высо-

кий, седой, волосы ежиком подстрижены, и глаза такие серые, пристальные. Это секретарь райкома, его зовут Николай Михайлович. А другой с ним — директор МТС. Он тоже хороший. Глаза веселые, насмешливые, плечи широкие. Он нам сначала показался высоким, а потом, как стал рядом с Николаем Михайловичем, то куда ниже его ростом. Когда говорил, то все время палец поднимал — такая у него привычка. Его зовут Мирон Дмитрич.

Как только они приехали, все село сбежалось в сельраду. И мы, конечно, сбежались. Начался разговор про войну. Николай Михайлович сказал, чтоб люди были стойкими, что мы все равно фашистов разобьем и что сейчас самое главное, чтоб все крепко держались друг за друга и доказали свою верность Родине, а коммунисты всегда будут первыми в этой борьбе и вместе с народом. И что Красная Армия уничтожила уже много врагов и будет уничтожать их до конца! Колхозники так все подбодрились, что хоть сейчас в бой.

А один тут есть — Петро, он тоже высказался, а Николай Михайлович ему сказал, что каждый человек будет виден на деле, а не на словах.

Потом дядя Степан ходил с приезжими в поле. И совещание какое-то у них было.

Вечером они уехали.

А ночью мы подсмотрели, что несколько колхозников со Степаном Ильичом зарывали в нашу яму зерно.

Трубачев сказал нам по секрету, что это на всякий случай зарывают семенной фонд. А Мазин пронюхал, что колхозники даже свой хлеб зарывают, чтоб не достался фашистам, если они сюда придут. Неужели они могут прийти сюда?

Николай Михайлович и директор МТС ездили и в Ярыжки. Игнат говорил, что они там комсомольцев собирали. Митя не мог пойти, а нас туда не звали — мы пионеры.

Зато Трубачев нас собрал и сказал, чтоб мы брали пример со взрослых, работали изо всех сил, а что случится, не падали бы духом и, даже если кого-нибудь из нас ранят на войне, чтоб терпели молча, потому что время военное. Мазин сказал, что он может все вытерпеть, если надо, и попросил нас, чтоб мы ему тут

же для пробы зажали дверью руку. Но Трубачев не позволил, потому что руками надо работать и нечего придумывать всякие дурацкие штуки. И вообще надо хорошенько подтянуть дисциплину.

Железную дорогу на Жуковке уже почти восстановили. Там и колхозники и красноармейцы работают. Скоро мы поедем домой. Нам даже не верится, что мы будем дома. Мы с Митей сложили в мешки самое необходимое, чтоб, как только пустят поезда, скорей ехать.

В школе теперь живет один дед Михайло, а Генку Степан Ильич все время по всяким поручениям посылает. Вот и сейчас послал куда-то.

А сегодня в селе никто не спал. Все так гремело, ухало, трещало. И на небе все время как будто кто спичками чиркал. А потом два самолета немецких загорелись. Прямо сразу вспыхнули каким-то белым пламенем и кувыркнулись вниз. Дядя Степан пришел и говорит, что сильный бой идет около одного села, недалеко от нас, и что там Красная Армия здорово бьет врага, и хоть наше село в стороне стоит, а все-таки надо угонять скот. И вот на рассвете поднялась суматоха. Вся улица была запружена коровами, телятами, свиньями. Все провожали, плакали. Коровы упирались, ревели, не хотели уходить. А теляток так жалко было! Они все в кучу жались и мычали. Многих прямо в клетках везли! И наш теленок Колокольчик там был. Мы его жалели, а доярка такая хорошая, она нам говорит: «Я теляток не брошу, буду растить и назад приведу большими, здоровыми!» А потом конюх вывел из конюшни лошадей. Стали считать, а Гнедка-то нет!

И Генки нет!

Дед Михайло чуть не плачет. Степан Ильич тоже расстраивается. Генка может приехать самое раннее завтра к вечеру, а ждать нельзя. Так и угнали без Гнедка. А каково это Генке!

Глава 22

НОЧЬ ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

Тревога Мити росла. Фронт приближался. В селе появились женщины и дети, уходившие из занятых фашистами сел; по дорогам ночью гнали скот. Вражеские самолеты низко спускались над шоссе и бомбили идущих и едущих людей. За лесом, в стороне МТС, уже явственно была слышна орудийная пальба. Зарево пожаров окрашивало горизонт в серо-малиновый цвет.

У Мити была надежда примкнуть со своими ребятами к раненым красноармейцам, которых отправляли в тыл. Но через село только один раз прошли красноармейские части. Бойцы шли молча, в полном боевом порядке, с тяжелой амуницией на плечах. Все село высыпало им навстречу. Женщины хватали ведра с чистой водой и подносили бойцам. Те на ходу умывали пыльные, усталые лица, наспех пили воду, отказывались от вареников и пирогов, которые совали им в руки выбегавшие из хат люди:

— Не надо. Мы сыты... Вот вернемся, тогда попотчуете нас!

Митя бросился к командиру. Немолодой седоусый командир выслушал его просьбу и, взглянув на Митю усталыми, подпухшими от бессонницы глазами, кратко сказал:

— Мы не можем взять ребят, товарищ. Нам предстоят тяжелые бои. Как же можно рисковать детьми!

Митя отошел. Люди долго стояли на улице и смотрели вслед красноармейцам. А к вечеру пришли пастухи и рассказали, что недалеко от Жуковки произошел тяжелый бой.

Митя вспомнил седоусого командира и отказался от мысли отправить ребят с военными частями.

Но время шло, надо было на что-то решаться... Железнодорожная станция была почти восстановлена, но поезда еще не ходили.

Митя решил пробираться пешком к Жуковке, чтобы при первой возможности уехать.

В селе побывал Матвеич. Ребята с интересом смотрели на него: на глубокий шрам, на живые, блестящие глаза под мохна-

тыми бровями. Все уже знали, что это тот самый товарищ Николая Григорьевича, который живет на пасеке. Они расспрашивали его об отце учителя. Матвеич рассказал, что «старый» живет хорошо, дочка Оксана часто навещает его.

— Ничего, мы с ним еще повоюем! — закончил Матвеич.

Когда ребята вышли, Митя подсел к нему:

— Завтра хочу идти, Иван Матвеич! Пойдем к станции, будем поблизости выжидать первого поезда...

— Сидеть нечего,— насупившись, сказал Матвеич.— Фашисты надвигаются со всех сторон. Только лучше лесом идти, на шоссе неспокойно — бомбят, проклятые!

— Мы ночью выйдем. За деревьями по лесу проскочим как-нибудь,— вздохнул Митя. В глазах у него все эти дни стоял разбитый грузовик и свежая насыпь.

Матвеич ушел со Степаном Ильичом. С ним у него были свои, особые дела. Они заходили в хаты к колхозникам, беседовали то с одним, то с другим. Матвеич пробыл в селе до вечера. Уходя, еще раз сказал Мите:

— Двигай, сынку!

После обеда Митя собрал ребят, велел им приготовить свои рюкзаки и ложиться спать.

— Выйдем ночью.

Ребята заволновались. Бегали по селу прощаться; колхозники с грустью расставались с ними:

— Привыкли мы к вам, как к родным, хлопцы!

— Что поделаешь! Надо, надо до дому добираться, родителей успокоить! Время военное,— хмуро говорили деды.

Татьяна пекла на дорогу хлеб. Баба Ивга подходила по очереди к ребятам: гладила рыжий чуб Васька, обнимала Севу; грустно улыбаясь, глядела на Мазина, Русакова, Одинцова и Сашу. Притихший Жорка прижимался к ее подолу.

— Вот и расстанемся мы, голубята мои! Тай, може, и не побачуть мои старые очи, яки с вас хлопцы повырастают. А чую я сердцем — хорошие из вас люди будут: на работу скорые и народу верные. До всего вы дойдете. В коммунизме жить будете! Може, и вспомните тогда старую бабу Ивгу, що любила вас да привечала в своей хате.

Ребята низко склонились над рюкзаками, сопели, шумно сморкались.

— Никогда мы не забудем вас, баба Ивга, и Татьяну, и дядю Степана, и Жорку! — Неловко подходили, стесняясь сказать ласковое слово, выдать свое волнение.— Спасибо вам всем... спасибо!

Степан Ильич хмурился, пробовал шутить:

— Как же так? А я вас уже в дети принял!

Он часто выходил из хаты, стоял на крыльце и, склонив набок свою большую голову, слушал.

Из-за леса сквозь гул орудий и пулеметные очереди доносился какой-то мерный лязгающий шум. Митя, прихрамывая, выходил к Степану Ильичу. Они слушали вдвоем, стараясь понять, что означает этот шум.

Уложив ребят, Митя нарéзал длинные бинты из холста, крепко забинтовал ногу и прошел по селу. Колхозники, стоя у ворот, молча смотрели на небо, на лес, на шоссейную дорогу.

Поля были убраны; далеко за рекой расползалось по земле дымное пламя. Старухи крестились, молодицы загоняли в хаты ребятишек, деды, собравшись в кучу, вполголоса беседовали о событиях. В селе было глухо и тревожно. Около будок, звякая цепями, завывали привязанные собаки. Стемнело... Митя поднял ребят. Степан Ильич заторопил:

— Живо, бабы! Собирайте хлопцев!

К ночи грозное пламя охватило горизонт. В багровом свете, прорезая облака, завыли немецкие бомбардировщики.

Ребята стояли одетые, с вещевыми мешками за спиной. Баба Ивга дрожащими руками наливала им в кружки молоко. Ели стоя, не разговаривая. Степан Ильич давал Мите последние наставления:

— Потемну за деревьями идите... Забомбит — в лес подавайтесь...

Прощание было торопливое, наспех. По двору прошли гуськом. Освещенная заревом могучая фигура Степана Ильича остановилась у ворот. Земля дрожала от орудийных залпов.

Степан Ильич поднял руку:

— Стойте!

По дороге бешено мчался конь; пригнувшись к гриве, седок что-то кричал звонким, мальчишеским голосом. В селе торопливо хлопали ставни, скрипели ворота.

Из темноты вырвался Генка и на всем скаку круто осадил Гнедого:

— Фашисты!

В село с глухим шумом въезжали вражеские мотоциклы. Они шли замедленным ходом, сплошной колонной надвигаясь из темноты. Солдаты, в зеленоватых шинелях и в глубоких касках, сидели как неживые, положив на руль неподвижные руки и не глядя по сторонам. Очки, похожие на маски, скрывали их лица. Казалось, что это движутся не люди, а заводные, пущенные вперед автоматы, бесчувственные и безликие, вселяющие ужас и ненависть в живое человеческое сердце.

Степан Ильич дрогнул, отвернулся:

— Живо, хлопцы, до хаты! Запирайте ворота!

В темноте он увидел белое лицо Генки, приникшего к мягкой гриве Гнедка и махнул рукой:

— Ховай коня!

Генка дернул поводья. Гнедой встал на дыбы и, круто повернув, исчез, сливаясь с чернотой ночи.

Глава 23
ТЯЖКИЕ ДНИ

По селу идет мальчик. На нем полинявшая от солнца майка, серые трусики. На рыжих кудрях смятая тюбетейка. Он идет вдоль плетней, чутко прислушиваясь к чужим, гортанным голосам, звучащим на селе. Около голубой школы стоят прислоненные к забору немецкие мотоциклы. Солнце припекает каски часовых; из раскрытых окон вырываются резкие, незнакомые голоса. В школьные ворота влетает легковой автомобиль, из него выходят гитлеровские офицеры. Васек закрывает глаза, стискивает зубы. Не снится ли ему все это? Нет, не снится.

Вот у колодца стоит женщина. Два дюжих гитлеровца подходят к колодцу. Женщина, торопясь, поднимает ведра. Пле-

щется вода, сбегает ручейками с пригорка. Солдат хватает у женщины ведро и, бросив на землю каску, опускает в чистую воду руки, плещет себе на голову, на шею, фыркает от удовольствия, приглашая приятеля последовать его примеру. Женщина, не глядя в его сторону, уносит одно ведро.

— Подавитесь, проклятые! — шепчет она, проходя мимо Васька.

Вот на дворе у Ко́стички, жены кузнеца, пляшут гитлеровские солдаты. Один из них, худой, как жердь, прижав ко рту губную гармошку, приседая и подпрыгивая на тонких ногах, наигрывает плясовой мотив. Неизвестная, чужая песня будоражит вылезшего из будки пса. Подняв вверх морду, он тоскливо воет. Громкий гогот стоит во дворе. Ко́стичка тихо бредет из своей хаты. Трое ребят плетутся за ней; самый маленький, держась за материнскую юбку, пугливо оглядывается. Лицо у Ко́стички потемнело от бессонных ночей и тревоги за мужа. Кузнеца Костю забрали с Митей. В ту ночь много молодых увели из села.

Васек никогда не забудет, как гитлеровцы забирали Митю, как на рассвете вломились они в хату дяди Степана и, топоча сапогами, лазили по всем углам — искали красноармейцев. Митя сразу привлек их внимание: у него была бритая голова и забинтованная нога.

— Зольдат? — Двое солдат приставили к его груди автоматы: — Пошоль!

Ребята закричали, бросились к Мите. Степан Ильич отстранил ребят и закрыл собой Митю.

— Он хлопчик, хлопчик... брат... школьник! — кричал он прижимая к сердцу ладони.

Солдат толкнул Митю в спину:

— Пошоль!

Васек Трубачев вспоминает, что вместе с ребятами он снова бросился вперед, но Митя повернул к нему белое лицо и предостерегающе крикнул:

— Трубачев, останься!..

Никогда не забудут они, как Митя, хромая шел по двору под конвоем гитлеровцев. Ребята смотрели в окно, онемев от ужаса.

У двери, тяжело дыша, стоял Степан Ильич. Баба Ивга накинула платок:

— А ну, пусти, сыну!

Черная, прямая, без слезинки в глазах, она ушла за Митей. Когда Митю вместе с другими арестованными гитлеровцы втолкнули в сарай и поставили у дверей часовых, баба Ивга вернулась. Тогда ушел Степан Ильич, строго-настрого приказав Ваську не выпускать из хаты ребят. Но он, Васек Трубачев, ослушался приказа Степана Ильича. Весь остаток ночи на старом выгоне, недалеко от сарая, где был заперт Митя, ребята ползали между кочками, ловкие и быстрые, как ящерицы. Затаив дыхание они прислушивались к шагам часового, пробирались к толстым бревенчатым стенам и, прижимая губы к пахнущим мохом и смолой пазам, шептали:

— Ми-тя...

Но никто не откликался.

На рассвете они вернулись. В хате не спали. Степан Ильич встретил их молча. Он сидел на скамье, положив на стол свои большие, жилистые руки и глядя куда-то в угол тяжелыми, невидящими глазами. Глубокая темная складка прорезала его лоб. Он обернулся на стук двери, с горькой усмешкой посмотрел на мокрых от росы, усталых, измученных мальчишек и отвернулся. Они прошли мимо него на цыпочках, тихо улеглись, крепко прижавшись друг к другу, осиротевшие и испуганные.

А враги уже расселялись по хатам, выгоняя на улицу хозяев: резали кур, убивали поросят, ломали плетни и заборы, топили хозяйские печи. В новой, только что отстроенной колхозной конюшне клети для жеребят были разбиты в щепы; в раскрытые настежь двери с грохотом въезжали нагруженные машины; новая молотилка, недавно приобретенная колхозом, была поломана и завалена всяким хламом.

В селе воцарился ужас, но люди не смирялись. Они прятали и уничтожали свое добро, чтобы оно не досталось врагам. То из одного, то из другого двора вырывались истошный плач и крики... Кого-то тяжко били, отнимали добро, выбрасывали из хаты. Люди бежали на этот крик, натыкались на дула автоматов и молча пятились назад, хватая своих детей... Люди

постигли ужас фашистской неволи. Село как будто оглохло, онемело, затаилось в страшной, непримиримой ненависти к врагу, и ненависть эта еще больше чувствовалась в молчании, чем в криках протеста и боли.

У Степана Ильича не поставили солдат. В тот день, когда к нему явились фашистские солдаты, баба Ивга жарко затопила валежником печь и наглухо закрыла трубу. Копоть и угар выгнали солдат — они с руганью ушли и больше не возвращались. Зато рядом просторное помещение сельрады кишело гитлеровцами. Вечерами они сидели на крыльце — там, где раньше, мирно раскуривая свои трубки, любили посиживать колхозные деды. Чужой язык, чужие песни раздавались в селе...

Через несколько дней сарай опустел. Фашисты угнали арестованных неизвестно куда. Весь день ребята метались по селу, шныряли между немецкими повозками, искали на дороге следы. Страшное уныние овладело ребятами; сбившись в кучу, они сидели на неубранных сенниках, вспоминая оставленных дома родителей, погибших девочек, Митю... и уже не скрывали друг от друга отчаяния и слез:

— Никого, никого у нас не осталось!..

Васек на глазах у товарищей крепился изо всех сил. Он чувствовал, что с потерей Мити ответственность за ребят легла на него как на командира отряда. Он старался казаться бодрым, выходил на разведку с Мазиным и Русаковым, расспрашивал людей, но Митя как в воду канул. Нигде не было слышно об арестованных. Васек не знал, что предпринять, как жить дальше, где искать Митю. Одинокий, не смея выказать перед ребятами свое отчаяние, он жался к Степану Ильичу. Степан Ильич, мрачный и озабоченный, с беглой лаской клал ему на голову свою большую руку и говорил:

— От меня ни на шаг, хлопче! Держи крепче своих ребят и сам не унывай!..

...Осторожно оглянувшись, Васек перелезает через плетень и идет огородами.

На сухой тропке валяются надгрызенные огурцы, разбитые недозрелые тыквы. Длинные гряды истоптаны, торчат зеленые палки оборванных подсолнухов.

Молодица в темной старушечьей кофте крадучись собирает в сито горох и зеленые помидоры. Она срывает их с куста прямо гроздьями, пугливо глядя по сторонам. Когда Васек проходит мимо, она приподнимается, сует ему в руки сладкие зеленые стручки, ласково кивает головой и, завидев группу солдат, бежит к своей хате. Васек прячется в кустах и пережидает, пока пройдут гитлеровцы.

За околицей, на опушке леса, шумят ветвистые дубы, белеют тонкие березы, сбегают по косогору вниз молодые елки. В густой траве желтеют свежесрезанные сосны; прямые и строгие, они лежат вытянувшись, как мертвецы. По золотой чешуе ползают большие муравьи, прыгают кузнечики. Из-под сосен, смятые тяжестью стволов, выбиваются на волю поблекшие колокольчики, ромашки, лесная гвоздика... Жарко припекает солнце. С мертвых деревьев тяжелыми слезами капает на землю смола.

«Митя... Может быть, фашисты расстреляли его где-нибудь в овраге!»

Васек бросается в траву и горько плачет.

Зеленый мох и белые невестины цветочки ласково вытирают мокрые щеки мальчика; ветер силится приподнять его с земли, треплет за рукав, заглядывает в лицо; муравьи щекочут пальцы.

Негде поплакать командиру отряда — Ваську Трубачеву. Никто не должен видеть его слез.

От зеленой травы мутно и зелено в глазах. Тихо шелестят рядом рыжие чешуйки сосны. Ваську кажется, что мягкие рыжие усы щекочут ему шею и подбородок...

«Папка, папка...»

Чужой говор настигает его и здесь. Он вскакивает на ноги, настораживается. Группа солдат проходит между деревьями. Васек видит двух офицеров. На боку у одного из них висит полевая сумка, другой держит бинокль. Они идут к опушке леса. Васек долго следит за ними глазами. На опушке стоят орудия, они завалены срубленными елками. Офицеры что-то говорят солдатам. Внизу, по шоссе, на длинных грузовиках подвозятся еще какие-то орудия. Васек тихонько ползет, прячась за куста-

ми. Что делают тут враги? Может, они собираются в бой? Васек сжимает кулаки. В селе Ярыжки тоже хозяйничают фашисты. И железнодорожная станция в Жуковке занята ими...

Васек снова думает о своих ребятах. Теперь они все живут отдельно: Мазин и Русаков — у колхозницы Макитрючки, он, Васек, Одинцов и Саша — у Степана Ильича, а Сева — у деда Михайла. Это баба Ивга разделила их по хатам, а Сева сам попросился к деду Михайлу: ему жалко деда, потому что Генка со своим конем исчез, и никто не знает, где он. Где-нибудь в лесу лежит бедный Генка. А рядом с ним, может быть, и верный товарищ его — Гнедой.

Васек поднимается. Ребята, наверно, уже ждут его.

Они часто собираются в Слепом овражке, за огородами. В этом овражке под изумрудной травой — вязкое, засасывающее болото. Ребята там усаживаются на большой полузатонувшей коряге. Толстые корни ее торчат во все стороны.

У каждого из ребят здесь есть свое место. Сегодня место Васька займет Одинцов, потому что Васек идет на пасеку. У Матвеича не стоят фашисты. В цветущем закутке все попрежнему, только там уже не гудят пчелы. В саду сложены пустые ульи. Матвеич говорит, что все они прохудились и лежат здесь для починки. Васек не спрашивает — он понимает, что Матвеич не хочет кормить медом врагов и потому разорил свою пасеку. Оба старика больше сидят теперь в хате. А хата всегда на запоре. Васек идет прямиком через скошенное поле, проходит под тополями, перелезает через плетень.

Глава 24

ГЕНКА И ГНЕДОЙ

Генка бродил по самым глухим зарослям леса, скрывая Гнедка. Днем он сторожил его, прислушиваясь к каждому шороху; ночью, припав к шее коня, обливал слезами его морду, гладил его и шептал ему в чутко настороженное ухо:

— Для чего я тебя воспитывал? Для лихого командира, на геройские дела!

Конь смотрел на него умными карими глазами. Вспыхивали в них, как слезы, золотые искорки. Черными мягкими губами касался он мокрой Генкиной щеки, вздыхал, раздувая ноздри, и тихонько ржал, чуя горе хозяина.

Мигали в траве зеленые светляки, прятались в темных зарослях лесные цветы, молчали птицы. Сквозь верхушки деревьев просвечивало темно-синее небо. Набегал ночной ветер, шевелил влажные от росы листья; просыпались совы, и в лесу становилось неспокойно.

Генке слышались шорохи и шепот, треск сучьев. Он пугливо озирался и, ведя коня за поводок, спускался с ним в овраг. Прятал его в густых камышах около реки.

Закрутив на руке длинный поводок, Генка садился на берег и смотрел на воду. В речной воде уплывали вместе с течением облака и звезды. А в глазах у Генки мчались по волнам на боевых конях бесстрашные бойцы... Мчался впереди всех Гнедко, управлял им лихой командир; горела у него на шапке красная звезда, в поднятой руке сверкала острая шашка. В кучу врагов врезáлся лихой командир, топтал их копытами верный конь...

Счастливая улыбка трогала Генкины губы.

Забывшись коротким сном, бессильно падал он головой в росистую траву, и во сне слышался ему тихий, пытливый голос деда:

«Може, и не побачимся мы с тобой, Генка, а?»

Яркие светлячки дедовых глаз с острой тоской смотрели на внука.

Генка крутил головой, съеживался в комочек:

«Може, и не побачимся, диду...»

Поднимались от влажной земли родные, знакомые запахи, склонялись над Генкой прибрежные травы, и предостерегающе шуршали высокие камыши:

«Берегись, Генка! Налетят фашисты — отнимут у тебя коня. Будет он врага на своей спине носить, копытами родные поля топтать!»

Заноет у Генки сердце, крепче сожмет он в руке поводок:

«Не будет мой Гнедко под ворогом ходить! Ускачем мы с ним в темные леса, в глухие чащи...»

Качаются над водой строгие камыши:

«Зачем прятаться боевому коню в лесу от врага? Кто ж раненого бойца с поля битвы вынесет? Вставай, Генка, ступай на широкий шлях — не проедет ли мимо лихой командир, не попросит ли у тебя боевого коня...»

Бежит сон от Генки. Встряхнувшись, вскакивает Генка на ноги, обнимает за шею Гнедка.

Что, как правда отнимут коня фашисты? Не боевая слава, а позор покроет голову его хозяина.

Садится Генка на своего коня, сжимает его крутые бока босыми пятками и, пригнувшись к мягкой гриве, стрелой летит на широкий шлях.

Осветит месяц темную холеную шерсть коня, застучат по камням его звонкие копыта. Натянет поводья Генка, встанет на широкой белой дороге и ждет — не проедет ли мимо лихой командир, не попросит ли у него боевого коня. Долго стоят конь и всадник, облитые светом месяца, не знают, куда повернуть. Задымится над ними небо, завоют вражеские моторы, задрожит от ударов земля. Насторожит Гнедко уши, повернет к хозяину тонкую морду; не двинется с места Генка... Ждет!

Глава 25

ВАСЕК ТРУБАЧЕВ

Бобик звонким лаем извещает хозяев о госте. Матвеич открывает дверь, глядит на дорожку:

— А, хлопчик! Здоро́во, командир!

Из окошка высовывается серебряная голова Николая Григорьевича. Глаза старика так похожи на глаза Сергея Николаевича, что Васек, поздоровавшись с Матвеичем, радостно бежит к окошку.

— Иди, иди, пионер! Что давно не был у нас? Как там дела, а? — Старик долго держит в своих ладонях твердую, заго-

релую руку мальчика.— Как там команда твоя? Живы, здоровы?.. Угости-ка медком его, Матвеич!

Васек проходит в кухню.

Матвеич наливает ему в миску янтарный мед, кладет кусок хлеба:

— Ну, как в селе? Рассказывай, что знаешь!

Васек макает в миску хлеб и рассказывает, как хозяйничают в селе гитлеровцы, как они ходят по хатам и берут все, что им вздумается.

— На людей смотрят хуже, чем на собак.

— Ну, а люди что? — спрашивает Иван Матвеич.

— А что люди? Молчат...

Васек опускает голову, Матвеич набивает трубку и ждет. Николай Григорьевич глубоко вздыхает.

— Ну, а Степан Ильич что? — осторожно спрашивает он.

— Дядя Степан у вас меду просит, говорит — чай пить не с чем.

Васек густо краснеет — ему неловко и стыдно за Степана Ильича. Но Матвеич оживляется:

— Меду просит? Чай пить не с чем? — Он смотрит на Николая Григорьевича, подмигивает ему и потирает свои большие руки.— Вот сластена! Скажи пожалуйста, меду ему захотелось!

Васек пробует выгородить Степана Ильича:

— Да это он так... Пошутил, может...

— Конечно, пошутил,— серьезно подтверждает Николай Григорьевич, прихлебывая с блюдечка чай.

Матвеич стучит по столу толстыми пальцами, морщит лоб:

— Что ж человека обижать! Ты скажи ему так: меду нет, пришлю сахару. Скажешь?

— Скажу.

Разговор затихает. Ваську хочется спросить, не слыхал ли Матвеич чего-нибудь о тех арестованных, которых увели из села гитлеровцы, но Матвеич вдруг ласково треплет его за чуб:

— Ну, а ты фашистов не боишься, хлопчик? Ведь их, верно, полное село нагнали, а?

— Много. По хатам солдаты стоят, а в школе офицеры и генералы ихние; там штаб.

— Хе-хе-хе, «штаб»! Да это тебе с перепугу показалось,— вмешивается Николай Григорьевич.— Полтора человека — это не штаб!.. Ну, сколько ты там генералов видел?

Васек обижен:

— Мне на их генералов наплевать. Я их не боюсь. А что видел, то и говорю. И ребята наши знают. Севка Малютин у деда Михайла живет — всех видит!

Матвеич грузно ворочается, жадно сосет трубку. Николай Григорьевич смотрит на Васька внимательными, серьезными глазами:

— Ты не обижайся. Мы с Матвеичем сидим тут, как в берлоге, ничего не знаем. Ты бы приходил почаще — нам веселее будет: все что-нибудь да услышим от тебя.

— Я еще не то знаю! — бодрится Васек.— Я сегодня на опущке леса орудия видел! Много их там фашисты навезли. И елками завалили, думают — не видно...

— Да что ты! — удивляется Николай Григорьевич, поглядывая на Матвеича.— В каком же это месте?

— Да около леса, на опушке, где молодые елки.

Матвеич отодвигает миску с медом, ловит пчелу и, осторожно держа ее двумя пальцами за крылья, выпускает в окно. Долго глядит ей вслед, потом поворачивается к Ваську:

— Зоркий ты, хлопчик. Мабуть, и посчитал их для интересу?

— Кого — их?

— Да орудья-то фашистские,— небрежно говорит Матвеич.

— Нет, я не считал...

Живые глаза Матвеича внимательно разглядывают пионера Васька Трубачева.

— А ты посчитай!

— Я узнаю! Я все узнаю! — быстро говорит Васек.— И про штаб и про орудия. Мы с ребятами...

— Ну-ну! — прерывает его Матвеич.— Не кажи гоп, пóки не перескочишь! Загребут тебя фашисты с твоими ребятами да как всыплют вам хорошенько, чтоб не лазили где не надо. Да еще нас, стариков, на березе повесят — тоже, чтоб не интере-

совались.— Матвеич кладет руку на голову Трубачева: Чуешь, хлопчик, что я говорю?

— Не загребут нас фашисты! — волнуясь, шепчет Васек.— А ребятам я скажу, что мне так... самому интересно.

— Ну, действуй,— говорит Матвеич.

* * *

Торжественно, словно в почетном карауле, стоят ряды высоких тополей. Идет по дороге пионер Васек Трубачев. Не просто идет — высоко поднял голову, словно вырос за один час, покрепчал, силы набрался; смело шагает. Несет в своем сердце пионер первое важное задание; обуревают его вихрастую мальчишескую голову смелые и отчаянные планы.

Отныне крепко и нерушимо будет хранить он военную тайну, доверенную ему взрослыми партийными людьми. Бежит под босыми ногами пионера тропинка, бежит, перегоняет, забегает вперед, остается позади; низко кланяется, мягко стелется перед ним трава; гладят по плечам кусты, шумят навстречу деревья... Шепчутся с белками сосновые ветки, и поют птицы о том, что идет пионер, в первый раз получивший важное боевое задание. Вся земля, нагретая солнцем, ложится под ноги Трубачеву; даже скошенное, колючее поле не саднит его босых ног.

Родная земля! На все готов для нее младший из верных сыновей — пионер Васек Трубачев!

Глава 26

Р. М. З. С.

Каждый день Мазин и Русаков рыскали по окрестностям в надежде найти какие-нибудь следы Мити. По разговорам взрослых и по всем предположениям было очевидно, что арестованных увели из села. Может быть, их заставили работать...

— Митя не будет работать на фашистов! — говорил Трубачев.— Он или убежит, или...— Он не договаривал, но ребята понимали, что значит это «или».

— У него комсомольский билет с собой,— тихо добавлял Одинцов.

Мазин хмурился, вздыхал:

— Пошли, Петька!

На дороге обнаружить какие-нибудь следы группы арестованных было невозможно. Тут шли и ехали люди, мчались мотоциклы, двигались целые колонны гитлеровцев. Мазин подробно обследовал тропинки около леса, оглядел кусты и деревья: он искал какой-нибудь знак, который мог бы оставить Митя.

Мальчики возвращались поздно, усталые, хмурые.

Ребята ждали их в Слепом овражке. Трубачев беспокоился, выходил навстречу и, взглянув на их лица, ни о чем не спрашивал.

Сегодня Мазин рано поднял Петьку. Макитрючка отрезала им по куску сала. Вздыхая, смотрела, как они прячут за пазуху хлеб, и, бренча заслонкой, ругала фашистов. Баба Макитрючка ругала фашистов с утра до вечера. Падала ли у нее из рук миска, пригорало ли в печи молоко — Макитрючка проклинала фашистов самыми страшными проклятиями.

— А щоб вы сгорели, проклятые! Щоб вам руки-ноги повыкручивало, очи повылазили! — кричала она, подбирая разбитые черепки или вытаскивая из печи пригоревшее молоко.

Гитлеровцы ловили по дворам кур, заходили в хаты, требовали сала, яиц. Макитрючка в первый же день прихода фашистов порезала своих кур и усиленно кормила ими Мазина и Русакова:

— Ешьте, хлопцы! Я над своими курами сама хозяйка. Кого хочу — того и угощу.

Ощипанные перья и косточки ребята относили на огород и зарывали в землю.

— Матка, кура есть? — заглядывая в хату, кричал солдат.

Макитрючка, собрав в упрямые складочки рот, смотрела на него серо-зелеными злыми глазами.

— Но-но... кура давай! — наступал на нее гитлеровец.

Макитрючка молчала до последней возможности, потом разражалась громкими жалобами:

— Откуда у меня куры? Где я их возьму? Всю меня обобрали, до ниточки! Последнего цыпленка со двора унесли. Нету, нету! Хоть весь дом обыщи — ни перышка не найдешь!

Она выбегала во двор, показывала пустой курятник. Мазин и Русаков с тревогой и любопытством смотрели в окно.

— Ось, диты мои, як с ними надо поступать! — удовлетворенно говорила Макитрючка, когда солдат уходил.— Свое добро переведу, а им не дам!

К Мазину и Русакову Макитрючка относилась хорошо, ничего для них не жалела и, зная, что они ходят по лесу в поисках Мити, давала им с собой на дорогу хлеб и сало. Сегодня, когда ребята объявили ей, что уходят надолго, она собрала еще один узелок и дала Мазину:

— На́, хлопчик... Може, найдется ваш Митя, може, ще хто из наших голодный по лесу блукае або раненый лежит...

План у Мазина был простой. Ему пришло в голову, что если Мите удалось убежать от гитлеровцев, то голод приведет его на то место, где когда-то был раскинут их лагерь. Митя знает, что в землянке, которую они вырыли, сложены продукты — там есть консервы и мука. (По всем расчетам Мазина выходило, что если Митя скитается по лесу, то уж обязательно постарается найти место бывшей лагерной стоянки.) Посоветовавшись с Васьком и обдумав ночью свой план, Мазин едва дождался рассвета. Разбудил Петьку...

От реки узенькая тропка выводила на шоссе. Мокрая осока резала ноги. От влажного тумана одежда пропиталась сыростью. Кусты обдавали холодными брызгами. В остывших за ночь берегах неприютно плескалась река. Мазин торопился миновать село, перейти шоссе и укрыться в лесу. Он боялся встречи с фашистами. Петька почти бежал за товарищем, натянув на голову курточку.

Внезапно за густым ивняком раздался сердитый окрик:

— Вэг! Вэг!

Мазин быстро присел, дернул за ноги Петьку. Оба мальчика, скрывшись за кустами, затаили дыхание.

На берегу стоял дряхлый дед в серых штанах и холщо-

вой рубахе, завязанной шнурочком у ворота. Он держал удочку и ведерко с рыбой. Гитлеровец толкал его прикладом в спину:

— Вэг! Вэг!

Старик, согнувшись, прошел мимо мальчиков. Голова у него тряслась.

— Наша земля, наша река...— бормотал он, разводя руками.

Когда патруль скрылся, Мазин поднял Петьку. Мальчики пробрались к шоссе и нырнули в лес.

Над их головами, взметнув рыжим хвостом, прыгнула с сосны на сосну белка. Какая-то сварливая птица долго провожала мальчиков, перепархивая с ветки на ветку. Она так крикливо отчитывала их, что перебудила всех птиц. В лесу начинался день. Брызнуло солнце, кусты ожили, зашевелились. Колокольчики, полные свежей, непролитой росы, засинели среди дикого боярышника и высоких колючек с сиреневыми шапками. Около старых, мшистых пней выглянула из травы крупная земляника. Мальчики вволю полакомились; от ягод пальцы у них покраснели и душисто пахли земляничным соком.

Наступил полдень. Ребята выбрали тенистое местечко. Защищенное со всех сторон густым орешником, оно было похоже на беседку. Мазин разложил на платке хлеб, снял с пояса фляжку с водой. Оба с жадностью накинулись на еду. На платок полезли муравьи. Большой рыжий муравей ухватил крошку хлеба и пятился задом, держа ее в цепких лапках. Мазин хотел сбить муравья щелчком, но Петька не дал.

— Ну что тебе, жалко? Силу свою показать хочешь? — рассердился он на товарища.— Пускай тащит!

— «Пускай»! — проворчал Мазин, наблюдая за муравьем.— Я ихнюю повадку знаю — он сейчас весь муравейник на помощь приведет...

К муравью действительно приползли на помощь такие же рыжие большие муравьи; они ухватились за хлебную крошку и тащили ее в разные стороны. Мальчики заинтересовались муравьями. Неподалеку оказался муравейник.

— Ишь, трудятся! — с уважением сказал Мазин и, подер-

жав над муравейником ладонь, сунул ее Петьке: — Понюхай. Муравьиный спирт вырабатывают...

Но Петька уже забыл о муравьях. Он думал о чем-то своем, обхватив руками голые коленки и часто вздыхая.

— Чего это ты? — покосился на него Мазин.

— Ничего... Я думаю, Мазин... как бы не умерла моя мама...

Петька шмыгнул носом. Мазин протянул ему серую тряпку — бывший носовой платок.

— Высморкайся,— разрешил он. Потом, помолчав, спросил: — А чего же это она так, с бухты-барахты, помрет вдруг?

— А первая моя мама отчего умерла?

— Не знаю.

— Так и эта может умереть... Будет ждать, ждать...— Петька снова высморкался и шепотом добавил: — А потом умрет...

Мазин вдруг вспомнил свою маленькую комнатку и больную мать с повязанной полотенцем головой.

— Эх, жизнь! — тоскливо протянул он.— Плохо быть семейным человеком, Петька...

Петька, услышав в его голосе сочувствие, заплакал.

Мазин сморщил лоб, выпятил губы и уставился на ореховый куст. Потом опустил глаза, одним щелчком сбил с платка муравьев и встал.

— Враги кругом... война... а мы за мамочкины юбки хватаемся! — сердито сказал он.— Здоровые парни... нам воевать пора!

Петька взмахнул длинными ресницами, мокрые глаза его заблестели.

— Воевать, Мазин?

— А что же, плакать? — жестко усмехнулся Мазин.

Петька вцепился в его плечо и лихорадочно зашептал:

— Надо было тогда... с Красной Армией уйти... я говорил...

— А товарищей бросить?

— Не бросить, а просто уйти...

Мазин покачал головой, задумался. Петька выжидающе смотрел на него:

— Мазин...

— Надо оружие достать. И всем отрядом — в бой! — сказал Мазин, раздувая ноздри.

Где-то хрустнула ветка. По траве, вытягивая вперед острую мордочку, пробежал ежик. Мазин встал:

— Ну, пошли скорей!

Петька завязал узелок, надел его на палку.

Шли долго. На повороте, где когда-то Сергей Николаевич ждал ребят, был врыт столб. На столбе была прибита доска с надписью на чужом языке. Мазин схватил увесистый булыжник, оглянулся. На шоссе было пусто. Петька тоже поднял камень. Вдвоем они сшибли доску на землю и потоптали ее ногами:

— Наша земля, наша дорога!..

Потом, взволнованные и довольные этим происшествием, углубились в лес. Шли по памяти и по оставленным когда-то дорожным знакам. У обоих болели ноги, но, чем ближе они подвигались к лагерной стоянке, тем больше ускоряли шаг. Обоими владела одна мечта — найти какой-нибудь след Митиного пребывания в лагере.

— Эх, жизнь! — время от времени бросал на ходу Мазин.

В папоротнике желтели лисички. Под старыми дубами крепко сидели на толстых ножках боровики; под молодыми сосенками ютились маслята, к их коричневым шапкам лепились прошлогодние листья и сосновые иглы. Мазин нагнулся и поднял разломанный пополам гриб; другой гриб, рядом, был раздроблен на мелкие куски. Мальчики одновременно наклонились над ним, стукнувшись головами.

— Копыто лошади,— прошептал Мазин.

Петька, ползая на четвереньках, указал товарищу на глубокий, вдавленный след:

— Давно проехал — в ямку иглы напáдали.

Мальчики медленно передвигались с места на место. Следы привели их к кусту рябины. Ветки ее с одной стороны были сильно примяты.

Мазин указал на коротко выщипанную вокруг траву:

— Лошадь паслась...

— Генка! — радостно шепнул Петька.

— А может, фашист?

Тревога сжала сердца мальчиков. Перебегая от дерева к дереву, они осторожно подошли к лагерной полянке. Там было тихо и безлюдно. Чернело обожженное костром место, где Синицына варила кашу. Валялись обрубленные ребятами колья. Мазин и Русаков долго не могли найти яму, где были сложены продукты и вещи. Замаскированная дерном, она была почти незаметна среди зелени. Наконец Петька вспомнил, что немного влево от этого места он воткнул кустик орешника. Кустик, уже засохший и сморщенный, был на месте. Мазин приподнял край срезанного дерна. Под ним забелела палатка. Мальчики лихорадочно считали продукты и вещи:

— Палатка одна, а было две... Консервов мало... хлеба нет!

— Аптечка... Ящик с аптечкой! Я сам его клал. Вот тут клал! — захлебываясь, шептал Петька.— И письма́ в клеенке, которое Сергею Николаевичу оставили, тоже нет. Одинцов его над костром вешал, я сам видел!

У Мазина беспокойно бегали глаза, он что-то искал: перебрасывал вещи, вытаскивал посуду, заглядывал на дно.

— Это кто-то другой был,— мрачно заявил он на вопросительный взгляд Петьки.

Усталость и печаль овладели обоими. Мазин долго сидел задумавшись над раскрытой ямой. Митя оставил бы ребятам письмо или хоть какой-нибудь знак, что он жив. Мазин встал, обследовал поляну, спустился к реке.

Наступили сумерки. Петьке стало страшно. Он сел, пристально вглядываясь в темнеющий лес. С берега донесся до него торжествующий крик:

— Сюда! Сюда!

Мальчик стрелой понесся на голос товарища. Неожиданное зрелище предстало перед его глазами. Мазин плясал танец диких, высоко вскидывая ноги и выкрикивая одни и те же слова:

— Бинточки! Бинточки! Тра-ля-ля! Тра-ля-ля-ля!..

В руках его болтались длинные серые бинты из полотна бабы Ивги. Петька мгновенно захватил себе другой конец и тоже пустился в пляс:

— Митины бинточки! Тра-ля-ля!

На берегу валялся пустой ящик из-под аптечки.

Через несколько минут, выкупавшись в реке, голодные, но счастливые, ребята уселись на берегу. Незаметно подкрался вечер. Костер разводить боялись. Петька принес банку консервов, но Мазин решительно велел положить банку обратно.

— Это Митино, а ты берешь! Ведь он где-то в лесу блуждает, у него весь запас тут,— с укором сказал он.

Петька смутился и сейчас же предложил:

— Мазин, останемся тут навсегда! Он придет — а мы тут!

Оба замечтались о встрече с Митей. Мазин глядел в темное небо и, потягиваясь, радостно бормотал:

— Эх, жизнь!

Он представлял себе, какую счастливую весть принесут они с Петькой ребятам. И, словно угадывая его мысли, Петька добавил вслух:

— А Трубачев-то! Трубачев прямо с ума сойдет от радости!

— Все с ума сойдут! А мы не сошли?

— Я сошел! — радостно уверил Петька.

Лес уже не казался страшным: где-то тут, в этом лесу, бродил Митя...

Заснули неожиданно и так же неожиданно проснулись. Темный вечер сменило ясное утро. Радость стала еще больше, еще значительнее. Митя жив! Он где-то здесь — может быть, недалеко от них. Мазин решил пройти в глубь леса, а первонаперво написать Мите письмо и замаскировать яму. Письмо писал Петька. Мазин, стоя над ним, диктовал, тщательно подбирая простые слова, чтобы не наделать грамматических ошибок:

— «Дорогой Митя! Ты жив, мы тоже живы. Нашли твои бинты и все угадали. Мы живем там же. Слушаемся дядю Степана и Трубачева тоже. Ты живи здесь, а то всюду фашисты. В Ярыжках фашисты и на станции Жуковка. Наши их бьют, а они все лезут.— Мазин вспомнил сшибленную доску с чужой надписью и продиктовал: — Мы тоже без дела не сидим и сидеть не будем».

Потом он задумался и, не зная, что еще добавить, почесал затылок:

— Эх, жизнь!

Петька послюнил карандаш, записал последние слова и незаметно для Мазина поставил в углу четыре буквы: Р. М. З. С.

Положив письмо, они тщательно замаскировали яму и двинулись в лес.

— А Трубачев-то! Еще не знает, что Митя жив! — несколько раз повторяли мальчики, вспоминая Васька.

* * *

Но Васек уже знал. В это утро в хате Степана Ильича неожиданно появился Генка. Он стоял у порога; армяк на нем был разорван, лицо осунулось, пожелтело, глаза лихорадочно блестели.

— Где конь? — тихо спросил его Степан Ильич.

Васек Трубачев, Саша и Коля Одинцов со страхом ждали ответа. Генка глубоко вздохнул, вытер грязной ладонью щеки:

— Отдал...

— Колхозного коня отдал? — Степан Ильич потемнел.— Колхозного коня? Кому?!

Генка вскинул голову, сердито блеснул глазами:

— Мите!

Глава 27

КРАСНЫЙ ГАЛСТУК

В Слепом овражке собрались все ребята. Были тут и Грицько и Ничипор. Пришли из Ярыжек Игнат с Федькой. Не хватало только Мазина с Русаковым. Они все еще не возвращались из своего путешествия. Перед сбором Игнат долго советовался о чем-то с Трубачевым. Саша Булгаков, стоя на часах, с радостной улыбкой прислушивался к тому, что происходит в овражке. Там, на затонувшей коряге, удобно расположившись на толстых корнях, ребята слушали Генку. Генка сидел на самом почетном месте. Лицо у него было усталое,

темная, обветренная кожа туго натянулась на скулах, на висках обозначились ямки, но карие глаза сияли.

— ...Я чую — выстрел... один, другой... Я до Гнедка... А тут... Митя ваш из кущей як выскочит! Рубаха на нем порвана, задохнулся весь.— Генка обвел ребят затуманившимся взглядом.— Ну и... отдал я ему коня...

— Ускакал он? — живо спросил Одинцов.

— Ускакал...

Малютин обнял Генку за шею:

— Митя хороший, он не обидит Гнедка! Ты не бойся, Генка.

Игнат встал. Растроганная улыбка лишала его обычной степенности, но голос звучал торжественно.

— Товарищи́! — Он обвел всех взглядом и остановился на Генке.— Я так думаю, товарищи́: если человек сделал плохой поступок, то его надо наказать, и это будет правильно. Гена Наливайко, наш ученик и пионер, за плохой поступок против дисциплины лишился галстука... Галстук у него отобрали...— Игнат снова обвел взглядом всех присутствующих.— Верно я говорю?

— Верно...— неохотно подтвердили ребята.

Генка забеспокоился, сжал сухие губы и исподлобья следил за Игнатом. Игнат повысил голос:

— Но Гена Наливайко не такой человек, чтобы на него не можно было надеяться... Он человек верный, и когда подойдет такая минута, то он так поступит, как другому не поступить. Я то хочу сказать, товарищи́, что Генка не испугался выстрелов и не ускакал, а отдал комсомольцу Мите своего коня... Поступок это хороший, пионерский. И, значит, так мы и порешим, что Гена Наливайко свой галстук заслужил! Кто согласен, поднимайте руки!

— Все! Все согласны! — дружно откликнулись ребята.

Саша выглянул из-за кустов:

— Потише, а то слышно очень!

— Добре. Ну, а раз все согласны, так я передаю пионеру Гене Наливайко его галстук.

Игнат торжественно вытащил из-за пазухи красный галстук. Генка вспыхнул.

— Бери, бери, Генка!.. Ну да чего! Бери! — зашумели ребята.

Генка осторожно взял галстук, повязал его на шею. Гузь шлепнул его по спине:

— Добрый хлопец!

Грицько, протягивая через все головы руку, улыбался:

— Давай свою руку, Гена! Давай сюда!

Васек был растроган и хотел что-то сказать, но Ничипор вдруг зашевелил в воздухе пальцами и, потоптавшись на коряге, поднялся.

— Я тоже хочу держать речь насчет нашего Гены и, конечно, про себя скажу...— Он кашлянул в кулак и, переставив свою ногу на ногу Федьки, продолжал, не обращая внимания на то, что Федька Гузь крепко двинул его ногой и стукнул по спине.— Я, конечно, прошлым летом тонул... И, конечно, был я в плохом положении — ухватиться не за кого. Ну, утопленник, да и все!

— Утопленник, а на ноги лезет! — проворчал Гузь.

У ребят заблестели в глазах насмешливые искорки.

— Ну и что? Выплыл?

Ничипор вытащил из кармана платок, не спеша вытер нос и невозмутимо продолжал:

— Конечно, я давай кричать...

— А что ты кричал? — с интересом спросил Одинцов.

— Караул! — бросил Грицько и, опрокинувшись навзничь, залился смехом.

Ребята тоже расхохотались, даже Генка засмеялся. Васек рассердился:

— Ребята, не дело!

Все замолчали.

— Ну, так что ты кричал? — побаиваясь Трубачева, тихо спросил Коля Одинцов.

Ничипор повернулся к нему всем своим нескладным телом и неожиданно сказал:

— А вот полезай под воду, тогда и узнаешь, что кричал!

— Го-го-го! — загоготали опять ребята.

Игнат нахмурился:

— Федька, стукни по шее вон тому тонкому,— ты ближе сидишь.

— Кому? Мне? — вскочил Одинцов.

— Хоть и тебе. Чтоб не гигикал зря!

— Ого...— начал было Одинцов.

Но Васек возмущенно крикнул:

— Молчи! Что это вам — цирк? Вы на пионерском сборе находитесь! Дайте человеку слово сказать!

— И правда, что вы все напали на него? — заступился Малютин.

— А кого он боится? — усмехнулся Грицько.— Он и в школе так... У одной Марины Ивановны с ним терпения хватает. Каждый день она заставляет его рассказывать. Как идем с уроков, так сейчас и приказывает: «Ничипор, расскажи что-нибудь!»

— Хорошая она у вас...— задумчиво сказал Сева.

— Другой такой нету,— серьезно подтвердил Грицько.

— Говори, что хотел сказать,— кивнул Ничипору Трубачев.

— Да не тяни за душу, как кота за хвост! — сердито бросил Игнат.— Говори сразу, как там с тобой дальше было.

— Добре,— согласился Ничипор и, скрестив пальцы, пощелкал суставами.— Так я, конечно, тонул...

— Опять за свое! — угрожающе вскинул брови Игнат.

Ребята беззвучно тряслись от смеха.

— Я знаю, что он хочет сказать,— вдруг усмехнулся Генка.— Это история в двух словах. Он тонул, а я его вытащил! Верно?

— Верно,— подтвердил Ничипор и с удовлетворением сел на свое место.

— Скажи ты теперь свое слово,— обернулся Игнат к Ваську.

Васек встал:

— Я скажу за себя и за своих ребят, потому что мы все одно чувствуем... Ты хороший человек, Генка. Ты ведь знаешь, как мы о Мите думали... (Васек махнул рукой, отвернулся. Ребята насупились.) Спасибо, Генка! Спасибо от нас всех...

И если придется тебе в жизни... ну плохо, что ли... так ты помни: у тебя есть товарищи! — закончил Васек.

— Спасибо тебе! Спасибо, Гена!..— потянулись к Генке ребята.

— Ну, чего там...— смущенно и радостно отмахивался Генка.

— Ну, вот и все... Договорились, значит,— улыбнулся Игнат и тут же, взглянув на обрыв, заторопился: — А теперь давай прячь, Гена, свой галстук, да разойдемся кто куда, а то чего-то Сашко беспокоится.

Саша действительно делал какие-то таинственные знаки.

В один миг коряга опустела. На ржавую поверхность болота ложился оранжевый отблеск заходящего солнца. Какая-то птичка пролетела над болотом, держа в клюве толстого червяка. Огромный жук-рогач с разлету шлепнулся на корягу, осмотрелся и с ворчливым гудением полетел дальше.

Глава 28

ДЕД МИХАЙЛО И ЕГО ВНУКИ

Дед Михайло жил теперь в самой гуще событий.

— Як в аду кромешном... С ведьмаками живу! В пекле! — дергая седую бородку, потихоньку рассказывал он Степану Ильичу.— И двое внуков у меня теперь стало.

— Двор метешь?

— Мету.

Степан Ильич, усмехаясь, смотрел в лукавые, острые, как буравчики, глаза деда:

— А классы метешь?

Дед Михайло вытащил из-за пазухи кисет — в нем звякала связка ключей. Наклонившись к Степану Ильичу, он что-то зашептал ему на ухо.

— Осторожней там,— предупредил его Степан Ильич.

— Эге! Осторожному только на печке сидеть,— проворчал дед.

В школе помещался фашистский штаб. По коридору щел-

кали офицерские каблуки, у дверей стояли часовые. Толстый, грузный генерал со своим адъютантом жили в двух классах. Там же собирались штабные офицеры. Михайло не понимал ни одного слова из того, что говорили немцы.

— Язык у них тяжелый! Нияк не изучить! И услышишь, а не поймешь! — сокрушенно жаловался он.— А мое дело такое — вроде за дворника я у них. Туда-сюда! Передник надел — и готово! Денщики ленивые, як свиньи! Генерал за ворота — они на диваны! Ноги вверх, сигару в зубы! «Батька, фу-фу, грязь... пошоль, уборка делать!»

Степан Ильич задумчиво крутил козью ножку:

— Без языка плохо... Что ты сделаешь?

— А что я сделаю? — подпрыгивал дед.— Ничего я не сделаю! Убить их — другие придут. Что я сделаю?

— Там побачим, что к чему... Ты в доверие входи, угождай... Понял? А то старым дурнем прикидывайся...

— Тьфу! — плевался дед Михайло.— Як бы дело какое, а то зря душу мараешь!

...Сева Малютин считался внуком деда Михайла. В старой Генкиной рубашке и широких штанах он выглядел украинским хлопчиком, только бледное, незагорелое лицо и русская речь отличали его от Генки. Но гитлеровцы не обращали внимания ни на старика Михайла, ни на его внуков. Они сбрасывали около мазанки деда старый хлам, заставляли его чинить солдатам обувь, убирать комнаты, держать в чистоте двор. Генка в это дело не мешался; он, стиснув зубы, не глядя, проходил мимо гитлеровцев и чаще всего, сидя в своей мазанке, думал о Гнедке. Теперь у Генки была одна радость — возвращенный галстук. Ночью, лежа на нарах, он осторожно вытаскивал галстук из сенника, завязывал его на груди и гладил мягкий узелок.

— Що, заработал? И где ж ты его заработал? Ты его нигде не заработал! — ласково поддразнивал его дед.

Генка вспоминал тревожные ночи, глухие лесные тропы, запачканные влажной землей копыта Гнедка и отвечал:

— Заработал.

— Эге! Значит, опять пионером будешь?

— Буду.

— Хе-хе-хе! — счастливо смеялся дед.— И комсомольцем будешь?

— И комсомольцем буду.

— И коммунистом будешь?

— И коммунистом буду,— усмехался Генка.

— Ну, черт! Вот черт! — восхищался Михайло.— Значит, деду и помирать можно спокойно, а?

— А чего тебе помирать? Живи,— разрешал Генка.

Оба затихали. Каждый думал о своем, но мысли их сходились. Из школы доносились чужие голоса.

— Погибель на вашу голову! — тихо бормотал дед.

Генка, приподнявшись на локте, напряженно всматривался в широкие окна школы. В освещенных окнах двигались фигуры фашистов.

— Прогонят их, диду?

— Фашистов? Обязательно! — твердо говорил дед.— Сами побегут... весь свой фасон по дороге растеряют! До самого Берлина поскачут, да и в Берлине места себе не найдут!

Завернувшись в одеяло, Сева лежал на скамейке. Он с тоской думал о матери, вспоминал девочек — Лиду, Валю и Нюру. Представлял себе Митю блуждающим по лесу, беспокоился за Мазина и Русакова. Сева всей душой тянулся к Ваську, но в последнее время Васек изменился. Он стал более сдержанным и при встрече с Севой часто молчал, как бы обдумывая что-то про себя. Недавно они с Трубачевым стояли у колодца. Задумчиво глядя на Севу, Васек неожиданно сказал:

— Вот что интересно: о чем фашисты между собой в комнате говорят?

— Не знаю, я там не был... Туда не пустят! — испуганно ответил Сева.

— А ты... как-нибудь... под окошком послушай, что ли...

— Окошки закрывают. И часовые везде,— озабоченно вглядываясь в Трубачева, шептал Малютин.

Глаза у Трубачева были упрямые, взгляд их куда-то убегал.

— А ты попробуй все-таки...

— Я попробую,— серьезно сказал Сева.

Васек быстро наклонился к нему:

— Главное, чтобы никто не знал, что ты понимаешь немецкий язык!

Они постояли и разошлись. Севе было о чем подумать. Мысли, глубокие и тайные, одолевали его. Хотелось откровенно поговорить с Трубачевым, но он понимал, что Васек все равно не ответит на его вопросы.

Теперь по утрам Сева надевал передник деда и шел к воротам. Он подметал двор, прибирал около крыльца брошенные огрызки сигарет и чутко прислушивался к тому, что говорят между собой фашисты.

— Они говорят, что Гитлер возьмет Москву! — весь дрожа сообщил он однажды Ваську.

Глава 29

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Тоскуя о матери и об оставленных дома мал мала меньше, Саша собирал колхозных ребятишек: играл с ними, строил им домики, учил их тем песням, которые пели когда-то в детском саду его сестренки. Жорка не отходил от Саши. И с самого утра во двор Степана Ильича с разных концов села бежали ребятишки. Некоторых приносили матери и, посадив на крыльцо, просили Сашу:

— Погляди за ним, хлопчик, чтобы беды не случилось!

Губная гармошка иногда привлекала малышей. Фашисты, подпустив близко какого-нибудь заслушавшегося музыкой карапуза, вдруг хватали его, как котенка, за шиворот или направляли на него ружья, пугая:

— Пуф-пуф, киндер!..

Саша оберегал ребят как мог. Он уводил их на полянку за клуней и там часами возился с ними. Однажды Васек слышал, как, собрав семилеток, Саша говорил им о школе, о Москве, о Красной Армии.

— Фашисты — наши враги, они заняли нашу землю, они у нас все берут...— объяснял Саша.

— И у нас берут! — вставлял какой-нибудь малыш.— А батька́ нашего увели...

— И нашего увели!

— А у нас из скрыни добро украли! — жаловались другие.

В каждой хате были обиды, которые понимали даже дети.

— Офицер нашу бабку ударил...

Саша говорил о Красной Армии:

— Придут сильные, смелые бойцы с красными звездами на шапках...

— Як наш батько! Он тоже в Красную Армию пошел!

— И наш Павло тоже пошел!

— И Василь наш,— вспоминали дети.

— ...Придут красные бойцы и прогонят злого врага! — с глубокой верой говорил Саша.

— И к нам придут! — радостно шептали малыши, прижимаясь к Саше.

Васек обнял товарища:

— Это хорошо, что ты им все рассказываешь. Только гляди в оба, Саша!

Васек и сам глядел.

— Куда ты с ними идешь? — спрашивал он товарища.

— За клуню.

— Не надо. На полянке садись, чтобы кругом тебе видно было — нет ли гитлеровцев... Постой,— окликал он Сашу,— иди сюда!

Саша возвращался.

— В траве иногда солдаты валяются — за цветами не видно. Оглядывайся хорошенько.

— Да не бойся, я смотрю,— улыбался Саша.

* * *

Васек собрался на пасеку. Уже два раза ходил он к Матвеичу, передавал ему свои наблюдения и рассказывал все, что слышал в селе.

Стоял жаркий июль... Туже натянув на голову свою тюбетейку, Васек вышел на улицу. На каждом шагу попадались гитлеровцы; люди пробирались сторонкой, чтобы не встретиться с ними. Васек шел смело, размахивая пустой корзинкой.

— Пойдешь за грибами? — спросил его утром Степан Ильич.

— Пойду,— не сморгнув ответил Васек.

Степан Ильич озабоченно постучал пальцами по столу, покусал светлые усы. Васек ждал, не даст ли он какого-нибудь поручения к Матвеичу, но Степан Ильич ничего не сказал.

По дороге шла группа солдат; лица у них были красные от жары, вороты расстегнуты. Васек спрятался в первый попавшийся двор, переждал, потом, зорко глядя по сторонам, снова вышел на улицу.

Впереди показался высокий старик. На нем был серый пиджак и старый, помятый картуз, низко надвинутый на лоб. Он слегка хромал, опираясь на палку. Васек забеспокоился — что-то неуловимо знакомое показалось ему в этом старике... И чем ближе тот подходил, тем сильнее волновало Васька странное сходство старика с кем-то, кого он не мог еще вспомнить.

Поравнявшись с мальчиком, старик вскинул на него серые блестящие глаза. Васек смешался, оробел и, задыхаясь от волнения, прошептал:

— Здравствуйте...

Он узнал секретаря райкома. Радость, испуг, тревога за этого человека охватили его. Старик внимательно посмотрел на мальчика, но не ответил и, хромая, прошел мимо. Васек боялся оглянуться. Ему казалось, что отовсюду следят за стариком глаза фашистов. Тысячи мыслей вертелись в голове. Зачем он пришел? Разве он не знал, что здесь враги? Каждый из села мог нечаянно выдать его, окликнув по имени. Что делать? Как предупредить несчастье, которое так легко может произойти?

Васек поглядел вслед секретарю райкома. Тот шел спокойно, как человек, который хорошо знает, куда и зачем он идет. И тогда Васек вспомнил его слова: «Коммунисты всегда будут среди народа, первыми в этой борьбе».

За селом, на лугу, Саша сидел с ребятами. Васек подбежал, хлопнул товарища по плечу и возбужденно сказал:

— Эх, Сашка, ничего-то ты не знаешь! А у меня такая тайна, которую я даже тебе сказать не могу!

Саша промолчал. У него тоже была своя тайна...

Один раз Ко́стичка попросила Сашу собрать на лугу щавель — трудно было ей прокормить троих детей: гитлеровские солдаты отняли все запасы крупы и сала. Жене кузнеца Кости, чем могли, помогали соседки; баба Ивга передавала ей хлеб для детей. Саша всегда был рад сделать что-нибудь для Ко́стички. Он встал рано, спустился к реке. На другом берегу луг был не скошен — там было много щавеля. Саша сложил одежду в корзинку, вошел в воду и поплыл, держа корзинку над головой. Мальчик еще не достиг берега, как кто-то окликнул его осторожным хриплым шепотом:

— Хлопчик...

Саша испуганно шарахнулся в сторону, не решаясь выйти из воды.

— Эй, хлопчик! — снова донеслось до него из зарослей ивняка.— Иди сюда, не бойся...

Из кустов выглянул какой-то человек. У него было желтое скуластое лицо с сухими, потрескавшимися губами. Рубаха на груди заржавела от крови, глаза ввалились и глядели на Сашу настороженно и сурово.

— Свой я... Чего от своих бежишь?

Саша с замирающим сердцем подошел к незнакомому человеку.

— Стоят фашисты у вас? — тихо спросил тот, кивнув головой в сторону села.

— Стоят,— прошептал Саша.

— Много?

— Много...

Незнакомый сдвинул брови, набрал ладонью воду, жадно хлебнул:

— Красноармеец я... раненый... к своим пробираюсь. Не слышал — есть наши в лесу?

Саша насторожился. Вспомнил Митю... Где-то в лесу бродит

Митя; может быть, там и другие люди, бежавшие вместе с ним... Но Саша молчал.

— Не слышал, есть наши в лесу? — тоскливо повторил красноармеец и снова жадно хлебнул с ладони воду. Потом поглядел на Сашину корзинку и быстро спросил: — Хлебца нет у тебя? Голод мучит...

— Я сейчас принесу,— заторопился Саша.

— Принесешь? Ну, принеси...— с заблестевшими глазами прошептал раненый.— Только, слышь...— Он тронул Сашу за плечо: — Скажешь кому — убьют меня!

Саша отчаянно замотал головой:

— Нет, нет, что вы... никогда не скажу!..

Красноармеец поглядел ему в глаза:

— Ну, беги...

Саша, торопясь, переплыл речку, натянул одежду и, не оглядываясь, пошел к своей хате. «Сказать или не сказать ребятам? Может, посоветоваться с Васьком? Шепнуть бабе Ивге? Нет, нельзя! Никому нельзя сказать... Каждое слово сейчас может выдать. Ребята разволнуются, начнут шептаться: кто, что... А этот красноармеец про лес спросил...— вспомнил Саша.— Может, надо было сказать ему про Митю?»

В хате никого не было. Саша схватил ломоть хлеба, несколько луковиц. В шкафу на тарелке лежал кусочек сала. Мальчик спрятал сало и лук за пазуху, хлеб положил в карман.

Назад шел осторожно, оглядываясь по сторонам: ему казалось, что из всех кустов следят за ним чьи-то глаза.

На берегу было тихо, но, когда мальчик уже собирался спуститься к воде, на тропинке показались два немецких солдата.

Саша спрятался в кусты. Солдаты остановились и стали раздеваться. Потом вошли по пояс в воду и не спеша начали мыться. Саша в отчаянии поглядел на тот берег.

Кусты ивы не шевелились. Солдаты купались долго. Потом ушли. Когда их голоса совсем затихли, Саша вылез из кустов, разделся и, держа над головой корзинку с одеждой, в которой были завернуты хлеб и сало, поплыл. У берега он остановился, прислушался.

— Дяденька!

Никто не ответил.

— Дяденька! — повторил Саша.

Везде было пусто и тихо. Только примятые ветки ивы напоминали о раненом красноармейце. Саша посмотрел на густую осоку, на луг...

За лугом начинался колючий молодой сосняк. Мальчик, пригнувшись к высокой траве, бросился бежать к сосняку. Он прошел между рядами молодых деревцов; сосновые ветки царапали его плечи, иглы кололи ноги. Но здесь тоже было пусто. Мальчик понял: красноармеец ушел... испугался фашистов или его, Саши... Ушел, не дождавшись хлеба.

Саша вернулся к реке. У примятых кустов ивы он вынул из корзинки сало и хлеб, положил на траву и в последний раз тихонько позвал:

— Дядечка...

В эту ночь баба Ивга часто подходила к Саше, трогала ладонью его голову. Саша не спал. Ему чудились выстрелы, слышались стоны, доносившиеся с реки. «Почему я не сказал ему, что в лесу Митя?» — горько раскаивался Саша.

Утром он снова пошел на берег, переплыл на ту сторону. Под ивой не было оставленной еды. «Взял он или не взял хлеб? Если бы склевали птицы, были бы крошки...»

Много дней еще Саша тревожно прислушивался ко всякому шуму на селе, бродил один по берегу реки, рискуя попасться на глаза фашистам, пробирался за село, в ближний лес.

Потом нахлынули новые события, воспоминание о раненом отошло, осталась только одна мысль, которая всегда мучила Сашу: «Взял он или не взял хлеб?..»

Товарищам Саша ничего не сказал.

Глава 30

«ЗЕЛЕНЕНЬКИЙ ПОЕЗД...»

В этот день Ваську не удалось побывать на пасеке. Случилось еще одно событие, взволновавшее ребят. За околицей Васька догнал запыхавшийся Одинцов.

— Игнат передал, чтобы после обеда мы трое в овражек пришли. У него какое-то спешное дело,— торопливо сказал он.

Пришлось повернуть назад.

— А что за дело, не знаешь?

— Не знаю. Он не говорил. Только обязательно велел прийти.

После обеда Саша, Одинцов и Васек по одному пробрались в овражек.

Ждали долго. Уже солнце начало садиться, когда сквозь кусты просунулась голова Игната.

— Я Ничипора наверху поставил...— шепнул он.

— Ладно. А в чем дело у тебя? — нетерпеливо перебил Васек. Он был расстроен тем, что не попал на пасеку, где давно уже не был.

— А дело вот какое...— Игнат вытащил из кармана пачку бумаг. Здесь были листы, вырванные из школьных тетрадок, писчая бумага и даже кусочек светлых обоев.— Держи,— сказал Игнат, передавая Ваську пачку.— Это мои хлопцы по селу кое-где бумаги пособирали, а то писать не на чем. А вот это нам задание...

Он осторожно достал из-за пазухи завернутый в газетную бумагу листок и расправил его на коленке. Ребята вытянули головы и с любопытством прочли заголовок:

ВЕЧЕРНЕЕ СООБЩЕНИЕ 3 АВГУСТА

Сводка была написана четким почерком, рукой взрослого человека.

— Читайте про себя,— тихо предупредил Игнат.

Лица у ребят покраснели от волнения, губы зашевелились.

«...После 6-часового боя полк противника, окруженный с трех сторон нашими частями, был разгромлен... На поле боя фашисты оставили больше 1500 убитых и раненых немецких солдат...»

В овражке была тишина, слышались только прерывистое дыхание и легкий шелест бумаги, лежавшей на колене Игната; каждому хотелось потрогать листок, прикоснуться к нему.

— Игнат, откуда это?

— Откуда — это не наше дело. Наше дело — переписать чисто, понятно да осторожненько расклеить. Вот я и принес вам. Тут бумаги на десять таких листовок хватит. В Ярыжках и еще кое-где мы уже порасклеивали. Только смотрите, хлопцы: попадетесь — плохо будет... Тогда уж...— Игнат покачал головой.— Одним словом — кто дал, где взяли...— Он строго посмотрел на товарищей.

— Предателей среди нас нет,— просто сказал Васек, спрятал на груди листовку и развернул пачку чистых бумажек.— Эх, сколько тетрадей мы в школе бросили! Знать бы раньше, что понадобятся...— с сожалением сказал он и вдруг, перевернув один листок, вырванный из школьной тетрадки, удивленно заметил: — А здесь стихи какие-то... и зачеркнуты... Это что?

— Да это — так... Видно, кто-то из школьников последние листки из тетрадки вырвал да отдал. Ну, на этом листке не пишите — и все!

— Что? Что? — рассеянно переспросил Васек и медленно прочитал вслух первые строчки стихов:

Зелененький поезд сюда нас привез,
Заехали мы на Украйну в колхоз...

— Зелененький поезд? — живо перебил его Саша.— У нас тоже был зелененький поезд... Странно...— сказал он, заглядывая в листок.

— Читай, читай! — заторопил Одинцов. Сквозь тонкую кожу на его лице проступили красные пятна, и даже веки покраснели.

Васек громко, с волнением в голосе прочитал дальше:

С любовью нас встретили, точно родных,—
В Советской стране не бывает чужих,
Все любят друг друга и славно живут.
Да здравствует мирный и радостный труд!

— Игнат! Где это взяли? Откуда? Ребята! Ведь это... это писала Нюра Синицына,— прошептал Одинцов.

— Это наша Нюра... я узнал... И, может, она жива? Может, все они живы? — заволновался Саша.

Васек посмотрел на товарищей и покачал головой:

— Эти стихи Нюра могла написать в первые дни, когда мы только приехали. И, может, потеряла тетрадку или отдала кому-нибудь из здешних девочек... Мы возьмем себе на память эти стихи... Только надеяться на что-нибудь, по-моему, нельзя...

— Да, конечно... Митя сам видел разбитый грузовик,— упавшим голосом сказал Саша.

Все замолчали. Игнат глубоко вздохнул, поправил свою кубанку:

— Кого нет — того нет. О живых надо думать... Так вот, я свое слово сказал. А вы тут постарайтесь. Может, успеете, так к ночи и расклейте.

— Ладно. Сделаем,— поднимаясь, сказал Васек.— Выходите по одному... Когда придешь опять, Игнат? — все еще потрясенный напоминанием о девочках, грустно спросил Васек.

Игнат присел на корточки и быстро зашептал:

— Справляйтесь сами, хлопцы,— у нас другие дела объявились. Не можно мне часто приходить, а если надо, Грицька посылайте ко мне.

Прощаясь, он еще раз попросил не задерживать листовки... Но ребят ждала неудача.

По хате тяжелыми шагами ходил Степан Ильич. Переписывать сводку при нем боялись. Тайна — так от всех тайна. Пробравшись гуськом мимо Степана Ильича, ребята сели в угол и тихо зашептались. Степан Ильич неодобрительно посмотрел на них, но ничего не сказал. В последнее время он был хмурый и неразговорчивый.

Пошептавшись, ребята послали Сашу к Макитрючке, чтобы узнать, вернулись ли Мазин и Русаков. В ожидании они бегали несколько раз к воротам и обратно. Степан Ильич стоял у окна, повернувшись к ним спиной и постукивая пальцами по стеклу,— о чем-то думал.

— Может, он уйдет куда-нибудь?

— Он всегда вечером уходит...

— Одинцов, ты так, намеками, узнай у него, уйдет он или нет,— кивнул на Степана Ильича Васек.

Одинцов, сделав непринужденный вид, подошел к другому окну и, покосившись на Степана Ильича, сказал:

— Ой, как темно уже! Наверно, сегодня никто никуда не пойдет, дядя Степан?

— Как это — никто никуда? —насмешливо переспросил Степан Ильич и, вдруг с шумом подвинув табуретку, сел, сложив на коленях руки.— А ну-ка, идите сюда, вылезайте из-за печки!

Ребята переглянулись и робко подошли:

— Мы?

— Вы, вы! Настало время мне поговорить с вами всерьез. И вы этот разговор запомните хорошенько, чтобы два раза повторять не пришлось.— Степан Ильич поднял вверх палец и, медленно отчеканивая каждое слово, сказал: — Чтобы с этого часу прекратить всякие ваши перешептывания и лазание где ни попало! И не носитесь вы по селу как угорелые, не советуйтесь в каждом углу, потому что все ваши тайны у вас на лбу написаны... Всякое это ваше подмигивание, подмаргивание...

— А мы не подмаргиваем,— быстро перебил его Одинцов.

— Как это — не подмаргиваете? — сердито стукнул по столу Степан Ильич.— Я сам видел. И все это вы делаете на глазах у врагов, шмыгаете перед самым их носом. Да что вам война — игрушка, что ли?

— Да мы не подмаргиваем! — вспыхнул от обиды Васек.

Дверь неожиданно открылась, и Саша, просунувшись наполовину, замахал рукой и, делая таинственные знаки бровями, вытянул трубочкой губы:

— Васек, выйди... Васек...

Степан Ильич шагнул к двери, взял за плечо Сашу и поставил его перед собой:

— Вот, видали? Ну, чего ты моргаешь? Что там случилось?

— А я не моргаю,— растерявшись, сказал Саша.

— Ну, а как же эта твоя мимика называется?

Ребята не выдержали и рассмеялись.

— Эх, дети, дети! Нет у вас настоящего понимания того, что происходит... Да если вам взрослые что-либо поручают сделать, делайте, но не обращайте все в игру и не смейте что-либо придумывать от себя! Потому что вы можете муху в слона превратить, и из-за вашей глупости хорошие люди могут погибнуть, и сами вы пропадете ни за грош, ни за копейку.— Степан Ильич встал, откинул на окне занавеску.— Вот... глядите сюда!

Присмиревшие ребята один за другим подошли к окну. Отсюда видна была улица... У каждых ворот и у плетня стояли и ходили гитлеровские солдаты, громко, развязно переговариваясь на своем языке.

— Вот он, наш враг... В каждой хате, на каждом шагу... Кровью нашей он не дорожит, людей в ямы живьем бросает. С оружием пришел, с хитростью, с коварством... Вот и подумайте, как надо себя вести, ребята! — тихо закончил Степан Ильич.

Глава 31

НА СТАРОЙ МЕЛЬНИЦЕ

Два дня Мазин и Русаков блуждали по лесу. Спускались в лесные овраги, забирались в густую чащу. Петька складывал рупором ладони и гудел, подражая горну. Лес откликался протяжным эхом. Стали попадаться путаные тропинки, лесные дороги. Мазин решил вернуться. Лес то густел, то редел, приметы были так похожи, что мальчикам начинало казаться, будто они уже проходили эти места. Перед глазами неожиданно открывался молодой сосняк, за ним белели березы. В непроходимой чаще леса было темно и сыро, солнце скупо проникало туда сквозь густую зелень кустов и деревьев, на траве не просыхала роса. Мазин чуть не провалился в болото. Под мягким, бархатным ковром, расшитым незабудками, стояла ржавая вода.

Ночевали опять в лесу.

— Заблудились! — объявил утром Мазин.— Надо речку искать. Я в речках хорошо разбираюсь!

— Помнишь, как ты по Северной Двине ездил? — фыркнул Петька.

Мазин улыбнулся:

— Все помню! Эх, и времечко было, Петька! Сергей Николаевич, директор, Грозный!.. А школа! Я ее часто во сне вижу... Стоит себе и стоит на том же месте!

Стали вспоминать всякие мелочи школьной жизни. Все тогдашние неприятности казались теперь милыми и смешили до слез.

Покружив еще несколько часов, вышли к реке. Наступала третья ночь их жизни в лесу. Запасы кончились, голод давал себя чувствовать.

Развели костер, попили горячей воды с остатками хлеба. Место было глухое; казалось, что здесь нечего опасаться врага. К каждому шороху мальчики прислушивались с радостным ожиданием: а вдруг на огонек выйдет Митя!

— Как хорошо, Мазин! Как будто и войны нет.— Петька придвинулся поближе к огоньку и уютно свернулся калачиком на траве.— Пойдем утром!

— Куда «утром»! Третью ночь шатаемся... Ребята ждут, вставай! — заворчал Мазин.

Петька со вздохом поднялся.

Река здесь была широкая, спокойная. Мазин долго стоял, соображая, в какую сторону надо идти.

— Пойдем по течению,— решил он.

Шли по берегу.

Луна еще не всходила, но в лесу уже залегла ночь. Высокий очерет с коричневыми бархатными головками мягко шелестел; в воду шлепались с берега крикливые лягушки. От усталости не хотелось говорить.

Вдруг с реки донеслись тихие голоса, раздался плеск весел. Ребята увидели лодку. В ней сидели три гитлеровца. Над водой вспыхивали огоньки их сигарет.

— Пусть проедут,— шепнул Мазин.

Мальчики спрятались в камышах. Теперь им никак нельзя было вылезти, не обратив на себя внимания. Мазин вытянул голову и прислушался. Из лесу донесся стук топора. Привык-

нув к темноте, острые глаза Петьки различили среди редких деревьев немецкие палатки.

— Надо удирать...— прошептал он, прижав губы к уху товарища.

Но лодка причалила неподалеку от них; гитлеровцы не спеша вытащили ее на песок и ушли по тропинке в лес, к палаткам. Шагов их не было слышно. Прошли они дальше или остановились где-нибудь за деревьями, мальчики не знали. Вылезать было опасно. Они стояли в камышах по колено в воде и наблюдали за берегом. У обоих возникла одна и та же мысль. Петька, тихонько толкая товарища, указывал на лодку, в ответ Мазин крепко сжимал его локоть. В темноте кусты орешника сливались в густую массу. Мазин поднял гладкий камешек и изо всех сил пустил его в лес. Камешек прошелестел по веткам и шлепнулся на землю. На шум никто не откликнулся. Тогда Мазин осторожно раздвинул камыши, окунулся в воду и пополз, цепляясь руками за мелкое дно. Петька последовал за ним. Лодка, врезавшись носом в песок, тихо покачивалась на волнах. Руки мальчика коснулись ее гладкой, просмоленной кормы, потом ухватились за борта.

— Тащи! — шепнул Мазин.

Мальчики, стоя на коленках в воде с двух сторон лодки, потащили ее с берега. Песок заскрипел... Мазин остановился... Потом кивнул головой Петьке... Песок снова заскрипел, лодка сползла на воду, повернулась носом по течению и стала медленно удаляться от берега. Мальчики плыли рядом, держась за ее борта. Петька вскарабкался первый, осторожно вложил в уключины два весла. Мазин мокрым мешком плюхнулся на дно, молча поменялся с Петькой местами и взял весла. Всходила луна. На всякий случай ребята старались держаться ближе к берегу — чернота кустов закрывала лодку. Ошеломленные и счастливые своей удачей, оба молчали. Лодка шла медленно, обтирая бока о кусты, прячась под ивовыми ветками, скрываясь в камышах. Берега стали меняться, река вдруг повернула и выбежала на луг. На лугу стояли стога сена.

— Смотри в оба! — шепнул Петьке Мазин.

Луна спряталась за тучу. Наступила темень. Мазин выехал

на середину реки. Лодка бесшумно понеслась по течению. Впереди снова начинался лес.

— Петька! — окликнул Мазин товарища.

Петька ответил ему радостным мычанием.

Становилось холодно, с одежды стекала вода.

— Надо выжать рубахи и штаны,— сказал Мазин.— Эх, котелок на берегу бросили из-за этих чертей!

— Зато лодка у нас! — радовался Петька.

Одежду крепко отжали, с трудом натянули опять штаны и рубахи. Петька улегся на дне лодки и свернулся калачиком.

— Куда мы едем, Мазин? — равнодушно спросил он.

— «Куда, куда»! На кудыкину гору!

— А ты ж говорил, что в речках хорошо разбираешься!

Мазин промолчал. Петька закрыл глаза, согрелся и заснул. Глаза у Мазина тоже закрывались, но он изо всех сил боролся со сном.

Над рекой медленно вставал рассвет. На берегу сонно и нежно попискивали птицы. От воды поднимался легкий туман. Показалось и скрылось какое-то село с белыми хатами. Выросли из тумана неподвижные высокие тополя, мелькнула на пригорке утонувшая в вишняке пасека. И снова загустел на берегах лес...

Лодка плыла и плыла, уносимая течением неизвестно куда.

Неожиданно выступила громадная тень полуразвалившейся мельницы. Неподвижно торчало занесенное илом мельничное колесо. Река в этом месте сильно суживалась и, обегая колесо, с гулким шумом падала вниз с позеленевших от времени бревен плотины. Лодка с разбегу врезалась носом в берег. Мазин вскочил. Петька протер кулаками глаза. Оба вылезли из лодки, тревожно оглядываясь.

— Старая мельница,— шепотом сказал Мазин.— Постереги лодку, а я разузнаю, что там.

Он, пригнувшись, побежал к мельнице. Старая, почерневшая от дождей и времени, она тяжело накренилась над водой. Заросшая мохом крыша осела, из нее торчали голые балки. Узкие окошки с выбитыми стеклами покосились набок.

Ступеньки глубоко вдавились в землю и буйно заросли крапивой. Наглухо забитая досками дверь давно не открывалась. Везде было тихо. Мазин осторожно обошел мельницу со всех сторон. В одном месте трухлявые доски разъехались, и в стене зияла черная дыра.

«Не мудрено было пану повеситься тут»,— усмехнулся про себя Мазин. И вдруг замер от неожиданности и удивления. Перед ним стоял Игнат.

— А ну, поверни назад, хлопче! — тихо и внушительно сказал он.

* * *

Петька, оставшись один, недолго сидел в кустах. Любопытство мучило его.

— Мазин! Мазин! — тихонько звал он товарища, не смея самовольно покинуть наблюдательный пост.

Мазин не откликался. Терпение Петьки лопнуло. Он вылез из кустов и решительно направился к мельнице. Но внезапно выросла перед ним крепкая, коренастая фигура Федьки Гузя. Он стоял, широко расставив ноги, и таращил на Петьку круглые светлые глаза:

— Ты чего тут?

— Мельницу хочу посмотреть,— сказал Петька и, небрежно покачиваясь, свернул вправо, пробуя обойти Гузя. Но Федька тоже двинулся вправо. Петька забрал влево — Гузь подался влево и еще шире расставил ноги.

— На мельнице пан повесился! — сказал он, делая страшные глаза.

— И сейчас висит? — вежливо осведомился Петька.

— И посейчас там.

— Вот я и хочу на него посмотреть. Сроду не видел панов — ни живых, ни мертвых,— заявил Петька, решительно наступая на Гузя.

Федька заложил два пальца в рот и издал короткий свист.

Петька вспылил:

— Ты чего свистишь? На кого намечаешься? Думаешь, ис-

пугал? А ну, тронь! — Он боком подскочил к Федьке и уперся плечом в его плечо.— А ну, тронь!

Гузь громко задышал ему в ухо, но не отстранился.

Петька крепче нажал на его плечо.

— На мельницу не пущу! — рявкнул Гузь, засучивая рукава и переходя в наступление.

Оба подпрыгнули и, обхватив друг друга поперек туловища, покатились в траву. На драку выбежали два мальчика. Один был Мазин, другой — Игнат Тарасюк. Игнат Тарасюк глянул на катающихся по траве ребят, спокойно зачерпнул шапкой из реки воду и вылил на головы дерущихся. Петька и Гузь отскочили друг от друга, фыркая и отряхиваясь.

Петька бросился к Мазину:

— Я им дам! Они меня на мельницу не пускают! Небось к нам в Слепой овражек ходят. Ихняя, что ли, мельница? Пойдем, Мазин!

Он рванулся вперед, но Мазин схватил его за руку.

С другой стороны снова выросли Гузь и бледный, но решительный Игнат.

— Нечего тебе на мельнице делать. Я сам раздумал туда идти,— сказал Мазин.

— Почему это? Я хочу посмотреть! — не сдавался Петька.

— Ладно, поворачивай! — Мазин взял Петьку за плечи и повернул его назад.

Петька искоса взглянул на товарища и замолчал. Игнат дружески улыбнулся Мазину и как ни в чем не бывало сказал:

— А вас ребята ожидают. Василь говорил, что если сегодня не придете, то сам пойдет вас искать.

— Придем,— растерянно ответил Мазин.

— А что, не слыхать ничего про вашего Митю? — с сочувствием спросил Игнат.

Но Мазин не ответил. Он думал о мельнице.

Игнат беспокойно оглянулся, снял с головы кубанку и сверкнул на Гузя сердитыми глазами.

— Они ж на лодке подъехали,— словно оправдываясь, сказал Федька.

— А где ж это вы лодку взяли? — заинтересовался Игнат, только теперь заметив спрятанную в кустах лодку.

— У фашистов отняли! — похвалился Петька, победоносно глядя на Гузя.

— У фашистов? Не врешь? — Федька вытянул шею и с уважением поглядел на недавнего врага.

— А что нам врать? Пустяк дело! — хорохорился Петька.

Игнат быстро оглядел лодку и, поманив пальцем Мазина, тихо сказал:

— Вы вот что: уходите отсюда... Понятно? А лодка нам останется...

— А вам зачем? — поинтересовался Мазин.

Игнат вздохнул:

— Да так... може, сгодится на что-нибудь... рыбу ловить...

«Знаю я зачем»,— подумал Мазин.

— Бери, если надо,— тихо сказал он Игнату.

Игнат снова наклонился к лодке.

Федька торопливо объяснял мальчикам дорогу. Показал ближнюю тропинку.

— Мазин, а лодка? А лодка как же?..— заволновался Петька.

Мазин нетерпеливо оборвал его:

— Когда я что-нибудь делаю...

— Ну?

— Значит, делаю!

Петька пожал плечами. Он привык понимать своего друга с полуслова, но сейчас он ничего не понимал. Спорить же было бесполезно.

Поднявшись в гору, Мазин оглянулся. На берегу никого не было. Туман рассеялся, и старая мельница была хорошо видна. Она стояла черная, заброшенная, низко накренившаяся к воде. Все казалось в ней пустынным и неживым...

Но это только казалось.

Мазин не мог видеть, что внутри мельницы, на чердаке, в туманном свете, падающем из слухового окна, стоял на коленках перед ящиком Коноплянко и что-то быстро прилаживал.

Рядом с ним, примостившись на бревнах, сидела учительница из Ярыжек. В руках у нее был блокнот и карандаш.

«Говорит Москва! Говорит Москва!» — раздался спокойный голос диктора.

ДНЕВНИК ОДИНЦОВА

10 июля

Дорогой мой дневник! Ничего я не пишу теперь. Что ни подумаешь написать, все нельзя. Мы живем у дяди Степана. Он очень строгий и бранит нас иногда, если заслуживаем, но зато и жалеет нас. Совсем мы были бы сиротами без Мити, если бы не он. Добрый и, главное, на папу моего очень похож. А больше всего я полюбил его за то, что он один раз взял на колени Жорку и стал с ним шутить, а я тут же стоял. Ребят никого не было. Тогда он посмотрел на меня, спустил Жорку на пол, а меня обнял и говорит: «А теперь я с другим сыночком посижу. Ну, рассказывай, Коля, что у тебя на душе». Я стал про родителей говорить, а он слушал и все спрашивал... И мы так долго, долго вдвоем сидели! Вот какой дядя Степан! Если бы враги на него напали, я бы умер, а защитил его. И Трубачев тоже, и все наши ребята.

Хорошие тут люди, только ни о ком писать нельзя. Придется кончать дневник. Я с Трубачевым советовался,— он говорит, что когда все кончится и мы победим, то тогда все вспомним и запишем. А пока мы тоже хвебухведем хвебохверохветься хвес хвефахвешихвестахвеми.

Хвекохвеля Хвеохвединхвецов.

Глава 32
НА ПАСЕКЕ

Залаял Бобик. На крыльце стояла женщина и, прикрыв глаза рукой, смотрела на подходившего Васька:

— Ты к Матвеичу?

Васек остановился около крыльца.

Бобик прыгал на него, лизал ему щеки, нос.

— Знает, видно, тебя собака?

— Знает.

Васек не решался сказать, что пришел к Матвеичу, и молча играл с Бобиком, разглядывая незнакомую женщину. У нее было круглое лицо с глубокими складками около губ. Темные косы, обернутые в два ряда на голове, серебрились сединой, голубые глаза смотрели вопросительно. Из вышитых рукавов украинской рубашки были видны большие спокойные рабочие руки. Серый нитяный платок покрывал ее плечи; прячась от солнца, она набрасывала его на голову, завязывая узелком под мягким подбородком.

— Матвеич сейчас придет. Садись.

Она села на крыльцо. Васек тоже присел на нижней ступеньке, не смея пройти в хату.

— Я — Оксана. Слыхал обо мне? — просто сказала незнакомая женщина.

Васек радостно удивился:

— Это вы? Сестра Сергея Николаевича? Моего учителя?.. Я слышал, я еще давно слышал!

— От Сергея Николаевича слышал?

— От всех слышал!

— А от учителя своего слышал? — настойчиво спрашивала Оксана.

— Ну да! Он всем нам говорил, что у него сестра Оксана... то есть тетя Оксана... есть...— запутался Васек.

Женщина засмеялась. От голубых глаз ее протянулись к вискам тонкие морщинки.

— Это я тебе тетя. А учителю твоему — сестра. Я его маленьким еще помню, он на моих руках рос.— Она пригладила волосы, грустно улыбнулась.— Большим-то и не видела никогда.

Ваську стало жаль ее:

— Он хороший... Строгий такой... и ласковый. Сильный... ужас! Просто силач!

— А маленький худой был, легонький. Бывало, выйду с

ним на крыльцо, зовут меня девчата на улицу песни петь, а он уцепится руками за мою шею — не оторвешь...— Оксана вздохнула.— А какой уж теперь стал, и не знаю — не довелось повидаться...— Она расправила на коленях юбку, поглядела на свои руки.— Рубашку ему вышила. Может, он такую-то и носить не будет — городской стал.

Ваську захотелось сказать ей что-нибудь очень хорошее.

— Будет, будет носить! Я знаю! Он любит всякое... ну, вышиванье, что ли... Девочек за это хвалил. И сам себе галстук сделал, нам в классе показывал! — заторопился он.

— Негде носить. Он, наверно, на фронте теперь. Врага бьет. Какая ему рубашка сейчас, куда наряжаться! — сказала Оксана.— У нас у всех одно и на уме и на сердце.

Васек спрятал между колен свою тюбетейку. В ней хрустели зашитые бумажки.

— А Николая Григорьевича нет? — осмелился спросить он.

— Есть,— кратко ответила Оксана, не приглашая его в хату.

Наступило молчание. За дверью задребезжала посуда. Васек взглянул на Оксану.

— Тебя Васьком звать? — спросила она, хмуря брови.

— Васьком.

— Хорошо вас воспитывают! В строгости... На примере... Она понизила голос: — Отец у тебя с билетом?

— Он машинист — ему без билета можно.

Оксана наклонила голову, как бы разглядывая Васька:

— Не понимаешь разве, о чем говорю?

Васек вспыхнул, догадался.

— Нет, понимаю... Он давно уже... еще я не родился,— поспешно сказал он.

— Тише говори! Ищут враги коммунистов — вешают, расстреливают, живых в огонь бросают! Скажешь про кого — погубишь человека. Ненароком погубишь,— строго заговорила Оксана, наклоняясь к Ваську.— Матвеич не любит, кто болтает. Болтун с предателем по одной дорожке ходят...

Васек испугался:

— Вы спросили — я и ответил.

— Не всякому отвечать — кому в ответ и помолчать. Я спрошу, другой спросит...— Она пытливо вглядывалась в лицо Васька.

Он почувствовал к ней неприязнь: «Сама спрашивала — и сама болтуном ругается...»

— Я тебя учу, а не ругаю,— ответила на его мысли Оксана.— Матвеич тебя любит. И отец любит. А любовь от доверия...— Она положила на голову Ваську руку, пригладила назад чуб.— Лоб у тебя большой, чистый. В отца?

— Оксана! — послышался из хаты голос Николая Григорьевича. Он открыл дверь и, опираясь на палку, остановился на пороге.— А, Васек пришел!.. Что ж ты не скажешь?

— Да мы за разговором тут, слово за слово...

— Познакомились? — улыбнулся Николай Григорьевич.

— А мы и были знакомы. Он про меня слышал, я — про него. Что говорили, то и есть. Славный хлопец! — сдержанно похвалила Оксана.

Старик закивал головой:

— Ну, я рад, что он тебе понравился! Я так и думал.

Васек вздохнул.

«А все-таки она сердитая какая-то...— подумал он про Оксану.— Ее и Николай Григорьевич, видно, боится».

Они вошли в хату.

Васек заметил, что в кухне что-то изменилось. За печкой, где были полати, стоял теперь шкаф с посудой. Он хотел спросить, кто его сделал, но подумал, что лучше не спрашивать, а то Оксана еще и любопытным назовет.

Скоро пришел Матвеич. Он был веселый, потирал руки, командовал:

— Садись за стол, командир!.. А ну, Бобик, до перелазу, живо! Живо, живо забирай свой хвост, а то дверью прищемлю! — Он закрыл за Бобиком дверь, придвинул к столу табуретку.— Ну, рассказывай! Да не бойся — Оксана своя. Кто на пасеке у Матвеича — тот свой. Чужой тут голову сломит.

Оксана закрыла окно, опустила занавеску. Васек снял тюбетейку, протянул ее Матвеичу:

— Вот тут у меня все.

— Зашил?..— подмигнул Николай Григорьевич.— Смотри, Матвеич, зашил!

— Как надо! — важно подтвердил Матвеич, распарывая подкладку.— Комар носу не подточит!

Оксана обняла Васька.

— Рассердился на меня — и хорошо! Значит, к пользе. Значит, запомнишь слова мои,— ласково шепнула она ему на ухо.

Матвеич разложил на столе Севины бумажки.

На этих бумажках Сева записывал все, что ему удалось услышать или увидеть в штабе. Некоторые услышанные слова Малютин, затрудняясь перевести, вписывал прямо по-немецки.

Матвеич обернулся к Ваську и удивленно спросил:

— Это кто же у тебя работает?

— Малютин,— сказал Васек и, оглянувшись на Оксану, стоявшую за его спиной, добавил с гордостью: — Сева у нас немецкий язык знает!

И он начал шепотом рассказывать, какие поручения выполняет для него Малютин, как он слушает, что говорят в штабе, и передает ему, Ваську.

Над столом склонились три головы. Глаза взрослых внимательно и серьезно разбирали Севины каракули. Трубачев дополнял их рассказами:

— Фашисты собирают яйца, крупу, зерно... Говорили между собой, что на Жуковку повезут, в вагоны грузить.

Оксана выходила на крыльцо, стояла на дорожке под окнами.

С дружеским лаем промчался за хатой Бобик. Матвеич насторожился.

Васек вскочил, прикрывая ладонью листки. Оксана вошла в комнату:

— Свой.

Из кухни выглянул Коноплянко.

— Не бойся, не бойся! Это коноплянка прилетела,— засмеялся Матвеич, протягивая Коноплянко свою широкую

ладонь и усаживая Васька на место.— Садись, садись, хлопчик!.. А ты с чем прилетел, а?

— С лыхом чи с добыхом? — пошутил Николай Григорьевич.

— С добыхом,— всерьез ответил Коноплянко и, подвинув табуретку, сел рядом с Трубачевым.— Поклон тебе, Васек Трубачев, от твоего вожатого!

Васек задохнулся от счастья:

— От... Мити?

Коноплянко кивнул головой:

— Беспокоится о вас Митя. Велел вам передать, чтобы вы крепче держались друг за дружку. Знает, что трудно тебе, Васек Трубачев, но надеется на тебя и на всех ребят. Велел никогда не забывать, что вы пионеры и должны быть верными своей Родине.

Васек встал. Он не находил слов от радостного волнения. Коноплянко мягко улыбнулся ему и обратился к Матвеичу:

— Свежий выпуск. Осилите?

Он положил на стол листочки из блокнота.

— Осилю! Осилю! — заторопился Николай Григорьевич, разглядывая листки.

Коноплянко лег грудью на стол; на длинном, худом лице его выступил румянец, глаза засияли.

— Драгоценный материал принес...

Оксана позвала Васька:

— Иди-ка сюда! Я твою копну состригу немножко. Ишь ты, какой дядя Туман! Рыжий да кучерявый, совсем оброс! — выводя мальчика в кухню, певуче проговорила она.

Васек, взволнованный скупым сообщением Коноплянко, боясь спрашивать, медленно шел за ней, машинально оберегая от ножниц свой чуб.

Оксана сняла его руку с головы.

— Чуб твой при тебе и останется. Я за ушами колечки постригу. Садись-ка сюда. А то домой тебе скоро идти... Баба Ивга обедать наварила, коровку подоила, молочка нацедила...— Приговаривая, как над маленьким, Оксана подстригла

Ваську волосы, дунула на пробор, поскребла ногтем кожу: — Чистая головка. Ступай, голубенок, вынеси волосы во двор да закинь их подальше. Ишь, золота у тебя сколько! — пошутила она, собирая с фартука остриженные кольца волос.— Ступай. Да много не думай. Порадовал тебя Коноплянко, сказал тебе слова бесценные, вот и береги их в сердце да помни: что мог, то сказал, а что не сказал, того не мог. Значит, и спрашивать не надо.

Васек зарыл в кустах свои волосы, чтоб не разлетелись по ветру, и вернулся в кухню.

— Уходить мне? — послушно спросил он Оксану.

— Уходи. Завтра придешь под вечер. За кого из товарищей ручаешься — приводи. Настороже стоять будете. Понял?

— Понял.

Оксана дала Ваську горбушку хлеба, густо намазанную медом, проводила до перелаза, обобрала на его рубашке золотые волоски.

— А то на шею попадут — колоться будут,— как о чем-то очень важном, шепотом сказала она.

Васек не шел, а бежал домой, чтобы скорей передать товарищам слова Мити.

Возле села он неожиданно встретился с Мазиным. Мальчики бросились друг к другу:

— Мазин!

— Васек!

— Вернулись? — радостно сказал Васек.— А я боялся за вас.

Лицо Мазина показалось ему особенно родным и близким. Обожженное солнцем, с чуть-чуть припухшими и покрасневшими веками и знакомыми щелочками глаз, оно было смущенным и ласковым.

— У меня бы сердце разорвалось, если бы с тобой что-нибудь случилось,— добавил Васек.

Мазин без слов сдавил товарища в своих объятиях.

— Есть важная новость,— шепнул ему Васек.— Сегодня соберемся...

Глава 33

ВАСЕК ТРУБАЧЕВ И ЕГО ТОВАРИЩИ

В Слепом овражке было тихо и пустынно. По крутому склону, заросшему густым орешником, как паутина вилась тонкая проволока. Проволоку эту Мазин и Русаков еще в первые дни после прихода фашистов нашли около сарая, где сидел Митя, и опутали ею кусты, чтобы враги не могли застать собравшихся врасплох.

Васек ждал товарищей. Все они приходили поодиночке, чтобы не привлечь внимания патруля. Собираться вместе становилось все труднее. Чтобы попасть в Слепой овражек, надо было миновать конюшню, в которой гитлеровцы устроили гараж, надо было идти огородами, куда солдаты нередко лазили за овощами.

Один раз Васек, пробираясь между сломанными подсолнухами, увидел солдата. Фашист проводил мальчика ленивым, равнодушным взглядом, но от этого взгляда у Васька долго ползали по спине мурашки.

«Вот-вот выстрелит... и убьет»,— думал он, боясь оглянуться.

Реже всех приходили в Слепой овражек Сева и Генка. У ворот школы стояли часовые. Мальчики могли пройти мимо них с ведрами к колодцу и там, вытаскивая воду, двумя-тремя словами перекинуться с товарищами; но уходить надолго было опасно. Трудно было пробраться из Ярыжек Игнату; Федька Гузь, связанный с Игнатом разными делами, являлся теперь тоже редко. Нужна была крайняя осторожность. После того как в селе появились листовки, расклеенные ребятами Трубачева, фашистские патрули то и дело расхаживали по селу.

Сегодня Васек пришел первый и, сидя на коряге, с тревогой прислушивался к шороху кустов. Вот из орешника выглянула круглая голова Саши. Потом послышались осторожные шаги Одинцова. Справа треснул валежник, и из-под кучи хвороста вылез Мазин. За ним шмыгнул, как заяц, Петька. Степенно спустился в овражек Игнат. Последними пришли Генка и Сева. Наверху на страже остался Федька Гузь. Он зорко оглядывал

каждый кустик, осторожно обходил овражек; поднявшись на цыпочки, вглядывался в даль.

Предупрежденные об особой важности сегодняшнего сбора, ребята бесшумно заняли свои места. Старая коряга была похожа на корабль, причаливший к зеленому берегу.

Сначала говорил Мазин.

Ровным, бесстрастным голосом он рассказывал обо всем, что с ними случилось в эти дни, как в поисках Мити они зашли далеко в лес.

Петька вскакивал, перебивал его, забегая вперед. Ребята боялись пропустить хоть одно слово. В том месте рассказа, где на лагерной стоянке были обнаружены следы лошади, волнение их достигло предела.

— Это Митя проехал! Это он!

Генка смотрел на всех счастливыми глазами.

— Бинточки нашли! Бинточки! — кричал Петька.— Мазин плясал! Вот так!

Он выбросил вперед ногу, присел и подпрыгнул вверх.

— Корягу перевернешь, Петька! — хохотали ребята.

— Перестань дурить!

— Тише! По порядку давай... Мазин, дальше, дальше! Рассказывай, Коля.

Васек остановил расшалившегося Петьку. Мазин стал рассказывать дальше: гитлеровцы на берегу, лодка, плывущая ночью по реке...

Дойдя в своем рассказе до старой мельницы, Мазин вдруг смолк и, помолчав, добавил:

— Все.

— А что на мельнице? Что на мельнице? — спрашивали ребята.

— А на мельнице Игнат был и Федька. Я сначала с Федькой подрался, а потом мы с Мазиным отдали им лодку и ушли,— закончил Петька.

— Верно,— подтвердил Игнат.

Когда все угомонились, Васек встал:

— Ребята, вы слышали, что рассказал Мазин? Теперь скажу я... Только вы не перебивайте и не кричите. Первое... это...— гу-

бы у Васька дрогнули, — это... поклон вам от нашего вожатого Мити!

Ребята ахнули, вскочили. Но Васек усадил их на место:

— Митя велел нам всем передать, чтобы мы крепче держались друг за дружку, чтобы не забывали, что мы, пионеры, должны быть верными своей Родине и что он на нас надеется.

Ребята заволновались.

— Больше я сам ничего не знаю,— сказал Васек.— Эти слова мне передал один человек... Ребята, будем всегда помнить то, что сказал наш Митя!

— Будем помнить! — тихо и торжественно повторили ребята.

Васек оглядел поднятые к нему лица. Он увидел честное круглое лицо Саши, внимательные, зоркие глаза Одинцова, худенькое, нервное лицо Петьки, спокойное и напряженное лицо Мазина, синие встревоженные глаза Севы, карие пытливые глаза Генки и голубые простодушные — Грицька; увидел крепко сжатые губы Игната, его черные сросшиеся брови над строгими серыми глазами. Волнение сжало ему горло.

— Ребята, вы все мои товарищи!.. Я за каждого из вас, как за себя, ручаюсь...

Он оглянулся, прислушался. Ребята тоже оглянулись, прислушались. Над Слепым овражком гудели мухи, в кустах попискивали птицы, зеленые лягушата прыгали около коряги.

Васек совсем понизил голос и, обхватив за плечи товарищей, зашептал им что-то быстро и страстно. Все головы сблизились и тесно касались одна другой... Наконец Васек встал.

— Игнат здешний, он всех знает,— тихо сказал он.

— Игната... Игната бери! — дружно подхватили ребята.

Игнат снял кубанку:

— Во мне не сомневайтесь.

Глава 34

У ЛЕСНОГО КОСТРА

На бывшей лагерной стоянке паслась лошадь. Около разрытой пустой ямы лежал доверху набитый рюкзак. Митя держал в руках листок бумаги, исписанный крупным детским почерком,— письмо Мазина и Русакова.

На берегу реки мягкая глина еще хранила следы мальчишеских ног.

В памяти вставали веселые, шумные голоса и смех ребят... Палатки, костер... Вот здесь Валя Степанова расчесывала свои длинные золотистые косы, а Мазин подкрадывался к ней и щелкал ножницами.

Вот здесь, на этом пне... Митя подошел к широкому пню, осторожно сел на край, оставляя рядом с собой место. Здесь когда-то, в первую тревожную ночь, сидел он с Трубачевым. Глаза у Васька были темные, он ежился от холода. Митя накрыл Васька своей курткой, и они вместе просидели так до утра... Что же случилось? Разве прошли с тех пор годы?..

Прошло только две недели, как фашисты арестовали кузнеца Костю, Митю и других людей из села. В сарае было темно и сыро. Люди были подавлены случившимся, никто не понимал, за что и почему он арестован, каждый думал о своих близких. Митя думал об осиротевших ребятах, тяжко казнил себя за то, что не мог раньше выбраться из села.

Вспоминал девочек. В темноте вставали перед ним их светлые детские лица, слышались зовущие голоса:

«Ми-тя!..»

Мите казалось, что горе, свалившееся на его плечи, сделало его глубоким стариком. Его собственное детство, школа, счастливые мальчишеские годы ушли далеко-далеко и безвозвратно. Он думал о Сергее Николаевиче, который взял с собой всех ребят и оставил с ним самых стойких и сильных.

«Не задерживайтесь!» — звучал в ушах голос учителя. Митя вскакивал, хватался за голову...

Из темноты сарая выступали заплаканные лица родителей, доверивших ему своих детей.

Митя видел и свою мать. В тихом материнском лице не было укора. В каждой знакомой морщинке таилась тревога и боль за сына:

«Ми-тя!..»

Через несколько дней на рассвете фашисты вывели арестованных из села. Рядом с Митей шел кузнец Костя. Он был без шапки, ветер шевелил его лохматые волосы, из-под густых бровей глядели темные настороженные глаза.

По бокам арестованных шагали два конвоира, держа в руках автоматы. С одной стороны шоссе начался лес. Костя толкнул Митю. Митя понял: толкнул идущего рядом с ним. Арестованные насторожились.

В глухом месте, где за густым орешником начинался овраг, Костя гикнул и бросился на конвоира. Тяжелым ударом кулака он свалил его на землю...

Раздались беспорядочные выстрелы... Арестованные рассыпались по лесу. Все произошло так мгновенно, что Митя потерял из виду всех. Колючки рвали на нем рубаху, царапали лицо, руки. Он задыхался от бега. Пули свистели за его спиной... И тут лицом к лицу он столкнулся с Генкой.

Генка торопливо сунул ему в руки поводья, отдал ему любимого коня.

Митя вспоминает свою первую одинокую ночь в лесу, на этой самой лагерной стоянке.

Всхрапывал Гнедко, косясь на Митю пугливым, недружелюбным глазом, тихонько ржал, призывая Генку; подняв высокие чуткие уши, недоверчиво слушал ласковые, благодарные слова...

Вокруг таинственно шептались деревья, словно скрывая чьи-то осторожные, крадущиеся шаги...

На рассвете Митя стал искать разбежавшихся по лесу товарищей. Он часто останавливался, слушал, окликал. Одинокий голос его терялся в лесу.

В полдень из чащи, ломая сучья, вышел Костя... С тех пор они стали товарищами. Разный народ встречался им в лесу. Костя был осторожен и не каждого подпускал к огоньку.

— Кто знает, что за люди! Может, за фашистов руку тянут.

Однажды они вдвоем наткнулись на раненого красноармейца. Он лежал, подняв вверх скуластое лицо с сухими, синими губами. По желтой, обтянутой на щеках коже бегали муравьи. Рубаха на груди заржавела от крови. Красноармеец крепко прижимал к себе винтовку.

Митя осторожно поднял его голову, приложил к губам флягу с водой. Вода полилась мимо, за воротник.

— Помер,— сказал Костя.— Жалко — молодой...— Он осторожно, словно стесняясь своего поступка, потянул к себе винтовку: — Отдай, товарищ! Тебе она уже не нужна. Мы теперь за твою молодую жизнь рассчитаемся...

Красноармеец вдруг заморгал глазами, со стоном рванул винтовку из рук Кости.

— Убью! — прохрипел он, дико глядя вокруг себя.

Кузнец отступил.

— Живой! — удивленно сказал он.

Митя наклонился над раненым:

— Товарищ! Товарищ! Это свои!

Красноармеец пошевелил губами:

— Пить...

Он пил долго, большими глотками, глядя в лицо наклонившегося над ним Мити. Сознание медленно возвращалось к нему.

— Не бросайте, братцы!

Костя на руках перенес его в овраг, где они с Митей вырыли себе землянку. Красноармейца звали Илья Кондаков.

На другой день он пришел в себя и рассказал, что в одном из сильных боев он был ранен; истекая кровью, отполз в пшеницу. Фашисты его не заметили. С тех пор он бродил по лесу, прятался в копне сена; однажды подошел близко к селу, в надежде добраться до своих, примкнуть к какой-нибудь красноармейской части... В одном месте у реки увидел хлопчика... Но в селе стояли фашисты, пришлось снова уйти в лес. Илья обессилел, заголодал и свалился.

— Не отбил я врага, братцы, и вот помираю! — с сожалением сказал он, растягивая в улыбку бледные губы.

— Погоди, еще отобьем! — усмехнулся Костя.

— До последнего дыхания буду их бить, с собой в могилу утащу! — сказал Илья.

Сдружились... По утрам варили крупеник с консервами. Илья постепенно поправлялся, набирал сил.

— Вот гляди, Митя! Зарыли вы продукты и ушли. А думал ты, когда зарывал, кто их есть будет? — вытирая рот, говорил Костя.

— Пропал бы я без вас! — вздыхал Илья. — Великое дело — товарищи! Не думал я живым быть, а вот ожил.

И еще один человек прибился к их компании. Подошел он вечером к огоньку. Костя, держа наготове винтовку, поднялся навстречу. Пришлый не испугался.

— Отведи, отведи! — спокойно сказал он, усаживаясь ближе к костру.— Меня уже сколько раз стреляли, да не застрелили.

— Кто такой будешь? — спросил Костя.

— Эх, ты! «Кто такой»? Человек! Ну, человек! Чего тебе еще? — Он вытянул ногу, снял тяжелые бутсы и стал развязывать серую грубую портянку.— Вишь, ногу стер... Замучился хуже смерти! Полей-ка водички из чайника.

Илья подал ему чайник с водой, Митя невольно улыбнулся, глядя на озадаченного Костю.

— Ты мне турусы на колесах не разводи! — сердито сказал кузнец.— Какое оружие при тебе есть — показывай!

— Оружие мое все при мне: руки, ноги, голова. Кого надо — убью, кого надо — помилую!

Илья захохотал:

— Герой!

— А как же! — серьезно сказал пришедший.— Завсегда герой! Ты меня — убивать, а я тебя не боюсь! Может, я тебя и сам убить должен, это еще разобраться надо.

— Да ты что за человек, я тебя спрашиваю? — сердился Костя.— Сел к чужому огню и портянки распустил!

Пришедший поднял лицо.

Лицо было маленькое, с вздернутым носом. Глаза светлые, с лукавым и простодушным выражением. Глядя на Костю снизу

вверх, он морщил лоб и высоко поднимал густые выцветшие брови.

— Вот ты говоришь — «сел к чужому огню». А огонь, мил человек,— это дело общее. Это для удобства — для пищи, для обогревания тела, огонь-то! Он не твой и не мой! Общий! — вразумительно сказал пришедший.

— Да фамилия твоя как... имя, что ли? — потеряв терпение, крикнул Костя.

— Фамилия моя — Пряник, а зовут меня Яков. И анкета моя немудреная. Человек я простой. Пока война — буду воевать, а побью врага — стану на работу. Потому как по профессии я слесарь. При МТС находился.

— А как же ты врага побьешь-то? Ведь вот он тебя в лес загнал... Слышь, дядя? — пристал Илья.

— А он не одного меня в лес загнал. Когда б одного, тогда б еще, может, он меня и повоевал бы, а теперь я его повоюю! — пояснил Яков и, протянув Мите пустой чайник, попросил: — Сходи-ка еще за водицей. Вконец ноги испортил — ходьба не получается.

Митя пошел.

— Ишь ты, как расположился! — подмигнул Косте Илья.

— Добре! Сиди уж. Дальше посмотрим, что ты за птица есть,— усмехнулся кузнец.

— Это ясно. Слепому долго глядеть надо, а зрячему — одна минута.

— Это кто же слепой, а кто зрячий? — спросил задетый за живое Костя.

— Я — зрячий, а ты — слепой. Я на вас издали поглядел и увидел, кто вы такие есть. А ты меня два часа туда-сюда перевертываешь, и все у тебя одна изнанка получается!

— А потому как хитер ты, дядя, не в меру!

— Где надо — хитер,— согласился Яков,— а где не надо — свободно себя держу. Вот как пояс, к примеру: где потуже затяну, подберусь, а где распущу да спать ложусь. Это от обстоятельств зависимо.

— Чудной ты человек! — похлопал его по плечу Илья.— И фамилия твоя чудна́я!

Чудной человек, Яков Пряник, прижился. Был он хлопотун по хозяйской части. Работу находил себе сам. В землянке застелил пол душистым сеном, соорудил потайное окошко, затянул его кусками марли, замаскировал ветками вход, сложил из глины печь.

— Дождик — это для природы хорошо, а человеку кости промывать не требуется.

— Да ты что стараешься? Что мы тут, зимовать, что ли, будем? — удивлялся Илья.

— Хоть день прожить, так надо по-человечески. На то ты и есть человек, а не зверь лесной,— отвечал Яков.

Он перечинил всем одежду, разрезал свои бутсы и поставил заплатки на Костины сапоги.

— Похоже, золотой ты человек...— задумчиво говорил Костя.

— На золото человека не мерят. Это два понятия разные. Один человек и гроша медного не стоит, а на другого цены нет. Это по делам. Человек — существо душевное, живое.

Иногда Яков исчезал. У костра становилось скучно. Костя хмурился:

— Куда пошел? Убьют где-нибудь, как собаку, и остатков не найдешь!

Появлялся Яков внезапно и всегда с чем-нибудь: либо вытащит из-за пазухи свежий хлеб, либо вынет из серого мешка крынку с молоком и как ни в чем не бывало захлопочет по хозяйству.

— Где ж ты взял это? — приставал к нему Илья.

— Молока коровка дала, хлебца бабушка испекла,— улыбался Яков.— Понятно, где взял,— люди-то кругом есть!

Дни в лесу казались очень длинными. Выздоравливающий Илья чистил винтовку, задумывался, вздыхал.

Костя хмуро смотрел в огонь. Митя мучительно беспокоился за ребят и не знал, что предпринять. Раза два он пытался пробраться в село и оба раза чуть снова не попал в руки фашистов. Хата Степана Ильича стояла неподалеку от штаба, и пробраться туда незамеченным было невозможно.

У костра становилось все печальнее.

Однажды Илья не выдержал.

— Долго так сидеть будем? — в упор спросил он Костю.— Я боец, мне спину греть нечего! — Он встряхнул начищенной до блеска винтовкой.— Мне до фронта пробираться надо!

— Тебе до фронта, а мне и здесь фронт. Враг по моей земле ходит, колхозное добро грабит. Мне некуда идти. Я за нашу землю и здесь постою,— отвечал Костя.

— До Красной Армии пробиваться надо! — упрямился Илья.— Кто нас тут держит? Встали да пошли! — Он смотрел на Митю: Пошли, что ли?

Митя всей душой поддерживал Илью, но он не мог оставить ребят, не зная, что с ними и как они будут жить.

— Что мы друг друга держим? Разойдемся коль кто куда! — настаивал Илья.

— Это как — кто куда? — вскидывал голову Яков.— Кто под пулю, кто на веревку, а кто и в яму живьем? Вместе надо действовать! Война — дело общее. Собирать людей надо, а не распускать по лесу в одиночку!

Илья замолкал, но споры не прекращались.

Митя решил пробраться к Коноплянко — узнать у него, что делается вокруг, расспросить о ребятах. Товарищи одобрили его решение. Кузнец проводил до опушки.

Ночь выдалась темная. Митя перешел шоссе, потом свернул к реке. Раза два ему повстречались немецкие солдаты. Он спрятался в кустах, переждал...

В селе Ярыжки лаяли собаки. Митя пробрался огородами к хате Коноплянко. Тихонько постучал в окно.

Встретились они как братья.

Разузнав подробно о ребятах, Митя обрисовал своих новых товарищей, положение в лесу:

— Сидим и не знаем, что делать. Споры начались.

Коноплянко взял его за руки:

— От жизни вы оторвались, а ведь она ключом кипит. Все на местах. Вот почитай... А я о вас кого надо в известность поставлю.

Он протянул Мите напечатанный на машинке листок.

— Из Москвы... Сталин по радио выступал.

— Из Москвы?! — Митя бережно развернул листок.

Партия вдохновляла людей на борьбу с врагом, вселяла уверенность в победе. Слово ее разрешало все сомнения и вопросы Мити и его товарищей.

Митя вскочил, обнял Коноплянко:

— Дай мне, дай мне это! Я товарищам отнесу! Ведь это все, что надо!

Коноплянко отдал ему листок, проводил до реки. По дороге Митя еще раз расспросил его о Ваське и ребятах.

— Хвалит их Матвеич: говорит — верные хлопцы! — сказал Коноплянко.

Митя, счастливый и гордый за своих пионеров, улыбался; торопился передать им хоть несколько слов.

— И еще передай поклон от меня...— попросил он.

Прощаясь, Коноплянко напомнил:

— Значит, я о вас скажу. А вы с кузнецом послезавтра на старую мельницу приходите — там поговорим.

Митя вернулся под утро. Товарищи ждали его с нетерпением. Митя передал им свой разговор с Коноплянко.

Костя ликовал:

— Все, что я думаю, партия завсегда знает и ответ мне на мою думку подает!

— Вот и не будете глядеть кто куда — сообща будем действовать! — сказал Яков.

Костя с Митей побывали на старой мельнице. С волнением слушали сводку Совинформбюро. Провожая их, Коноплянко сказал:

— Завтра в ночь на пасеку приходите. Нужный человек будет!

* * *

Митя поглядел на солнце. Лучи его золотили стволы деревьев, пробегали по траве, прятались в кустах.

«Время ехать!»

Он поднял с земли рюкзак, подозвал Гнедко. В последний раз оглянулся на поляну, где стоял когда-то лагерь. Больше сюда незачем было приезжать.

Чернела распотрошенная яма бывшей землянки, в ней уже не было запасов...

С высокой сосны сорвалась шишка и глухо стукнулась о пень.

Митя тронул коня.

Глава 35

НА СТРАЖЕ

— Тетя Оксана, мы пришли!

Оксана оглянулась, быстрым внимательным взглядом окинула вышедших из кустов мальчиков.

Игнат, держа в руках кубанку, стоял рядом с Васьком. Серые глаза его под прямой линией сросшихся бровей глядели серьезно и строго.

Оксана узнала Игната, с теплой, материнской лаской погладила по плечу.

— Хорошего товарища привел! — одобрительно кивнула она головой Ваську.— Умеешь выбирать.

— Я за всех ручаюсь! Может, еще надо, так я живо...

— Не надо,— коротко оборвала Оксана и, все еще не снимая руки с плеча Игната, о чем-то задумалась.

Мальчики стояли не шевелясь. Сумерки уже спускались на пасеку; кусты вишняка становились темней, сквозь них белыми столбиками просвечивали стволы берез.

— Игнат у реки будет, а ты — у перелаза. Глядите, хлопцы, чтобы врага не пропустить, да и сами зря не высовывайтесь,— тихо сказала Оксана.

— Не высунемся!

— Чуть что — давайте знать. От реки филин ухнет, а от перелаза иволга может крикнуть. Умеете ли иволгой да филином кричать? — строго спросила она.

— А как? — растерялся Васек.

Игнат приложил ко рту ладони и издал негромкий крик.

— А, знаю! Вспомнил! — обрадовался Васек и тут же крикнул, подражая иволге.

— Хватит,— сказала Оксана.

Но Ваську показалось — плохо, и он крикнул еще раз. Игнат с серьезным лицом присел на корточки и заухал филином, хлопая себя по бокам руками.

— Хватит,— еще раз сказала Оксана.— Помногу не кричите. Кто показался в виду — давайте знать. Пасека в стороне стоит, дорога полями идет — бывает, едут по ней солдаты... Ты, Васек, тогда не прогляди. На овраг тоже поглядывай: там тропа есть — кто знает...

— А если просто чужие люди?

— Чужой или свой — ты этого знать не можешь. На это другие сторожа найдутся. Твое дело в одном: показался человек — давай знать,— спокойно разъяснила Оксана.

* * *

Тонкий месяц острыми краями врéзался в темную глубину неба и остановился над пасекой. Вынырнула из густой листвы белая хата, заблестели стекла закрытых окон, упал на крыльцо желтый круг света.

...Молчат высокие тополя, в густом вишняке не дрогнет ветка с черными, сладкими вишнями, не шелохнется трава, не закачается на стебле цветок. Только вдруг блеснут из кустов внимательные глаза, вынырнет из травы и спрячется вихрастая голова, зашевелится в темноте рука, отведет от лица назойливую ветку. Это Васек стоит на страже.

У реки, за широким пнем, залег Игнат. Отсюда по обе стороны видны ему мягкая, переливающаяся блестками гладь воды, противоположный крутой берег и кусты. Шуршат камыши, тихо касаясь друг друга сухими стеблями; плещет хвостом неугомонная рыба... Из-за старого пня, обросшего белыми грибками и зеленым мохом, смотрят зоркие глаза Игната. Вот, пригнувшись к сырой траве, он ползет к камышам, вглядывается в плывущую по реке лодку...

— Ух!.. Ух!..— несется предупреждающий крик филина.

Васек стоит за черными кустами георгинов, около перелаза; он не спускает глаз с дороги. Освещенная светом месяца, она

далеко видна. Только там, где начинается овраг, дорога спускается круто вниз и уходит из глаз. Крик филина заставляет мальчика насторожиться. Он беспокойно оглядывается на хату Матвеича. От крыльца отделяется Оксана... По узенькой тропинке от реки идет Коноплянко...

Васек облегченно вздыхает: свои.

Но вот снова несется предупреждающий крик филина. Кто-то тихо подходит к крыльцу. Дверь хаты неслышно захлопывается за пришедшими. А вот на тропинке, ведущей из оврага, появляется черная тень. Васек издает тревожный крик... Волнение сжимает ему горло, и крик неведомой птицы мало похож на крик иволги. Оксана появляется у перелаза...

Месяц освещает согбенную фигуру старика, опирающегося на суковатую палку. На нем серый пиджак, старый картуз низко надвинут на лоб.

«Так вот кто здесь...»

У Васька замирает сердце; он еще больше напрягает зрение и слух, вытягивает шею, вглядывается в темноту. Наступает долгая, напряженная тишина...

И вдруг... крик иволги снова несется из вишняка. На скошенном поле, как на раскрытой ладони, видна пролегающая дорога... Оттуда, приглушенный расстоянием, слышен нерусский говор. Одна за другой тянутся повозки... Издали видны фигуры солдат и огоньки сигарет.

Васек считает: одна повозка, другая, третья... Первая уже скрылась за поворотом. За последней идет группа гитлеровцев, а из оврага поднимается маленькая торопливая фигурка. Васек узнает деда Михайла. Дед Михайло, пригнувшись к плетню, тоже наблюдает за гитлеровцами. Но повозки исчезают за поворотом... Далеко видно в поле широкую дорогу... Крик иволги повторяется... То один, то другой человек возникает из темноты оврага. Иногда Васек слышит за своими плечами спокойное дыхание Оксаны.

— Свой,— одними губами шепчет она, вглядываясь в приближающегося человека.

Дверь Матвеичевой хаты без стука и скрипа впускает своих людей. Ночь идет. Васек сливается с кустами георгинов; месяц

не выдает его — он освещает узкую дорожку к перелазу, золотит верхушки тополей, желтым светом обливает плетень.

К плетню подходят два человека. По могучему сложению первого, заросшим щекам и лохматой гриве волос можно узнать кузнеца Костю, но Васек смотрит не на него. Через перелаз ловко перепрыгивает молодой хлопец, знакомым движением он откидывает со лба волосы, поворачивает голову к Косте... Короткий и радостный крик иволги рвется из вишняка. Сторож не выдерживает: он прыгает на дорожку и бросается на шею Мите.

Митя молча, без слов, прижимает к себе Васька, глядит в его одуревшие от счастья глаза и смеется...

— Пошли, пошли,— хмурится Костя,— не время.

Васек отрывается от Митиной груди, на ходу ловит Митины руки, изо всей мальчишеской силы жмет его пальцы... Это ничего, что они не успели сказать друг другу ни одного слова; что-то большее, чем слова, распирает грудь Васька.

— Все теперь прошли,— раздвигая кусты, шепчет Оксана.— Гляди в оба, голубенок мой...

Сторож снова напрягает зрение и слух, вглядывается в дорогу, ловит каждый звук.

А в хате Матвеича говорит секретарь райкома:

— Борьба будет жестокой, беспощадной! Уничтожать, истреблять врага всюду и везде, нападать внезапно, не давая ему опомниться! Поднять весь народ — вот наша задача!

Голос Николая Михайловича раздвигает стены, зажигает невидимые партизанские костры. Никто не узнал бы в нем теперь старика, опирающегося на палку. Острым взглядом охватывает он сидящих перед ним людей.

— Родина нас зовет, товарищи! — раздается чей-то взволнованный голос.

— За Родину!

Люди встают.

Потом они окружают стол, за которым сидит Николай Михайлович. Всем хочется говорить, спрашивать, поделиться новостями. Митя тоже подходит к столу. Костя легонько подталкивает его к секретарю райкома.

— У него, товарищ, душа смелая. Выдержанный он человек, не глядите, что молодой,— говорит кузнец Костя.

Секретарь райкома внимательно смотрит на Митю, потом поворачивается к директору МТС:

— Ну как, Мирон Дмитриевич, принимаешь в свой отряд?

— А что ж, Николай Михайлович, раз за него так кузнец стоит, то беру!

Костя подробно рассказывает директору МТС о людях, которые остались в лесу. Вспоминает Якова, Илью:

— Правильные люди, подходящие.

Кузнец и Митя отходят в сторону.

— Оружие достаньте себе сами... держите крепкую связь с народом,— снова слышится голос секретаря.

Оксана в углу завязывает узелок, прячет что-то на груди.

— С утречка и пойду,— говорит она отцу.

В кухне, за шкафом, Николай Григорьевич, согнувшись, стучит на машинке.

— Листовки надо будет осторожненько расклеить где можно,— говорит Матвеич.— Часть Оксана возьмет с собой...

Николай Михайлович подзывает Коноплянко и Марину Ивановну:

— Ну, а вы, товарищи, действуйте осторожно, с оглядкой. Сводки, по возможности, не задерживайте, найдите постоянных связных для передачи...

Над пасекой занимается рассвет. Хата Матвеича пустеет. Один за другим исчезают в предрассветных сумерках люди. Мимо Васька проходит Оксана:

— Зови Игната, да ложитесь. Я вам в кухне сенца настелила. Молоко в крынке на столе, хлеб — под рушником. Ишь, глаза красные... Ложись спать, голубенок...

— А вы куда? — спрашивает Васек и пугается своего вопроса.

Но Оксана не сердится.

— Я далеко,— просто говорит она, поглаживая его волосы большой мягкой рукой.— Не скоро увидимся... Если встретишь когда своего учителя, скажи: хорошо он ребят учит, спасибо ему... Ну, и поклон передай от сестры Оксаны.

Глава 36

В СЕЛЕ

В селе было неспокойно. Гитлеровцы заставляли колхозников сдавать продовольствие. На столбах появились грозные объявления. По ночам ребята Трубачева заклеивали их листовками. Люди останавливались, жадно читали; гитлеровцы били людей прикладами, срывали листовки, топтали их ногами. Листовки появлялись снова. Колхозники, читая про свою родную Красную Армию, верили в освобождение, набирались сил, выше поднимали головы.

— Бабы, не сдавайте продукты! Ничего они с нами не сделают. А Красная Армия придет, своих кормить будем! — шептала колхозницам Макитрючка.

Около сельрады выросла виселица. Колхозные ребятишки издали смотрели на нее.

— Мамо, дывиться, яки соби качели фашисты зробилы! — первый сообщил Жорка.

Люди боялись выходить на улицу. В селе нашлись предатели, надевшие черную форму полицаев. Колхозники с ненавистью и презрением называли их «чернокопытниками».

Один из таких полицаев, сын бывшего кулака, Петро, вместе с гитлеровским офицером ввалился в хату Макитрючки. Мазин с Петькой сидели за столом и чистили картошку.

— Почему продовольствие не сдаешь? — заорал с порога Петро, пропуская вперед офицера.

Макитрючка вскипела.

— Ах ты, иуда, вражий наймит! Продажная душа! — зашипела она в лицо полицаю.— По тебе ж осина в лесу скучает!

Петро схватил ее за плечи, швырнул об пол:

— Я тебя, ведьму, на виселицу отправлю!

Он стал бить ее по лицу, по голове.

— Проклят ты, проклят от людей и от бога! — кричала страшная, растрепанная Макитрючка.

Мазин и Русаков бросились к ней, пытаясь оттащить ее от разъяренного полицая.

Офицер брезгливо водил глазами по стенам хаты, чистил зубочисткой зубы и плевал прямо перед собой. Потом ткнул пальцем в спину полицая и вышел на крыльцо. Петро, скверно ругаясь, хлопнул дверью, оставив на полу избитую Макитрючку.

Вечером жителей села сгоняли на сход.

Встревоженный Сева вызвал Трубачева к колодцу.

— Они Степана Ильича старостой назначили! Велели ему, чтобы в два дня все продовольствие было собрано,— шепнул он.

Васек схватил Севу за руку:

— А дядя Степан что?

Малютин покраснел от боли и стыда за Степана Ильича.

— Они били его, мучили? — задохнувшись от волнения, спросил Васек.

— Не-ет... я не слышал. Нет, не били! Он сам согласился,— прошептал Сева.

— Сам? Старостой у фашистов? Не может он сам! Это они его заставили! Постой... Приходи в овражек!

* * *

Васек рассказал все ребятам. Ребята слушали с широко раскрытыми глазами. До вечера, сбившись в кучку, сидели они в Слепом овражке, убитые и напуганные Севиным сообщением.

— Да, может быть, ты ослышался? Или это кто-то другой был? — допрашивали они товарища.

— Нет, нет! Я не ослышался.

Васек, бледный, с красными пятнами на щеках, зажимал пальцами уши и, мотая головой, кричал на Севу:

— Неправда, неправда! Не смеешь ты так говорить! Тебе, может, показалось? Неправда это!

Сева чувствовал себя в чем-то виноватым.

— Я, конечно, сам слышал, что он согласился, то есть он ничего не сказал... Но все-таки, может, он еще не будет старостой — убежит или еще что-нибудь сделает...

Ребята вздыхали, обменивались короткими замечаниями:

— Какой человек хороший!

— Председатель колхоза!

— Мы его так любили... А он к фашистам пошел!

Одинцов встал:

— Не смейте про него так говорить! Не смейте!

На сходке, куда полицаи согнали все село, слова Севы, к ужасу мальчиков, подтвердились. Степан Ильич стоял рядом с полицаями и, глядя куда-то поверх голов, кричал в толпу хриплым, деревянным голосом:

— Сдавайте хлеб, сдавайте гречу!.. Чего ждете?

Колхозники молчали.

— Ой, боже мий, что же это делается? Степан врагу продался! — с гневом и удивлением шептались бабы.

Фашисты одобрительно хлопали Степана Ильича по плечу. Петро подал ему немецкую сигарету. Степан Ильич долго держал ее, разминая пальцами; табак сыпался на землю.

После схода старики собрались у деда Ефима; вздыхали, качая головами:

— Вот и поди ты к нему, Ефим, спроси: есть у него совесть или нет?

— Отдаст он запрятанный семенной фонд врагам — чем будем сеяться весной?

— Ты ему скажи: гитлеровцев прогонят, а народ останется... Люди не простят...

Дед Ефим пришел к Степану Ильичу в хату, остановился у двери, опираясь на палку. Степан Ильич встал навстречу. Татьяна рушником обмела скамейку:

— Садитесь, диду!

— Садиться я не буду. Мое дело в двух словах.— Дед постучал об пол суковатой палкой.— Я, Степан, твоего батька знал. Вместе мы женились, вместе в колхоз вступали... Ну, да не о том речь. Вот старики послали меня узнать: отдашь ты семенной хлеб врагам — обидишь своих людей или нет? Да велели еще тебе сказать...— Голос у деда повысился, дробно застучала об пол палка.— Придет Красная Армия, освободит народ, на́прочь истребит врага — куда тогда пойдешь, с кем будешь? Подумай, чтобы не каяться тебе на этом свете...

— Эх, дед...— сказал только Степан Ильич и махнул рукой.

Ефим ушел.

За ужином Степан Ильич сидел мрачный как туча. Мальчики молчали, молчала и баба Ивга. Татьяна не выдержала — расплакалась.

— Что ж это ты делаешь, Степа, а? Як же мне на село появляться, людям в глаза глядеть?

Степан Ильич не отвечал. Татьяна заломила руки:

— Что же вы, мамо, молчите? Як в рот воды набрали! Хиба это не ваш сын? Або мне одной страшно на свете жить?.. Ой, Степа, Степа!..

Она упала головой на стол, затряслась от слез. Баба Ивга встала, обняла ее:

— Молчи, доню, молчи!

— Ой, мамо, як же молчать? Люди кажуть: продался Степан фашистам...

Васек вылез из-за стола; Саша с красным, упрямым лицом, не поднимая глаз, катал из хлеба шарики; Одинцов сидел прямо, белый как стена.

Утром Татьяна взяла Жорку и ушла из села, не простившись со Степаном Ильичом.

— До своей матки пошла,— кратко сказала ребятам баба Ивга.

Лицо у бабы Ивги за один день почернело и сморщилось, глаза впали. Она ходила по хате строгая, молчаливая. Допоздна не ложилась спать. Степан Ильич тоже не ложился. Они сидели рядом за столом, и оба молчали.

Мальчики исподтишка следили за каждым шагом Степана Ильича. Сева и Генка видели его в штабе. Гитлеровцы вызывали Степана Ильича для каких-то поручений. У колодца бабы осторожно спрашивали Ивгу:

— Говорят люди — старостой Степан будет?

— Старостой.

— Ну что ж, его дело!

— Подневольный человек... Как не согласишься, когда петля на шее! — заводила разговор соседка Мотря.

Макитрючка, оправившись от побоев, сама побежала к Степану Ильичу. Застала она его в хате одного. О чем говорили они, никто не знал.

Глава 37
ВОПРОС ПИОНЕРСКОЙ ЧЕСТИ

— Это вопрос пионерской чести,— тихо, но твердо сказал Одинцов.— Какие же мы пионеры, если будем есть хлеб предателя?

В Слепом овражке было тихо. Ржавые пятна мутно поблескивали на поверхности болота. Сумерки окутывали сбегающие по склону кусты орешника. Лягушки, неподвижно распластавшись на воде, круглыми, немигающими глазами смотрели на трех мальчиков.

— Уйдем! — глухо сказал Васек и, обхватив руками колени, задумался.

— Все от него уйдут... Татьяна с Жоркой ушла, баба Ивга уйдет, мы уйдем,— мрачно сказал Саша.

— Баба Ивга? — переспросил Васек.— Да... может быть... Но какая же она мать, если она уйдет? — И, словно возражая самому себе, покачал головой: — А какая же она советская, если она останется?

— Все от него уйдут! И будет пустая хата... И он будет шагать по ней... один! — с отчаянием крикнул Одинцов.

— Пускай,— тихо и упрямо сказал Саша.

* * *

За ужином Степан Ильич посмотрел на мальчиков. Они сидели молча, не поднимая глаз от тарелок.

Одинцов казался больным; в последнее время тонкие черты его лица заострились, сквозь прозрачную кожу проступала синева. Степан Ильич забеспокоился:

— А что это, мамо, у нас один хлопчик так с лица изменился? Може, больной, а?

Он положил свою большую руку на голову Коле и, перегнувшись через стол, заглянул ему в глаза:

— Что это ты, хлопчик?

Коля, низко согнувшись и опустив голову, смотрел под стол.

— Эге... Совсем наше дело плохо! — удивленно сказал Степан Ильич и попробовал повернуть к себе мальчика.

Но Одинцов резко высвободился от него и, закрыв лицо руками, разрыдался. Васек побледнел.

Лицо Саши залилось темной краской, губы упрямо сжались. Одинцов плакал громко, взахлеб. Степан Ильич растерянно оглянулся на мать.

Баба Ивга поставила на стол чугун с картошкой, бросилась к Коле, прижалась сухими губами к его голове и, раскачиваясь из стороны в сторону, зашептала, как маленькому:

— Тихо, тихо, мое дитятко!.. Чего ж ты, мое серденько, так расплакался?.. Все же на свете минуется, все переживется. Пойдем, пойдем, мой сыночек, я тебя уложу...

Коля обхватил бабу Ивгу обеими руками и, пряча лицо в широких сборках ее кофты, рыдая, шел с ней по хате.

— Не плачь, не плачь, мое дитятко! — взбивая одной рукой подушку, а другой прижимая к себе Колю, шептала баба Ивга.— Будет и на нашей улице праздник. Да хиба ж русский народ поддастся якому-нибудь ворогу? Боже сохрани! Кто ж это такое бачил? — Она присела на край постели, с улыбкой покачала головой, заглянула Коле в глаза.— А у нас же Красная Армия есть! Да когда ж то было, чтобы нашу армию кто победил? За ней же весь народ стоит, як гора каменная! Великая это сила — наш народ! И в огне он не горит, и в воде не тонет. Так-то, мой сыночек... Вот и послухай, яку присказку стары люди про наш народ кажут...

Коля вслушивался в мягкий голос, и плач его постепенно затихал. Мальчики на цыпочках подошли к бабе Ивге и стали сбоку кровати.

Степан Ильич сидел за столом, обхватив руками голову.

* * *

Несколько дней мальчики тщательно следили за Степаном Ильичом. Ходили за ним по пятам, расспрашивали Севу.

Один раз под вечер прибежал взволнованный Грицько:

— Вчера Петро до моего батька заходил! Хвастал, что они со Степаном теперь первые люди на селе...

Мальчики хмуро переглянулись.

Одинцов твердо сказал:

— Я, правда, плакал, и теперь у меня как-то сердце сжимается, и бабу Ивгу мне жалко, но только все равно своих слов не меняю. Надо уходить! Это вопрос пионерской чести!

Глава 38
ПИОНЕРСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

Васек пошел к Матвеичу. Волнуясь, рассказал про Степана Ильича и закончил словами:

— Мы не хотим больше у него жить!

Матвеич внимательно слушал, потирая двумя пальцами усы. Николай Григорьевич молчал, изредка взглядывая на Матвеича.

— Мы за дядей Степаном по пятам ходим! Куда он — туда и мы,— начал опять Васек.

Матвеич вскочил, двинул стулом, рассердился:

— «Мы, мы»! Это кто тебе дал право распоряжаться? Кто вас назначил за Степаном следить?! «По пятам ходим»!.. Видал, стары́й? А кто ему такое поручение давал, я спрашиваю?

— Мы думали...— вспыхнул Васек.

— А вы не думайте! Есть поручение — выполняй! Дисциплину забыл?

Васек молчал, сбитый с толку, обиженный.

— Видал, стары́й? Они за ним по пятам ходят! Ах вы, бисовы диты! — крикнул Матвеич, с шумом обрушиваясь на табуретку.

— Ну, ну, расшумелся!..— постучал по столу Николай

Григорьевич и притянул к себе Васька.— Садись со мной, пионер... Следить за дядей Степаном не надо, понял?

Васек кивнул головой.

— Ну, понял — и весь разговор. И жить у Степана Ильича будете, как жили. Этого от вас пионерская дисциплина требует. Понятно?

Васек удивленно посмотрел на Николая Григорьевича и ничего не сказал. Потом нерешительно кивнул головой.

— Тоже понятно? Ну и хорошо! А вот если еще какие новости у тебя есть — выкладывай.

Васек поглядел на Матвеича. Тот вдруг громко, раскатисто захохотал, встряхивая головой и откидываясь назад:

— «По пятам ходим»! Ну, диты! От бисовы диты! — От смеха щеки его побагровели, могучая грудь тряслась.

Глядя на него, Николай Григорьевич не выдержал и тоже засмеялся. Васек побледнел от обиды, встал и пошел к двери.

— Стой, стой! закричал Матвеич.— Садись за стол. Давай отчет: где были, что делали? Я тебе насчет продовольствия задание давал.

— Фашисты три машины нагрузили. Сева слышал — на Жуковку повезут; шофер говорил — в Лукинках бензин будут брать. Полицаи поедут и солдаты. А там на одном грузовике...— Васек нерешительно взглянул на Матвеича.

— Давай, давай дальше! — кивнул тот.

— На одном грузовике пулеметы стоят.

— Добре! А когда повезут? Не слыхал?

— Нет. Скоро, потому что уже совсем нагрузили.

Матвеич заложил назад руки, большими шагами заходил по комнате, бормоча что-то про себя и загибая на руке пальцы.

Когда Васек уходил, Матвеич дал ему толстый пакет:

— Спрячь хорошенько. Пойдешь в Макаровку. К Миронихе. Баба Ивга скажет куда. Сам пойдешь. Толкового товарища возьми. Да гляди в оба: не попадитесь — далеко это. Я там давно не был, не знаю... может, фашисты в селе стоят,— так осторожненько!

Васек шел недоумевающий, но успокоенный доверием Матвеича. По дороге он думал о Степане Ильиче: «Тут какая-то тайна. Матвеич умный, он все знает, только не говорит. А как может он сказать, если ребятам этого знать нельзя! Может, Матвеич сам следит за дядей Степаном, но не хочет, чтобы мы знали... Ну и пускай! Нельзя так нельзя. Наше дело — слушаться. Как Матвеич сказал, так я и передам. И рассуждать об этом не надо больше, и думать не надо».

Но думалось как-то невольно.

Васек вспомнил разговор с Николаем Григорьевичем и вдруг остановился, пораженный внезапной мыслью: «А если все это неправда? Дядя Степан нарочно старостой стал, чтобы все узнавать у фашистов!»

Перед глазами Васька встало темное, полное глубокой душевной тоски лицо Степана Ильича.

— Пусть это будет неправда, дядя Степан, пусть это будет неправда! — прижимая к груди руки, прошептал Васек.

Дома он строго сказал ребятам:

— Не велел Матвеич следить. И уходить не велел.

— Что же это? — растерялся Одинцов.— Что ж это, Васек? Ведь мы — пионеры!

— А для пионеров есть пионерская дисциплина! — обрезал его Васек.

О поручении, данном ему Матвеичем, он сообщил только то, что уходит далеко и не знает, когда вернется. Ребята огорчились, но спрашивать не стали.

— А вы тут не зевайте! Пусть на пасеку за меня Мазин сходит, если надо будет.

С собой он решил взять Одинцова.

С вечера баба Ивга уложила им в мешок еду, рассказала дорогу:

— Может, с людьми подъедете где... А то тропинкой пройдете напрямки. Далеко это... от Жуковки в сторону. Торбы я вам сошью; в случае чего, сохрани бог, скажете: сироты, побираемся...

Глава 39
ВИДЕНЬЕ

Мальчики вышли на рассвете. На длинной деревенской улице маячили фигуры полицаев. За хатой конюха Леонтия скользнула тень Петро. Васек забеспокоился:

— Чего это он там высматривает? Надо бы предупредить... Подожди меня.

У конюха стояли фашистские солдаты. Сам конюх с семьей ютился рядом в каморе. Васек осторожно перелез через плетень и стукнул в закрытое окошко каморы. Дверь приоткрылась, выглянула жена Леонтия.

— За вашей хатой Петро ходит! — шепнул ей Васек.

Леонтьиха испуганно захлопнула дверь.

Мальчики пошли дальше. За селом на выгоне стояли машины, нагруженные продовольствием. Две из них были уже доверху заложены ящиками и мешками. Гитлеровские солдаты прикрывали их серым тугим брезентом. Третью машину нагружали полицаи. Вдоль забора ходил часовой. Мальчики незаметно прошмыгнули мимо, в молодой лесок позади выгона. Пройдя несколько шагов, они остановились, удивленные неожиданной встречей.

Под орешником сидел Мазин с каким-то незнакомым человеком. Человек этот был босой, с завязанными тряпкой пальцами; одежда мешком висела на его худых плечах, широкие украинские штаны были подвязаны ремешком. Он о чем-то рассказывал Мазину, опираясь локтем о землю, поднимая вверх густые выцветшие брови и морща лоб. Рядом на траве лежала горка вырезанных из орешника дудочек. Одна из них, с зеленой резьбой, видимо, принадлежала уже Мазину. Он вертел ее, прикладывая к губам, но свистнуть не решался.

— Да-а... Гитлеровец на работу не пряток. За него лакеи работают. Ишь, грузят, стараются...— щуря светлые глаза, говорил незнакомец.— Вот этот полицай, мальчишечка, и называется изменник Родины. Самый худший вид человека! И даже человеческого в нем ничего не осталось — потому как, если правильно разобраться, из чего состоит человек? Какие

такие качества он в себе имеет? — Он склонил голову набок, растопырил на руке пальцы.— Первое — любовь к Родине! Гляди, какой палец я загибаю...— Он загнул большой палец.— Второе...

— Мазин! — окликнул товарища Васек.

Мазин оглянулся, вскочил:

— Я сейчас, дядя...

— Ты с кем это? — спросил Васек.

Мазин отвел его в сторону:

— Я этого дяденьку тут и вчера видел. Он тоже выслеживает кого-то.

— Не тебя ли? Иди домой лучше. Не болтайся тут зря.

— Я не зря болтался. Фашисты ночью продовольствие на Жуковку повезут! — зашептал Мазин.

— Надо бы Матвеичу сказать. Он зачем-то спрашивал, когда повезут. Ты бы сходил, Мазин.

— Я схожу сейчас.

— А мы Петро видели около Леонтьевой хаты! Высматривал, видно, что-то,— сообщил Одинцов.

— Я бы этого Петро убил, как собаку! Это самый худший вид человека! — Мазин вынул из кармана дудочку, повертел ее в руках.

— А что это у тебя? — заинтересовался Васек. Он взял у Мазина дудочку, приложил к губам.

— Осторожно! Свистнет! — испугался Мазин.— Это мне дяденька подарил. У него много. Здорово сделано?

— Ловко! А ты в полную силу свистел?

— Нет. Боюсь! Часовые недалеко. Дяденька говорит, если свистнуть в эту дудку, так все, кто рядом стоят, навзничь повалятся!

Ребята засмеялись.

— Ну, мы пошли, а то поздно. Ты тоже иди. Зря не лазь тут! — распорядился Васек.

— Возьми дудку! — великодушно предложил ему Мазин.

— Насовсем? — обрадовался Васек.

— Бери насовсем. Я у него еще выпрошу, да он и так даст — добряк, видно.

Васек с удовольствием взял дудку. Мальчики расстались.

Коля Одинцов и Васек шли рядом, изредка передавая друг другу дудочку и тихонько, для развлечения, посвистывая.

— Жаль, в полную силу нельзя! Пристанут еще чернокопытники, остановят...

Шли долго. Дорога была длинная-предлинная. Бесконечно тянулось шоссе. Повсюду встречались гитлеровцы: они ехали на повозках, на грузовиках...

Один раз мальчиков подсадил на телегу какой-то дед. Он ни о чем не спрашивал, только тихо бормотал про себя, нахлестывая лошадь:

— Иди, иди, все равно Гитлер житья не даст! Ребят по миру пустили, чего еще надо? Людей на дорогах стреляют... Видно, пропала наша жизнь, Серко! Что было, того не воротить! Иди, не поджимай брюхо! О колхозных кормах забывать надо...

Ребята переглядывались, молчали. Слезая с телеги, Одинцов горячо сказал:

— Спасибо вам, дедушка! Только неправильно вы думаете... Мы победим! Мы, честное слово, победим! Вот и Васек вам скажет...

Старик усмехнулся, внимательно посмотрел Коле в глаза, потом перевел взгляд на Васька.

— Мы победим, дедушка! — решительно подтвердил Васек.

— А вы что за ворожейки такие? «Победим»! Большое слово! Да армия-то наша на Киев отошла. Сам видел... Через наше село шли... Молодец к молодцу, в полном боевом порядке. Богатыри! Один на десятерых идет... А отходят. Куда отходят — бог весть... Бабы с воем за ними бегут, ребятишки... А они только стиснут зубы: «Вернемся, граждане, не бойтесь...» А чего — не бойтесь? Со всех сторон враг идет. Народ весь в леса подался...— Старик вдруг замолчал, оглянулся на лес и тронул лошадь.— Эх, эх, дела!..

Мальчики пошли по тропинке. Солнце начинало сильно припекать. Волосы покрылись пылью.

— Не стоит со всяким разговаривать,— нащупывая на груди свой пакет, сказал Васек.

Одинцов протянул руку:

— Дай потрогать... А толстый пакет! Видно, важное поручение. Хотя в тонком иногда еще важнее бывает!

— Конечно, бывает,— неохотно согласился Васек.— Я читал где-то, что в гражданскую войну один герой ехал с таким пакетом и попал к белым... Так он знаешь что сделал? Весь этот пакет съел!

— Да что ты?

— Честное слово, съел! Там еще сургуч был — так и с сургучом вместе.

— Это здо́рово! — Одинцов задумался.

Васек снова пощупал свой пакет:

— А нам, в случае чего, тоже придется съесть, пожалуй...

— Да он толстый! — засмеялся Одинцов.— Как его есть?

— А как красноармеец ел? Думаешь, вкусно ему было?

Одинцов покрутил головой:

— Я один раз промокашку съел маленьким... Конечно, если придется...

Ребята замолчали.

К полудню ноги у них устали, оба приуныли и еле тащились по дороге.

— Хоть бы свистнуть один раз! Попробовать, что за свисток такой? — сказал Васек, разглядывая подарок Мазина.

— Зайдем в лес и свистнем! — оживился Одинцов.

— Так нам сейчас крюк надо делать!

— Ну что ж такого? Свистнем по разу, а тогда за это пойдем побыстрей.

— Ладно.

Свернув с шоссе, мальчики побежали в лес. Выбрали тенистое местечко. Прислушались, оглянулись. Васек свистнул. Коля упал в траву и задрыгал ногами:

— Ох и свист!

Свист действительно был резкий, пронзительный. Одинцов тоже свистнул.

— Мы еще не в полную силу. А если в полную свистнуть — вот было бы!

Что было бы, никто не знал, но мальчики выбрались на

шоссе довольные. Усталости как не бывало. На закате солнца дошли до того места, где когда-то пил из ручья Митя. Ребята влезли по пояс в водоросли, потом обмылись ключевой водой. Закусили и снова вышли на шоссе.

— Вот Жуковка виднеется... А нам еще в сторону километров пять.

Ноги стали утопать в песке. Попадались неубранные разбитые телеги, остатки легкового автомобиля, отлетевшие и утонувшие во рву колеса.

— Ведь это около Жуковки грузовик разбили...— шепотом сказал Васек.— Здесь наши девочки ехали...

Одинцов заморгал глазами:

— Знаешь, Васек, я их никогда не забываю и не забуду! А ты?

— Никто из ребят не забывает. Только не говорим... Что теперь говорить!

— А какие девочки были! Валя Степанова, Лида Зорина, Нюра Синицына... Самые лучшие люди из всего класса!

Васек кивнул головой.

— Если б хоть знать, что они не мучились, что сразу...— сказал Одинцов и вдруг остановился.

Впереди лежала груда железа. Около нее одиноко высился белый деревянный столбик.

Мальчики на цыпочках подошли к нему. Одинцов закрыл лицо руками и бросился в траву. Васек присел около насыпи, вытирая кулаком глаза. Не глядя друг на друга, мальчики нарвали цветов, положили на могилу.

— Давай тут, около них, и заночуем,— предложил Васек.— Все равно нам в лесу ночевать.

Мальчики залезли в перевернутую вверх дном разломанную машину. Долго говорили о девочках, вспоминали, как дружили и как ссорились с ними в классе.

— А мне всегда Нюра Синицына представляется... Я ее до зла доводил, придирался к ней,— изливал душу Одинцов.

— Она бы тебя простила теперь, если б знала...

Выговорившись, Коля заснул. Заснул и Васек.

* * *

По небу рассыпались мелкие звезды. Черной грудой лежал на дороге разбитый грузовик. Мальчики дружно посапывали, неудобно свернувшись под искореженной кабиной. Они не слышали, как хрустел в лесу валежник, как всхрапывал конь, осторожно переставляя копыта через поваленные деревья.

Мальчики не видели, как, пригнувшись к земле и прячась за обломками, перебегали через дорогу какие-то люди и, притаившись во рву, зорко вглядывались в даль.

Резкий, пронзительный свист разбудил обоих. Васек испуганно схватился за пакет. Одинцов вскочил, больно ударившись головой о железо.

С дороги грянули выстрелы, с треском разорвалась граната, застрочил пулемет.

Вспыхнуло пламя, где-то заржали лошади, раздались крики.

Мальчики, схватившись за руки, выглянули наружу.

На дороге, сгрудившись, буксовали машины, черным столбом поднимался дым, прорывались клубы пламени. Вокруг метались полицаи и солдаты. При свете огня можно было видеть, как они прыгали с машин на землю и падали под ударами напавших на них людей. Крики заглушались стрельбой. Мимо пылающего грузовика проскакал какой-то боец на гнедом коне. Неподалеку от мальчиков разорвалась граната. От страха они замерли, тесно прижавшись друг к другу. Когда стрельба затихла, они снова поглядели в щель.

Мимо ребят промчались телеги и, свернув в лес, запрыгали по ухабам. За ними ускакал конь. Под мышкой у седока торчали дула немецких автоматов.

На дороге остались пылающие машины и распростертые тела убитых полицаев и гитлеровцев.

Васек схватил за руку Колю Одинцова, и они, выбравшись из-под обломков грузовика, бросились в лес. Мальчики бежали, натыкаясь на кусты и деревья, обдирая об острые сучки ноги. Они боялись оглянуться назад, боялись остановиться, чтобы перевести дыхание. Наконец, споткнувшись о заросший мохом

пень, оба упали. Позади них сквозь гущу леса просвечивало розовое пламя.

Васек сел, прижимая рукой спрятанный на груди пакет. Одинцов обхватил его за шею, прижался холодными губами к его уху.

— Что это было? — прошептал он дрожа.

Васек молчал, тяжело переводя дыхание. Потом снова вскочил и потянул за собой Колю:

— Уйдем подальше.

Утро застало мальчиков в глухом, неизвестном месте. Выйти на дорогу они боялись, блуждали по лесу. Говорили шепотом:

— Как она их... здóрово!

— А обоз-то узнал ты?

— Тот самый.

— А на коне...

Мальчики поглядели друг другу в глаза.

— Мне показалось, это был...— прошептал Одинцов.

Васек схватил его за руку:

— Молчи!

К концу дня они увидели Жуковку. Обошли ее стороной — боялись фашистов.

В Макаровку пришли поздно вечером. В хатах горели невеселые огоньки. На улицах было пусто. Кое-где подвывали собаки.

Какой-то хлопчик указал хату Миронихи. Мальчики пробрались с огородов во двор.

— Заглянем раньше в окно — нет ли в хате гитлеровцев,— решил Васек.

Коля Одинцов стал коленом на завалинку и прижался лицом к стеклу. Потом медленно сполз на землю, протер кулаками глаза и жалобно сказал:

— У меня, Трубачев, виденье... Там... Нюра Синицына!

Васек оттолкнул его от завалинки и полез сам.

За окном около стола сидела Нюра Синицына и что-то шила. Стекло звякнуло. Нюра подняла голову и увидела прямо перед собой приплюснутое к стеклу лицо Трубачева. Она вскочила, вскрикнула и бросилась во двор. Первый, кто ей попался,

был ошеломленный Коля Одинцов. Нюра заплакала, обливая слезами его щеки. Потом бросилась к Ваську.

— Валя! Лида! — кричала она.

Какой-то малыш цеплялся за ее платье и тоже лез целовать мальчиков.

Глава 40

ДЕВОЧКИ

Девочки забрасывали ребят вопросами. Потащили их в хату, усадили за стол, подкрутили фитиль в лампе. Мальчики наконец пришли в себя.

— Значит, вы живы? — с робостью спросил Нюру Одинцов.

— Ну да, живы!... Только так страшно было, так страшно!

Девочки, прижавшись друг к другу, стали тихонько рассказывать. Голоса их часто прерывались:

— ...К вечеру около Жуковки, над самой дорогой, появился фашистский самолет. Он летел низко-низко... И потом начал бомбить шоссе. Кроме грузовика, на дороге была телега с людьми... Лошадь понесла... Малыши испугались, начали плакать. Тогда шофер подъехал к самому лесу... под деревья... А Екатерина Михайловна... она, бедная, схватила детей...

Нюра всхлипнула. Малыш, который все время не отходил от нее, беспокойно заерзал на скамейке.

Валя Степанова улыбнулась дрожащими губами, знакомым движением откинула со лба разлетающиеся тонкие волосы:

— А на дороге взлетела телега... И около нее со свистом посыпалось что-то...

— Пули,— подсказала Лида Зорина. Она не плакала, но глаза у нее были красные.

— ...Шофер закричал, чтобы мы прыгали с машины и бежали в лес. А няня схватила ребят, обняла и ничего не понимает... Тогда Екатерина Михайловна тоже закричала: «Прыгайте, прыгайте! Берите детей!» Нюра первая спрыгнула, схватила Павлика...

— Нюра меня схватила...— серьезно сказал малыш, прижимаясь головой к боку Синицыной.

— А мы с Лидой одну девочку... Гальку... Она толстая, тяжелая и за няню уцепилась... Мы ее еле-еле вдвоем с Лидой в лес... бегом... а дальше...— Валя широко открыла голубые глаза и крепко стиснула ладони.— Всех убили...

— Всех, всех! — с ужасом прошептала Лида.— Бомбой...

Нюра Синицына прижалась щекой к теплой головенке прильнувшего к ней Павлика. Одинцов ничего не спрашивал; от страшной картины, нарисованной девочками, у него рябило в глазах. Вспомнился разбитый грузовик, одинокий столбик, могила, на которую они с Васьком положили вчера цветы... И ему казалось чудом, что девочки, которых они оплакивали, живы. И еще одно чувство волновало Колю: он с торжеством вспоминал о ночном происшествии на шоссе. Это была месть за погибших детей, за слезы девочек! Но Коля не смел сказать об этом. Он вопросительно смотрел на Васька.

Васек тоже ничего не сказал. Он притянул к себе Павлика, потрогал его худенькие плечики, неловко потрепал по голове:

— Октябренок...

— Братик,— поспешно сказала Нюра.— Он тетю Ульяну любит, мамой зовет. Она его насовсем взяла...

Васек кивнул головой, оглядел хату. Она была переделана на две половины. За дощатой перегородкой кто-то сонно бормотал, слышались посапывание и храп.

— Кто там?

— Это дети спят... Ульяны Ивановны. А ее нет... ушла.

— Не обижают вас здесь? — осторожно спросил Одинцов.

— Нет, что ты! Они хорошие. Она же нас и подобрала в лесу. Мы ведь два дня в лесу жили.

— Как — в лесу?

Снова начались рассказы.

...Испуганные, несчастные, с двумя малышами на руках, девочки бродили по лесу, потеряв дорогу. Галька кричала, плакала, просила есть...

— А что же вы ели?

— Сначала ничего... Мы как побежали, побежали сразу... А потом, когда сильно ударило,— за нами бомба... упала... Ничего не помнили... Оглушило нас... А потом вдруг тихо-тихо

стало. Я слышу, Галька плачет рядом,— рассказывала Валя Степанова.— И Нюра с Павликом стоят надо мной, а Лида кричит: «Пойдемте, пойдемте назад! Там что-то случилось!» Мы и пошли... А потом, когда увидели, что всех насмерть... опять назад побежали... далеко-далеко в лес... в болото какое-то зашли...

— Ну ладно! Не люблю я все вспоминать!.. Выбрались, одним словом, на шоссе через два дня,— хмуро сказала Нюра.

— Ну да, выбрались, конечно... Мы ведь еще вас с Митей потом ждали... Думали, вы проехали уже,— сказала Лида.

— Кашу в лесу варили,— задумчиво припомнила Валя.— Нюра бесстрашная — она еще после одна к нашему грузовику бегала. Манной крупы принесла, сгущенного молока, спичек, хлеба. Одна ходила, без нас... рано-рано встала и пошла... ничего не сказала...

— А чего мне говорить-то? У нас дети на руках, есть просят, и холодно им... Я еще там,— Нюра вдруг понизила голос и зябко повела плечами,— одеяло взяла...

Одинцов с уважением посмотрел на нее:

— Молодец ты!

Девочки рассказали еще, что на дороге подобрала их Ульяна Ивановна, жена директора МТС. Маленькую Гальку взяла другая женщина, а они все живут вместе.

— Никому она нас не отдала, хотя у нее и своих четверо. Одна девочка — старшая — с нами дружит, а другие еще маленькие. У нас эсэсовцы в селе. Они по хатам не стоят — боятся, верно. В клубе живут, в сельпо, из сельрады общежитие сделали. Вот тетя Ульяна и взяла нас к себе...

— Значит, она и есть Мирониха? Жена директора МТС? — живо спросил Васек.

— Ну да! А что?

— Ничего. Нас к ней по делу послали.

— По делу? Митя?

— Митя?

Мальчики переглянулись:

— Эх, да ведь вы ничего не знаете, что с нами было!

Васек стал рассказывать, как фашисты забрали Митю, как

все ребята искали его, как он нашелся. Как Митя даже обнимал его, Васька, один раз, случайно, в одном месте, а потом опять ушел в лес.

Девочки слушали, боясь проронить хоть одно слово.

— И у нас все комсомольцы в лес ушли. А двоих эсэсовцы убили! И женщину одну убили!

— Убили? Ладно! Их тоже сегодня ночью били! Еще как! — не выдержал Васек.— Мы сами видели!

Он придвинулся ближе к девочкам и стал рассказывать про то, что они видели ночью на дороге.

— Так это правда? — радостно спрашивали девочки.— У нас в селе все-все друг дружке шепотом говорили, только мы не верили...

— А зарево какое было! Мы сами видели! И эсэсовцы куда-то на мотоциклах ехали, бегали, кричали, машины гудели... Мы боялись, что они схватили кого-нибудь,— сказала Зорина.

— Ну да, «схватили»! Сами попались! Там один на коне был...— начал с увлечением Одинцов.

Васек строго прервал его:

— Не наше дело, кто был! А только храбрецы они! Рраз, рраз! — и всех фашистов уложили!

Лида Зорина блеснула черными глазами:

— Фашисты! Мы их так ненавидим!

Синицына сморщилась:

— Они с людьми, как с подданными какими-то, обращаются!

Валя сидела молча. Губы у нее были крепко сжаты, глаза холодные, как голубые льдинки. Она взяла в обе руки свои тяжелые светлые косы, скрестила их на груди и о чем-то думала; на тоненькой шее у нее билась синяя жилка.

— Валечка! — прошептала Лида, осторожно обнимая подругу.

— Ненавижу я их! Ненавижу! — крепко сжимая зубы, проговорила Валя.

— Их выгонят! — твердо сказал Васек.

Девочки встрепенулись.

— Когда? — нетерпеливо спросила Нюра.

Валя строго посмотрела Ваську в глаза:

— Когда?

— Когда же? Когда? — прошептала Лида.

— Выгонят, и все! Не сразу, конечно. Потерпеть надо.

Девочки вздохнули. Валя отвернулась и стала смотреть в темное окно.

— А помните, как хорошо мы жили! Бегали в школу,— неожиданно улыбнулась она.— Леонид Тимофеевич всегда шутил с нами. Грозный на крыльце стоял... А в классе из окна видно было березку...

— И липы там цвели и клен был,— вставила Нюра.

— Все было! И сирень была! — заторопилась Лида Зорина.

Валя покачала головой:

— Нет. У окна одна березка... Белая-белая, тоненькая-тоненькая... Она всегда на нас глядела. А весной положит ветки на подоконник и стоит, как живая...

— А еще, Валя, помнишь, как в учительской глобус со шкафа упал? — засмеялась Синицына.

— Помню.

— А Белкин его за мячик принял и давай катать! — весело добавил Коля Одинцов.— Это еще в первом классе было!

— А помните...

Одно воспоминание сменяло другое. Говорили обо всех и обо всем, кроме родителей. О родителях не говорили, боясь расплакаться. Но воспоминания сами по себе были так полны школой и домом, так неразрывно были связаны между собой, что при одном из самых веселых воспоминаний — о том, как перед отъездом, на вокзале, Мазин посадил свою маму на чью-то корзинку с продуктами,— девочки заплакали. Мальчики, борясь с собой, недовольно сопели. Маленький Павлик, дремавший на скамейке, протер кулаками глаза.

— Я хочу спать! — пожаловался он.

Нюра вскочила.

— Ой, я и забыла, как не стыдно! — упрекнула она сама себя, бросаясь к Павлику.— Одинцов, встань, я ему тут постелю. Подержи-ка его пока — видишь, он совсем спит.

Она сунула Коле Павлика.

— Ну, куда еще...— начал было протестовать Одинцов, но, вспомнив что-то, любезно предложил: — Давай, давай! Клади на меня одеяло! И подушку клади! Ничего — я подержу, мне не тяжело!

Навьюченный как верблюд, он стоял посреди хаты, смущенно улыбаясь.

Когда Павлика уложили, Васек вдруг вспомнил:

— Да! А почему вы нас не искали, не пришли к нам, не дали о себе знать! Ведь Митя с горя заболел совсем, да и мы тоже.

— Как — не искали? Мы всю станцию исходили, спрашивали... Нам сказали, что вы все уехали. Сели в поезд и уехали.

— Да ведь это не мы! Это Сергей Николаевич с нашими ребятами. Ведь они еще при вас тогда на легковую садились. Еще там Белкин был, Надя Глушкова, все девочки!

— Да, да! А мы думали, что вы их догнали и все вместе уехали... А о Сергее Николаевиче ничего не слышно?

— Нет, как же услышать... Да он, верно, на фронте теперь.

За окном послышался шум. Залаяла собака, загудели машины; из темноты блеснули фары, по улице забегали огоньки, послышались голоса. Нюра схватила со стола лампу и поставила ее на печь. Из-за перегородки вышла босая девочка лет десяти. За ней волочилось серое байковое одеяло. Не обращая внимания на мальчиков, она закуталась в него и села на скамейку, подобрав под себя ноги.

Валя села с ней рядом, обняла ее за плечи:

— Мама придет — не бойся.

Девочка молча, с беспокойством в глазах, глядела на дверь.

По селу мчались мотоциклисты, под окнами пробегали солдаты.

— Лида, я за тетю Ульяну боюсь... Может, выйти поглядеть? — сказала Нюра Синицына.

— Не надо. Подождем еще.

Валя тихо говорила что-то девочке в байковом одеяле. Та слушала ее, не отвечая и не сводя глаз с двери.

— Маруся, дочка тети Ульяны... За маму свою боится,— шепнула Ваську Лида.

— А куда она пошла?

Лида прижалась губами к его уху:

— В лес...

Спустя полчаса, когда шум в селе затих, девочка на скамейке вдруг подняла голову и радостно улыбнулась:

— Мама!

В хату поспешно вошла Ульяна. Она неровно дышала; стеганка на ее груди расстегнулась, платок, повязанный двумя концами под розовым подбородком, съехал на затылок.

— Що, попугались, диты?

Она накинула на двери крючок, сунула Нюре какую-то сумку, сбросила с себя стеганку и, увидев ребят, строго спросила:

— А то чьи хлопцы?

— Это свои... наши! — поспешили объяснить девочки.

— Нас Матвеич послал,— сказал Васек.

— Матвеич? — Мирониха всплеснула руками; красивое лицо ее, румяное от ночного ветра, побелело, губы мелко-мелко задрожали.— Боже ж ты мий! Боже ж мий! — Она медленно подошла к Ваську, со страхом оглянулась на свою дочку: — Доню моя... Может, про батька своего сейчас прослышим?

Девочка посмотрела на Васька:

— Живой он?

Васек отошел в угол, расстегнул ворот, вытащил толстый пакет. Мирониха с трепетом взяла его, осторожно надорвала края, не переставая шептать:

— Боже мий, боже мий...

В конверте была пачка бумаг и письмо.

Мирониха спрятала бумаги на грудь, поднесла к лампе письмо и громко прочитала:

— «Милая жена моя Ульяна! Дорогие мои дети...»

Мирониха заплакала, прислонясь лбом к печке и прижимая к груди письмо.

— Живой! — радостно сказала девочка, оглядываясь на встревоженные лица ребят.— Это она от радости плачет! Папка живой! — Она вдруг разговорилась.— Наш папка не помрет! У него сила большая! Он здоровый — он может сразу десять фашистов уложить!

— Та молчи! — прикрикнула на нее Ульяна.

Она уже не плакала, а дочитывала письмо, разглядывая его при свете лампы со всех сторон. Потом, вытерев кончиком платка мокрые щеки, облегченно вздохнула, положила в пакет письмо и вышла за перегородку.

— Собирайте на стол, девчата,— послышался ее голос.

Нюра и Лида вытащили из печи кулеш, поставили миски, нарезали хлеб. Мирониха вышла, подсела к столу:

— Угощайтесь, гости дорогие, чем есть! Небогато теперь у нас. Живем по пословице: «Казала Настя, як удастся».

Мальчики вдруг почувствовали отчаянный голод и набросились на еду. Девочки угощали их и расспрашивали про Мазина, Русакова, Сашу, Севу... Передавали поклоны.

Ульяна тоже спрашивала — про Матвеича, про то, что делается в колхозе, как живут там при фашистах люди. Спрашивая, она часто смотрела в угол на ходики и морщила лоб — видно, думала свое, другое...

Одинцов вдруг что-то вспомнил, вытащил из кармана Нюрины стихи и с чувством прочел:

Зелененький поезд сюда нас привез...

Девочки удивились:

— Откуда это у вас?

— Хлопцы принесли.

Нюра покраснела:

— Ой, это, наверно, кто-нибудь мою тетрадку по дороге нашел! Она из корзинки выпала... Я и видела, но не до нее тогда было...

— А мы так обрадовались! — с жаром сказал Одинцов, пряча бумажку. И как будто невзначай добавил: — Хорошо ты стала писать! Мысли хорошие!

После ужина Валя убрала посуду. Мирониха вздохнула, поглядела в окно:

— Ну, хлопцы, накормила я вас чем могла, а оставаться вам тут нельзя — того гляди, эсэсовцы по хатам забéгают. Прицепятся: кто такие,— беда будет! Хоть и жалко мне вас, а надо вам потемну из села выйти. Матвеичу скажете: живы,

здоровы, а что надо — пускай присылает.— Она встала, накинула стеганку, повязала платок.— Пойдемте, голубчики мои, провожу... Опасно вам одним идти, еще на патруль наскочите.

Девочки умоляюще взглянули на Мирониху. У Лиды блестели в глазах слезы.

— Мы и не повидались совсем,— тихо шепнула она Ваську.— Когда теперь придете?

Валя и Нюра тоже загрустили. Одинцов вдруг с жаром стал доказывать Миронихе, что ей не к чему их провожать, что они дорогу заметили и найдут сами.

— Вам нельзя, вы еще скорей нас попадетесь. Мы где ползком проползем, где за кустом спрячемся, а вы уже старая все-таки! — горячо сказал он.

— Старая? — Мирониха засмеялась, на красивом лице ее блеснули ровные белые зубы.

Коля покраснел, спрятался за Васька. Девочки засмеялись.

— Ну, добре! Что я старая, так я с этим не согласна. А что опасно мне сейчас выходить, это ты правду сказал... Только и одних вас пускать нельзя: вы нездешние, наших тропок не знаете...— Она глубоко вздохнула, посмотрела на Маруську: — Снаряжайся-ка, доню...

— Тетя Ульяна, я пойду! Я с Лидой! Мы огородами пойдем,— вскочила Валя.— Я там каждый кустик знаю.

— Тетя Ульяна, мы пойдем! — запросилась Лида.— Пусть Маруся останется!

— Ну, добре! Идите, девчатки, только промеж гряд осторожненько... Покажите дорогу, да и назад!

— И я пойду! — сказала Нюра, бросаясь обуваться.

— Куда все? — рассердилась Мирониха.— У меня за двухто сердце изболит! Сиди, а то никого не пущу!

Лида и Валя, уже одетые, стояли у двери. Прощаясь с мальчиками, Нюра отвернулась, заплакала.

— Не плачь. Мы все равно все вместе будем,— тихонько утешал ее Одинцов.

Васек вынул из кармана дудочку:

— Вот возьми для Павлика, пусть играет.

Мирониха на прощанье дала ребятам по куску хлеба, насыпала в торбу вареной картошки.

— Дорогие вы гости, а оставить вас не могу — не хозяйка я теперь в своей хате! — с горечью сказала она.

Рассвет уже боролся с темнотой; смутно вырисовывались очертания кустов и деревьев, белые стены мазанок. Ребята поодиночке перебежали к плетню и, прячась за ним, пошли вдоль улицы. Где-то слышались шаги ночного патруля.

Девочки повели ребят по огородам, через гряды; путаный горох цеплялся за ноги, мокрая трава хлестала по коленкам.

Темнота ночи быстро редела... Захлопал крыльями сонный петух...

Прощались молча.

Расставаться было грустно и страшно. Долго держали друг друга за руки.

Лида дрожала не то от холода, не то от страха.

Васек заметил, что лицо у Лиды было маленькое и серое. Валя была спокойна, только грустно смотрела то на Васька, то на Колю своими большими близорукими глазами. Когда девочки, взявшись за руки, побежали назад, мальчики поглядели им вслед. Две фигурки то ныряли в густую траву, то снова возникали за огородными грядами.

Выйдя на шоссе, ребята еще раз оглянулись. Над Макаровкой вставало солнце...

Глава 41

ВАЖНЫЕ НОВОСТИ

Только на третий день, усталые и голодные, мальчики добрели до своего села. По дороге им все время встречались гитлеровцы. Боясь попасться им на глаза, ребята шли лесом. Ночью около Жуковки фашисты начали простреливать лес.

Лежа на сырой земле, мальчики продрогли, но идти не решались.

Добравшись наконец до своего села, они сразу заметили в нем какую-то перемену — на улице появились эсэсовцы. Люди совсем притихли, забились в хаты. На широкой площади, около

сельпо, на виселице качались два трупа. Мальчики еще издали увидели их, ускорили шаг и прошли мимо, не поднимая глаз. У хаты Макитрючки они остановились; им не терпелось поскорей увидеть кого-нибудь из товарищей.

Радостная весть о девочках, которую они несли ребятам, всю дорогу волновала их; они представляли себе, как примут ее товарищи, как будут расспрашивать, удивляться, ликовать.

Но виселица стояла у них в глазах,— тревога и ужас овладели обоими.

Макитрючка была одна. Она сидела на скамье и зашивала старый, стираный мешок, растягивая его на коленях.

— Носит вас по селу! Нет чтобы за печкой сидеть, пока голова цела! — заворчала она на мальчиков.— Людей, как собак, вешают, а вы друг за дружкой бегаете. С самого утра я своих хлопцев не бачила. Где их искать! Вчера иду, а они около школы торчат, в самое пекло лезут!

— А кого повесили? — с испугом спросил Коля.

— Не знаю... Из другого села взяли... Вчера утром на перегоне гитлеровский эшелон взорвался... Там и схватили первых попавшихся,— нехотя рассказывала Макитрючка.

— А в нашем селе никого не взяли?

— Я по селу не бегаю. Может, кого и взяли. Все между жизнью и смертью ходим!

Макитрючка замолчала. Тугие складки на ее лице стянулись к упрямому, злому рту, глаза стали зелеными, нос заострился.

— А мы девочек наших видели! — сообщил Одинцов.

Но Макитрючка, погруженная в свои мысли, не ответила.

Мальчики вышли... Баба Ивга встретила их ласково. Она стояла на крыльце и качала головой, глядя, как они перелезают через плетень и, шатаясь от усталости, идут по двору.

— Ах вы, голубятки мои, горе мое! Я ж все очи проглядела на дорогу! Як же вы добрались до дому!

Одинцов и Васек бросились к ней и, забыв про усталость, перебивая друг друга, стали рассказывать про девочек.

Радостная весть поразила бабу Ивгу. В уголках глаз блеснули крупные слезы.

— Господи Иисусе, хоть на этом сердце отдохнет! Радость-то какая! А вы уж и цветы на могилку положили... А тут счастье такое! Да как же это они живы остались? — Она вспомнила Митю.— Хлопец сам не свой ходил... Белый, без кровинки пришел, всю ночь глаз не закрыл!

Мальчики заволновались.

— А еще, баба Ивга, что было!..— Они начали рассказывать про ночное происшествие на шоссе.— Просто мы опомниться не успели, как все случилось! Вот здо́рово! Ни один гитлеровец в живых не остался! И пулеметы партизаны с грузовиков взяли, и оружие, и всякое продовольствие! — захлебываясь, рассказывали мальчики.

Баба Ивга улыбалась, кивала головой, спрашивала, потом снова возвращалась к девочкам:

— Бывает же счастье такое! Они же, бедненькие, напугались до смерти!

Поговорив с бабой Ивгой, ребята решили сбегать в Слепой овражек. Саши нет в хате — может быть, он там.

— Вот бы всех увидеть сейчас!

— Да поешьте хоть, ноги вымойте — ишь как пятки-то растрескались у вас,— уговаривала их баба Ивга.

Но ребята, не слушая ее, убежали. Товарищи действительно были в овражке; они сидели на коряге, тесно окружив Малютина. Сева что-то рассказывал таинственным шепотом. Генка первый увидел Васька и Колю:

— Наши идут!

Мальчики вскочили, бросились навстречу.

Васек с легкостью белки прыгнул на корягу. Румянец заливал его темные щеки, глаза ярко синели.

— Мы, ребята, такое сейчас вам скажем! Такое хорошее, какого вы за всю жизнь еще не слыхали!

Ребята затаили дыхание.

— Война кончилась? — прижимая к груди руки, прошептал Саша.

— Ну, «война кончилась»! Ты уж чересчур хочешь! — недовольно проворчал Коля.

На них зацыкали со всех сторон.

— Говори сразу! — рявкнул Мазин.

— Ну, слушайте! Три, четыре! — скомандовал себе Васек, предвкушая общее ликование.— Девочки наши живы, вот что!

— Девочки? Нюра, Валя, Лида?

— Те, что были убиты, теперь живы! — торжественно пояснил Васек.

— И мы их сами видели, своими глазами, вот вам! — крикнул Коля.

Все смешалось. Васька чуть не стащили с коряги. Мазин схватился за сук и изо всей силы раскачивался. Колю кто-то шлепал по спине. Саша стучал себя кулаком в грудь, повторяя одно слово:

— Живы, живы, живы!

Осторожный Сева еще никак не мог поверить в одно хорошее; он боялся, что рядом с этим хорошим есть где-то и плохое.

— Может, ранены? Больны? Без рук, без ног?

— Не ранены, не больны, с руками, с ногами, да еще двух малышей спасли! Вот какие наши девочки! — кричал Коля.

Васек посмотрел на него и вдруг расхохотался.

— У Кольки... виденье было,— вспомнил он вдруг. Картина встречи с Нюрой Синицыной предстала перед ним в смешном виде. Одинцов, отшатнувшийся в испуге от окна, он сам с приплюснутым к стеклу носом, Нюра с вытаращенными глазами и какой-то малыш, который лез то к нему, то к Коле целоваться.— Виденье! Виденье! Ха-ха-ха! — захлебывался Васек.

Ребята дергали его, требовали объяснения. Коля Одинцов стал рассказывать все по порядку. Ночное сражение он нарочно пропустил, чтобы рассказать о нем особо.

Мальчики перебивали, спрашивали. Васек и Коля терпеливо отвечали на все вопросы, подробно описывали девочек, Мирониху, передавали поклоны и только потом приступили к рассказу о ночном происшествии. Услышав, что боец на коне, по всем приметам, был похож на Митю, ребята пришли в окончательное неистовство. Забыв про фашистов, они боролись, падали и даже невзначай подбили Мазину глаз.

Потом решили обязательно навестить девочек и как-нибудь повидать Митю, чтобы сообщить ему радостную весть.

Наконец, когда все немного успокоились, Малютин сказал:

— У нас тоже важные новости. Нам обязательно надо посоветоваться.

Все стали серьезны.

Новости действительно были важные.

В отсутствие Трубачева Степан Ильич запретил ребятам бегать на пасеку. Мазин не поверил Степану Ильичу и все-таки сбегал к Матвеичу. Матвеич рассердился на него и сказал, что на пасеку уже два раза заходили гитлеровцы. Кого-то искали. Один раз ночью лаял Бобик. Матвеич взял его в хату, чтобы собаку не подстрелили.

И еще новости — в селе появились эсэсовские части и везде расклеены приказы: за помощь партизанам — расстрел, за укрывательство — расстрел. Так и пестрят все объявления крупными черными буквами: «расстрел», «виселица».

Двоих колхозников из какого-то другого села повесили на глазах жителей около сельпо.

А партизаны теперь уже действуют всюду; слышно, что где-то на перегоне взорвали целый эшелон и вчера около бывшей МТС на дороге убили несколько гитлеровцев; а в селах стали понемножку расправляться с полицаями — одного в овраге нашли зарубленного топором, с надписью на груди: «Предатель».

Гитлеровцы и полицаи струхнули: в лес ходить боятся, и около самой школы теперь стоят пулеметы.

И еще самую главную новость рассказали Сева и Генка. Степан Ильич, видимо, совсем продался фашистам. Петро рассказывал на селе, будто Степан Ильич согласился ездить по селам и всех бывших кулаков вербовать в полицаи. А вчера Степан Ильич привел какого-то старика. И Сева слышал, как он сказал переводчику, что это старик, пострадавший от Советской власти, бывший кулак, и теперь хочет послужить гитлеровцам. Старика позвали к генералу; он, видно, боялся, потому что шел и даже денщику низко кланялся. А сегодня

осмелел и взялся какие-то замки в штабе чинить; на деда Михайла кричит и такие штуки выделывает — денщики над ним хохочут.

— Дед мой с ним было подрался вчера. Тот какой-то несгораемый шкаф чинил, а деду дал ящик с инструментами держать. Ну, и чего-то заспорили они там,— хмуро сказал Генка и тут же улыбнулся.— Только не зря дед простачком прикидывается. Хитер он... Вчера вдруг Севку спрашивает: «Разберешь ты немецкие слова так, чтобы переписать, в случае чего?» Севка говорит: «Разберу. А где не разберу, просто скопирую». Дед мой даже языком причмокнул.

— Неспроста тут что-то,— покачал головой Васек.

Ребята крепко задумались.

На прощанье Сева грустно сказал:

— Теперь уж, наверно, не скоро увидимся... Сегодня и то еле вырвались... За водой только ходим.

Глава 42

СТЕПАН ИЛЬИЧ

Степан Ильич еще не видел мальчиков после их возвращения. Он шумно обрадовался, когда Васек с товарищами вошел в хату.

— Дорогой ты хлопец! — притягивая к себе Васька, сказал Степан Ильич.

Ваську захотелось обнять его крепко-накрепко, как, бывало, он обнимал своего отца, но он поборол в себе это желание, осторожно высвободился из объятий Степана Ильича и сел на скамью, избегая его взгляда. Степан Ильич понял, глубоко вздохнул, отвернулся. Молча слушал то, что рассказывали мальчики, без улыбки кивал головой. Потом перестал слушать, ушел в себя и, ссутулившись, сидел, глядя в окно.

Баба Ивга понимала, что́ именно мешает Ваську быть приветливым со Степаном Ильичом. Она смотрела то на одного, то на другого с глубокой грустью. Потом подошла к Ваську, нагнулась, поцеловала его в волосы:

— Ну что ж, так тому и быть! Тяжкое время!.. У каждого сейчас свой крест. Один потяжеле несет, другой полегче.

Васек не понял ее слов, но горячо откликнулся на ласку, прижался головой к ее плечу.

Одинцов и Мазин с завистью глядели на него:

— Как маленький...

Баба Ивга подошла и к ним. Одинцов смутился, когда она погладила его по голове, а у Мазина отросшие светлые волосы взъерошились; он напряженно вытянул шею и держал ее так, пока баба Ивга не сняла руки с его головы. Тогда, довольный неожиданной лаской, Мазин размешал пятерней свои волосы и сказал:

— Спасибо.

* * *

Ночью кто-то тронул Васька за плечо. Васек встревожился, заморгал глазами, проснулся.

«Не случилось ли чего с Севой?» — почему-то подумал он.

Но над ним склонилось темное лицо Степана Ильича.

— Встань, хлопчик...

В окошко глядела полная луна.

Одинцов и Саша крепко спали. Васек с испугом смотрел в лицо Степану Ильичу и, протянув за спиной руку, дергал за рубаху Одинцова. Но Одинцов, утомленный дорогой, не просыпался.

— Встань, хлопчик,— еще раз сказал Степан Ильич и потянул Васька за собой в сени.

Васек шел за ним, не доверяя ему и не смея ослушаться.

Сердце у него билось.

«Что ему надо?» — с тревогой думал он.

В сенях Степан Ильич наклонился к нему и зашептал:

— Беги, сынок, до конюха... огородами беги... осторожненько... Мне нельзя... люди донесут... Скажи конюху, чтобы за́раз в лес подавался. Чуешь, сынок?

Васек кивнул головой, поднял на Степана Ильича глаза и вдруг жарко, порывисто обнял его за шею, прижался головой к его груди.

Степан Ильич обхватил его обеими руками любовно и крепко:

— Боишься?

— Нет, нет!

Васек выскользнул во двор, пролез под плетнем на огород и, прячась в кукурузе, пополз к хате конюха. Село, облитое лунным светом, казалось пустым; безглазые, слепые окошки с запертыми ставнями не мигали теплыми огоньками; издалека была видна площадь с черной виселицей...

Конюх, его жена Катерина и Грицько спали. Васек тихонько стукнул в оконце. Подождал, оглянулся. На второй стук чуть-чуть приоткрылась дверь, показалась взлохмаченная голова конюха. Васек проскользнул в камору. Шепотом передал поручение Степана Ильича. Конюх заторопился; старая бабка засуетилась; жена в темноте стала собирать вещи.

— Это он, это Петро проклятый! Не миновать ему, дьяволу! — натягивая сапоги, шептал конюх.— Спасибо Степану... Скольких людей спас!..

Васек бросился к Грицько, крепко обнял его за шею.

— Дядя Степан не предатель! Это он меня послал к вам, Грицько! Он не предатель! — горячо зашептал Васек товарищу.

Грицько смотрел на Васька сонными, ничего не понимающими глазами.

— Одевайся, сынку, одевайся! — торопила его мать.

Степан Ильич дожидался Васька в сенях. Видимо, он и не уходил оттуда. Он сам уложил мальчика, укрыл его рядном, снова повторив свои слова:

— Дорогой ты хлопчик... цены тебе нет...

Васек долго держал его руку, прижимая ее к горячей щеке.

На расвете эсэсовцы стучали прикладами в пустую камору конюха, разбивали двери. Старая бабка пряталась у соседей; конюх с женой и сыном ушли в лес.

Глава 43

СТРАШНАЯ НОЧЬ

Утром ребята не отходили от Степана Ильича. За столом Одинцов старался сесть с ним рядом. Саша подолгу стоял возле дяди Степана, притулившись к нему боком.

Васек торжествовал:

— Я ему всегда верил! И Матвеич верил... Дядя Степан нарочно старостой стал, чтобы людей спасать... Только об этом никому нельзя говорить, ни одному человеку!

Одинцов и Саша поклялись молчать.

Мазин и Русаков были заняты другим. С утра Генка передал им, что дед Михайло строго-настрого запретил шататься около школы и ждать у колодца Севу. Это запрещение вызвало особый интерес мальчиков, и они только и делали, что шатались около школы, наблюдая за гитлеровцами. После обеда они принесли Ваську сведения, что из штаба выехал куда-то целый отряд эсэсовцев на мотоциклах. Ребята встревожились, зашептались.

Степан Ильич нахмурился, постучал по столу:

— Чтобы ни один из хаты не вышел! Мало ли куда эсэсовцы поехали! Вас не касается!

Ребята притихли. Степан Ильич большими шагами ходил по хате, хрустел сложенными пальцами, часто поглядывая в окно. Васек смотрел на его сосредоточенное лицо и старался угадать, чем он взволнован.

«Хорошо бы повидать Севу или Генку,— думал Васек.— Может, они выйдут к колодцу хоть на минутку...»

Он шепнул Мазину, чтобы тот тихонько вышел во двор, и сам стал пробираться к двери. Но Степан Ильич заметил и вернул обоих.

— Куда? На место! И вы тут оставайтесь, нечего по селу бегать зря! — сказал он Петьке и Мазину.

Солнце садилось. Откуда-то издали вдруг донеслись выстрелы, глухо застучал пулемет. Степан Ильич поднял брови, насторожился. Баба Ивга вопросительно посмотрела на него:

— На Жуковке, что ли? Или в другой стороне?

Степан Ильич вышел на крыльцо. Ребята тесной кучкой двинулись за ним. Выстрелы были частые, глухие, далекие.

— За лесом где-то,— определил Степан Ильич.

Из гороха вдруг вынырнула голова Генки; он перепрыгнул через плетень. За ним, задыхаясь от быстрой ходьбы, перелез Сева.

Лицо Степана Ильича побагровело от волнения.

— Пойдем в хату,— тихо сказал он, пропуская вперед Севу и Генку.

В хате Сева торопливо вытащил из-за пазухи сложенный вчетверо лист бумаги и сунул его Степану Ильичу. Пальцы у Севы были в чернилах, руки дрожали.

— Вот... все... дед Михайло велел скорей нести!..— сказал он, с трудом переводя дух.

Генка, возбужденно блестя глазами, начал сбивчиво рассказывать:

— Как фашисты со двора... так дед и взял. Севка переписывал, а я сторожил... А старик тот ушел...

Степан Ильич, не слушая Генку, развернул бумагу, пробежал ее глазами, спрятал за сапог, взял шапку:

— Я пошел... Мамо! Ребят никуда не пускайте. Чуть что — на пасеку их. Всех до одного. До Матвеича!

Он схватил за плечо Генку:

— Подложил дед документ обратно?

Генка испуганно замотал головой:

— Не... еще... Прихитряется сейчас...

Баба Ивга перекрестилась:

— Силы небесные! Господи, помоги!

У Степана Ильича дрогнули брови. Он махнул рукой и пошел к двери. У порога остановился, подозвал мать, кивнул на ребят:

— Пусть на пасеку идут.

— Иди, иди! Не бойся, сынок! Сам поспешай!

Степан Ильич зашагал по двору и скрылся в сумерках. В хате было темно. Генка в уголке шепотом рассказывал ребятам, как Сева спешил переписывать какой-то документ, пока он, Генка, сидел на пороге мазанки и сторожил его.

— А что ж это за документ, Севка? Ты понял что-нибудь? — жадно спрашивали ребята.

— Нет... ничего не понял... От страха, наверно, у меня руки тряслись... Я больше копировал слова... Это какой-то военный план,— улучив минуту, шепнул он на ухо Трубачеву.

— Я думаю, это что-нибудь очень нужное. Видал, как дядя Степан схватил эту бумагу и сразу ушел с ней куда-то? — говорил Петька, прикрывая ладонью рот и поглядывая на бабу Ивгу.

Мазин сузил глаза, улыбнулся:

— А я-то думаю, чего дед Михайло Севку прячет, к школе не велит подходить!.. Эй! — вдруг дернул он Васька и даже вскочил с места.— А старик-то этот, что замки чинил, знаешь кто?

— Ну?

— Да тот, с дудками, что в лесу со мной сидел!

Васек покачал головой:

— Странно все как-то...

Баба Ивга зажгла лампочку, поставила на стол.

— Собирайтесь, ребята! Матвеича повидаете, на пасеке и заночуете, а там видно будет. Курточки возьмите — свежо сейчас. Да живо, голубята мои!

Ребята обрадовались. Они давно не видели Матвеича и Николая Григорьевича. Ваську не терпелось рассказать на пасеке про девочек, про документ, который собственноручно переписал Сева и доставил Степану Ильичу, про ночное сражение на дороге — событий было много!

— Пошли! Пошли! — торопил он ребят.

— А дед как же? — встревожился вдруг Генка.

— Ну, чего дед! Он уж, наверно, подложил! — уверяли его ребята.— Пойдем!

Но Генка упрямо покачал головой:

— Я к деду пойду!

Баба Ивга вздохнула:

— Деду ты сейчас не помощник. Он один скорей управится. Иди с ребятами, сынок!

Генка нерешительно открыл дверь и остановился на поро-

ге. По двору с непокрытой головой бежала Макитрючка. Не видя ничего перед собой, она оттолкнула от порога Генку, бросилась в хату, упала на скамью.

— Схватили... схватили... Забьют... Ой, лишенько! Забьют старика до смерти...— застонала она, хватаясь за голову.

Генка с криком бросился к двери и попятился назад... У порога стоял Петро.

— Ты что по селу бегаешь, народ поднимаешь? — закричал он на Макитрючку, тяжело переступая через порог.— В петлю хочешь?

Ребята с ужасом смотрели на его тяжелую, приземистую фигуру в черной форме полицая, на скуластое красное лицо и острый кадык, выступающий из тугого воротника.

Макитрючка, прижавшись к стене, с ненавистью глядела ему в глаза и не двигалась с места.

— Господи помилуй, господи помилуй! — бормотала баба Ивга.— Что ты кричишь, Петро? Что мы тебе сделали?

Петро сбавил тон.

— Я тебя не обижаю. Не про тебя речь. Я за хлопцами пришел. Полковник требует. А она против власти идет! Я с ней еще поквитаюсь! А ну, пошли за мной, хлопцы!

Он схватил Генку за руку. Генка вырвался и отбежал к сбившимся в кучу ребятам. Петро с недоброй усмешкой взглянул на Ивгу:

— Всю шайку у себя хороните? Ничего, там старику язык развяжут! Через внука развяжут да через пионера вашего! — Он кивнул на Севу.

Баба Ивга бросилась к ребятам; раскинув руки, загородила их:

— Не дам детей! Хоть убей на месте, не дам!

Петро отшвырнул ее в сторону, шагнул к остолбеневшим от ужаса и неожиданности ребятам и опустил тяжелую руку на худенькое плечо Севы.

Сева молча рванулся, сбрасывая с плеча его руку. Васек, загораживая собой товарища, изо всех сил толкнул полицая. Озверевший Петро ударил его кулаком в грудь и с ругательствами схватился за кобуру. Мазин повис на его руке. Петька

вцепился зубами в волосатую кисть. С другого боку на полицая навалились Одинцов, Саша и Генка. Баба Ивга бросилась в сени, заложила на крюк дверь. Макитрючка схватила шкворень и ударила Петро по голове. Полицай охнул и осел на пол.

— Уходите, деточки! Уходите, голубята мои! — зашептала баба Ивга.— Господи помилуй, уходите скорей! До Матвеича идите!

Макитрючка трясущимися руками выпроваживала ребят за дверь:

— Уходите, уходите! Мы тоже уйдем! В лес уйдем! Степана упредить надо!..

Не оглядываясь на Петро, Одинцов схватил из-под лавки рюкзак. Васек по одному пропускал мимо себя ребят. Дрожащие губы плохо повиновались ему, в голове шумело. Он недосчитывался Генки.

— Где Генка? Где Генка?

Мазин и Одинцов вели обессилевшего Севу.

— Генка убежал,— прошептал в темноте Петька.

* * *

Шли с трудом, зорко вглядываясь в каждый бугорок, продираясь через кусты и колючки.

Все молчали; ужас только что пережитого гнал вперед.

За селом ребята выбились из сил; шатаясь, добрели до копны с сеном и сели под ней, тесно прижавшись друг к другу. Над скошенным полем стояло густое дымное облако. Оно медленно росло, расплывалось по всему небу и заволакивало редкие звезды.

Петька вдруг сплюнул и с дрожью в голосе сказал:

— Я ему руку насквозь прокусил!

Ребята хмуро молчали. В глазах у всех еще стояла страшная фигура озверевшего полицая.

— Гадина! — процедил сквозь зубы Мазин.

Одинцов зябко повел плечами. Васек вспомнил иссиня-белое лицо Макитрючки, вытер рукавом холодный пот и строго сказал:

— Хватит об этом!

Ребята снова замолчали. В тишине было слышно, как трудно дышит Сева.

— Значит, деду не удалось подложить документ! — вдруг прошептал Петька, глядя на всех испуганными глазами.

Васек вскочил:

— Да, да, чего же мы сидим? Надо скорей к Матвеичу. Надо ему все рассказать... Ведь и Генки нет. Где Генка?.. Пойдем скорей!

Ребята поднялись, прибавили шагу.

Шли от копны до копны.

На небе колыхался черный столб дыма. Сквозь него вдруг пробились красные языки пламени.

— Пожар!

— В стороне пасеки горит! — тревожно сказал Васек.— Может, кто копны с сеном поджег... Бежим скорей, а то еще полицаи наедут сюда!..

Спотыкаясь и падая, бежали по полю. Зарево разгоралось; запахло гарью. Завиднелись тополя, освещенные огнем.

Оставив далеко позади товарищей, Васек бежал изо всех сил. В овраге перед пасекой было светло как днем. Васек взбежал по тропинке и остановился, пораженный страшным зрелищем. Горела пасека...

* * *

Хата Матвеича была охвачена огнем. С треском горели балки, из-под накаленной вздыбленной крыши вырывалось пламя, огонь бушевал в черных провалах окон, длинные красные языки лизали сухие стены. Над пасекой стоял зловещий гул — все трещало, рушилось, разбрасывая далеко вокруг снопы искр. Все гибло. Развесистый дуб над крыльцом стонал, как человек, качая обгорелой верхушкой; по стволу его змейками пробегали огненные искры, ветки обуглились. На молодых вишнях черными узелками скрутились листья; воздух стал накаленным и сухим; в густой траве был виден каждый цветок.

К хате нельзя было подойти. Натянув на голову курточки, ребята бегали вокруг пожарища.

Васек бросался вперед, задыхаясь от нестерпимого жара:

— Матвеич! Матвеич! Николай Григорьевич!

Мазин, черный от дыма, указывал на бушующее пламя. На глазах ребят стропила с треском провалились, крыша рухнула. Огонь, получивший новую пищу, забушевал еще яростней... С шумом вырывались снопы искр, падали горящие головни.

Ребята отбежали к плетню. Мазин подошел к товарищам.

— Кончено!..— сказал он и, махнув рукой, отвернулся.

Откуда-то издалека раздался вдруг жалобный вой.

— Бобик! — догадался Васек.

У всех мелькнула надежда. Вой повторился, но, потерявшись в шуме пожара, затих.

— Бобик! Бобенька! — кричали ребята, бегая по саду.

Обыскали кусты, бросились по тропинке к реке. По пути натыкались на опрокинутые ульи; в одном месте они были беспорядочно нагромождены друг на друга.

Васек несколькими прыжками достиг берега. Ребята со всех сторон тоже бежали туда. Из кустов выскочил Бобик; он бросался к мальчикам и, взвизгивая, звал их за собой.

Недалеко от воды, за широким пнем, плечом к плечу лежали два товарища. Около них валялись расстрелянные гильзы. Лицо у Матвеича было серое, бескровное. Голова Николая Григорьевича откинулась назад; серебряные волосы с запекшейся кровью прилипли ко лбу.

Неровный горячий свет пробегал по мертвым лицам, на короткие мгновения оживляя застывшие черты.

Ребята остановились.

— Матвеич! — позвал Васек.

Ответа не было. Бобик поднял морду и снова протяжно завыл.

Колени у Васька вдруг подогнулись; он сел на траву и дотронулся до неподвижной, холодной руки Матвеича.

Матвеич был тем человеком, который в памятный солнечный день доверил первое боевое задание пионеру Ваську Тру-

бачеву; Матвеич пригрел и окрылил его мальчишеское сердце.

— Матвеич...

Ребята стояли молча, опустив головы...

Огромное пламя пожара бросало на воду красные отблески. Ветер, набегавший с реки, знобил плечи.

— Куда мы теперь?..— тоскливо прошептал Петька.

Ему никто не ответил. Кругом были враги и тяжелая чернота ночи.

Мазин мрачно и безнадежно смотрел на воду. Потом повернулся, подошел к Трубачеву и тихонько тронул его за плечо:

— На мельницу надо... Один раз Игнат не пустил меня туда... Может, там свои...

Васек взял на руки Бобика, спустился к реке и, не оглядываясь, пошел по берегу. Ребята гуськом потянулись за ним.

Глава 44

НА ЛЕСНОЙ ПОЛЯНЕ

— Подожди, подожди, Валечка! Не заплетай волосы, дай еще поглядеть!

— Ой, какое все золотое! И цветы и травы! Как будто тоненькой золотой паутинкой перепутаны!

Валя, смеясь, закрывает подружек с головой своими распущенными волосами. Девочки, крепко прижавшись друг к дружке, смотрят сквозь тонкие, пронизанные солнцем пряди Валиных волос на лесную поляну.

Пышно доцветает украинское лето; закраснели на деревьях листья, тяжело свесились с кустов спелые гроздья калины, заплелась хмелем синяя ежевика, осыпалась дикая малина. А на лесной поляне, покрытой белыми крупными ромашками, полевой гвоздикой и колокольчиками, еще хлопотливо трещат в траве кузнечики, кружатся бабочки.

— Как хорошо жили бы люди, если б не было на земле фашистов! — задумчиво говорит Лида Зорина.

Нюра Синицына вскакивает. Она в широкой Миронихиной кофте, подвязанной ремешком.

— Ой, девочки, смотрите — все коровы разбрелись! Вставайте скорей!

Девочки, подпрыгивая, разбегаются в разные стороны.

— Красавка! Красавка! — заплетая на ходу косы, зовет Валя.

— Недолька! Буренка! — звучат неподалеку голоса ее подруг.

Каждый день Лида, Валя и Нюра гонят на поляну десяток коров. В Макаровке только у некоторых хозяек остались старые, тощие коровы.

По тайному соглашению с Миронихой, каждое утро хозяйки, увидев девочек, выгоняют за ворота своих коров. Девочки гонят маленькое стадо на лесную поляну. В полдень из лесу тайком приходит женщина. Она доит коров и уносит молоко в лес. Иногда она забирает также хлеб, крупу и сало — все, что удается потихоньку от фашистов собрать в селе для макаровских партизан. Но чаще всего продукты относит в лес сама Мирониха.

Девочки встают очень рано. Натянув на себя старые Миронихины кофты и вооружившись длинными хворостинами, они гонят по улице коров, торопливо пробегая мимо гитлеровских солдат. Влажная серая пыль холодит босые ноги, из-под длинных рукавов выглядывают красные пальцы; свежее утро охватывает ознобом плечи. За селом, где начинается лес, девочки вздыхают свободней. В глубине леса, на зеленой поляне, они усаживаются втроем на старый пень и, поджав под себя босые ноги, с грустью смотрят на покрасневшие листья, на желтеющий лес.

— Скоро сентябрь,— тихо говорит Валя Степанова.

— А я все думаю: кто-то в нашу школу пойдет, на наши парты сядет...— вздыхает Синицына.

Лида Зорина печально смотрит на подруг:

— Другие девочки пойдут... Опять будут у них звенья... и звеньевые...

— А мы как же? — тревожно спрашивает Нюра.

— Мы тоже будем учиться... хоть тайком, а будем... Может быть, в Ярыжках, у Марины Ивановны...

— В Ярыжках? Да ведь это очень далеко!

— Наши ребята попросят дядю Степана взять нас к себе. Там мы будем жить и вместе учиться! — уверенно говорит Валя.— Васек Трубачев придет! Он нас не бросит!

Лица у девочек светлеют.

— А помните, как раньше первого сентября бежали мы в школу! Я, бывало, чуть свет встану в этот день!

— А я помню, как дадут нам в детском доме новые учебники, так я оторваться от них не могу. Все странички перелистаю, все книжки в новую бумагу оберну, надпишу,— счастливо улыбается Валя.

— А потом, а потом! — вскакивает Лида.— Когда еще только подходишь к школе, все кричат: «Здравствуй, Лида! Зорина, здравствуй!» А в классе уже учитель...

— Нет, сначала мы приходим, а потом учитель, и мы прямо сразу, все хором: «Здравствуйте!» — Нюра протягивает вперед руки, как будто держится за парту.

— Здравствуйте, Сергей Николаевич! — повторяют хором девочки и вдруг смолкают... Снова усаживаются на пень и долго сидят, тесно прижавшись друг к дружке.

— Разве без школы можно жить? — грустно спрашивает Лида.

Нюра покусывает стебелек и щурится от солнца. Глаза у нее светлые и зеленые, как трава; щеки обветрились, кожа на руках погрубела, но выражение лица стало мягче, спокойнее. Многое изменилось в Нюре за эти трудные дни. В ней появилась нежная заботливость по отношению к подругам. Ей всегда кажется, что она крепче и сильнее их.

— Валя, надень мои тапочки! У тебя ноги посинели... Давай, Лида, я тебе платок повяжу,— беспокоится она утром, когда они гонят коров.

— Ладно тебе, Синичка! — обнимают ее подруги.— Что мы, какие-нибудь особенные, что ли?

Девочки крепко сдружились и полюбили друг друга.

— Мы как сестры,— часто говорит Валя.— У нас даже все мысли одинаковые.

Сидя втроем на поляне, они без конца говорят о школе, о ро-

дителях, вспоминают всякие мелочи из своей прежней жизни и рассказывают их друг другу как что-то очень важное.

— Один раз моя мама пироги с калиной испекла,— говорит Лида, срывая ветку калины.— И вот к нам гости пришли. И так весело было! И все спрашивали: «Что это за пироги, что это за пироги?» А моя мама...— Голос у Лиды начинает вздрагивать, с черных ресниц спрыгивают капельки слез.— А моя мама говорит: «Это... с калиной... пироги...»

У Нюры быстро краснеет нос, дрожит подбородок.

Валя, улыбаясь, качает головой:

— А вот у нас в детском доме осенью... Ну вообще... в это время много именинников. И тогда тоже пироги пекут и всем подарки делают. А наша тетя Аня всегда знает, что кому хочется. И как это она всегда знает?

— Вот правда, как она знает? — удивляются подруги.

— А мой папа, наверно, на войну ушел, а мама одна осталась,— говорит вдруг Нюра.

— Конечно, все папы сейчас на войне! Разве кто-нибудь будет сидеть дома!.. Может, даже моя мама пошла! — с гордостью говорит Лида.

Нюра придвигается ближе к подругам и шепчет, зажимая ладонью рот:

— А фашистам вчера опять жару дали! Целый эшелон взорвался на Жуковке. Помните, ночью грохот был? Это партизаны взорвали! Мне Маруська сказала.

— Да что ты!

Девочки молча переглядываются.

— Фашисты всех вешают да убивают, а их никто не боится,— презрительно говорит Валя.

— Наши ребята их тоже нисколечко не боятся! Мне Коля Одинцов говорил, что они с Трубачевым даже ни капельки не струсили, когда на дороге бой начался,— зашептала опять Нюра.— Наши ребята могли бы их сами побить, если бы у них ружья были!

— Очень просто! Мы бы всем отрядом как двинули на них! — разгорелась Лида.

— Глупости это,— хмурится Валя.— Зря болтаете только...

Она обрывает с ромашки белые лепестки и гадает вслух:

— Будем в школе — не будем в школе, будем — не будем...

Девочки внимательно смотрят, как падают на ее колени лепестки.

Солнце начинает сильно припекать. Коровы перестают жевать траву и утыкаются мордами в кусты. Полдень.

Из леса доносится хруст валежника и шорох листьев. Девочки вскакивают:

— Тетя Оксана!

Лида радостно бежит навстречу. Нюра сгоняет застоявшихся коров. Оксана не спеша выходит из-за кустов и, потряхивая подойником, улыбается:

— Что, доченьки, заждались меня?

— Нет, нет! Что вы, тетя Оксана! Мы хоть целый день ждали бы!

Тетя Оксана — близкий и родной человек. Девочки уже давно знают, что она сестра их учителя. У нее такие же глаза, как у Сергея Николаевича, такие же скупые, неторопливые движения и ласковая улыбка. И, пока Оксана доит коров, девочки, присев на корточки, торопливо рассказывают ей все новости.

Оксана слушает, кивает головой. Молоко длинными белыми струйками стекает в подойник.

— Не приходил больше командир ваш, золотистый-золотой? — с улыбкой спрашивает Оксана.

— Трубачев? Нет, не приходил. Но он обязательно, обязательно придет! Он никогда нас не оставит, ведь мы из его отряда!

Иногда, прощаясь, Оксана тихо говорит:

— Скажите Ульяне — ночью приду.

Девочки радуются и, притаившись, долго не спят в эту ночь. Ждут...

Стук у Оксаны тихий, неторопливый, как дождь по стеклу. И сама Оксана спокойная, неторопливая. Войдет в хату, присядет к столу, пошепчется с Миронихой, вытащит из-за пазухи какие-то бумажки, разложит их перед собой. Мирониха поднимет на припечке под золой крипич, подаст ей круглую печатку.

Оксана подует на печатку, приложит ее к каждой бумажке, поглядит на свет... Закончив свои дела с Миронихой, она заплетет на ночь свои гладкие волосы, неторопливо сбросит кофту, останется в широкой деревенской юбке и, задув коптилку, большая, теплая и уютная, ляжет на подстилку из сена, рядом с девочками. В сумраке мягкие руки ее с материнской лаской обнимут всех троих сразу. Девочки радостно и благодарно прижмутся к ней во сне. От волос и от рук Оксаны пахнет свежей хвоей, лесными орехами.

— А и славно ж в лесу, доченьки! Месяц все кусточки раздвигает... роса землю моет,— зевая, скажет Оксана.

И слышится в ее голосе такой глубокий покой, будто нет и не было вокруг страшного врага, а шла она и любовалась светлой ночью в лесу.

А утром Оксана уже расхаживает по селу. Деловито, по-хозяйски оглядывает она поломанные плетни, смятые огороды. Заходит в хаты, останавливается на улице с бабами, а на гитлеровцев даже не глядит, словно не замечает, что они толкутся по всему селу.

Один раз высокий эсэсовец с перевязанной головой и мутно-зелеными глазами, подозрительно глядевший из-под белой повязки, злобным окриком остановил Оксану. Она медленно повернулась к нему, поглядела спокойно и строго в его глаза.

— До хаты! До хаты! Вэг! — размахивая автоматом, закричал эсэсовец, принимая Оксану за местную колхозницу. Ударить ее он почему-то не решился.— Вэг! Твоя хата где есть?

— Все мои — твоих нету! — презрительно улыбнулась Оксана, заходя в первый попавшийся двор.

Эсэсовец поглядел ей вслед и ушел. Спокойствие Оксаны спасало ее от фашистов.

Много таинственных дел переделает за день Оксана, а к вечеру, приласкав девочек, уйдет, сказав свое обычное:

— Пойду пока...

Сейчас, подоив коров, Оксана аккуратно обвязывает полотенцем ведро и долго стоит с девочками.

— Найдем, где учиться. Без учебы не будете,— твердо говорит она.— Фашисты тут не хозяева. Хозяева — мы!

— Хозяева — мы! — гордо повторяют девочки, глядя ей вслед.

ГЛАВА 45

БУДЕМ В ШКОЛЕ!

Как-то утром в село Макаровку пришла дорогая гостья — учительница из Ярыжек. Пришла она в украинской вышитой рубашке и синей юбке, отороченной белой тесьмой. Под платком были сложены веночком косы, как носят украинские девчата. Мирониха узнала Марину Ивановну, обрадовалась и испугалась:

— Голубка моя, чего ж вы пришли? Вас же все село знает!

Учительница скинула платок, улыбнулась. На щеке ее, около уха, темнело родимое пятнышко.

— Ай, ай, ай! Вы ж приметная, вас люди на всех собраниях видели, комсомольскую бригаду вашу помнят. Упаси бог, выдаст кто... Лучше бы кто другой пришел,— прикрывая дверь, зашептала Мирониха.

— Некому больше... А время не ждет,— кратко объяснила учительница.— В Ярыжки мне нельзя — это верно: там нас с Коноплянко по всем дворам ищут.

Валя, войдя со двора в хату, ахнула, покраснела от волнения и, встретившись взглядом с серыми лучистыми глазами гостьи, радостно бросилась к ней:

— Вы... вы учительница из Ярыжек?

Марина Ивановна, ласково смеясь, шепнула ей на ухо:

— Я из Ярыжек. Но этого никто не должен знать. Меня зовут Ганна. Я вместо тети Оксаны пришла.

Валя сложила на груди руки.

— А я думала... Мы так хотим учиться! — горячо сказала она.— Уже сентябрь скоро!

Марина Ивановна притянула к себе девочку и тихонько сказала:

— Сейчас это очень трудно, но я поговорю об этом с кем нужно. Может быть, нам удастся что-нибудь придумать... Я приду к вам первого сентября. А пока давай запишем всех ребят в Макаровке. Ты будешь моей помощницей, хорошо?

Когда пришли Нюра и Лида, Марина Ивановна сидела за столом и вместе с Валей составляла список всех ребят школьного возраста в селе Макаровке.

— Вот, Валечка, тебе список. Завтра же обойди все семьи и запиши ребят, которые будут учиться,— говорила учительница.

Лида и Нюра от неожиданности не могли вымолвить ни слова.

— Марина Иван... тетя Ганна, вот еще наши девочки! Они отличницы, они будут хорошо учиться! А Зорина звеньевая! — радостно представила их учительнице Валя.

— Вот и хорошо! Значит, все на местах,— пошутила учительница.

— Вы будете нас учить? — не веря своим ушам, спросила Нюра.

— У нас будут звенья? И пионерские отряды? И сборы? Как раньше? — спрашивала Лида Зорина.

— Все, все будет! Конечно, это не так скоро — мы должны быть очень осторожными.

Марина Ивановна долго говорила с девочками, потом вынула из сумки пачку тетрадок и дала их Вале:

— Вот раздай тем ребятам, которые будут учиться в школе. Пусть напишут свое имя, фамилию. А я приду еще — тогда поговорим.

Валя осторожно взяла в руки тетрадки. Пальцы ее нежно коснулись знакомых чистых страниц.

Подруги окружили Валю, трогали синие обложки, считали листочки:

— Такие же, как в Москве! Лида! Такие же! Смотрите!

— Возьмите и себе по тетрадке. Потом я принесу еще,— пообещала учительница.

Маруське, Миронихиной дочке, тоже дали тетрадку.

Девочки сейчас же сели за стол надписывать свои фамилии.

— Школа будет! Школа будет! — ликовали они.

Марина Ивановна отошла с Миронихой и долго о чем-то шепталась с ней. Учительница говорила решительно и твердо. Мирониха в чем-то сомневалась, качала головой; один раз даже быстрая слеза пробежала по ее щеке, подбородок дрогнул.

— ...Жизнь свою вы для людей не жалеете! Лютуют у нас эсэсовцы. Сохрани бог, предатель какой найдется,— люди вас в лицо знают. Опасно вам...

— Каждому опасно,— просто отвечала Марина Ивановна,— не я одна...

Они говорили долго. Потом учительница достала из коричневой сумочки бумажку — на ней крупными печатными буквами значилось: «Ганна Васильевна Федоренко».

Мирониха со вздохом подняла на припечке кирпич, вынула круглую печатку, приложила ее к бумажке и тяжело вздохнула:

— Значит, за дочку кулака Федоренко себя выдавать будете? Людей-то наших знаете?.. На полицая не наскочили бы...— Мирониха что-то быстро зашептала, указывая в окно на бывшее помещение клуба, чуть видневшееся из-за деревьев.— Краем села идите. Опасное у вас дело... С детьми-то хоть бы не связывались пока...

Марина Ивановна грустно улыбнулась:

— Вот выполню задание и приду. Учиться они хотят, а я учительница. Как же мне не думать о детях! И если нас окружают враги, то я должна быть с детьми, чтобы воспитывать в них наше, советское, не давать врагу ломать их души.

Учительница вытащила из узелка синий жакетик, потуже завязала платок, низко надвинув его на черные брови, и, ласково кивнув девочкам, пошла к двери.

На пороге она оглянулась. Мирониха, опустив руки, смотрела ей вслед.

Валя догнала Марину Ивановну в сенях.

— Я вам всегда, всегда буду помогать! Мы все трое будем вам помогать! — горячо зашептала она.

Учительница взяла ее маленькую руку:

— Спасибо тебе, девочка. Мы всегда будем вместе!

Валя вернулась счастливая. Пересчитала тетрадки, сложила их стопкой. Снова пересчитала, снова сложила.

— Девочки, поймите! Учительница у нас! Учительница!

Девочки со смехом бросились тормошить ее:

— Валька, мы просто какие-то именинницы сегодня! Правда?

— Именинницы! Именинницы! — запрыгал Павлик.

Маруська озабоченно поглядела на мать. Мирониха стояла, подперев рукой щеку, и с грустной улыбкой смотрела на девочек.

— А ты чего? — по-отцовски усмехнувшись, спросила Маруська у матери.

— Так, доню,— уклончиво ответила та.

Девочки на минутку примолкли, но, не в силах удержать свою радость, снова заговорили, перебивая друг друга:

— Ребята наши придут, а мы учимся! Вот они удивятся!

— А может, и они сюда придут жить? Может, их дядя Степан у кого-нибудь поселит... ну, хоть пока, для учебы? Вот бы хорошо было!

— Конечно, мы не должны разлучаться, мы должны быть вместе,— серьезно сказала Валя и, подумав, добавила: — Я потом попрошу об этом нашу учительницу.

Девочки долго шептались в эту ночь.

Мирониха тоже не спала. Глядя в белый потрескавшийся потолок давно не беленной хаты, она сидела на кровати, крепко сжав обе ладони и к чему-то тревожно прислушиваясь. Перед ней стояло молодое лицо с темной родинкой на щеке и лучистыми серыми глазами.

«Молодая дивчина... Не побоялась. В самое логово пошла... Комсомолка... Сохрани ее боже!»

На рассвете село дрогнуло от взрыва. Черный, густой дым расползался по хатам. Клуб, где стояли эсэсовцы, запылал, как огромный костер.

Мирониха вскочила, прикрикнула на испуганных ребят, бросилась в сени. На улице метались эсэсовцы — шумело потревоженное осиное гнездо.

Глава 46

В ТУ СТРАШНУЮ НОЧЬ

Зарево пожара осталось далеко позади. Ребята в густой тьме шли по берегу. После яркого света вода в реке казалась черной; глаза с трудом различали кусты и деревья.

Бобик лизал сухим, шершавым языком Трубачеву лицо и руки. Васек машинально гладил его.

Ребята молчали. Несчастье, обрушившееся на них, было так неожиданно и так страшно, что даже слово, сказанное шепотом, заставляло их вздрагивать и оглядываться. Казалось, за каждым кустом притаился враг и вот-вот бросится за ними в погоню. У всех была одна надежда — что на мельнице есть свои люди. Может быть, они помогут найти Митю. А Митя возьмет их всех в свой отряд. И тогда они еще покажут фашистам! Они будут выслеживать их всюду и мстить за смерть Матвеича и дедушки Николая Григорьевича. И за деда Михайла отомстят! Пусть только фашисты посмеют что-нибудь сделать старику! А где Генка? Бедный Генка... Вдруг он тоже попался вместе с дедом?

«Где Генка?» — подумал Васек, с тоской ощущая свое бессилие и утешая себя тем, что, найдя своих людей, он посоветуется с ними, как найти Генку и вообще как быть дальше. Скорей бы мельница.

Васек нетерпеливо вглядывался в темноту. Останавливался, прислушивался... и снова шел, осторожно раздвигая кусты. Росистая трава хлестала ребят по ногам. Ноги были мокрые, по спине пробегала дрожь. Позади Трубачева, согнувшись, как старичок, шел Сева. Васек обернулся к нему, с тревогой ощупал мокрые Севины плечи. Сева поднял белое в темноте лицо, тихо пошевелил губами:

— Ни-че-го...

Вдали показалось село.

— Там тоже что-то горит,— прошептал Мазин.

Ребята, затаив дыхание и низко пригнувшись к земле, прошли берегом мимо села. На реке неожиданно вырос силуэт мельницы.

Выбрав мелкое место, ребята сбросили тапки и, засучив штаны, перешли на другой берег. Васек передал Саше Бобика:

— Мы с Мазиным пойдем узнаем, а вы сидите тут... Мы скоро.

Ребята со страхом и надеждой смотрели им вслед. Страшная мельница! Темная, обвалившаяся, с выбитыми стеклами и заколоченной дверью. Из воды торчит обросшее мохом колесо. Но мельница кажется ребятам жилым домом: черное небо над головой гораздо хуже позеленевшей мельничной крыши.

— Скорее приходите! — догоняет Мазина и Трубачева шепот Петьки.

Мальчики осторожно обходят мельницу со всех сторон, прислушиваются к каждому шороху, подходят к черному отверстию. Все тихо... Мазин протискивается внутрь мельницы и тянет за руку Трубачева. В темноте они нащупывают шаткие перила лесенки, ведущей на чердак.

— А вдруг нас примут за фашистов и выстрелят? — приходит в голову Ваську. Он наклоняется к уху Мазина: — Крикни филином!

— Ух, ух! — тихонько ухает Мазин, прижимаясь к стене.

На мельнице тихо. Но откуда-то из-за мельничного колеса робко, словно недоверчиво, откликается чей-то голос:

— Ух, ух!

Мальчики радостно вздрагивают.

— Свои, свои! — не выдерживая, громким шепотом говорит Васек, глядя на темный чердак.

В черную дыру со двора просовывается голова Игната.

— Кто? — испуганно спрашивает он и, не дождавшись ответа, быстро исчезает в кустах.— Тикайте, если свои! Все ушли. Тикайте! — шепчет он из темноты.

— Игнат! Игнат! — зовет Мазин.— Игнат! Это мы! Иди сюда!

Заслышав шум, оставшиеся на берегу ребята бегут на голоса. Из кустов вылезает Игнат...

* * *

На пустом чердаке мальчики, тесно сдвинувшись вокруг Игната, растерянно спрашивают его:

— И ты не знаешь, куда ушел Коноплянко? А учительница?

— В лес ушли. Не можно тут быть им. Фашисты про мельницу пронюхали. Пасеку сожгли. Матвеича убили,— шепотом рассказывает Игнат.— Я остался сторожить: вдруг кто из своих придет! А тут вы... Зачем вы сюда?

— Мы с пасеки. Нам в селе нельзя оставаться.

Игнат, присев на корточки, степенно, по-взрослому, советует:

— К людям прибивайтесь. Нельзя вам одним. Куда пойдете? На мельнице опасно...

В Ярыжках, по словам Игната, тоже свирепствуют фашисты; люди оставляют свои хаты и уходят в леса.

— Я с маткой тоже уйду. Мы километров за тридцать, в другой колхоз пойдем. Там тетка у меня есть... Вот и пойдем вместе. Зиму прокормимся, как-никак. А может, и раньше наши придут...

Ребята молча смотрят на Трубачева. Где-то там, у тетки Игната, наверное, найдется теплая постель и горячий борщ с куском хлеба. Хоть бы один раз согреться и поесть! Но Трубачев качает головой:

— Нам, Игнат, еще Генку надо найти.

— Да, да, Генку! — вспоминают сразу ребята.

Игнат удрученно разводит руками:

— Нет Генки. Может, в лес ушел, а может, где с дедом эсэсовцы заперли. Всю ночь мы с Ничипором по селу ходили, искали его. Зря и вы пойдете. Пойдем лучше до моей матери! Уйдет она сегодня... Уже все глаза проглядела — меня ждет.

— Нет. Мы еще пойдем искать Митю. И Митя нас будет искать,— твердо говорит Васек.— И девочки наши еще ничего не знают.

— Да и девочек мы не бросим,— подтверждают ребята.

Игнат слушает о девочках, о Мите и упорно твердит свое:

— Со мной идемте! Опасно вам на мельнице оставаться и в лесу одним делать нечего. Лес большой, где там Митя ваш...

Разговор скоро смолкает. Приткнувшись друг к другу, голодные и прозябшие ребята не в силах долго бороться со сном. Игнат уже говорит один. Ему никто не отвечает... Ребята спят вповалку, скорчившись на земляном полу чердака.

Серое утро смотрит в разбитое окно. Игнат будит Трубачева.

— Ухожу я,— тоскливо говорит он, поправляя на голове свою кубанку.— Идемте со мной, хлопцы! До тетки идемте!

Мазин сонно продирает глаза:

— До какой еще тетки? Чего ты пристал, чудак?

Васек сразу вспоминает Генку. Он натягивает на уши курточку, ежится, выглядывает в окно.

— Вставай, Мазин! За Генкой пойдем... Разбуди Петьку, Одинцова!..

Услышав имя Генки, Мазин поспешно вскакивает:

— Петька, вставай! Одинцов! Эй, Колька!..— Мазин будит всех ребят по очереди, обещая принести из села хлеба.— Рыбы тут наловите. Похлебку сварим... Мы за Генкой идем!

— Коля Одинцов, сторожи! — хмуро говорит Одинцову Васек.

Игнат показывает ребятам спрятанную в кустах лодку.

— Ваша еще... По реке лучше,— со вздохом говорит он Трубачеву.

Ребята молча тащат лодку к воде. Мазин берет весла.

— Спасибо тебе, Игнат! Только мы с тобой не можем идти,— говорит Васек, прощаясь с Игнатом.— У нас свои дела.

Игнат долго смотрит им вслед. Лодка медленно ползет вверх по реке.

Игнату жалко голодных и иззябших ребят.

Страшно, что попадутся они в руки врагов и пострадают вместе с дедом Михайлом. И сам он не может идти с ними: его ждет мать.

— Эх, горе! — Игнат вдруг срывается и бежит по росистому берегу. Мокрые штанины шлепают его по коленкам, кусты

бьют ветками по лицу.— Эй, эй! — машет он рукой вслед ребятам.

Лодка тяжело подплывает к берегу.

— Что тебе? — спрашивают мальчики.

— Пойдем до моей тетки, хлопцы! Ей-богу же, пойдем до тетки!

Мазин сердито отталкивается веслом. Лодка снова ползет вверх по реке. Но, пока она еще видна, Игнат стоит на берегу и, сдвинув черные брови, смотрит ей вслед.

Глава 47
СМЕРТЬ ДЕДА МИХАЙЛА

Петька прячет лодку в камышах, густо маскирует ее ветками и, сидя неподалеку в кустах, тревожно прислушивается к тому, что делается в селе. Он тянет носом смешанный с дымом воздух, смотрит в ту сторону, откуда поднимаются тонкие языки огня.

Мазин и Трубачев ушли уже давно. Петьке кажется, что прошло уже больше часа, как он остался один сторожить лодку. На самом деле Мазин и Трубачев еще только ползут огородами к селу, часто останавливаясь и тихонько советуясь между собой.

— К Ко́стичке пойдем! — шепчет товарищу Васек.

— Смотри! — толкает его в бок Мазин.

За огородами видны обуглившиеся стены Степановой хаты. Где баба Ивга? Где Макитрючка, дядя Степан? Васек крепко прижимается грудью к сухой огородной земле; сердце его бьется такими сильными толчками, что кажется, вся гряда сотрясается от его ударов.

Но Мазин ползет дальше, и Васек двигается за ним.

Из села вдруг доносится какой-то шум, злобные выкрики эсэсовцев, что-то похожее на команду, потом звон разбитого стекла и чей-то слабый стон.

Мальчики замирают на месте. Потом снова ползут. За плетнем уже виден двор Ко́стички.

— По-до-жди здесь! — поворачивая к Трубачеву бледное, напряженное лицо, шепчет Мазин.

Васек испуганно мотает головой и крепко стискивает руку товарища:

— Нет, нет... вместе!

Мазин осторожно подгрызает зубами подсолнух и, прикрывая широкой желтой шляпкой голову, выглядывает за плетень. На дворе Костички тихо и пусто. Только один немецкий солдат, спокойно посвистывая, вешает под навесом мокрую рубаху, аккуратно растягивая ее на деревянных плечиках. Мальчики растерянно пятятся назад.

— К школе! — вдруг решительно командует Трубачев.— Огородами пройдем...

Мазин качает головой и, обогнув плетень, смотрит на деревенскую улицу. С улицы снова несется грозная команда и странный шум, похожий на все разрастающийся шорох листьев, на шум двигающейся в безмолвии толпы. Гитлеровец подходит к воротам и тоже смотрит на улицу. Пользуясь этим шумом, мальчики проскальзывают в соседний огород. Отсюда уже видны ворота школы. Около них толкутся гитлеровские солдаты, стоят часовые. И отовсюду молча движется и движется народ, тесными кучками примыкая друг к другу. Идут женщины, дети, старухи. Старые деды, с трудом передвигая ноги, идут без шапок. Ветер развевает их седые, подстриженные в кружок волосы. Молодых уже давно нет в селе. Подростки жмутся к старикам... Полицаи в черных шинелях теснят народ по обеим сторонам улицы.

Мальчики удивленно смотрят на эту толпу.

— Куда это они? — шепчет Васек.

Глаза его напряженно вглядываются в лица подростков. Между ними он видит Ничипора. Может, с ним Генка?

Мазин угадывает его мысли:

— Надо затесаться туда, между хлопцами... Поискать Генку... расспросить Ничипора...

Васек кивает головой. Мазин двумя пальцами засовывает ему под тюбетейку приметный рыжий чуб.

— Пошли.

* * *

В воздухе пахнет гарью. Уходя в лес, баба Ивга и Макитрючка подожгли хату. Полицай Петро бесследно исчез. Жители, смутно догадываясь о происшедшем, молчали. Никто уже не сомневался теперь, что Степан Ильич был крепко связан с партизанами. Из уст в уста передавался слух, что дед Михайло украл в штабе какой-то ценный документ и передал его партизанам.

Всю ночь не смыкали люди глаз. В каждой хате шепотом передавали друг другу о страшных мучениях, которым подвергли деда при допросе. Утром в селе появилось объявление с приказом всем жителям под угрозой расстрела собраться на площади, чтобы присутствовать при казни пойманного «русса-партизана». Гитлеровские солдаты бегали по дворам, стучали прикладами в двери и окна.

Виселица стояла на площади. Одним концом верхней балки она упиралась в высокую сосну. Из обрубленных веток дерева медленно сочились крупные желтые капли смолы.

Имя деда Михайла стало именем героя, и люди шли на его казнь с непокрытыми головами.

Гитлеровцы, думая запугать колхозников жестокой казнью их односельчанина, невольно сами придавали ей особую торжественность.

Раздвинув народ, они выстроились шпалерами вдоль улицы.

Мальчики перебрались через плетень и незаметно затесались в толпу, разыскивая Генку. Никто не обращал на них внимания. Женщины, закрывая подолами малых детей, полными слез глазами смотрели на ворота школы. Все взгляды устремлялись туда же... Мазин дернул за рукав одного хлопчика, но тот испуганно спрятался за спиной матери.

Толпа вдруг сдвинулась, зашевелилась:

— Ведут... Ведут...

— Боже, помоги!.. Ведут...

Из ворот школы, окруженный со всех сторон рослыми эсэсовцами, показался маленький, хилый дед. Из разорванного рукава его окровавленной серой рубахи безжизненно висела

худая, костлявая рука. Лицо деда Михайла трудно было узнать: острая бородка его темным опаленным клинышком торчала вперед, один глаз запекся кровью, кожа на голове была рассечена.

Михайло вышел из ворот, споткнулся... Бабы завыли...

Михайло поднял голову и, суетливо передвигая босые синие ноги, заторопился.

Мазин и Трубачев остолбенели от ужаса. Глаза их не мигая смотрели на деда. Рука Трубачева, стиснутая рукой товарища, онемела, рыжий чуб выбился из-под тюбетейки. На лбу Мазина выступили крупные капли пота, щеки покрылись пятнами.

Дед еще раз споткнулся. Эсэсовец тряхнул его за ворот рубахи, обнажив костлявую грудь деда с синими кровоподтеками. Громкий плач вырвался из толпы.

Фашисты прикладами раздвинули людей, расчищая путь к виселице.

Онемевшие и потрясенные мальчики машинально двигались за толпой. Истошный вой провожал деда; эсэсовцы заторопились. У виселицы Михайло остановился, повернулся к людям:

— Чего плачете? Думаете — пропал дед Михайло? Ни! Я не зря пропал! Я за хорошее дело погибаю! — Голос у деда был слабый, тоненький, как у ребенка.

Эсэсовец схватил деда за плечи и толкнул его к виселице. Но дед с силой вырвался:

— Внука моего поберегите, люди добрые!

В толпе вдруг послышался шум борьбы, взметнулся вверх красный пионерский галстук, зажатый в детской руке, и мгновенно исчез, утонув в людском потоке.

— Живи, Генка! Матерь твоя — Украина! Живи, Генка!..— торжествующе кричал захлестнутый петлей дед, отбиваясь от двух солдат.

Крик его вдруг оборвался, маленькое, худое тело взметнулось вверх.

— Деда!..— пронзительно закричал в толпе надрывный голос.

Мазин и Трубачев дрогнули, очнулись и, сбивая с ног женщин и детей, бросились на этот голос. Вой толпы перешел в грозный рев. Безоружные люди с голыми руками шли на гитлеровцев, ломились к виселице. Раздались выстрелы, застрочил пулемет — в общий гул влились стоны раненых. Загороженная женщинами, Костичка силилась удержать обезумевшего Генку.

Мальчики с двух сторон подоспели к ней на помощь, схватили за руки товарища и, увлекая его за собой, бросились бежать. Сзади них строчил пулемет, рядом падали женщины, дети, старики.

У плетня, в луже крови, лежал мертвый Ничипор. Лицо его сохраняло удивленное детское выражение, длинные руки и ноги мешали бегущим...

— Ничипор! — вскрикнул Васек.

Но Мазин увлек его за собой.

За обуглившейся хатой Степана Ильича они запутались в огородной ботве и упали. Генка бился головой о землю и со стоном рыл ее ногами. Трубачев и Мазин, обессилевшие от бега, с минуту лежали без движения, не в силах прийти в себя.

Вокруг них со свистом летели пули.

Мазин поднял голову:

— Пропали!

Васек схватил Генку за плечи и с отчаянием закричал:

— Генка, Генка! Бежим! Нас убьют!

Но Генка еще крепче прижимался к земле. Мутные карие глаза его дико блуждали по сторонам, грязное от пыли лицо было залито слезами.

Мазин вскочил.

— Берись! — прошипел он пересохшим ртом Трубачеву, насильно поднимая Генку с земли.

Но земля вдруг ухнула и ушла из-под ног. Страшный взрыв потряс все село. Оба мальчика как подкошенные упали друг на друга, закрывая собой Генку.

Когда Мазин пришел в себя, Трубачев, крепко обняв за плечи Генку, указывал ему на черный дым, валивший из школы. Крыша гитлеровского штаба провалилась. Огненные языки лизали голубые стены.

Мазин поднялся на ноги:

— Бежим!

Генка больше не сопротивлялся. Мальчики, взявшись за руки, сбежали к реке. Петька встретил их громким, захлебывающимся ревом.

Генка послушно сел в лодку; глаза его не отрываясь глядели на пылающие стены голубой школы.

* * *

У мельницы встревоженные ребята бросились к товарищам.

— В лес! К Мите! — торопливо скомандовал Васек.

Собрались быстро, молча. Никто не спрашивал про деда Михайла. Со страхом и сочувствием смотрели на Генку, на его грязное, мокрое от слез лицо, на черные от земли руки, на растерянные глаза.

Мазин и Трубачев еще раз заглянули на мельницу. Под бревном, где когда-то хранился у Коноплянко приемник, Мазин нашел сухую горбушку хлеба. Петька Русаков, пошарив на окне, обнаружил коробку спичек и кусок сахару.

Трубачев тоненьким мелком написал на стене:

Уходим в лес искать Митю. Отряд Трубачева. Смерть фашистским зверям!

— Оставляйте дорожные знаки! — распорядился он.— Митя, наверное, тоже будет нас искать.

На берегу они выбрали направление. Одинцов немедленно выложил из камней знак, указывающий на то, что отряд Трубачева ушел в лес.

Узкая тропинка вывела ребят в поле, потом, покружив между молодыми соснами, свернула в густой синий бор и затерялась в нескошенной порыжевшей траве.

А за рекой, в изрешеченном пулями селе, воцарилась грозная тишина. На опустевшей площади над худеньким, вытянувшимся телом деда Михайла кричали испуганные птицы.

Глава 48
МИРОНИХА

До сих пор ребята в Макаровке смирно сидели каждый в своем закутке. Теперь часто через плетень шмыгали друг к дружке будущие школьники и школьницы. У многих девочек в косичках появились ленточки. В дверь к Миронихе то и дело просовывалась чья-нибудь голова, чтобы спросить о школе. Валя, Лида и Нюра с нетерпением ждали учительницу. Они уже обе́гали все хаты, записали всех ребят.

Одна Мирониха не принимала участия в радости детей. Прошло уже два дня с тех пор, как в ее хате побывала Марина Ивановна. Много мыслей тревожило Мирониху. В том, что учительница не пришла в ту ночь, как они уговорились, таилось для Миронихи самое страшное...

Мирониха почернела от беспокойства, цыкала на ребят, боялась уйти из хаты.

Утром чуть свет будила девочек:

— Гоните коров, девчата... Да Павлика с собой берите, пусть на травке побегает.

Валя и Лида сонно хлопали ресницами, недоумевающе смотрели на Мирониху:

— Да ведь темно еще, тетя Ульяна!

В окошко еле-еле пробивался серенький рассвет.

— Ничего, ничего, не заблудитесь! Живо мне! — сурово покрикивала она на девочек.

— Вы, мамо, с ума сошли, чи що? — лениво откликалась из-за перегородки Маруська.

— Вот я тебе покажу сейчас! Дуже умная стала! — двигая в печке горшки, кричала на Маруську мать.

Синицына, недовольно посапывая, натягивала на Павлика длинные штаны:

— А его зачем? Только руки нам свяжет? Пусть бы спал себе...

— Ну да, «спал»...— покряхтывая, отзывался Павлик, довольный, что идет с девочками.— Я еще быстрей вас за коровами могу бегать!

Выпроводив девочек, Мирониха вставала у окна и молча глядела на улицу.

На третий день к вечеру заглянула к ней соседка Агриппина и, поманив ее пальцем в сени, быстрым шепотом сообщила ей, что в ту ночь, когда загорелся клуб, учительку схватили гитлеровцы, что она сидит под замком и ни в чем не признается.

Мирониха тихо выпроводила соседку за дверь. Шатаясь, вошла в хату и два часа пролежала как мертвая, отвернувшись лицом к стене.

Девочки шепотом говорили о школе, об учительнице, которая, наверно, пошла за учебниками и теперь уже обязательно придет завтра. Валя опять складывала и рассматривала тетради, по тому, как были подписаны фамилии на обложках, заранее определяла плохих и хороших учеников. Лида и Нюра вспоминали, с чего начинало свою работу в школе их звено. Они боялись осрамиться перед новой учительницей.

Ночью Мирониха встала, вынула из-под кирпича круглую печатку вместе с какими-то бумагами, свернула в узелок платье учительницы и зарыла все это на своем огороде, тщательно прикрыв ботвой. Потом, едва дождавшись рассвета, снова выпроводила девочек из дому.

«Нехай там сидят, меньше знать будут»,— тревожно подумала она про себя.

Маруська острыми серыми глазами исподтишка наблюдала за матерью. Когда девочки ушли, она вылезла из постели и, натягивая на колени рубашонку, уселась за столом.

— Ты чего? — спросила ее мать.

— А ты чего? — уставилась на нее Маруська.

Ульяна подошла, прижала к себе спутанную светлую голову Маруськи и заплакала:

— Тяжко мне, доню!

Маруська шмыгнула носом, усмехнулась ласковой отцовской усмешкой:

— Скоро наш батько фашистов побьет! Начисто всех выбьет! И нас к себе заберет! Цыть, мамо...

Мирониха молча улыбнулась сквозь слезы.

— Красная Армия вернется! — уверенно сказала Маруська и погладила мать по спине.— Цыть, мамо...

Они долго сидели у стола.

— Если что, так ты за меня не цепляйся, доню. Детей малых не кидай, до батька их предоставь. Люди помогут тебе,— говорила Мирониха.— Все мы под смертью живем сейчас...

Глава 49

«ЭТО МОЯ УЧИТЕЛЬНИЦА!..»

Коровы, недовольно мыча, выходили навстречу девочкам.

— Что это ни свет ни заря вы нынче? — испуганно спрашивали колхозницы, осторожно открывая ворота и оглядывая темную улицу.

— Велели нам!

Валя шла сзади. Лиловая, выгоревшая от солнца кофта Миронихи закрывала ее до колен. Светлые косы, заткнутые концами за ременный поясок, змейками лежали на груди. Из длинного рукава выглядывала синяя трубка тетрадок. Валя всюду носила их с собой, чтобы младшие дети Миронихи случайно не подобрались к ним и не растрепали чистенькие страницы. Размахивая рукавами и подгоняя коров, девочка отстала от подруг и, тихо мечтая, про себя высчитывала по пальцам дни, оставшиеся до сентября.

Над дорогой шелестели пожелтевшие листья берез, из-за плетней выглядывали красные и бурые кусты; груши-дички валялись на земле; яблони с поломанными ветками кое-где на самом верху хранили для хозяев одно-два яблока.

«Если не считать воскресенья, то осталось пять дней... Всего пять дней!» — считала Валя.

Перед ее глазами вставало лицо учительницы.

«И как это тогда, у костра, я даже не подумала, что она будет нашей учительницей? Как это я не подумала?»

Несколько коров отстают от стада и мирно щиплют траву под плетнем.

Валя взмахивает длинными рукавами:

— А ну! А ну! Куда!

Мелкие комочки земли щекочут босые ноги. Валя трет ногу об ногу; подпрыгивая, бежит вперед. Потом снова замедляет шаг и, улыбаясь, смотрит на серое небо.

«Она сказала: «Мы всегда будем вместе, ты будешь моей помощницей...»

Нюра и Лида машут Вале рукой. Павлик, упрямясь, как молодой бычок, стал на дороге.

— Вот я тебя! — грозит ему Валя.— Маме скажу!

Павлик называет Мирониху мамой, он любит и слушается ее. Слушается и Валю. А Нюру не слушается: Нюра его очень избаловала.

— Иди сейчас же! А то домой отведу! — кричит на него Валя.

Павлик нехотя протягивает Нюре руку и плетется за ней по дороге.

«И зачем это тетя Ульяна посылает его с нами?» — с досадой думает Валя. Но мысли эти ненужные, короткие. Думать сейчас хочется о школе. Все на свете девочки и мальчики думают сейчас о школе. Даже облачное небо, и красно-бурые кусты, и осеннее солнце — все напоминает о школе, приближаясь к сентябрю.

Валя напевает песенку и, подпрыгивая, бежит догонять подруг. Сейчас за селом начнется лес, а за лесом — их поляна и большой пень.

Может, сегодня наконец придет тетя Оксана? Давно не было тети Оксаны. Приходила другая женщина, унесла молоко, ничего не сказала...

— Валю! Валю! — дрожащим шепотом зовет кто-то из кустов.

Валя смотрит вокруг. У последней, крайней хаты, прижавшись к плетню, стоит хроменькая Фенька. Валя знает ее — она тоже записалась к новой учительнице.

— Валю! Валю! — всхлипывая, зовет Фенька. Маленькие руки ее мелко-мелко дрожат, перебирая подол ситцевого платья.

— Ты что, Фенечка? Феня?

— Валю... Учительку... фашисты... за́раз...

Валя трясет Феньку за плечо, смотрит на нее остановившимися глазами.

— ...стрелять повели,— всхлипывая, говорит Фенька и взмахивает слабой, дрожащей рукой.— В овраг...

Валя отпускает Фенькино плечо. Потемневшими глазами глядит на узкую тропинку, спускающуюся в овраг. И, вскрикнув, стремглав летит вниз по этой тропинке. На крутом спуске ноги ее скользят, ветки хлещут по лицу, но, раскрыв широко руки, она летит, как по воздуху.

Впереди, за кустами орешника, уже мелькают гитлеровские каски и между ними знакомый синий жакетик учительницы.

— Не стреляйте! Не стреляйте!

Гитлеровцы медленно поворачивают головы, учительница вздрагивает. Изо рта ее на расстегнутую сорочку сбегает струйка крови, прядь волос падает на лоб.

Валя бросается к ней на грудь.

— Это моя учительница! Это моя учительница! — кричит она, загораживая ее слабыми детскими руками.— Не стреляйте! Не стреляйте!

— Валя, уйди! Уйди! — отталкивает ее от себя Марина Ивановна.

Солдаты отходят на три шага и поднимают винтовки.

— Остановитесь! Здесь ребенок! — закрывая собой девочку, кричит учительница.

Залп выстрелов обрывает ее слова... Синяя трубка новых тетрадок вместе с длинными рукавами Миронихиной кофты медленно опускается на траву. Валя широко раскрывает глаза и со вздохом откидывает голову на грудь учительницы...

* * *

— Валечка!.. Валя!.. Подружка моя! — бьется в траве Нюра Синицына.

Лида Зорина прижимает к лицу холодные руки Вали, греет их горячим дыханием, низко наклоняется над Мариной Ивановной.

— За доктором... за доктором!..— растерянно бормочет она, глядя вокруг ничего не понимающими круглыми глазами.

Хроменькая Фенька, плача, опускается на землю.

Они лежат рядом — Валя и ее учительница. Рука Марины Ивановны, пробитая фашистскими пулями, закрывает грудь девочки.

— Валечка!.. Валя!.. Подружка моя! — рвется из оврага крик Нюры Синицыной.

Глава 50

ПАРТИЗАНСКИЕ КОСТРЫ

На много километров тянется вдоль шоссе густой смешанный лес. Он стоит грозной стеной, пряча от непрошеных гостей глухие, путаные тропы. На низких, сырых местах, припав к земле разлапистыми ветвями, растут старые, мохнатые ели, в мшистой почве легко утопает нога. За столетними деревьями чернеют глубокие лесные овраги. Заросшие орешником, густо заплетенные зелеными ветками, они таят от чужого человека свою темную глубину.

«Свой? Чужой? Свой? Чужой?» — неутомимо вопрошают какие-то птицы.

Глух и страшен лес для врага.

Проезжают по шоссе вражеские автомашины; трусливо вглядываются в темную чащу солдаты и офицеры, не выпуская из рук оружия; усиленный конвой охраняет легковые машины фашистских генералов.

Лес не щадит врага. Неохотно впускает он его в свои дебри, наглухо смыкает за ним тяжелые ветви, заводит в лесные овраги, топит в болотах.

Ни один карательный отряд, посланный на партизан, не вернулся назад из лесной крепости.

«Свой? Чужой? Свой? Чужой?» — вопрошают птицы.

В темной глубине леса хозяйничают партизаны.

Над кострами поднимается серый дымок, весело трещат сучья, жарко охватывает огонь привешенные на железке сол-

датские котелки; теплый запах человеческого жилья смешивается с запахами леса.

Около покрытых дерном, наспех сделанных землянок собираются кучками партизаны. Много разных людей в лесу!

Молодые, безусые хлопцы и седые бородачи пришли сюда из занятых фашистами сел и хуторов; есть и военные — отбившиеся от своих частей, вырвавшиеся из окружения красноармейцы в потертых, грязных шинелях. Темные, облупившиеся от дождя и ветра лица суровы, редкие улыбки разгоняют морщины бородачей; молодые хлопцы с озорными огоньками в глазах, бесстрашные в бою и жадные к жизни, запевают песни, сложенные про партизан:

Як у лиси, темним лиси
Дивчина ходыла.
Ой вы, хлопци-партизаны,
Наша грозна сыла!
Вызволяйте из неволи
Ридну Украину,
Нашу землю, нашу долю
И мене, дивчину...

Яков Пряник, придвинувшись ближе к огоньку, чинит седло и думает вслух:

— Если, скажем, назвать человека скотиной? Ну, ясно, обидно ему покажется. А вот, к примеру, Гнедка нашего вполне к человеку приравнять можно...

— Тьфу! — сплевывает в огонь Илья.— И чего у тебя, Яшка, всегда посторонние мысли в голове?

— Как это — посторонние? — удивляется Яков, поднимая красные от жары веки.— Это твоей голове они посторонние, потому как у тебя простора там мало, а в моей голове всему места хватит!

— О другом думать надо,— хмуро цедит Илья, свертывая цигарку и указывая на зеленую брезентовую палатку.— Важные вопросы решаются, а ты языком треплешь...

— Эй, дядя Яков! Помнишь, орел, как ты фашистов малиной угощал? — шумно присаживаются к костру хлопцы.

— Он угостит, пожалуй! — кивает на Пряника добродушный старик, приглаживая курчавые волосы.

— А чего же? И малинкой и ежевичкой угощу! — подмаргивает Яков.— Лес большой. Чем богаты — тем и рады. Русский человек гостеприимство любит!

Глаза у хлопцев загораются весельем.

— Пока он малиной угощал, мы другое угощение для фашистов состряпали: взрывчатку под рельсы подложили.

— Одних угощал, а другие подавились,— говорит Яков.

Хлопцы смеются.

Из палатки выходит Степан Ильич. Он держит в руке длинный белый листок. Смех моментально смолкает.

— Сюда, сюда, Степан Ильич!

— Вот местечко, пожалуйста!

— Эй, бойцы! Сводка пришла! Свод-ка!

У костра становится тесно, из землянок торопливо выходят бойцы. Степан Ильич усаживается на траву:

— Сейчас, сейчас, товарищи!

Упершись ладонями в колени и глядя на Степана Ильича, партизаны настороженно ждут. Слышно только глубокое, сдерживаемое дыхание людей.

— Сними, сними котелок! Булькает! —толкает Якова Илья.

Кто-то поспешно стаскивает с огня котелок; вода брызжет в огонь и шипит.

— Ну что вы, как дети малые! — расстроенно разводит руками старик.— В огонь воды наплескали — ничего не слышно...

— «...На Смоленском направлении,— медленно читает Степан Ильич,— двадцатишестидневные бои за город Ельня, под Смоленском, закончились разгромом дивизии «СС», 15-й пехотной дивизии, 17-й мотодивизии, 10-й танковой дивизии, 137, 178, 292, 268-й пехотных дивизий противника. Остатки дивизий противника поспешно отходят в западном направлении. Наши войска заняли город Ельня...»

— Значит, бьет наша армия его, подлюгу!

— Еще как бьет!

— И армия его бьет, и мы бьем, а ему все конца и края нет! Валит валом, да и все!

— А ты что же, сразу думал его уничтожить?

У костра завязывается жаркая беседа. Степан Ильич, окруженный со всех сторон, не успевает отвечать на вопросы.

Около палатки командира прохаживается часовой. Он нетерпеливо окликает пробегающего хлопца:

— Неси листок сюда. Чуешь? Листок, говорю, неси!

В палатке просторно. Посередине — дубовый стол, крепко вбитый ножками в землю. Мирон Дмитриевич, стоя около стола, докладывает:

— ...В настоящий момент на вооружении отряда имеется тридцать винтовок, семнадцать автоматов, два ручных пулемета. Это, Николай Михайлович, пока все, что у нас есть.

— Так, хорошо!

Николай Михайлович смотрит в свою записную книжку. Сухие, твердые губы его шевелятся, как бы что-то подсчитывая; над высоким лбом поднимается седой ежик коротко подстриженных волос, глаза быстро и внимательно взглядывают на Мирона Дмитриевича.

— Сейчас ваше хозяйство значительно расширится благодаря соединению с макаровцами. Последняя операция на Жуковке даст вам возможность одеть своих людей, а то, знаете, некоторые выглядят у вас... как бы это выразиться...— Он с веселой усмешкой смотрит на бывшего директора МТС.

— А что же я с ними сделаю, як нет возможности? Приказал бриться-мыться, чиститься — и все тут! — разводит руками Мирон Дмитриевич.

— Так вот, эта операция на Жуковке даст вам возможность одеть людей. Там есть сапоги, в большом количестве белье...

Напротив секретаря райкома, ссутулившись, сидит Коноплянко. Голова его с мягкими прядями темных волос опущена вниз. Рядом шумно двигается большой черный, как цыган, кузнец Костя. Его живые глаза жарко блестят из-под бровей. За палаткой слышится легкий шум и сердитый голос:

— А я говорю — нельзя! Комсомолец, а не понимаешь!

За столом все пятеро склоняются над картой. Мирон Дмитриевич обтачивает ножом тоненькую палочку.

— Я выбрал для соединения с макаровцами Лукинский лес,— как бы продолжая начатый разговор, указывает он на карту.— Пожалуйста, смотрите сюда. Вот тут, вправо от этого леса, находится село Лукинки... Я уже связался с тамошними людьми. Люди это верные, обещают оказать поддержку продовольствием... Дальше...

Николай Михайлович берет у него из рук палочку:

— Позвольте, Мирон Дмитриевич. Сейчас разберемся. Тут неподалеку проходит линия фронта...

За палаткой снова приглушенные голоса. Оксана несет на коромысле выстиранное сырое белье. Несколько хлопцев отделяются от товарищей и бегут к ней навстречу:

— Давай, давай, мамаша!.. Тяжело ведь. Гнать твоего помощника надо — чего он тебя нагрузил?.. Эй ты, прачка! Тебе что поручено?

Курносый хлопец с голыми красными руками смущенно подтягивает штаны:

— Я им казав, а воны не слухають. Коромысло на плечи, та и ходу!

— Ладно вам спор заводить! Не старуха я, чтобы на печи сидеть. Развешивайте белье да несите мне сухое: кое-что подлатать надо. У тебя, Сеня, иголка моя?

— Есть, есть!

Курносый Сеня вытаскивает из кармана свернутый в трубочку лопух. Из лопуха торчит иголка.

— Глупый ты хлопец! Кто ж в кармане иголку носит?

Только вчера Оксана стояла над свежей могилой отца и Матвеича. Партизаны несли почетный караул. Давали клятву отомстить за погибших товарищей. Склонившись над свежей насыпью, Оксана видела себя босоногой девчонкой, прильнувшей к плечу отца... «Ну що до батька прилипла, хиба дядько Иван хуже?» — шутил Матвеич, дергая ее за короткие светлые косички.

Возникали в памяти Оксаны совсем недавние картины. Вот она прибирает хату Матвеича и бранит его за беспорядок, а он, большой, неуклюжий, ходит за ней на цыпочках и говорит тихим, виноватым голосом: «Ну, дывлюсь я, откуда той беспоря-

док является? Может, как хозяева с хаты, так вещи друг до друга бегать начинают, а? Побалакать, або що... А как хозяин скоро вернется, то и не поспеют на свои места стать».— «Поспеют, если хозяин хороший. Не придумывайте свои сказки, диду, да не кладите сапоги под подушку — им там не место».

Оксана трогает землю. Ничего больше не будет. Все тут, под бугорком сырой земли... Тяжелые, медленные слезы ползут по ее щекам...

«Где бы ни был я, дочка, а к тебе приду и умирать буду на твоих руках»,— писал отец. Оксана смотрит на свои большие руки. Нет, не пришлось им прижать к груди седую голову отца, не пришлось отдать ему в последний раз все тепло, всю ласку заботливых дочерних рук!

Долго сидела Оксана над могилой. Давно разошлись партизаны, тихо было в лагере... Но вот шевельнулась ветка, зашуршал под осторожными шагами валежник, мелькнула в темноте одна, другая пара глаз... Оксана вспомнила, что не одному отцу и Матвеичу она была нужна. Много еще места для своих людей в ее большом материнском сердце!

Она встала, вытерла насухо слезы и, поклонившись, сказала свое обычное:

— Пойду пока...

В отряде Оксана познакомилась с Митей. Рассказала ему, что девочки живут у Миронихи, что она часто видела их, приходя на поляну, где они пасли коров. Митя ходил счастливый и все расспрашивал Оксану, как они живут, что делают, здоровы ли.

— Я их обязательно повидаю! Какая тяжесть у меня с души спала, Оксана Николаевна, вы и представить себе не можете!

Весть о смерти Матвеича и Николая Григорьевича потрясла Митю. Он знал, что ребята в ту ночь пошли на пасеку, и больше о них никто ничего не слышал. Митя не находил себе места.

— Если б Мирон Дмитриевич отпустил меня,— говорил он Оксане,— я б их нашел. Я все кругом обыщу!

Оксана обещала попросить Мирона Дмитриевича. Вспоминая Васька, она улыбалась и задумчиво говорила:

— Помню я его. Сердцем помню. Других-то меньше знаю, а его помню...

Смерть Вали была новым ударом для Мити. Оксана тоже знала и любила Валю, но, глядя на серое и осунувшееся лицо Мити, строго говорила:

— Распрямись, голубенок мой! А то насядет горе, и не сбросишь его никак. Подыми голову, Митя! Не поддавайся, голубчик!

Теперь Митя нетерпеливо ждал конца совещания. Мирон Дмитриевич обещал ему поговорить с Николаем Михайловичем и решить вопрос, как искать ребят.

Время тянулось мучительно долго. Митя пробовал пройти в палатку, но часовой сердито загораживал ему вход:

— Ты ж комсомолец, а не сознаешь. Приезжий человек тут присутствует, понятно это тебе?

В палатке решались важные дела.

— ...Фашисты не должны догадаться, что отряд ушел из этих мест. Нужно время от времени давать им о себе знать и здесь. Кого вы оставите для этой цели, Мирон Дмитриевич?

— Люди у меня уже намечены. Человек двадцать я оставлю здесь с Костей.

Костя, неловко улыбаясь, встал.

— Я им покою не дам! — усмехнувшись, пообещал он.

Николай Михайлович внимательно посмотрел на Костю и улыбнулся. От улыбки глаза его сразу потемнели.

— Я помню вас, товарищи. Мы встречались на пасеке у Ивана Матвеича.

— Встречались,— со смущенной улыбкой ответил Костя.— Мы с Митей Бурцевым приходили, с комсомольцем.

— Помню, помню! — кивнул головой Николай Михайлович и обернулся к Мирону Дмитриевичу: — Еще кого вы решили оставить? Для связи с окрестными селами?

— Я думаю — Степана Ильича. Лучшего человека не найти.

— Правильно. А где находится семья Степана Ильича?

— Семья у него на хуторе. Жена с сынишкой еще раньше

к своей матери ушла, в Горлинку, а мать его была здесь, но вчера я ее тоже туда отправил.

Николай Михайлович кивнул головой и сморщил лоб:

— А эта, другая женщина...

— Макитрючка? — подсказал ему Мирон Дмитриевич.— Эта у меня. Разведчица. Во всех операциях участвует. Боевая!

В палатку вошел Степан Ильич и грузно опустился на табуретку:

— Там Бурцев ждет не дождется.

— Да, Митя Бурцев! Вы мне что-то хотели о нем рассказать?

Степан Ильич, сжав свои большие ладони, придвинулся к столу:

— Тут, Николай Михайлович, такая история с московскими пионерами...

Мирон Дмитриевич затушил в пальцах горячий окурок и подсел поближе:

— Да-да, это дело спешное!

Николай Михайлович внимательно выслушал короткую историю Трубачева и его товарищей. Резкая складка легла на его лоб.

— Почему не вывезли своевременно? — отрывисто спросил он.

Степан Ильич начал объяснять.

— Позвольте... Трубачев? Что-то я слышал о нем от Ивана Матвеича.— Николай Михайлович провел рукой по волосам, нахмурился.— Это не тот рыженький мальчик, который кричал иволгой на пасеке, то есть сторожил нас? — спросил он вдруг с веселой усмешкой.

— Он, он! — обрадовался Степан Ильич.

— Вспоминаю. Я его однажды встретил в селе.

Перед глазами Николая Михайловича встали длинная улица, плетень и вспыхнувший до ушей мальчик, уступающий ему дорогу...

— Ну что ж! Надо немедленно что-то предпринять. Где Бурцев? Попросите его сюда!

Степан Ильич заторопился к выходу. Николай Михайлович повернулся к Мирону Дмитриевичу:

— В Макаровке остались девочки. Где они там живут? Кто о них заботится?

— Они живут у моей жинки, как родные. Там и мои ребята, конечно.

— А-а, у Ульяны Леонтьевны? — Николай Михайлович покачал головой.— Вашу семью нужно перевести в другое село.

Мирон Дмитриевич постучал по столу пальцами, нахмурился:

— Куда я их переведу?

— Это мы сейчас решим.— Николай Михайлович снова заглянул в свою записную книжку.— Переведите в Семеновку. Там наши люди. Село стоит в стороне. Фашистов там нет, да и вряд ли они туда заявятся.

Мирон Дмитриевич развел руками.

— Сделайте это немедленно! Я приказываю...— сухо повторил Николай Михайлович.— Оставлять их в Макаровке нельзя, да и не к чему — это опасно.

В палатку вошел Степан Ильич. За ним протиснулся Митя.

— Бурцев,— сказал Мирон Дмитриевич.

Митя вытянулся, козырнул.

— Есть Бурцев!

Степан Ильич ободряюще кивнул ему головой. Коноплянко поднял глаза и снова опустил их.

— Ну вот. Я все слышал, Бурцев,— сказал Николай Михайлович.— Мы с Мироном Дмитричем договорились. Командируем тебя на поиски твоих пионеров. Возьми верного человека и отправляйся. Доставишь их в отряд, а там мы постараемся их переправить через фронт. Понял?

— Спасибо,— дрогнувшим голосом сказал Митя.— Можно идти?

— Подожди. А с девочками как решим?

— В Макаровке только две девочки, я заберу их...

Николай Михайлович посмотрел на измученное лицо Мити,

на мальчишескую шею, выступающую из выцветшей гимнастерки, и улыбнулся:

— Ну, тебе виднее. Бери их всех. Мирон Дмитрич как-нибудь переправит. Ступай.

Митя вышел.

— Золотой хлопец! Нужный в отряде человек,— сказал Мирон Дмитриевич.

Николай Михайлович поглядел на ссутулившегося в углу Коноплянко.

— Товарищ Коноплянко! — мягко окликнул он.— Мы хотим дать вам ответственное задание.

Коноплянко вскочил. На щеках его вспыхнули красные пятна.

— Я прошу послать меня в самое жаркое дело! — Голубые запавшие глаза его заблестели.

Николай Михайлович молча указал на табуретку:

— Сядьте, Коноплянко! Нам всем тяжело терять наших товарищей... Я понимаю вас...

Он положил руку на тонкие вздрагивающие пальцы Коноплянко. Степан Ильич отошел в сторону. Мирон Дмитриевич старательно собирал в кучку рассыпанный на столе табак.

— Вы поедете на Большую землю,— продолжал Николай Михайлович.— Мы дадим вам ответственное задание, о котором я с вами поговорю особо. Вы захватите с собой вот эту бумагу. Она представляет значительный интерес для нашего командования.

Николай Михайлович вынул из портфеля сложенный пополам лист и не спеша развернул его.

Коноплянко бросились в глаза немецкие слова и даты, написанные неровным, детским почерком. В углу разлилась жирная клякса, наспех подчищенная ногтем.

— За эту бумагу наш товарищ заплатил своей жизнью, Сева Малютин, школьник, который оказал нам эту неоценимую услугу, бродит где-то в лесу. Помните это, Коноплянко! — Секретарь райкома строго посмотрел в голубые глаза Коноплянко и протянул ему руку: — Приготовьтесь к отъезду. О деталях по-

говорим особо... А теперь, Мирон Дмитрич, пойдемте побеседуем с вашими людьми.

Он вышел. Коноплянко молча и благодарно смотрел ему вслед.

* * *

Через час по лесной дороге, потряхивая грибной корзинкой, шел Яков Пряник. Впереди Якова почти бежал Митя, одетый в длинное пальто с поднятым воротником и в щегольской кепке.

— Не то кулак, не то барин,— оглядывая его, смеялся Яков.

Поиски решили начать с пасеки.

— Я уже был там! — взволнованно говорил Митя.— Баба Ивга сказала, что они пошли на пасеку, но на этом все следы и кончаются.

— Где кончаются, там и начинаются. Значит, на пасеке и искать надо,— спокойно отвечал Пряник.— А главное, не спеши. Тише едешь — дальше будешь. Человек не иголка, а ребята и вовсе. Найдем!

Глава 51

КУДА ИДТИ?

Солнце стояло высоко. Прошло уже два часа с тех пор, как ребята вышли с мельницы. Шли медленно, аккуратно выкладывая на пути дорожные знаки. «Иди прямо!» — указывали стрелы.

Около шоссе долго сидели в канаве, пережидая, пока проедет немецкий обоз. Бобик рвался из рук и рычал, шерсть на нем стояла дыбом.

Снова выложили знак из камней «Иди прямо!» — и перешли шоссе.

Начался лес. Укрытые густой зеленью деревьев, ребята вздохнули свободней. Васек оглядел своих товарищей. Курточки

у них были пыльные и измятые, щеки серые. События прошлой ночи вселили в них страх и неуверенность. Они шли кучкой, пугливо оглядываясь по сторонам. На Севу было больно глядеть. Он еле тащился, тяжело дыша и прижимая к сердцу тоненькую руку.

Васек испугался:

— Сева, ты что? Заболел?

Сева поднял на него страдающие глаза и улыбнулся:

— Не-ет... Ни-чего...

— Что — ничего? Плохо ему! Я давно вижу,— расстроенным голосом сказал Саша.

— Он еще на мельнице заболел,— вздохнул Одинцов.— У него сердце бьется, наверно.

— Малютин, у тебя сердце, да?

Ребята окружили товарища, по очереди прикладывали ухо к худенькой груди Севы.

— Ой, как бьется!

— Прямо как молотом стучит!

— Сева, давай мы понесем тебя!

— Нам это ничего не стоит!

— Честное слово, Севка!

— Нам это даже практика!

Ребята гладили Севу по спине. Саша грел его холодные руки и просил:

— Мы понесем тебя, а? Согласись, Сева!

— Да нет, что вы... Я сам пойду. Это ничего, пройдет,— улыбался Сева.

— Да ведь трудно тебе идти! — беспокоились ребята.

Один Генка не принимал ни в чем участия. Пустыми глазами смотрел он вокруг, молча шел вперед, молча ждал, когда ребята выкладывали дорожные знаки. Петька озабоченно поглядывал на Генку и толкал Мазина.

— Иди ты еще! Горе у человека — и все! — огрызался Мазин.

Голод невыносимо мучил Мазина. В пустом желудке урчало, живот втянуло под ребра, во рту набегала слюна. Мазин тихонько ощупывал в кармане сухую, заплесневелую горбушку,

найденную на мельнице, ковырял ее ногтем, но не осмеливался взять хоть крошку из драгоценного запаса.

«Не мне одному есть хочется»,— оглядываясь на товарищей, думал Мазин.

Никто не жаловался, но по лицам, вытянутым и печальным, было видно, что ребята уже давно голодны.

Тоненький Коля Одинцов потуже затянул свой пояс; у Саши вытянулось лицо, и круглые глаза стали большими и грустными; Петька поминутно совался в кусты, искал в траве щавель и заячий лук. Генка молчал — никто не знал, сыт он или голоден. Бобик, свесив язык, уныло плелся за ребятами.

Васек не сдавался. Охваченный тревогой за себя и своих товарищей, он бодро шел вперед, стараясь подавить подступающую к горлу тошноту.

— Куда мы идем? Надо бы посоветоваться,— говорил Ваську Одинцов.

— Надо раньше уйти подальше в лес, сделать там привал...— отвечал Васек.— Ты знаешь эти места? — спрашивал он Генку.

Генка, не разжимая губ, кивал головой.

— А тут партизаны есть?

— Может, и есть,— равнодушно говорил Генка.

— Ты веди нас в самое глухое место, чтобы мы там могли сделать привал и, может, переночевать. Понял?

Солнце уже бродило где-то за деревьями, когда ребята, пройдя редкое полесье, вступили в темную чащу. Потянуло сыростью, под ногами стелился мох, косматые ели преграждали путь. Генка грудью продирался вперед, на ходу обламывая сухие, колючие ветки и мягко отводя рукой зеленые. Севе расчищали путь Одинцов и Саша. Где-то близко зажурчала вода. Генка остановился, прислушался и повернул влево.

— Подожди!.. Выкладывайте дорожные знаки — здесь поворот! — сказал Васек.

Севу усадили на пень. Он жадно дышал свежим хвойным запахом леса. Ребята долго и озабоченно выкладывали знаки. Сева подозвал Русакова:

— Здесь должны быть грибы... Ты посмотри, Петя!

Русаков радостно закивал головой и шмыгнул в кусты.

Генка привел ребят к тихому ручью. Ручей монотонно булькал на дне оврага. По склону поднимались молодые сосенки. Над сосенками зеленой крышей переплелись ветви смешанного леса. Сквозь них желтыми бликами пробивалось солнце. Генка показал на вывороченное дерево. Глубокая сухая яма виднелась из-под узловатых корней, обросших коричневым мохом.

— Здесь!

Бобик бросился к ручью. Ребята огляделись:

— Знатное местечко!

— Спасибо, Генка!

Сбежали вниз. Жадно пили воду. Напоили Севу, разгребли под корнями яму. Саша постелил свое пальтишко. Сева с благодарностью смотрел, как хлопочут товарищи, но говорить ему было трудно. Он лег и закрыл глаза.

Ребята сели около ручья. Голод тянул их к воде.

— У нас ничего нет... никакой еды,— с усилием сказал Васек и посмотрел на товарищей.

— Это пустяки. Можно потерпеть.

— Человек может четырнадцать дней жить без еды.

— Ну, четырнадцать дней не проживешь.

— В лесу не умирают от голода! — строго сказал Трубачев.

— Здесь есть грибы! — буркнул Мазин.

— А у меня есть спички! — с торжеством сказал Петька.

— Где? Где? — Ребята оживились, полезли смотреть на измятую спичечную коробку.

— Я ее на мельнице нашел. Пошарил на окне, смотрю — спички!

— Я тоже кое-что нашел! — Мазин вынул из кармана заплесневелую горбушку.

— Хлеб! Хлеб!

Глаза у ребят жадно заблестели. Бобик облизнулся, завилял хвостом. Васек потрогал горбушку.

— Не клади на траву, а то муравьи растащат,— отворачиваясь, сказал он.

— Нá, спрячь. Мы сейчас грибов найдем и сделаем похлебку,— сказал Мазин. Он тряхнул своим тощим вещевым мешком. Оттуда со звоном упало зеленое ведерко.— Это я на пасеке взял,— нехотя пояснил Мазин.

Генка вытащил из кармана грязную тряпочку, развязал зубами узелок и положил рядом с горбушкой комок слипшейся соли.

— Все! Все! — кричали ребята.— Все у нас теперь есть!

Саша побежал к Севе:

— Малютин! Севка! Мы похлебку будем варить, мы тебя прямо до отвала накормим! Мы сейчас все за грибами пойдем... Пошли, ребята!

— Генка, где тут грибы? Лисички или маслята?

— Я найду,— вместо ответа сказал Генка.

Ребята побежали за ним.

— Не уходите далеко,— предупредил Васек.

Он сел на берегу ручья и опустил голову. В глазах было зелено, колени дрожали. Одинцов вернулся, присел рядом с ним.

— Вот поедим, Трубачев... ладно? А потом посоветуемся, ладно? — робко сказал он.

Васек кивнул головой.

* * *

— Все б тебе, Петька, есть да есть! Об одной еде ты только и думаешь,— ковыряя палкой землю, ворчал Мазин.— Уж ты мне и про сырую рыбу в землянке припомнил и про Макитрючкины вареники... Трепло ты, Петька!

— Да я же только так вспомнил... как мы ели когда-то... вообще...

— «Вообще, вообще»! Никто не жалуется, один ты скулишь! И тошнит тебя, и под ребрами болит...

— Я этого не говорил даже! — вытаращил глаза Петька.

Мазин сплюнул голодную слюну:

— Не говорил, а все понятно... все на твоей физиономии написано!

Петька молча смотрел на Мазина. Пухлые щеки товарища опали, под глазами легли глубокие тени. У Петьки задрожали губы, он нащупал заветный кусочек завалявшегося в кармане сахару. Когда голод особенно мучил Петьку, он осторожно лизал языком этот сахар и, завернув в бумажку, прятал от самого себя. Теперь он вынул его и протянул Мазину:

— На́, Мазин. Это правда — я просто нетерпеливый... Возьми, возьми! Я уже много съел... я еще вчера ел...

Мазин хмуро посмотрел на Петькину ладонь.

— Почему не отдал Трубачеву? Сейчас все общее,— сказал он, пряча в карман сахар. Потом увидел мокрые глаза Петьки и виновато сознался: — Я сам нетерпеливый... Сорвался на тебя зря...

Ребята принесли полные шапки грибов и весело принялись за стряпню. Чистили грибы. Перочинные ножи нашлись у всех. Костер зажгли одной спичкой. Над ручьем потянулся дымок. Все сидели вокруг огонька. Бобик, положив на лапы голову, спал. Скоро в зеленом ведерке забулькала похлебка. Никто не говорил о страшных событиях, которые загнали их в лес. Но едва наступила тишина, как в памяти каждого вставала пасека, мертвые лица Матвеича и дедушки Николая Григорьевича, пустая, брошенная мельница... А в глазах у Васька возникало детское удивленное лицо Ничипора и бился захлестнутый петлей дед Михайло... Васек вскакивал, с испугом глядел на Генку. Но Генка как будто омертвел. В темных глазах его, как в темной воде, отражалась зелень леса, матово переливались блестки от огня. Похлебку ели жадно, черпая из ведра самодельными ложками и обжигая рты.

— Сроду ничего вкуснее я не ел! — говорил Саша.

— Еще бы! — подтверждали ребята.

Горбушку хлеба пилили перочинным ножом. Разделили поровну. Сахар, с общего согласия, решили отдать Севе.

— Да зачем, ребята! Я уже лучше себя чувствую,— сконфуженно отказывался Сева. Он съел размоченный в похлебке хлеб и несколько вареных грибов.

— Вкусно тебе? — спрашивали ребята.

— Вкусно,— улыбался Сева.

— Заешь сахаром.

— Я завтра лучше...

Бобик долго гремел ведром, доедая остатки. Похлебка подействовала на всех, как волшебное питье. Щеки зарумянились, глаза заблестели, клонило ко сну. Не хотелось думать, что будет дальше; хотелось, разбросав усталые руки и ноги, спать, спать, спать... Даже Генка, свернувшись калачиком на земле, закрывал глаза.

— Спите! — махнул рукой Васек.

— А кто будет ночью дежурить? — спросил Одинцов.

Васек вспомнил, что в тревожную ночь, когда они были в походе, Митя дежурил сам.

— Я буду,— сказал он.

— Один?

— Если надо будет, разбужу кого-нибудь.

— Тогда ложись сейчас, а мы с Сашей посидим,— предложил Одинцов.

Васек не стал отказываться, натянул на уши курточку и лег около Севы. Мохнатые корни дерева скрыли его под своим навесом, покачали коричневой бородой, пощекотали ему шею. Васек вздохнул и закрыл глаза.

Глава 52

НОЧЬ КОМАНДИРА

Снова кричат ночные птицы. Снова с нудным гудением пролетают куда-то вражеские самолеты. И так же полон таинственных шорохов лес, но теперь нет рядом Мити. Васек сидит на поваленном дереве. Ухо его привыкло к гудению самолетов, ночные шорохи не пугают своей таинственностью. Не лес страшен Ваську Трубачеву, командиру пионерского отряда. Страшны люди в железных касках, с черепами на рукавах, страшна неизвестность и еще страшнее ответственность, которая легла на его мальчишеские плечи. Что делать? Куда идти? Жив ли Митя и найдет ли он своих ребят? Где партизаны? Как искать их в этом большом, незнакомом лесу?

Васек вспоминает жалкую кучку своих товарищей, испуганных, голодных, в грязных куртках...

На глаза его навертываются слезы. Он встает и присаживается ближе к яме, где спят вповалку ребята. Теплое дыхание их успокаивает его. Трудно дышит Сева, но он тоже спит, повернув к Саше бледное лицо. Не спит только Генка, его глаза широко открыты. Васек боится заглянуть в Генкины глаза, боится окликнуть товарища. Он со вздохом отворачивается.

Что делать? Как поступил бы на его месте взрослый командир? Куда он повел бы свой отряд? Какие-то смутные воспоминания проносятся в голове... обрывки рассказов о твердых, бесстрашных коммунистах, страницы прочитанных книг.

Возникает лицо Сергея Николаевича. Васек видит учителя в классе, на сборе, мысленно представляет себе учителя и на фронте. Вот он стоит среди бойцов, такой спокойный, подтянутый, в военной форме. Васек видит и бойцов, окружающих учителя,— они такие же спокойные и подтянутые, как их командир. Они пойдут за ним в бой, может быть, на смерть, они не растеряются перед любой опасностью.

Васек машинально стирает с рукава прилипший комок глины. Почему он не заставил ребят вычистить курточки и привести себя в порядок? На что он похож сам! Ведь он командир! Разве было бы так при Мите или Сергее Николаевиче? Васек потихоньку спускается к ручью, растягивает на траве одежду, трет холодной водой щеки, приглаживает непокорный чуб. Потом застегивается на все пуговицы, медленно поднимается назад и осторожно вытаскивает из-под головы Одинцова вещевой мешок. В нем хранится пионерское знамя. Когда-то вместе с Митей, собираясь уходить из села, они аккуратно завернули его в платок и спрятали на самое дно вещевого мешка. Васек присаживается на корточки и осторожно вынимает сокровище отряда. Свет луны падает на шелковое знамя, блестит и переливается в мягких складках.

Васек с трепетом читает вышитые на знамени знакомые слова:

«К борьбе за дело Ленина будь готов!»

— Всегда готов! — шепчет Васек.

Эти слова вливают в него новые силы. Мысли становятся ровнее, спокойнее.

Неожиданно приходит решение: «Я поведу ребят в Макаровку, от Миронихи узнаю о партизанах, может быть, о Мите, возьму девочек. Я должен привести свой отряд к Мите!»

Васек срезает толстую ветку орешника и при свете луны обтачивает ножом древко. Бобик тихонько вылезает из ямы и, широко зевая, садится рядом с мальчиком. Теплая шерсть собаки напоминает забытый домашний уют. Но Васек не позволяет себе вспоминать ничего, что может вызвать на глаза слезы. Он не должен плакать! Командиры не плачут!

Васек надевает на древко знамя и встает.

Приложив древко к плечу и вытянувшись во весь рост, он неподвижно стоит под Красным знаменем, облитый лунным светом. Завтра он поведет свой отряд в полном боевом порядке! И, что бы ни ожидало их впереди, они не посрамят чести пионеров!

* * *

Солнце уже просвечивает сквозь листву, когда, сложив рупором ладонь, командир горнит утреннюю побудку. Ребята послушно вскакивают, протирают глаза и... бросаются к знамени.

— На зарядку становись! — останавливает их спокойный голос командира.— Назначаю кашеварами Мазина и Русакова! Варить грибную кашу!

— Есть варить кашу!

— Привести в порядок одежду!

— Есть привести в порядок одежду!

— Объявляю приказ по третьему отряду: через час выступить в полном боевом порядке! Направление — Макаровка.

— Есть! — радостно откликается отряд.

— Пионеры! К борьбе за дело Ленина будьте готовы!

— Всегда готовы!

Глава 53

В ПУТИ

Снова темные чащи, запутанные тропинки. В оврагах и в сырых, болотистых местах острая осока ранит ноги. На коротких привалах — грибная похлебка, сине-пепельная ежевика. От ежевики губы у ребят синие, пальцы как будто испачканы чернилами.

Сева находит какие-то растения, годные для еды.

— Это паутинистый лопух,— говорит он.— Корни его похожи на спаржу, их едят.

— Ну тебя, Малютин! — обижается Мазин.— Всегда ты что-нибудь придумаешь! Если хочешь знать, это просто колючки; их называют собаками, потому что они цепляются за платье.

— Это верно, но корни молодого лопуха едят. Жаль, у меня нет книжки — я бы тебе доказал.

— Он правду говорит,— неожиданно вступает в разговор Генка.— Я сам читал про это. А кислицу варил и ел.

Мазин безнадежно машет рукой:

— Как-нибудь без лопухов обойдемся.

— Генка, сколько отсюда до Макаровки километров? — спрашивает Васек.

Генка морщит лоб:

— Як бы по шоссе, то недалеко. А так — кто его знает... може, километров двадцать...

Трубачев спешит. Грибная похлебка без соли и хлеба плохо подкрепляет силы. Голод начинает одолевать ребят: щеки у них пожелтели, глаза ввалились, около губ обозначились глубокие складки. От долгой, непривычной ходьбы болят ноги. Тапочки прохудились — ребята идут босиком, пробираясь по глухим местам, заросшим крапивой и колючками. Но никто не жалуется.

«Вот дойдем до Макаровки — и все будет хорошо!» — думает каждый.

На привалах подробно обсуждается встреча с девочками; ребята оживляются, радуются.

— Трубачев! Трубачев! Мы так тихонько подойдем к их дому и — рраз! — как выскочим!

— Ну, «выскочим»! Там ведь фашисты. Надо тихо, по одному как-нибудь... Можно даже просто вызвать Валю или Лиду.

— Нюру надо вызвать! — вставляет Одинцов.

— Эх, Макаровка! Еще найдет ли нас Митя!

Мальчики еле плетутся. Лес, лес и лес... Нигде не видно просвета.

— А не заблудимся мы, Генка?

— Ни.

Потянулись сухие, нагретые солнцем вырубки. Под пнями — редкие, почерневшие ягоды земляники. Нет воды. Воду, запасенную на последнем привале, потратили на похлебку. Зеленое ведерко пусто. Бобик, свесив на сторону сухой язык, уныло плетется сзади.

— Генка, скоро вода будет? — облизывая потрескавшиеся губы, спрашивает Васек.

Генка разгребает желтые листья, берет горсть земли, рассыпает ее на ладони:

— Далеко... Коло Жуковки под мостом вода...

Ребята еще острей ощущают сухость во рту.

— Около Жуковки так около Жуковки... Вперед! — командует Трубачев.

Жаркий полдень. В глазах красные, желтые, бурые листья. Лес наконец кончается.

Перед выходом на шоссе Васек объявляет большой привал. Ребята без сил валятся на траву. Мазин и Русаков остаются на страже.

Петьку одолевает сон.

— Чего глаза закрываешь? — толкает его Мазин.— Здесь шоссе близко — того и гляди, на фашистов нарвемся, а ты спишь!

— Я не сплю... Я просто сквозь ресницы смотрю... для интереса...

— Знаю я, какой у тебя интерес! А еще хочешь разведчиком быть! — шепотом говорит Мазин, поглядывая на спящих ребят.

Петька придвигается ближе:

— А если Митя нас не возьмет?

— А куда ему нас девать?

— Мало ли куда! В село какое-нибудь...

— Я не пойду! — решительно заявляет Мазин.— Я бы сейчас ушел, да Трубачева не хочу подводить.

Петька задумывается, потом шепчет, показывая на Васька:

— Он и сам воевать захочет.

— Не захочет, если не позволят! Для него приказ — это все!

— А для нас, Мазин? Мы ведь тоже пионеры...

— «Для нас, для нас»! — передразнивает его Мазин.— Что для других, то и для нас. Только ведь мы Р. М. З. С. Забыл? Мы должны на войне послужить Родине!

— Конечно! Мы для этого тренировались,— округлив глаза, шепчет Петька.

Но Мазин уже не слушает его. Странный, розовый свет ложится на траву. Словно освещенные изнутри, стоят на опушке прямые желтые сосны, за ними краснеет широкая полоса неба.

— Петька, зарево!

Генка беспокойно ворочается во сне, открывает глаза и сразу вскакивает:

— Горит!

— Петька, буди ребят!

Через минуту весь отряд собирается на опушке леса. Под высокой, обрывистой опушкой проходит шоссе. Отсюда далеко видны колхозные поля. Небо охвачено огнем; за полем, на расстоянии километра, бушует пламя.

— Село! Село горит! Эсэсовцы жгут село! — шепотом говорят ребята.

— Проклятые! Проклятые!

В тишине прорывается гневный голос Генки:

— Жгите, жгите, гады! Попомнится вам моя земля!

* * *

На последней ночевке перед Макаровкой снова стоит на посту Васек. Неровный свет луны пробегает по худым, изможденным лицам его товарищей.

— Гена... моя мама будет любить тебя, как родного,— слышится в темноте шепот Севы.

— Одна у меня матерь — Украина. Не сирота я,— угрюмо отвечает Генка.— Спи.

Глава 54

«ТРУБАЧЕВ ПРИШЕЛ!»

— Девочка! Девочка!..

Хроменькая Фенька прижимает к плетню острое личико и смотрит на дорогу.

— Девочка! Это свои, не бойся!

Из кустов осторожно поднимается рыжий мальчик. У него темные, запавшие щеки и синие глаза с лихорадочным, голодным блеском. Он протягивает через плетень худую руку:

— Послушай, девочка...

Фенька боязливо отступает назад.

— Нема хлиба, за́раз картошки вынесу,— бормочет она, поворачиваясь, чтобы бежать в хату.

— Нет, нет! Подожди, подожди, девочка! Иди сюда!

Фенька останавливается. Мальчик оглядывается на дорогу и тихонько спрашивает:

— Знаешь Мирониху?

Фенька кивает головой.

— Послушай! У нее есть девочки. Это наши. Вызови их, скажи — Трубачев пришел.

— Московские? — шепотом спрашивает Фенька.

— Да, да! Знаешь ты их?

— Знаю.

Фенька пытливо смотрит на мальчика и боком перелезает через плетень:

— Они тут, на поляне. До Вали пошли. Пойдем — покажу!

Она, прихрамывая, бежит по тропинке; Васек едва поспевает за ней.

— Подожди немножко... Я не один, я с товарищами! — говорит Васек.

Из кустов один за другим выходят ребята. Бобик рвется из рук Пети Русакова и тихо рычит.

Фенька останавливается. В глазах ее мелькает беспокойство.

— Вон они, за оврагом... на поляне,— быстро говорит она и, повернувшись, бежит назад.

— Девочка! Девочка! Не бойся! — кричит ей вслед Васек.— Это свои!

Но Фенька не оглядывается.

— Испугалась нас! — вздыхают ребята.— Что же делать теперь?

— Ничего, сами найдем! Тут близко — на поляне где-то...

Мальчики спускаются в овраг, карабкаются наверх, потихоньку советуются:

— Может, лучше к Миронихе идти?

— Где тут поляна? Лес начинается уже...

— Жаль, испугалась девочка. Она бы показала.

— Эй, хлопцы, куда пошли? — вынырнув из густой травы, машет рукой Фенька.— Налево идите! За дубами тропинка будет. Чуете?

— Чуем! Чуем!.. Иди сюда!

— Не тронем мы тебя!

— Эх, ты, проводила бы!

Фенька мотает головой:

— Сами найдете — за дубами!

— Пошли! — говорит Васек.

На пригорке — широкостволые, старые дубы. Ребята настороженно и радостно улыбаются. На их лицах — нетерпеливое ожидание встречи. За дубами неожиданно открывается светлая лесная поляна. Солнце косыми лучами падает на траву.

Под молодой березкой, у свежей насыпи, покрытой сорванными полевыми цветами, прижавшись друг к другу, сидят две девочки. Они сидят под одним платком, подобрав под себя босые ноги. Легкий ветер пробегает по поляне. На березе бьется тонкая дощечка...

Васек еще издали видит двух девочек и свежую насыпь под березой. Сердце у него падает. Ребята в смятении останавливаются за его спиной.

— Кто-то умер...— хриплым шепотом говорит Васек, не двигаясь с места.

Лида Зорина быстро поднимает голову, платок скользит с ее плеч; она вскакивает, в упор смотрит на Васька остановившимися черными глазами, потом с криком протягивает вперед руки:

— Нюра! Нюра! Трубачев пришел!

Нюра бросается к подруге, обнимает ее за шею, и обе они громко плачут. Мальчики, тяжело волоча ноги, боязливо подходят к насыпи. На березе сиротливо бьется дощечка. На дощечке — короткая, скупая надпись:

ЗДЕСЬ ПОХОРОНЕНЫ
УЧИТЕЛЬНИЦА МАРИНА ИВАНОВНА
И ШКОЛЬНИЦА ВАЛЯ СТЕПАНОВА

Нюра падает на сорванные цветы, обнимает тоненький ствол березы:

— Валечка! Валя! Трубачев пришел!

Глава 55

НОЧНОЙ СТУК

— Куда же вы пойдете одни? Вы ж дети...— качая головой, говорит Мирониха.

Трубачев молчит. Глаза у него слипаются от усталости и сытой пищи. Ребята тоже размякли. Петька, широко раскрыв рот, спит сидя. Сева давно уже лежит на скамейке. Одинцов, подперев рукой голову, дремлет над своей миской. Ему жалко

отодвинуть миску, хоть она и пустая. Генка ест медленно, подставляя под ложку кусок хлеба и бережливо собирая крошки. Мазин, умильно глядя на Мирониху, просит вторую миску борща.

— Нельзя, Мазинчик, нельзя,— уговаривают его девочки.— Нельзя тебе сразу много есть... Ты можешь заболеть.

— Нельзя, нельзя, дети мои! — строго говорит Мирониха, убирая от Мазина пустую миску.— Сегодня уж так, а завтра я вам целый чугун борща наварю!

Маруська с жалостливой усмешкой в глазах подолгу смотрит на каждого из ребят и время от времени громко говорит:

— Дайте ж им хоть трохи покушать, мамо!

Мирониха со вздохом стелет на пол сенник:

— Ложитесь спать, хлопцы. Треба огонь тушить, а то как бы полицаи не завернули до нас. А завтра где-нибудь я вас пристрою. Может, на Жуковку до сторожа сведу...

«Завтра... завтра...» — бессильно склоняя голову на подушку, думает Васек. Ребята падают рядом с ним; девочки отдают им свои простыни, одеяла. Спящего Петьку укладывает Мазин.

«Эх, Валя... Валя Степанова!» — вспоминает Васек. Откуда-то, из самого краешка глаза, выбегает слеза и мокрым пятнышком расползается по подушке. Острая тоска схватывает за сердце, тревога отгоняет сон. Васек видит перед собой весь утомительный путь, который они прошли. Лес, лес, лес... Где же Митя? Идет ли он по их следам, знает ли он, что случилось с ними в селе? Зачем пойдет он на пустую мельницу? А следы их и дорожные знаки начинаются только оттуда!

Ваську кажется вдруг, что все его надежды напрасны. Митя не придет! Мирониха тоже, наверно, не знает, где искать партизан. И у себя она не может их оставить — у нее и так полна хата. Сон окончательно покидает Васька. Он облокачивается на подушку и не мигая смотрит на коптилку.

— Ну, чего зажурился, хлопчик? Тяжело тебе за главного быть? — Мирониха присаживается с ним рядом, гладит его по голове и растроганно говорит: — Спи, голубчик! Ты свое дело

сделал — довел ребят. Теперь я об вас подумаю. Люди-то свои везде есть! Кругом они... Фашисты думают, как бы им партизан в кольцо взять, а партизаны давно уже фашистов в петлю загнали.

Мирониха тихо смеется. Глаза ее лучисто светятся в темноте, на щеках появляются ямочки. Васек улыбается...

Тихий стук в окно пугает обоих. Мирониха бледнеет.

— Чужой стук... незнакомый,— шепчет она, приложив к губам ладонь.

Стук повторяется, у двери скрипит крыльцо.

Мирониха окидывает взглядом спящих ребят.

— Если что, скажи — из Жуковки... за грибами ходили... ночевать попросились,— шепчет она Ваську и бежит к двери.

Васек толкает ребят:

— Не спите! Не спите!..

Нюра и Лида тревожно смотрят с печки, свесив вниз головы.

— Мирониха я и есть. Чего треба? — сурово спрашивает Мирониха, впуская в хату низенького человека с морщинистым лицом и выцветшими седыми бровями.

— Чего треба, то я и нашел! Ясно! Человек не иголка!.. Это чьи ребятишки у тебя? — весело кивает он на ребят.

Ребята вскакивают. Сонный Бобик вылезает из-под стола и, виляя хвостом, обнюхивает гостя.

— Ба! И ты тут, скотинка, а? Скажи пожалуйста! — удивляется тот.

Мазин, расталкивая ребят, подходит сбоку и беззастенчиво разглядывает знакомое старческое лицо с лукавыми светлыми глазами.

— Свой я, свой! Чего всполошилась, гражданочка? Разве чужие так ходят!.. От Мирона Дмитрича мы пришли... Стой, я товарища своего впущу...— Он поспешно идет к двери и кашляет на крыльце.

Мирониха недоверчиво прислушивается.

— Это тот... тот, со свистком,— шепчет Ваську Мазин.

Дверь снова открывается. Высокий человек в длинном пальто сбрасывает щегольскую кепку.

Васек бросается к нему:

— Митя!..

Ребята тесной кучкой окружают Митю, виснут на нем со всех сторон; девочки обнимают его за шею, гладят по лицу:

— Митя... Митя... Митенька!..

— Ой, мамо, мамо,— громко всхлипывает Маруська,— дайте ж им хоть трохи покушать!

Глава 56

В ПАРТИЗАНСКОМ ЛАГЕРЕ

За палаткой послышался шум. Николай Михайлович под нял голову.

— Узнайте, что там такое! — отрывисто сказал он, просматривая свежий листок фашистской газетки, только что доставленной связным.

Степан Ильич поспешно вышел.

Около землянки, где жила Оксана, собрались партизаны. Среди них слышались удивленные восклицания, одобрительные возгласы, добродушные шутки. В центре этой кучки стояли ребята. Курточки и штаны почти у всех были разорваны и свисали бахромой на рукавах и коленках; волосы отросли и торчали вверх; за ушами Васька золотились рыжие колечки. Девочки в длинных кофтах выглядели не лучше. Зато красные пионерские галстуки были повязаны с особой тщательностью, свежевымытые щеки ребят блестели, и на лицах было написано безграничное счастье. Шелковое знамя жарко и празднично алело над маленьким отрядом. Смущенные встречей с партизанами и необычайной обстановкой лагеря, мальчики искоса поглядывали на Митю и растерянно улыбались. Бобик, издавая тихое ворчание и настороженно подняв уши, вертелся под ногами.

— Эй, хлопцы, пополнение пришло! — шумели вокруг партизаны.— А худые — беда! Небось не емши по лесу бегали!

— За́раз треба их на продовольствие поставить!

— А чего ждать? Доложи командиру,— советовали Мите.

Степан Ильич шагнул в круг, широко раскрыл руки и захватил в свои объятия ребят:

— Эх вы, други мои! Соколята!

Ребята зашумели, заговорили все разом:

— Дядя Степан! Мы шли, шли...

— Мы все лесом да лесом... Мы грибы ели...

— А вот наши девочки, дядя Степан! Это Лида и Нюра!

Васек радостно прижался к колючей щеке дяди Степана.

— Золотой ты хлопчик, ридна моя кровь! — заглядывая ему в глаза, повторял Степан Ильич.

Партизаны, стоя вокруг, с волнением глядели на эту встречу. Приход пионеров в лагерь был для всех радостным событием, напоминавшим о мирной жизни.

— Галстуки сохранили! Вот это пионеры!

— Эй, Сенька, сходи за нашей маткою! Она тут все глаза проглядела поджидая.

Но Оксана, заслышав шум в лагере, уже торопливо шла от речки. Митя бросился ей навстречу.

— Привел, привел, Оксана Николаевна! — закричал он еще издали, показывая на ребят.— Вот они!

Степан Ильич подтолкнул Васька:

— Беги, встречай! Ночи она не спала из-за вас...

Васек бросился вперед, но девочки опередили его:

— Тетечка! Тетечка!

Оксана тревожным, быстрым взглядом охватила ребят, большими теплыми руками прижала к себе их головы, ощупала острые плечи, торчащие лопатки, заглянула каждому в глаза:

— Птенчики вы мои бескрылые!

Партизаны смотрели на нее, крякали, вздыхали:

— Да... встретились, значит...

Оксана вдруг выпрямилась.

— Сенька, топи баню! Ножницы неси! — скомандовала она свежим, молодым голосом.

Партизаны засмеялись:

— Сейчас вам, ребята, санобработка будет!

Степан Ильич вошел в палатку с сияющим лицом:

— Прибыл Бурцев с ребятами!

Николай Михайлович улыбнулся:

— Нашлись? Ну-ну! Позаботьтесь там, чтобы их накормили. Пускай хорошенько отдохнут, а завтра мы их переправим через фронт. Часть можно будет на самолете с Коноплянко. Как самочувствие Ильи Кондакова?

— Неважно... Изрешетили хлопца — смотреть страшно.

— Да, дорого ему обошлась Жуковка! Ну что ж, отправим в Москву на излечение. А Макитрючка что?

— Макитрючка ничего. «Скоро, говорит, встану». Просит считать здоровой.

— Ну, о ней мы тут позаботимся. А как насчет Ульяны Леонтьевны? Устроили?

— Точно. Сегодня ночью перевезли с детьми в Семеновку.

Николай Михайлович кивнул головой:

— Хорошо. Попросите ко мне Мирона Дмитрича и Коноплянко.

* * *

Ребята сидели за длинным столом и ели густую гречневую кашу. К столу подошла Ко́стичка; улыбаясь, села рядом.

После казни деда Михайла Костичка вместе с детьми ушла в лагерь к мужу. Увидев ее, ребята обрадовались.

Генки не было: он ходил по лагерю — искал Гнедка. Митя подозвал мальчика к себе:

— Сейчас, сейчас, Генка, придет твой Гнедко, не бойся!

— Не бачу я его... Може, убитый? — хмуро спросил Генка.

— Да нет! Сейчас сам увидишь. Экий ты недоверчивый!

Из-за деревьев выглянул Сенька. Он тянул на поводу стройного, высокого жеребца.

— Гнедко!..

Генка заложил в рот два пальца и тихонько свистнул. Жеребец ответил тихим радостным ржанием и, высоко подкидывая спутанные передние ноги, поскакал навстречу хозяину. Генка обнял его голову, прижался к ней лицом и беззвучно за-

плакал. Конь мягкими черными губами трогал шею и руки Генки, глядел на него большими понимающими глазами и тихонько фыркал.

— Михайлов внук плачет,— хмуро говорили партизаны.

— Не мешайте ему, не подходите,— останавливал Митя.

Историю Генки и его коня хорошо знали в партизанском отряде.

Выплакавшись, Генка по-хозяйски осмотрел своего Гнедка

— На що звязали? — сердито сказал он Сеньке.— Освободи его! Он теперь от меня никуда не уйдет.

Сенька послушно распутал веревку на ногах жеребца. Генка осмотрел копыта коня, провел рукой по мягкой спине и заметил след от седла.

— Плохо седлаешь... Так спину коню можно натереть! — строго сказал он, отпуская Гнедка и глядя ему вслед.— Овес даете?

— А як же! Все даем — и овес и хлебца даем,— торопливо уверил его Сенька.

Когда Генка вернулся к ребятам, глаза у него были красные, но блестели и хмурое выражение лица смягчилось.

* * *

— Ешьте, ешьте! — угощал ребят Митя. Он чувствовал себя хозяином здешних мест и, радуясь впечатлению, которое произвел на ребят лагерь, с мальчишеской гордостью говорил: — Вы что смотрите? Целый город у нас тут! Это еще что! Мы ведь только что перебрались сюда, а вот подождите — укрепимся хорошенько...

После соединения с макаровцами лагерь расширился и стал походить на большую стройку. Место было выбрано для зимовки. Партизаны устраивали себе теплое жилье. Слышался стук топоров, падали деревья, визжали пилы. Землянки строились прочные, с печами и маленькими окошками. Стол, за которым сидели ребята, издавал свежий смолистый запах. Для кухни было отведено особое место. Под навесом был сложен весь кухонный инвентарь, отбитый у фашистов. Были две про-

сторные палатки для раненых. Ребята узнали, что за день до их прихода был совершен крупный налет на Жуковку, пущен под откос поезд с эсэсовцами, взяты большие трофеи: ручные пулеметы, винтовки, обмундирование.

— Неплохо Гитлер вооружил нас! — смеялся Митя.

Пока Митя рассказывал, Мазин рыскал глазами по лагерю, оглядывая постройки и что-то соображая про себя. Тревогу его разделял Петька Русаков.

Еще в дороге Митя сказал ребятам, что их отправят домой. Девочки, Саша и Сева Малютин искренне и шумно радовались. Одинцов тоже хотел домой, но он ждал, что скажет Васек Трубачев. Он всегда и во всем поддерживал товарища и расставаться с ним не хотел, несмотря на желание ехать домой. Васек задумался. Он, конечно, хотел бы воевать вместе с партизанами, но ослушаться взрослых не мог.

— Приказ — это все! — подумав, сказал он Одинцову.

Генка вел себя так, как будто слова Мити вовсе не касались его. Мазин и Русаков решили «отчаянно» просить командира оставить их в отряде.

— Я прямо заплáчу, Мазин! — серьезно говорил Петька.

— Я тебе «заплачу»! Что ты, у тетеньки в племянники просишься, что ли? Ты в партизаны просишься у командира!

— Верно. Я лучше буду так смело говорить...

Мазин сделал гримасу:

— Тощий ты и маленький... не имеешь внушительного вида.

Петька с огорчением разглядывал себя:

— А ты скажи, что мне пятнадцать лет.

— Не дурак я, чтобы перед умными людьми врать! — огрызался Мазин.

Пока ребята ели, партизаны, занятые своими делами, издали разглядывали их.

— Рыжий — это, видать, командир. Весь отряд привел!

— А тот, с краю сидит, глазастый,— говорят, вместе с дедом Михайлом работал!

— Эх, война! Всех зацепила!

— Вот глядишь — дети совсем! А у них уж свои герои

есть,— качал головой бородатый старик, натачивая пилу.— А в чем дело? Дело в воспитании, тут ничего не скажешь.

— Воспитание советское... Строители будущего! В коммунизме будут жить! — откликнулся военный, пришивая пуговицу к своей гимнастерке.

— Крепкие ребята! Друг дружку в беде не бросали! — с уважением сказал молодой хлопец.

— А собачка-то откуда взялась? Для компании, что ли, привязалась к ним?

— Собака Ивана Матвеича. Бобиком зовут. Я на пасеке бывал, знаю.

У Бобика нашлись старые знакомые, но он держался около ребят и радостным визгом встречал Оксану. Он признавал в ней бывшую хозяйку.

* * *

После еды ребята долго плескались за дощатой перегородкой, где прямо на костре нагревался большой котел воды. Оксана стригла и мыла ребят сама. Она по очереди терла им спины мочалкой, густо намыливая трофейным мылом. Волосы быстро и искусно подравнивала большими садовыми ножницами. По просьбе Васька ему был оставлен небольшой чуб на лбу. Намылив одного, Оксана переходила к другому, потом ставила всех рядом и обливала из одного ведра. Ребята расшалились, бегали вокруг костра, боролись и хохотали до слез. Оксана с улыбкой глядела на их шалости, давая им повеселиться; потом, найдя, что достаточно, натягивала на каждого длинную мужскую рубашку:

— Переспите ночку в этих, а завтра свои наденете.

Ребята, хлопая рукавами, бежали из бани в Оксанину землянку. Бобик мчался за ними. Партизаны хохотали:

— Вот так обрядила ты их, мамаша!

Девочки, уже умытые и чистенькие, сидели на нарах. В лесу быстро темнело. Оксана закрыла мешком маленькое оконце и зажгла коптилку.

Когда ребята уже улеглись, пришел Степан Ильич. Мальчики подробно рассказали ему все, что пришлось им пережить

в эти дни. Степан Ильич хмурился, вздыхал. Об одном только не говорили ребята — о Вале Степановой, с которой они долго прощались, уходя из Макаровки.

Генки не было. Он пропадал у Гнедка. Оксана мыла Генку последним и сама привела в землянку.

Степан Ильич ласково смотрел на мальчика — видимо, искал для него утешительных и ободряющих слов, но Генка был занят своими мыслями и только нетерпеливо спрашивал:

— Позовет нас командир к себе?

— Может, и позовет,— отвечал Степан Ильич, недоумевая, зачем Генке нужен командир.— Вот кончится война, прогоним гитлеровцев — и вернемся мы с тобой, Генка, в село, будем вместе хозяйнувать. Михайлов внук — дорогой человек для нас... А пока поедешь ты с ребятами в Москву, будешь учиться...

Генка молча смотрел в угол землянки и думал что-то свое.

Когда Степан Ильич ушел, в землянку вскочили Федька Гузь и Грицько. Их обветренные, загорелые лица сияли от радости:

— Здоро́во, товарищи́! Мы ж вас ще не бачилы! Нас на хутора посылали. Приходим, а дядя Степан говорит: «Нашлись наши пионеры».

Грицько долго жал всем по очереди руку. Ребята уселись в кружок на нарах; Федька рассказал, что эсэсовцы сожгли его село Ярыжки, что ему с матерью удалось бежать в лес, где он наткнулся на подводу, которая везла с Жуковки трофеи. Партизаны взяли их в лагерь. Игнат еще раньше ушел из села.

— Далеко ушел Игнат... Не скоро мы с ним побачимся теперь! — с грустью сказал Федька и шепотом поделился с ребятами своей тайной: — Мы с Игнатом под вязами свое знамя спрятали. Фашистам до него не добраться! Только я да Игнат место знаем!

— Это наши тогда в школе штаб взорвали. Генерала самого главного убили,— шепнул Грицько.

Ребята хотели расспросить его об этом подробнее, но, покосившись на Генку, промолчали.

— До поба́чення! — весело сказали Федька Гузь и Грицько, прощаясь.

* * *

Утром долговязый Сенька просунул в землянку голову:

— Мамаша, готовь ребят! Командир требует.

Ребята заволновались:

— К командиру нас требуют! К командиру!..

Побежали за Генкой. Генка с утра, вооружившись скребницей, чистил партизанских коней. Начищенный до блеска Гнедко ходил за ним по пятам.

— Генка, нас к командиру требуют!

Генка бросил скребницу, привязал Гнедка:

— Пойдем!

Оксана надела на ребят чистые рубашки. Прибежал Митя.

Маленький отряд торжественно выстроился перед ним: галстуки были повязаны, знамя развернуто.

Митя оглядел ребят вблизи, оглядел издали, взъерошил свои волосы, щелкнул пальцами:

— Пошли!.. Ать-два! Ать-два!

— Эх, барабана нет!

— Левой! Левой!

Партизаны, отрываясь от работы, глядели вслед.

У штабной палатки ребята остановились.

— Нале-во! Ать-два! Стой!.. Разрешите обратиться. Отряд Трубачева прибыл! — доложил сияющий Митя.

Николай Михайлович и Мирон Дмитриевич вышли из палатки:

— Здоро́во, пионеры!

Ребята ответили дружным приветствием. По лесу раскатилось эхо и смолкло. Николай Михайлович пытливо и ласково посмотрел на ребят. Под усами Мирона Дмитриевича пробежала добрая усмешка, глаза заискрились.

Васек отдал рапорт. Худой от пережитых лишений, бронзовый от загара, с золотистым чубом, он стоял под красным знаменем во главе своего отряда и казался гораздо старше того мальчика, которого однажды Николай Михайлович встретил в селе.

— Трубачев!

— Есть Трубачев!

Васек сделал два шага вперед. Николай Михайлович кивнул ему головой:

— Я слышал о тебе. Ты стойкий и мужественный мальчик.

Васек вспыхнул, смешался:

— Я был не один... Со мной были товарищи!

— Сева Малютин!

Сева оглянулся на ребят, одернул курточку, робко шагнул вперед.

Николай Михайлович взял его руку, ощутил в своей ладони тонкие, слабые пальцы.

— Так вот ты какой — Сева Малютин...— Николай Михайлович пригладил седой ежик своих волос и тепло улыбнулся: — Спасибо тебе, Сева Малютин!

Мирон Дмитриевич откашлялся, потеребил свои усы, еще раз откашлялся. Николай Михайлович мельком взглянул на него и снова повернулся к ребятам:

— Кто из вас внук нашего погибшего товарища, деда Михайла?

Все глаза сразу обратились к Генке. Он стоял прямо и не мигая смотрел в лицо Николаю Михайловичу блестящими темными глазами.

— Выйди... выйди...— зашептали ребята.

Генка не спеша вышел из строя. Николай Михайлович положил руку на его плечо:

— Твой дед умер как герой. Мы позаботимся о тебе...

— Гена,— подсказали ребята.

— ...да, Гена. Мы воспитаем тебя славным коммунистом, достойным своего деда... Ты поедешь вместе с ребятами...

— Я не поеду! — прервал его Генка.

Николай Михайлович поднял брови. Мирон Дмитриевич строго посмотрел на мальчика. Ребята переглянулись.

— Я никуда не поеду, товарищ начальник! — твердо повторил Генка. И вдруг, заметив строгий взгляд Мирона Дмитриевича, залился темным румянцем, гневно закричал: — Горит моя земля! Деда мой тут лежит! Куда я поеду?

Николай Михайлович быстрым движением руки остановил его. Наступило молчание.

— Одна мне дорога — Гитлера бить...— тихо сказал Генка.

Николай Михайлович задумался, пристально глядя на мальчика. Потом повернулся к Мирону Дмитриевичу:

— Зачислите в отряд Михайлова внука.

Генка вытер рукавом мокрый лоб и стал на свое место. Мазин и Русаков завистливо глядели на товарища.

— Давай проситься! — шепнул Петька.

— Не время,— хмуро ответил Мазин.

Николай Михайлович обратился к ребятам:

— Пионеры! От имени партизанского отряда передайте благодарность своим родителям и учителям, школе, которая воспитала вас! А благодарность вашему вожатому я имею удовольствие выразить сам.

Николай Михайлович крепко пожал руку смущенному Мите. Ребята переглянулись, заулыбались. Николай Михайлович, видимо, хотел еще что-то сказать и молча смотрел на них.

— У вас был еще один товарищ... вернее, подруга...

— Валя... Валя Степанова...— послышались тихие голоса.

Наступило торжественное молчание. Ребятам показалось, что где-то среди них тихо шелестит ветвями тоненькая белая березка...

Мирон Дмитриевич выступил вперед:

— От имени партизанского отряда даю клятву жестоко отомстить врагам за нашу пионерку Валю, за учительницу Марину Ивановну, за наших дорогих товарищей! Тяжко заплатят нам фашистские палачи за эти могилы!

Глава 57

ДОМОЙ!

Ночью ждали самолет из Москвы. Это был первый самолет, который принимали партизаны с Большой земли. За лагерем расчищалась поляна — спешно готовилась посадочная пло-

щадка. Работами руководили Степан Ильич и Костя. Партизаны ровняли землю, срывали все бугорки, валили ближайшие деревья. Все радостно готовились к встрече.

— Значит, прослышали про нас в Москве! — с гордостью говорили партизаны.

Николай Михайлович с волнением ждал указаний из Москвы, ждал нужных людей, которых обещали ему прислать в помощь разрастающемуся партизанскому движению. Ребята уже знали, что с этим самолетом будут отправлены девочки и Сева Малютин. Они полетят вместе с Коноплянко и ранеными бойцами.

Митя часто заглядывал к ребятам, радовался, глядя на них, просил передать письмо его старикам и при первой возможности написать о Сергее Николаевиче все, что будет известно им самим.

За дорогу от Макаровки до лагеря Митя успел подробно рассказать ребятам, как они с Яковом напали на их следы, как шли по реке до мельницы, как прочитали написанные мелом слова, как обрадовались, найдя первый дорожный знак. Ребята с интересом слушали этот рассказ. Яков дополнял его шутками.

Теперь новые события целиком захватили ребят. Снова предстояла им разлука! Сева и девочки улетали первыми. За ними на рассвете Митя и Яков должны были увести Трубачева и остальных — им предстоял переход через линию фронта. Генка оставался в отряде.

Ребята не отходили друг от друга. Без конца прощались, давали тысячи обещаний, уславливались о месте встречи.

— Мы сейчас же побежим к вашим родителям! Мы скажем, чтобы они не плакали, что вы скоро приедете! — говорили девочки.

Потом обнимали Митю, со слезами просили:

— Митя, возвратись к нам опять! Если ранят тебя, мы будем за тобой ухаживать, только живи, Митя!

Сева Малютин обнимал всех по очереди: он всех любил, разлука пугала его. Подолгу сидел он с Генкой, не зная, что сказать ему на прощанье. Генка осторожно брал Севину руку,

перебирал его пальцы; лицо у него становилось нежным; глаза мягко блестели.

— Ты мне на всю жизнь товарищ, Севка! Только, может, и не доведется нам больше встретиться.

— Нет, нет! — горячо говорил Сева.— Одна у нас дорога. Ты увидишь: пройдет война, и мы опять будем вместе!

Мазин и Русаков не находили себе места. Кое-как, правдами и неправдами, им удалось пробраться к Николаю Михайловичу, но Николай Михайлович наотрез отказал им в просьбе остаться в партизанском отряде. Они пошли в «госпиталь» к Макитрючке, чтобы на всякий случай заручиться ее согласием. Макитрючка встретила их ласково.

— Ох, вы ж мои вояки дорогие! — сказала она.

Мазин и Русаков с уважением смотрели на перевязанную голову Макитрючки, на забинтованную, круглую, как мяч, кисть руки. Они знали, что Макитрючка в день казни деда Михайла первая бросила гранату в гитлеровский штаб на селе.

— Мы, тетя, с вами бы остались...— осторожно сказал Мазин.

— Як то — остались? Я ж вас брать без разрешения начальника никакого права не имею,— отвечала Макитрючка.— Да и сама в лагере не сижу. Кругом фашисты, чтоб они сгорели! Мне сидеть нема колы — я ж их, чертей, на тот свет гоняю...

Мазин и Русаков ушли ни с чем. Обошли постройки, заглянули под навес конюшни. Там сидели Митя с Генкой. Они говорили о Гнедке. Конь стоял тут же.

— Ты спас мне жизнь, отдал мне своего коня! — растроганно говорил Митя.

— Я его воспитывал для бойца — бойцу и отдал. А теперь вместе воевать будем! — радостно отвечал Генка.

Мазин и Русаков на цыпочках прошли мимо.

За ужином Мазин подошел к Трубачеву, долго смотрел на него ласковыми и грустными глазами, словно что-то решая про себя, потом неожиданно и горячо обнял товарища:

— Мы с тобой везде вместе были, самое страшное переживали вместе... Я к тебе привык, Трубачев...

— И я к тебе, Мазин,— удивленный его лаской, ответил Васек.— Мы теперь никогда не расстанемся, что бы ни было,— правда, Мазин?

— Правда,— улыбнулся Мазин и, кликнув Петьку, строго сказал ему: — Собирайся!

— Куда? — взмахнул ресницами Петька.

— В тыл. К маме,— решительно ответил Мазин.

* * *

К вечеру на площадке зажгли костры — самолет должен был издалека видеть место посадки. Выставили дозоры, боясь привлечь внимание врагов. Тихо беседуя между собой, стояли партизаны. Николай Михайлович с Мироном Дмитриевичем были тут же. На носилках принесли раненых. Товарищи подходили к ним, говорили ободряющие слова, прощались. Яков Пряник, присев на корточки, с чувством говорил Илье:

— Возвращайся, друг! Вместе мы к лесному костру пришли... Возвращайся, боец...

Илья глухо кашлял:

— Не скучай обо мне, Яша! Вернусь я — будем вместе врага бить. А если что... бей его за двоих!

Васек и Саша, разговаривая с Генкой, прошли мимо раненых. Около Ильи Саша вдруг остановился. Лицо партизана показалось ему знакомым. Какая-то давнишняя боль сжала сердце.

Илья тоже напряженно вглядывался в лицо мальчика, потом губы его раздвинулись медленной улыбкой. Он выпростал из-под одеяла руку и, поманив Сашу к себе, хрипло сказал:

— Вот где свиделись... Слышь, хлопчик, хлеб-то твой взял я тогда...

Саша нагнулся к раненому:

— А я все думал о вас, все думал...— Радостное волнение мешало ему говорить, да и слов не находилось. Важно было одно: хлеб он тогда взял! — Я всю жизнь бы думал о вас...— повторял Саша.

Илья ласково и удивленно смотрел на мальчика.

Ребята, готовые к отъезду, стояли маленькой кучкой. К ним подходил Степан Ильич, брал в свои большие ладони их руки, шутил:

— Отвоевались, соколы?

Оксана повязывала ребят платками, совала им в руки байковое одеяло, тихо говорила:

— Если доведется где Сергея Николаевича повидать, скажите ему — отец умер, а сестра жива... помнит его...

Партизаны ждали. Шепотом переговаривались между собой. Прислушивались. Никто не ложился спать в эту ночь.

В тишине раздался гул моторов. Все встрепенулись, задвигались, подняли головы. Костры ярко вспыхнули.

— Летит! Летит!

Из-за облаков вынырнул самолет и, плавно кружась, пошел на посадку. Люди, толпясь, побежали, размахивая шапками. Посадка прошла благополучно. Шумно приветствовали партизаны приезжих. Засыпали их вопросами о фронте, о Красной Армии, о Москве. Партизаны разгружали ценный груз. Николай Михайлович знакомился с новыми товарищами. Через полчаса самолет снова поднялся в воздух. Проплыл над поляной и исчез... С ним улетели девочки и Сева Малютин.

— До свиданья, до свиданья, до свиданья! — махали им вслед ребята.

Генка, закинув голову, долго смотрел на облака, за которыми скрылся самолет, увозивший Севу. Потом порывисто сжал плечи Васька:

— Всех я вас полюбил!..

Площадка медленно пустела.

— Улетели! Теперь ваш черед,— улыбнулся ребятам Степан Ильич.

На рассвете Васек, Саша, Коля Одинцов и Мазин с Русаковым вышли из лагеря. Мальчиков сопровождали Митя и Яков Пряник.

Ночью шел дождь. Лес был мокрый, тяжелый, под ногами лежали осыпавшиеся листья.

Васек оглянулся на лагерь. Там оставались близкие, родные ему люди. Сердце Васька еще не могло оторваться от них. А впереди уже занималась заря, и в ее мягком, теплом свете чудились высокие башни Кремля, маленький городок под Москвой, родной дом и школа...

Васек сорвал с головы тюбетейку:

— Прощай, Украина!

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ

СЛОВАРИК
незнакомых слов ко 2-й книге повести
«Васек Трубачев и его товарищи»

ВТО́РА — второй голос (в хоровом исполнении).

КВИТКИ — цветы (или ветки, украшенные бумажными цветами и лентами, которые ставятся перед молодыми в день свадьбы).

ОТАВЫ — остатки травы на пастбище, оттаявшей по первой весне.

ОЧИПОК — женский головной убор, напоминающий чепец.

РЯДНО — грубый деревенский холст, который идет, как правило, на мешки и на подстилку.

ШКВО́РЕНЬ — железный стержень.

МТС — машинно-тракторная станция.

КОММЕНТАРИИ

«Валентина Александровна Осеева — одна из самых ярких и значительных писателей в той группе новых авторов, которые прочно вошли в нашу детскую литературу за последнее пятилетие». Так оценил в июне 1943 года творчество начинающего автора известный советский писатель Л. А. Кассиль, рекомендуя Валентину Александровну в члены Союза писателей. Вместе с ним рекомендации в писательскую организацию ей дали С. Я. Маршак, С. В. Михалков, В. Б. Шкловский.

Их благословение оказалось пророческим. В. А. Осеева, чей приход в детскую литературу был подготовлен всей ее биографией, заняла достойное место среди наиболее известных и любимых детских писателей нашей страны.

Родилась будущая писательница в г. Киеве в 1902 году. Отец ее Александр Дмитриевич Осеев, работавший в то время инспектором на элеваторе, и мать — Ариадна Леонидовна Осеева — корректор в газете, приобщились к революционной деятельности. Из-за преследования полиции родители В. А. Осеевой с тремя дочерьми вынуждены были часто переезжать из города в город. Свою учебу Валентина Александровна начала в гимназии в Киеве, а закончила в Житомире. По окончании гимназии она поступила на драматический факультет института имени Лысенко. Но закончить его не удалось, так как в 1923 году семья Осеевых переехала из Киева в Москву и Валентина Александровна пошла работать в Трудовой комитет для безнадзорных ребят. С тех пор 16 лет она безотрывно

работала с «трудными» детьми в колониях, детдомах, приемниках. Для своих воспитанников В. А. Осеева часто сочиняла рассказы, пьесы, притчи. В 1937 году в газете «За коммунистическое просвещение» был напечатан первый рассказ писательницы «Гришка». С 1940 года Валентина Александровна окончательно перешла на литературно-творческую работу.

В 1943 году писательница начала работу над повестью «Васек Трубачев и его товарищи», которой посвятила несколько лет напряженного труда. В 1952 году повесть была удостоена Государственной премии СССР.

Живой, непосредственный характер пионерского вожака Васька Трубачева, показанного в окружении друзей, каждый из которых наделен неповторимыми свойствами личности, надолго покорил читательские сердца.

А тип подростка — целеустремленного, деятельного, живущего по высоким законам нравственности, стал излюбленным для последующего творчества писательницы. Подтверждением этому становится вышедшая в 1959 году повесть «Динка», героиня которой — талантливая, озорная, справедливая девочка тотчас же оказалась властительницей дум подростков, особенно девочек.

К писательнице со всех концов страны летят письма-просьбы: продолжить рассказ о судьбе полюбившейся героини. И Валентина Александровна работает над продолжением повести о Динке.

В 1969 году выходит книга «Динка прощается с детством».

Эта повесть была последней в жизни Осеевой.

В том же 1969 году писательницы не стало...

Справедливо говорят, жизнь писателя — это его книги. Мудрым, жизнерадостным книгам В. А. Осеевой суждена долгая, долгая жизнь.

ВАСЕК ТРУБАЧЕВ И ЕГО ТОВАРИЩИ

Первая книга трилогии В. А. Осеевой «Васек Трубачев и его товарищи» вышла в Детгизе (издательство «Детская литература») в 1947 году.

В 1951—1952 годах увидели свет две последующие книги («Васек Трубачев и его товарищи» — кн. II М.—Л., Детгиз, 1951 и «Васек Трубачев и его товарищи» кн. III М.—Л., Детгиз, 1952).

С момента выхода и до наших дней «Васек Трубачев и его товарищи» принадлежит к числу наиболее любимых и читаемых подростками книг. «Читала и как будто своими глазами видела тот мир, в котором совершали подвиги, погибали, проливали кровь за родную страну советские люди, которые не хотят войны...» (Ученица 4 класса Галя Я.,Читинская область.) «Совсем недавно я прочитала книгу «Васек Трубачев и его товарищи». И очень рада, что прочитала эту книгу. Я не любила читать. А теперь у меня есть это желание... И я всегда буду держаться наравне с этой книгой...» (Ученица 6 класса Надя П.,Алтайский край.) «Я благодарна писательнице за то, что она написала книгу о мужественных, настойчивых и правдивых людях. И если мне придется в жизни трудно, если навалится на мои плечи непосильная тяжесть,— я обязательно вспомню Васька Трубачева и его товарищей». (Пятиклассница Лена Т., г. Рязань.)

«...Да, дружба — это главное. Я очень благодарна Валентине Александровне Осеевой за чудесную книгу. Валентина

Александровна стала любимой моей писательницей...» (Ученица 4 класса Инга К., г. Краснодар.)

Неослабевающий интерес читателей к повести В. А. Осеевой послужил для многих издательств стимулом к многократному переизданию ее.

Только в издательстве «Детская литература» трилогия «Васек Трубачев и его товарищи» выпускалась 15 раз многотысячными тиражами, выходила в некоторых областных издательствах РСФСР (Лениздат, 1952; Пермь, 1950), переведена на азербайджанский, алтайский, армянский, башкирский, белорусский, грузинский, казахский, киргизский, коми, латышский, литовский, молдавский, таджикский, татарский, узбекский, уйгурский, украинский, хакасский, чувашский, эстонский, якутский языки народов СССР.

Вместе с Е. Сувориной В. А. Осеева переработала повесть «Васек Трубачев и его товарищи» в инсценировку (в 4-х частях, 7-ми картинах). Инсценировка была напечатана отдельной книгой в Детгизе в 1953 году.

По второй части трилогии был выпущен кинофильм для детей «Отряд Трубачева сражается».

Повесть «Васек Трубачев и его товарищи» была переведена и издавалась в Болгарии, Венгрии, ГДР, Китае, Монголии, Польше, Румынии, Чехословакии, Финляндии, Японии.

З. Короза

СОДЕРЖАНИЕ

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Валентина Александровна Осеева

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ТОМ I

ИБ № 7464

Ответственный редактор
Р. Н. Ефремова

Художественный редактор
М. Д. Суховцева

Технический редактор
Г. Г. Седова

Корректоры
В. А. Иванова
и Е. И. Щербакова

Сдано в набор 20.01.84.
Подписано к печати 05.09.84.
Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бум. тип. № 1.
Шрифт литературный.
Печать высокая.
Усл. печ. л. 32,13. Усл. кр.-отт. 32,63.
Уч.-изд. л. 26,44+1 вкл.=26,49. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 4551. Цена 1 р. 30 к.

Орденов Трудового Красного Знамени
и Дружбы народов
издательство «Детская литература»
Государственного комитета РСФСР
по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
103720, Москва, Центр,
М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
фабрика «Детская книга» № 1
Росглавполиграфпрома
Государственного комитета РСФСР
по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Осеева В. А.

О-72 Собрание сочинений в четырех томах/Предисл. А. Алексина; Коммент. З. Кароза.— М.: Дет. лит., т. I. Васек Трубачев и его товарищи. Книга первая и вторая. Рис. Г. Фитингофа. Оформл. А. Ганнушкина.— 1984.—510 с., ил., 1 л. портр.

В пер.: 1 р. 30 к.

В первый том Собрания сочинений входит повесть «Васек Трубачев и его товарищи». Книга первая и вторая.

О $\frac{4803010102-460}{M101(03)84}$ Подп. изд. Р2

